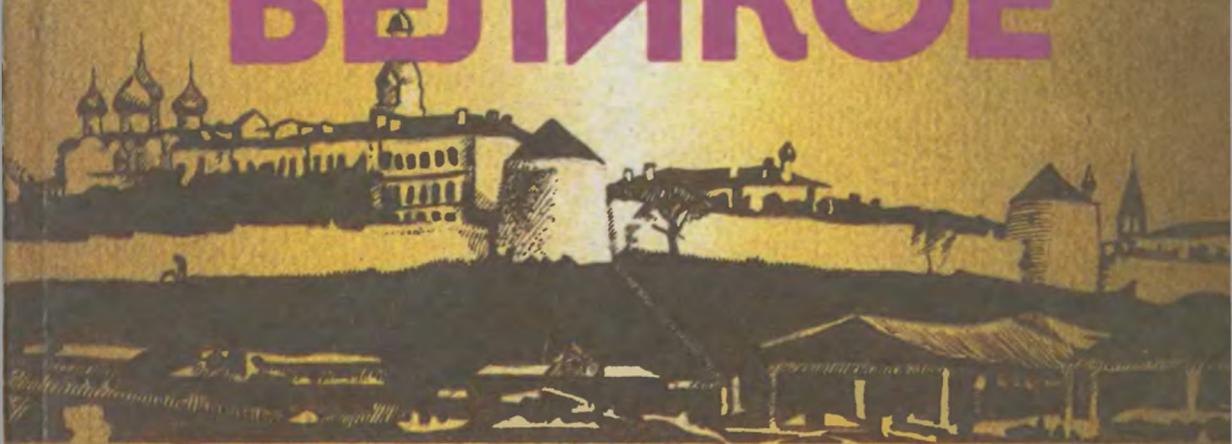

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

ВЕЛИКОЕ

НАЧАЛО

Жорес Трофимов
Великое начало

ЖОРЕС ТРОФИМОВ

ВЕЛИКОЕ

НАЧАЛО

A 25
ВВК 13.50
Т 76

Художник Сергей ГОНЧАРОВ

Т $\frac{0103020000-136}{078(02)-90}$ 003-90

© Трофимов Ж. А., 1990 г.

ISBN 5-235-01029-9

ОТ АВТОРА

Весной 1952 года мне, молодому тогда офицеру-авиатору, удалось осуществить заветную мечту — посетить Поволжье и своими глазами увидеть места, где прошли детские и юношеские годы Владимира Ильича Ленина, началась его революционная деятельность.

С тех пор прошли десятилетия, но в памяти все еще свежи те волнующие чувства, которые испытал я, побывав в Ульяновске на бывшей Стрелецкой улице, где родился Володя Ульянов и прошло его раннее детство, во всемирно известном Доме-музее на бывшей Московской, на могиле его отца Ильи Николаевича, в зданиях бывших мужской и женской гимназий, в бывшей Карамзинской общественной библиотеке, которой пользовались Ульяновы, в театре, где они смотрели спектакли, на Венце, откуда Владимир с родными любовался могучей гладью матушки-Волги, на берегу Свяиги, где они летом купались и рыбачили.

Неизгладимые впечатления оставило знакомство с ленинскими местами Казани — университетом, в стенах которого во время студенческой сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года произошло революционное крещение первокурсника Владимира Ульянова, деревянным домиком на бывшей Ново-Комиссариатской улице, где в ночь на 5 декабря он был арестован, Домом-музеем на бывшей Первой горе, в кухоньке которого Владимир Ильич после кокушкинской ссылки штудировал первый том Марксова «Капитала». Тетрадь за тетрадью заполнял я выписками из документов и материалов после посещения Куйбышева — ленинского музея на углу бывших Почтовой и Сокольничьей улиц, областной библиотеки, краеведческого музея. Мысленно пытался представить я «самарские университеты» Владимира Ильича: его подготовку и сдачу экстерном экзаменов за юридический факультет Петербургского университета, его адвокатскую практику, творческое овладение теорией научного социализма, руководство марксистским кружком.

Симбирск, Казань, Самара — три поволжских города, самой судьбой тесно связанные друг с другом. Годы жизни Владимира Ильича в каждом из них — особые периоды в становлении его личности, формировании гражданских идеалов и революционного мировоззрения.

Вот уже более тридцати лет я занимаюсь поволжскими страницами биографии Владимира Ильича. И если жизнь Ленина — вождя революции, руководителя Советского государства — мы можем проследить по дням, а то и по часам, то о молодом Ульянове известно совсем не так много. Конечно, нам хочется знать *все* об Ильиче, о его жизни — с самых ее истоков, о круге его интересов, о том, что его окружало, что он читал. Какой была Симбирская классическая гимназия в годы учения там Александра и Владимира Ульяновых? Кто преподавал в ней, с кем из соучеников общался Володя? Почему и как, несмотря на то, что в гимназии «ум учащихя обременялся массой знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных», он творчески овладел программой школьного курса, обогатив свою память знанием значительной части «тех богатств,

которые выработало человечество»? Какими были Симбирск, Казань, Самара времени юности Владимира? Что представляло собой местное народническое подполье (а оно, несомненно, было)? Проникали ли сюда и в какой степени идеи марксизма?

Эти и многие другие вопросы встают перед нами. Ведь без ответа на них нельзя дать обстоятельный и убедительный ответ на главный вопрос: как случилось, что все дети директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника (штатского генерала) И. Н. Ульянова уже в конце школьного обучения пришли к выводу о необходимости замены существовавшего в России социально-экономического строя и были готовы пожертвовать личным благополучием ради освобождения своего народа от ига самодержавного деспотизма и торжества идеалов свободы, равенства и братства?

Семья Ульяновых жила более или менее обеспеченно, не испытывала на себе ни капиталистической эксплуатации, ни национального или социального гнета. Владимир, его братья и сестры вполне могли сделать себе карьеру — в том смысле, как это понимало большинство образованных людей того времени. У них была возможность получить среднее, а затем и высшее образование, занять относительно привилегированное положение в обществе и, честно работая, жить в материальном достатке. Словом, у них не имелось личных мотивов для вступления на революционный путь борьбы. Почему же это произошло?

Мы знаем основные истоки формирования революционных взглядов В. И. Ленина. Это и особая, демократическая обстановка в семье, и литературные интересы, и влияние старшего брата. Но каждый из этих истоков надо наполнить конкретным содержанием. Такова задача любого исследователя этого периода жизни Владимира Ульянова. Сам Владимир Ильич не любил рассказывать о себе. В единственной и притом оставшейся незаконченной автобиографии он написал лишь следующие строки о первых семнадцати годах своей жизни: «Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года. Весной 1887 г. мой старший брат, Александр, казнен Александром III за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь. В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани».

Нам, конечно, хотелось бы знать больше.

Важнейшими источниками для исследователя, безусловно, являются свидетельства членов семьи Ульяновых. К сожалению, в опубликованных воспоминаниях о школьных годах Владимира рассказывается не многое. Мариэтта Шагинян отмечала в связи с этим: «Старшая сестра Ильича, главный биограф его детства, рассказала о маленьком Володе очень подробно, а гимназиста Володю она в своих воспоминаниях почти не дала: потому что в решающие годы его развития она, учительницей, а потом курсисткой, жила большею частью вне дома и внимание ее в эти годы было направлено скорее на старшего брата, нежели на среднего».

Что до самых младших членов семьи, то они начали помнить и понимать старшего брата, когда основной юношеский перелом в нем уже совершился, и рассказы их относятся, главным образом, к периоду казанского студенчества, первой ссылке и юридической практике Ильича в Самаре. Та, кто могла бы полнее и ярче всех знать о нем, близкая ему по возрасту сестра Ольга, умерла молодой девушкой».

Относительно этих рассказов следует иметь в виду еще одно важное обстоятельство. Как поясняла Анна Ильинична, она не сделала более подробных записей об Александре Ильиче, потому что до Октябрьской революции «нельзя было записывать искренне свои воспоминания о брате, ибо противно было подумать, что в них станут копаться люди купленные, сыщики всех рангов...». А последующие годы, насыщенные массой впечатлений, с сожалением констатировала она, многое унесли из памяти.

Тем не менее воспоминания, статьи, очерки Ульяновых и Н. К. Крупской являются самыми драгоценными источниками наших знаний о молодом Ленине. Есть еще воспоминания современников, более или менее тесно общавшихся

с Владимиром Ильичем, документы. Много и сегодня можно отыскать в архивах, музеях, библиотеках...

Первая моя книга о симбирском периоде — «Гимназист Владимир Ульянов» — вышла в 1976 году в Саратове. В 1979 году издательство «Молодая гвардия» выпустило новое, переработанное издание этой книги под названием «Великое начало». Эта книга и стала первой частью трилогии о детстве, юности и начале революционной деятельности Владимира Ильича («Великое начало», «Казанская сходка», «Самарские университеты»). Трилогия строго документальна: в ней нет ни одного вымышленного лица, придуманного монолога или диалога, адреса или события. В тех же случаях, когда недостает документов или материалов для исчерпывающего освещения тех или иных событий или проблем, автор оговаривает повествование словами: «возможно», «не исключено», «наверное».

Книга охватывает первые 23 с лишним года жизни Владимира Ильича. Прослеживая вместе с автором этот сложный путь, читатель встретится и со светлыми страницами счастливого детства Володи Ульянова, и с подробностями нелегкой учебы в классической гимназии, и с трагическими событиями — преждевременной кончиной отца, героической гибелью старшего брата, ранней смертью любимой сестры. Хочу надеяться, что, идя от страницы к странице, читатель прочувствует и сложный процесс формирования личности молодого Ленина — человека, прошедшего через исключение из университета, через арест и ссылку, проделавшего колоссальную работу по самообразованию — как по высшей юридической подготовке, так и по подготовке себя как профессионального революционера-марксиста, — и все это под постоянным надзором полиции и жандармерии.

Сегодня, когда фигура Ленина снова приковала к себе пристальное внимание с самых разных сторон, когда в ходу оказались самые разные суждения и оценки, рассказ о поволжском периоде — периоде юности Владимира Ульянова, — на мой взгляд, особо необходим. Живой, непридуманный образ Владимира Ильича, с его целеустремленностью и трудолюбием, тягой к знанию и готовностью к самоотверженной борьбе во имя торжества правды и справедливости, — и поныне превосходный пример для нас. И я обращаюсь в первую очередь к вам, молодые читатели. Для вас, стоящих перед выбором своего пути в этом сложном, противоречивом мире, и написана эта книга.

ПЛАНЪ
Г. СИМБИРСКА.

Асигтабъ

Свияга

Армад. пл.
Баз. пл.

Покр.
Мон.

По
пл.

А

Вонзаль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Симбирск

ПЕРВЫЙ СИМБИРЯНИН СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ

В один из последних сентябрьских дней 1869 года на Стрелецкой улице Симбирска, протянувшейся вдоль высокого коренного берега Волги, во флигель вдовы дьякона Прибыловской, стоявший во дворе ее домовладения, заселялись новые жильцы — семья коллежского советника Ульянова, приехавшего на жительство из Нижнего Новгорода.

Отцу семейства, Илье Николаевичу, исполнилось 38 лет. Это был небольшого роста, худощавый человек с живыми добрыми карими глазами, высоким лбом, прямыми гладкими волосами и бакенбардами. Жена его, Мария Александровна, — стройная красивая женщина 34 лет, под стать ему невысокая, скромная и приветливая. Однако даже хлопоты по устройству на новом месте не могли рассеять след глубокой печали в ее темных глазах. Совсем недавно, в июле, Ульяновых постигло большое горе — они схоронили свою младшую дочь, годовалую Оленьку. И только большая любовь к старшим детям и постоянная забота о них в какой-то мере облегчали тяжелые переживания родителей. Ребят у новоселов осталось двое: хрупкая пятилетняя девочка Аня и не по годам серьезный Саша, трехлетний мальчик с большими, по-взрослому задумчивыми глазами.

Наверняка многим обывателям показалось бы странным, если бы им сказали, что семья, снимавшая частное жилье, оставила в Нижнем Новгороде четырехкомнатную казенную квартиру, заведомо зная, что в Симбирске, по новой должности главы семейства, таковой не полагается. Видно, у новых жильцов была серьезная причина для переселения, коль они пожертвовали житейскими удобствами. Да, причина была, но заключалась она отнюдь не в личной выгоде. Ульяновыми руководили идейные мотивы. Чтобы не показалось это читателю громкой фразой, следует познакомиться с этими людьми поближе.

Илья Николаевич был сыном бывшего крепостного, с великим трудом ставшего астраханским мещанином. «Отлучившись» из своего родного села Андросова Сергачской округи Нижегородской губернии в низовья Волги на оброк, он не вернулся к помещику и начал зарабатывать на жизнь портновским ремеслом. Илья рано лишился отца и только при поддержке старшего брата и благодаря своим незаурядным способностям и редкостному трудолюбию окончил Астраханскую гимназию, первым удостоившись за всю историю ее существования серебряной медали, а затем и физико-математический факультет Казанского университета с дипломом кандидата математических наук.

Сызмальства живя в бедности, среди людей, которые в поте лица трудились за медные гроши, не имея элементарных гражданских прав, он на себе испытал гнет социальной несправедливости. Достаточно сказать, что, окончив гимназию первым учеником, он получил вместе с медалью не аттестат зрелости, а лишь свидетельство, в котором подчеркивалось, что «Ульянову, происходящему из податного состояния, не предоставляется тем никаких прав для поступления в гражданскую службу»; успешнее многих сдав вступительные экзамены в университет, он еще полгода значился в числе принятых условно, пока староста астраханского мещанского общества не прислал в университет установленное законом для выходцев из «низших» сословий «увольнительное свидетельство». И, несмотря на двукратные ходатайства директора гимназии перед попечителем Казанского учебного округа о принятии в университет «совершенно бедного», но «даровитого мальчика» на «казенный кошт», для зачисления на стипендию не нашли «достаточного основания», ибо он был из «податного» мещанского сословия, а стипендии полагались лишь детям дворян и чиновников. Учиться в университете Илье Николаевичу пришлось в крайней нужде, при скромной помощи брата, в основном перебиваясь уроками. А его происхождение, как клеймо, будет доветь над ним и в дальнейшем: хотя после окончания университета он и будет исключен из мещанского сословия, тем не менее в дипломе кандидата наук будет отмечено, что он происходит «из мещан».

Ульянов оказался талантливым педагогом и с успехом преподавал свои любимые предметы — физику и математику — в средних учебных заведениях — восемь лет в Пензенском дворянском институте, а затем шесть лет в Нижегородской гимназии, где приходилось обучать в основном детей дворян. Работать же на благо детей низших сословий, откуда он выбился сам, ему доводилось лишь в бесплатной воскресной школе для детей ремесленников.

Однако, глубоко сочувствуя трудовому народу, Илье Николаевич принадлежал к той передовой, демократически настроенной части интеллигенции, которая считала себя нравственно обязанной бороться за прогресс общества, и в первую очередь путем просвещения крестьянства, хотя уже формально и освобожденного от крепостной зависимости, но по-прежнему угнетенного, забитого и неграмотного. «Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», который нужно было просветить и вывести из темноты и бесправия, широко охватившее мыслящее общество России в эту эпоху», и руководило Ильей Николаевичем Ульяновым, когда он приехал в Симбирск на только что введенную должность инспектора народных училищ губернии. Ему хотелось «поля работы пошире и хотелось применить ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов». Так объяснит впоследствии старшая дочь Ульяновых мотивы действий своего отца.

Жена Ильи Николаевича была его преданным другом и единомышленником. Детство и юность Марии Александровны не были легкими. С трехлетнего возраста она вместе с братом и четырьмя сестрами осталась без матери и воспитывалась отцом и тетюшкой. Ее отец, Александр Дмитриевич Бланк, выходец из мещанского сословия, преодолевший немалые трудности на пути к получению высшего образования в петер-

бургской Императорской медико-хирургической академии, был человеком незаурядным: самобытным, творчески работающим врачом, трудолюбивым, широко эрудированным и любознательным. Это был честный, принципиальный и сильный духом человек, которому были чужды карьеризм и прислужничество. Во многом из-за этого он был вынужден часто менять места службы и, рано выйдя в отставку, купил небольшое имение близ глухой деревни Кокушкино Казанской губернии, организовав у себя небольшую водолечебницу.

С 12 лет живя в захолустье, где не было даже начальной школы, Мария Александровна училась под руководством отца и тетушки и благодаря своим способностям и упорному труду стала образованной девушкой: знала математику, историю, была хорошо знакома с отечественной и западноевропейской литературой, овладела немецким, французским и английским языками, великолепно играла на фортепиано и пела. Воспитанная отцом, что называется, по-спартански, Мария росла закаленной, крепкой и здоровой; была приучена к самому разнообразному труду, умела искусно шить, вязать, занималась садоводством и огородничеством, оказывала первую медицинскую помощь крестьянам, которых бесплатно лечил ее отец. Обладая многими замечательными качествами, Мария Александровна была «дочкой своего отца» — такой вывод сделает через много лет ее младший сын, Дмитрий.

В конце 1861 года Мария Александровна приехала в гости к сестре в Пензу, где и познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым. Затем была сдача экстерном экзаменов при Самарской гимназии на звание учительницы с правом первоначального обучения детей арифметике, русскому, французскому и немецкому языкам, в 1863 году — счастливое бракосочетание Ульяновых и шесть лет семейной жизни в Нижнем Новгороде.

Воспитанная в лучших демократических традициях, Мария Александровна с пониманием относилась к стремлению мужа посвятить себя благородному и крайне нужному делу просвещения народа. Прекрасно сознавая, что ждет ее на частных квартирах с детьми, предвидя трудности, которые выпадут на долю Ильи Николаевича в тяжелых поездках по бездорожью громадной, как европейское государство, губернии, и вынужденные в связи с этим долгие недели своего предстоящего одиночества, Мария Александровна согласилась оставить обжитое место, друзей и переехать в более провинциальный город, на частную квартиру. Так и стали Ульяновы симбирянами.

Конечно, по сравнению с шумным Нижним Новгородом, насчитывавшим более 44 тысяч человек, Симбирск, со своим населением около 27 тысяч, был городом несколько меньших масштабов. Это был типичный губернский центр. Город имел ряд «фабрик и заводов» — в основном кустарные производства: сальновсечное, восковсечное, картофеле-паточное, канатное, пиво- и медоваренное, винокуренное, водочное, солодовенное, кирпичное, горшечное, механическое. Самый значительный завод — чугунолитейное предприятие Андреева — насчитывал чуть более семи десятков рабочих. Но наиболее процветающими оказались четыре водочных предприятия.

Находясь на перекрестке волжского пути и тракта, связывавшего Центральную Россию с Заволжьем и Средней Азией, Симбирск издавна был важным торговым центром, но железнодорожного сообщения

пока не имел. Впрочем, из всех волжских городов только в Нижнем Новгороде и проходила железная дорога. Телеграфная связь позволяла симбирянам быть в курсе событий российской и международной жизни. По-настоящему город оживал в период навигации.

Живописно раскинувшийся на высоком правом берегу Волги, Симбирск спускался на запад к Свяиге — ее притоку, текущему параллельно главной реке, только в противоположном направлении — с юга на север, и впадающему в нее выше Казани. Девять десятых построек в городе были деревянными. Каменными были лишь казенные учреждения, земство, городская управа, средние учебные заведения, более двух десятков церквей и мощные монастырские стены. Да на главной улице, Большой Саратовской (ныне Гончарова), что тянулась в междуречье Волги и Свяиги, и пересекающих ее улицах Дворцовой (ныне К. Маркса), Московской (ныне Ленина) и Покровской (ныне Л. Толстого) стояли каменные дома преуспевающих купцов и дворян. Такой же характер носила застройка и в других губернских городах Поволжья. Однако центральная часть Симбирска выгодно отличалась широкими улицами и зданиями оригинальной архитектуры — после опустошительного пожара 1864 года город отстраивался строго по генеральному плану. Радовало глаз и обилие садов.

Торговая часть города, с ярмарочными рядами, постоянными дворами, трактирами, лавками и мастерскими, начиная с корпусов Гостиного двора на Большой Саратовской, занимала в основном западный район, главным образом за глубоким оврагом, по дну которого протекал небольшой приток Свяиги — речушка Симбирка.

Мещанскую, бедную и неблагоустроенную часть города составляли окраины: на севере — так называемые «кирпичные сараи», многие обитатели которых ютились в землянках, на юго-западе — Конная слобода и набережная Свяиги, на юге — слобода Туть, на востоке — спускавшееся к Волге Подгорье. А уже за Волгой — слободы Часовня, Канава и Королевка. Многие из живших здесь горожан занимались садоводством, огородничеством и даже хлебопашеством.

Стрелецкая улица, проходившая вдоль высокого волжского берега, начиналась от Нового Венца — центральной части нагорной набережной, места прогулок «чистой публики», там, где на краю Карамзинского сада стояла Никольская церковь, соседствующая с домом губернатора, и тянулась до Завьяловской площади, к Старому Венцу, считавшемуся окраиной. Стрелецкая к центру уже не относилась. В отличие от дворянской части Симбирска она была немощеной. Благоустройство ее составляли лишь деревянные тротуары и восемь фонарей с десятилинейными керосиновыми лампами. Улица еще не оправилась от пожара 1864 года: здесь было восстановлено только семь домовладений. Когда-то, в далекую старину, ее населяли стрельцы, теперь здесь проживал разночинный народ: унтер-офицер П. А. Жарков, мещанин В. Е. Кулаков, мелкие чиновники К. Н. Виноградов, Д. Ф. Страхов, Ф. В. Каврайский, священник П. Ф. Эпиктетов. В домовладениях, кроме хозяйских семей, жили и квартиранты. Например, учитель-француз П. А. Дю-Трессель снимал квартиру в основном доме Прибыловской, что выходил фасадом на улицу, акушерка А. Д. Ильина — у Д. Ф. Жарковой, являвшейся владелицей дома, у В. Е. Кулакова постоянно ютился кто-то из учеников его иконостасной мастерской.

ке безвыездно: проводил занятия на педагогических курсах, налаживал делопроизводство, знакомился с теми общественными деятелями, на которых мог рассчитывать в своей работе. Только в январе он отправился с первым осмотром начальных школ губернии.

Илья Николаевич объездил десятки школ. Даже по официальным данным, начальных училищ в губернии значилось немного — всего 460 (из них 430 — на селе), то есть одно училище приходилось на 3—4 населенных пункта. На деле же картина оказалась, как он и предполагал, совсем безотрадной: из 460 училищ лишь 89 были «более или менее хорошо организованы, все же прочие или числились только на бумаге, или если существовали, то в самом жалком виде». Выяснив действительное положение дел с обучением крестьянских детей, Илья Николаевич с головой ушел в работу.

Миновало полгода жизни Ульяновых в Симбирске. Хлопот у Ильи Николаевича по-прежнему было много. Сегодняшний же день был особым.

Завтра, в субботу 11 апреля 1870 года, в «Симбирских губернских ведомостях» начнут публиковать его первый инспекторский отчет «О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год». Кроме обычных школьных и общественных дел, ему необходимо было сходить в типографию, чтобы вычитать набранный текст. Но все это Илья Николаевич делал как бы между прочим. Главным было то, что ждало его дома.

Погода стояла по-весеннему неустойчивая. Неделию назад шел сильный снег, вчера днем было 11 градусов по Цельсию, а вот сегодня, 10 апреля, — только 6. К вечеру совсем похолодает — началась ломка льда на Волге. Река шумно просыпалась, возвращаясь от долгой зимней спячки к бурной жизни. А в это время во флигеле, стоящем на ее высоком берегу, начиналась жизнь нового человека. У Ульяновых произошло счастливое событие — родился мальчик, первый симбирянин в их семье.

Крестили сына 16 апреля в Никольской церкви, что стояла в самом начале Стрелецкой улицы. Крестным отцом и матерью стали А. Ф. Белокрысенко и Н. И. Ауновская. Мальчика назвали Владимиром. Имя дали не в соответствии со святыми, как, например, Анне и Александру, а в честь близких друзей Ильи Николаевича — Ауновского, сына крестной матери новорожденного, и Захарова, тоже знакомого по Пензе и Нижнему Новгороду, теперь — политического поднадзорного села Каменки Курмышского уезда Симбирской губернии.

Вместе с радостями у Ульяновых прибавилось и хлопот. В дом взяли няню — Варвару Григорьевну Сарбатову, бывшую крепостную, вдову-солдатку из Пензенской губернии. Ее рекомендовала тетушка Володи Анна Александровна Веретенникова, у которой нянчила детей сестра Варвары Григорьевны. Это была 52-летняя женщина, с небольшими черными глазами на скуластом лице, с выглядывавшими из-под чепца черными с проседью волосами и довольно объемистой фигурой. Она быстро прижилась в семье, принимая все хозяйственные хлопоты как собственные. Внимательно и заботливо ухаживая за ребятами, она быстро привязалась к ним, особенно к малышу.

Наступили теплые майские дни. Володя был еще очень маленьким, но здоровым ребенком, и родители решили вывезти детей к деду в Кокушкино, на деревенское приволье. Путешествие Володи на пароходе от Симбирска до Казани было в его жизни первым и совсем неосознанным, однако дыхание свежего волжского ветра уже делало его настоящим волжанином. В Кокушкине Мария Александровна с гордостью показала деду внука. Это очень порадовало Александра Дмитриевича. В первый и, увы, последний раз он видел Володю. В июне деда не стало. Второе лето подряд в Кокушкине настигает Ульяновых горе.

В августе семья возвратилась в Симбирск. В квартире стало тесновато. К тому же Илья Николаевич не имел служебного кабинета и, когда не бывал в разъездах, работа шла на дому, куда приходили самые разные посетители по школьным делам. Осенью, когда Володе было полгода, представился случай переехать в более просторную квартиру, откуда выехал учитель-француз Дю-Трессель — на второй этаж хозяйского двухэтажного каменного дома Прибыловской, выходявшего фасадом на Стрелецкую улицу. Новая квартира всем понравилась: из ее окон открывался живописный вид на Волгу.

Когда Володе исполнилось полтора года, 4 ноября 1871 года у него появилась еще одна сестренка — Оля. Детей в семье стало четверо. Двор же у Прибыловской был тесен и так застроен хозяйственными постройками, что ребятам негде было порезвиться. Поэтому Ульяновы вскоре после рождения Оли, прожив в доме Прибыловской лишь год, вновь сменили жилье.

Третья квартира была рядом, через один двор, на втором этаже деревянного дома унтер-офицерши Д. Ф. Жарковой. Дом стоял последним на Стрелецкой улице, у самой Завьяловской площади. Забегая вперед, скажем, что в нем семья проживет четыре года.

И в этой квартире традиционную арку между столовой и гостиной, которую в богатых домах завешивали дорогими портьерами, мать обвила плющом. Кабинет Ильи Николаевича только назывался так. На самом деле эта маленькая комнатка служила отцу и спальней, а за его письменным столом занимался и Саша. Обстановка в доме была, как всегда, скромная: диван с матерчатой обивкой, простые железные кровати, на полу тканые дорожки.

В этом доме и прошло раннее детство Володи. Это был резвый крепыш с веселыми карими глазами, милыми веснушками и золотистыми кудряшками над очень высоким лбом. Чрезвычайно активный, всем вокруг интересующийся, он то пытался узнать, как устроена игрушка, то пробовал на изгиб линейку о свое колено, что нередко имело для испытуемых предметов печальный конец. Мать, очень любившая детей, благодаря незаурядным педагогическим способностям находила особый подход к каждому из них. А они очень различались — и здоровьем, и темпераментом, и наклонностями. Умело направляла она и неумную энергию младшего сынишки в нужное русло.

Несмотря на непоседливость и шалости, очень любила своего первого питомца няня. В неопубликованных воспоминаниях старшая сестра Владимира Ильича пишет, что, при всей своей «добродушной воркотне на малышей», няня наделяла их самыми удивительными словами, «отсбятинными», но оттого не менее нежными ласковыми именами; много хлопотала по хозяйству, даже в церковь обычно не отлучалась, а если

и выходила из дома, то только на прогулку с детьми. Ходила Варвара Григорьевна либо в темных платьях в крупную белую клетку или с горошинами, либо в широких свободных кофтах и необъятных сборчатых юбках, с неизменным серебряным дедушкиным стаканчиком в кармане — на случай, если потребуется напоить ребенка. Хотя Варвара Григорьевна и сказок-то не рассказывала, но была такой по-родному заботливой, что Володя навсегда полюбил ее. Будучи, по словам Анны Ильиничны, «некультурной, типичной крестьянкой», она порой не могла понять взглядов матери на воспитание детей, но «просто подчинялась им, да и привязалась к матери. К тому же мать была почти всегда тут, с нами, ее зоркий глаз досматривал за всем, да и дети относились к ней с таким доверием и искренностью, что я прямо не представляю себе, как могло бы вклиниться тут другое влияние...».

Подрастала и Володина сестренка Оля. Смуглая, маленькая, но крепкая и живая, она была на полтора года младше его, но всюду следовала за ним. Эта неразлучная пара так и запечатлена на единственной их детской фотографии дошкольной поры. В отличие от старших детей — впечатлительной, слабой здоровьем Ани и серьезного, спокойного, немногословного Саши, — Володя и Оля были необыкновенно подвижными и очень любили веселье и беготню. Большие выдумщики, любознательные и находчивые, очень дружившие между собой, они всегда находили общие интересы. Володя обычно был коноводом, вовлекал Олю в шумные игры, а то загонял ее под диван и командовал: «Шагом марш из-под дивана!», и в доме постоянно звучал их заразительный смех. Недаром отец, наблюдая забавы детей, как-то шутливо сказал матери, мол, зачем им в театр ходить, когда дома свой есть.

Общие игры обычно организовывал старший брат Володи Саша. Разница между ними была в четыре года. Умный, рассудительный, ласковый, внимательный Саша с детства был кристально честным, принципиальным и справедливым и благодаря сплаву всех этих качеств был признанным авторитетом среди братьев и сестер. Однако для Володи он являл собой предмет совершенно особой любви и постоянный пример для подражания. «И о чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: «Как Саша», — писала впоследствии старшая сестра. — Помню, как мы трунили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение — ничто не помогало. И если с годами подражание брату утратило такой смешной характер, то во всем основном по мере сил Володя, как все мы, старался «равняться по Саше».

Мать исподволь руководила играми, которые затевали дети. Она поощряла их инициативу и фантазию, не ограничивая, в разумных пределах, их свободы, способствовала играм, дающим умственное развитие, физическую закалку, укрепляющим дружбу ребят. Часто участвовала в играх и сама. Вкладывая в детей всю свою душу, она в то же время не допускала баловства и потакания капризам. Всегда ровная, приветливая, веселая, она никогда не повышала голоса в разговоре с детьми и редко их наказывала. Случалось, правда, когда не в меру расшалившегося Володю она отводила в кабинет отца и усаживала в кресло, чтобы он, посидев там один, успокоился. И помогало. Однажды, вспоминала Анна Ильинична, уставший от беготни Володя, угодив в «черное кресло», так успокоился, что, сидя в нем, и заснул. Но обычно хватало одного замечания матери, чтобы ребенок послушался. Само ее недовольство уже являлось

наказанием — так велики были авторитет матери и любовь к ней детей. Мать читала ребятам книжки, рассказывала сказки, разучивала с ними стихи и песенки, учила их игре на рояле, иностранным языкам, водила на прогулки на Новый Венец и в Карамзинский садик.

В садике внимание детей привлекал великолепный памятник Карамзину, с изящной бронзовой фигурой музы истории на постаменте из красного полированного гранита, с бюстом Карамзина и горельефами, изображающими сцены из жизни великого историка-земляка. Смысл этого монумента историографу государства Российского Володя постигнет гораздо позже, а пока он только мог восхищаться им да играть на аллеях сада, обсаженных кустами сирени и акации.

Однако в Карамзинском садике полагалось вести себя чинно, поэтому ребятам больше нравилось играть или во дворе, или на улице, с ее дощатыми тротуарами и зеленой травкой, пестрящей весной одуванчиками. Особенно любили они бегать к косогору, где интересно было смотреть на Волгу и копаться в «песке», извлекая из земли какие-нибудь стеклышки, камешки и другие «драгоценности». За Завьяловской площадью стояла большая тюрьма. Это постоянно тяготило родителей, ибо не лучшим образом влияло на настроение ребят, часто вынужденных наблюдать шествия заключенных, слышать лязг цепей и грубые окрики охранников. Но приходилось, скрепя сердце, до поры до времени как-то мириться с этим угнетающим соседством, так как найти хорошую во всех отношениях квартиру для большой семьи в Симбирске после печально знаменитого пожара было совсем непросто.

С другой стороны, жизнь на Стрелецкой, пусть и не центральной, пусть и немощеной, но раскинувшейся на высоком берегу великой реки, имела для детей свои несравненные прелести. Отсюда, с высоты, были видны широкие волжские просторы, с пароходами, баржами и рыбацкими лодками, живописные зеленые острова и необозримые заволжские дали. А по косогору к Волге сбегали фруктовые сады, утопавшие в благоухающем великолепии весеннего цветения, а потом — усыпанные яблоками и вишнями, откуда всегда доносились неумолкающие птичьи голоса...

Володя, родившийся на Стрелецкой, не представлял себя без этой величественной красоты. Это волшебное зрелище, обладавшее неизъяснимой притягательной силой, навсегда было схвачено цепкой детской памятью и стало неотъемлемой частью самого его существования, его изначальным ощущением родины, любовью на всю жизнь.

Постепенно и ненавязчиво родители помогали детям усваивать, что делу — время, потехе — час, приучая их с самого раннего возраста к самообслуживанию, посильному физическому труду, а лет с пяти и к учению.

В этой семье, по своей сути до мозга костей учительской, воспитание и обучение детей всегда было во главе угла. Не случайно отец, человек широкой эрудиции, талантливый педагог и великолепный методист, 14-летняя работа которого в дворянском институте и гимназии получала в свое время очень высокие оценки, теперь с жаром отдавался трудному и нужному делу организации и подъема начального обучения в губернии: строил сельские училища, подтягивал учебные программы к

уровню передовых достижений педагогической науки, создал учительскую семинарию, явившуюся кузницей учителей нового типа, вооруженных основами новейших научных знаний и владеющих прогрессивными методами преподавания. Их потом так и будут называть «ульяновцами». Поэтому дом Ульяновых, без преувеличения, можно было назвать центром педагогической мысли Симбирска. Сюда часто приходили и приезжали из сел учителя, здесь постоянно с увлечением обсуждались многочисленные школьные проблемы. Понятно, с какой любовью и вниманием относился Илья Николаевич к организации обучения детей в своей собственной семье. В полном согласии со взглядами К. Д. Ушинского, который считал, что первой учительницей своих детей по возможности должна быть их мать, поступали и Ульяновы. Хотя Марии Александровне и не довелось работать в школе, она была готова к этой роли и фактически стала учительницей для всех своих детей. И дело тут не только в знаниях и «Свидетельстве», дававшем ей право учить: по меткому определению старшей дочери, она, как и Илья Николаевич, была «педагогом в душе». Первой ученицей ее была Аня, а Саша сам присоединился к сестре. Обучив грамоте старших, мать передала дальнейшую их подготовку к гимназиям народному учителю В. А. Калашникову, приходившему, по приглашению Ильи Николаевича, к ним в дом.

Богат событиями для семьи был 1874 год. С одной стороны — важные служебные изменения у отца. Если в течение пяти лет он в качестве инспектора один руководил народным образованием, то теперь он стал именоваться директором народных училищ Симбирской губернии, получив в помощь нескольких инспекторов. С другой стороны — радостная новость в семье: 4 августа родился брат Володи Митя. А старший, Саша, в это время становится учеником приготовительного класса гимназии.

В следующем году пришло время овладеть грамотой пятилетнему Володе. Как и старших, мать обучала его, играя, используя при этом новейший «звуковой метод», усовершенствованный Ильей Николаевичем еще в Пензе, когда он бесплатно обучал детей ремесленников в воскресной школе, — без заучивания «аз, буки, веда, глаголь» и других стародавних названий букв алфавита, а также многочисленных «складов». Словом, почти так, как учатся читать теперь. Изложение этого метода, как заслуживающего внимания общественности, было опубликовано в 1865 году в «Циркуляре по Казанскому учебному округу».

Сформулирован он был так: «Несколько детям, положим, 5, дается азбука из вырезанных из картона букв, и называется букв пять. Затем ученики сами спрашивают друг друга, какая это буква, и достигают, при соревновании друг с другом, полного знакомства с этими буквами. После этого им прибавляется еще пять букв и т. д. до конца всей азбуки». Очень способный к учению, Володя быстро постиг тайну волшебных букв и сам стал составлять простейшие слова.

К осени 1875 года семья вновь переехала — на этот раз в другой район города: родители сняли квартиру на Московской улице, в деревянном одноэтажном доме коллежского асессора Костеркина (ныне — Ленина, 92). Московская, идущая в перпендикулярном направлении к Волге, спускалась от высокой, центральной части города на запад, к тихой Свяге с низменными зелеными берегами, а за речкой переходила в Московский тракт, почему и получила свое название. Дом находился в сред-

ней части улицы; если встать лицом к Свяиге, то на левой ее стороне. Московская улица считалась одной из благоустроенных в Симбирске: проезжая часть была выложена щебнем из бутового камня, по краям ее были устроены деревянные лотки для стока воды, вдоль домов тянулись деревянные тротуары. Улица освещалась керосиновыми фонарями, укрепленными на деревянных столбах. Деревьев же не было — городская управа посадку их запрещала в целях противопожарной безопасности. Каменных зданий было немного, больше — деревянных, усадебного типа, с огородами и садами, отгороженными от улицы деревянными заборами. Несколько усадеб принадлежали известным в городе богатым купцам и священнослужителям. Основное население улицы составляли чиновники и мещане, здесь же обитала и часть интеллигенции города. Наряду с различными мастерскими, торговыми и питейными заведениями на Московской было и несколько примечательных зданий. При ее пересечении с главной улицей, Большой Саратовской, стоял двухэтажный каменный дом, в котором родился писатель И. А. Гончаров, а теперь бойко торговал книгами, канцелярскими принадлежностями, часами, швейными машинами и иными товарами магазин Юргенса; ниже его, наискосок, напротив — большой Вознесенский собор, с городскими часами на колокольне, установленными в год рождения Володи; а дальше от центра, не доходя дома Костеркина, в котором поселились Ульяновы, в конце предыдущего квартала, возвышалась евангелическо-лютеранская церковь (кирка) из красного кирпича; ниже их дома, на противоположной стороне — полицейская и пожарная части, Богоявленская церковь.

У Костеркина одновременно сняли квартиру и Назарьевы. Старшая сестра Володи вспоминала: здание представляло собой «помещичий дом, с обширными высокими залой и гостиной, с тесными и неудобными домашними комнатами, отчасти уютившимися в антресолях, с холодной кухней в подвале и длинным коридором, помещение, приспособленное для помещичьих приемов, а не для жизни такой семьи, как наша... что касается Володи, помню... он и Саша помещались в комнате мамы, и оба боялись засыпать без света...». Аня же спала и занималась в комнатке на антресолях, «лазала одна на этот чердак по узенькой темной лестнице, сидела там за уроками и, к удивлению подруг, не боялась...». Что ж, она была самая старшая и уже довольно самостоятельная — после переезда в дом Костеркина она поступила в пятый класс женской Мариинской гимназии, минуя седьмой и шестой*.

Устроившись на новом месте, мать продолжила занятия с Володей. Рядом с братом постепенно овладевала грамотой и Оля. Хотя ей не было и четырех лет и родители считали, что ее черед учиться еще не наступил, она, будучи очень дружной с братом и очень смысленной, ни за что не желала от него отставать и с помощью Ани и Саши тоже научилась читать.

Теперь, когда, кроме старшей пары, появилось еще двое «грамотных», ребятам стало очень удобно и интересно играть «в школу». Появление именно такой игры в семье Ульяновых, конечно же, было естественным и закономерным. Учителями, понятно, были Саша и Аня. Все необходимое для игры «в школу» — разрезная азбука, деревянные кубики с буквами, счетные палочки, грифельные доски, глобус, географические кар-

* В Мариинской гимназии самым младшим был седьмой класс, а выпускным — первый.

ты, картины «трех царств природы» и другие учебные принадлежности и пособия — всегда было в доме. Анна Ильинична потом вспоминала, что, выступая в роли учителей, они с Сашей старательно копировали взрослых, у кого самим довелось учиться. Получалось это довольно хорошо, раз Володя и Оля, с их очень живыми характерами, охотно и усердно изображали прилежных учеников.

Постигнув премудрость грамоты, Володя и Оля, по воспоминаниям старшей сестры, очень полюбили чтение и с интересом читали детские книжки и журналы, которые в изобилии получал домой их отец. Начали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивать наизусть понравившиеся стихотворения.

Для любознательного Володи чтение стало быстро раздвигать горизонт знаний и впечатлений, давать пищу для размышлений, порождать массу новых вопросов, на которые всегда лучше других и так увлекательно мог ответить отец.

А Илья Николаевич всегда был готов отвечать на бесконечные «почему» — и дома, и во время своих постоянных разъездов по селам. Он был очень обаятельным человеком, от которого так и веяло добротой. В любой сельской школе, где побывал этот худощавый лысоватый человек в вицмундире с металлическими пуговицами, по-юношески подвижный и веселый, с очень ласковыми карими глазами и картавинкой в выговоре, деревенские ребята быстро осваивались с начальством и решали, что такого инспектора можно не бояться. Один старался что-то спросить, другой — похвалиться своими успехами. Был даже такой случай. Как-то во время присутствия Ильи Николаевича на уроке в народной школе одна девчурка, сидевшая на первой парте, далеко от инспектора, на четвереньках пробралась к нему между партами, чтобы тоже показать свою работу. В общении с ребятами Илья Николаевич был очень терпелив. Этот «драгоценный для педагога дар» неоднократно подчеркивался в его служебных аттестациях.

Понятно, что отец с удовольствием и большим вниманием занимался в часы досуга со своими собственными детьми, которых очень любил. Он рассказывал им о смене дня и ночи, временах года, атмосферных явлениях, знакомил с мерами веса и объема, единицами измерения времени и пространства, приемами умственного счета, географическими картами и глобусами, гербариями и коллекциями минералов, показывал «туманные картины» через «волшебный фонарь», постоянно покупал, выписывал, приносил из библиотеки все новые и новые интересные книги и журналы.

Все это чрезвычайно благотворно действовало на раннее умственное и духовное развитие детей в семье, способствовало дальнейшему возрастанию их любознательности и не замедлило сказаться уже на успехах в гимназической учебе старших. Можно представить, какое чувство гордости за своего любимого брата испытал шестилетний Володя, когда 19 июня 1876 года ему показали газету «Симбирские губернские ведомости» с отчетом об итогах учебного года в мужской гимназии. Саше Ульянову, единственному первокласснику, на торжественном акте была вручена первая награда — похвальный лист и книга.

Дети росли и приносили родителям радость. В то же время, испытывая то одни, то другие невзгоды, связанные с жизнью на частных квартирах, Ульяновы вынуждены были продолжать кочевать со своей большой

семьей по чужим домам: прожив только один год в доме Костеркина, следующую зиму, 1876—1877 годов, они уже зимовали в соседнем небольшом деревянном доме, что стоял ниже по улице и принадлежал священнику Вознесенского собора И. А. Анаксагорову (ныне — Ленина, 90). В этом домике с тремя окнами на улицу, вспоминала Анна Ильинична, комнаты были расположены, так сказать, «за круговым поручательством», то есть из одной комнаты в другую, так что, если отца не было дома и его кабинет не был затворен, можно было бегать кругом всего дома, что очень любил меньшие».

Овладев под руководством матери начатками грамоты, Володя должен был учиться дальше. Ведь даже для поступления в подготовительный класс гимназии требовалось сдать вступительные экзамены по определенной программе. Мать, обремененная заботами о большой семье, к тому же серьезно болевшая в этот период, в первую очередь вынуждена была уделять внимание маленькому Мите, а дальнейшая учеба Володи уже требовала более продолжительных и серьезных занятий. Отец же бывал в длительных командировках и тоже не мог систематически заниматься с Володей. Поэтому осенью 1876 года Илья Николаевич снова пригласил в дом Василия Андреевича Калашникова — того самого народного учителя, который помогал в подготовке Ани и Шаши. Илья Николаевич знал его чуть ли не с первых дней своей работы в Симбирске как одного из лучших воспитанников педагогических курсов. Ему нравился этот трудолюбивый, скромный и любознательный юноша из бедной семьи, и он, будучи инспектором народных училищ, оставил в свое время Калашникова после выпуска в городе, помог ему овладеть новейшей методикой преподавания. Потом, захваченный волной знаменитого «хождения в народ», молодой учитель работал на селе. Вернувшись в Симбирск, он продолжал службу в народных школах. И вот теперь Калашников снова появился в семье Ульяновых.

Много лет спустя Василий Андреевич с удовольствием вспоминал: «Занятия с Володей были приятными: он быстро все схватывал и верно понимал». Любознательная Оля, конечно, опять была тут как тут. Через несколько лет она напишет в своем школьном сочинении на тему «Как я училась грамоте»: «Учитель мой (Калашников. — Ж. Т.) был очень добр, и я с удовольствием шла к нему заниматься...»

Но уроки с Василием Андреевичем продолжались лишь несколько недель, так как он был очень занят. После незначительного перерыва Володя стал заниматься у Ивана Николаевича Николаева, заведовавшего первым мужским приходским училищем, у которого когда-то учился сам Калашников. В отчете за 1875 год Илья Николаевич отзывался о нем так: «Николаев один из лучших учителей начальных училищ Симбирской губернии во всех отношениях. Он весьма хорошо знает свое дело, внимательно следит за всеми улучшениями в области преподавания в начальных школах, отличается хорошими нравственными качествами, с любовью относится к своему делу, обладает хорошим педагогическим тактом. Ученики привязаны к нему, относятся с полным доверием. В обществе он пользуется уважением и сочувствием».

Володя сам приходил к Ивану Николаевичу в училище, где тот работал и жил, и занимался с большим интересом: здесь была хорошая библиотека, много различных пособий, а учитель не только увлекательно рассказывал, но и показывал красочные картины с изображением

различных растений, зверей, птиц и рыб, модели пароходов, локомотива с вагонами, ветряных мельниц, земледельческих орудий, ткацкого станка и даже телеграфного аппарата Морзе. Таких уроков Володя ждал и усердно выполнял все задания. В неопубликованных воспоминаниях Анны Ильиничны пишется об этих днях: «Помню, как он прибежал с грифельной доской и продемонстрировал отцу сделанное за этот день. Помню его проворного как всегда, подбежавшего к отцу в ситцевой рубашке... У отца кто-то был, но он прерывает разговор (отец был всегда очень внимателен к нашим занятиям и к нашим успехам), берет из рук Володи доску, смотрит на правописание, — буквы и слова, — с одной стороны, на цифры — с другой, задает еще несколько вопросов и отпускает. Занимался Володя легко и быстро, и грифельная доска отмечала ежедневные успехи. Затем помню... занималась мать с ним и Олей языками, — у нас были детские французские и немецкие книжки, — и разговором на этих языках...»

Да, подготовка шла и дома, со старшими. Володя много и вдумчиво читал для своих шести-семи лет. Родители давали ему не только то, что предусматривалось программой подготовительного класса. Они подбирали литературу, которая бы давала ясные представления о природе, о добре и зле, учила уважать чужой труд, воспитывала гражданские чувства. Наряду со сказками Пушкина, рассказами Л. Толстого, Ушинского и других известных писателей одной из любимых для Володи стала стихотворная «Сказка про воробья, который делал все, что мог» С. Бурениной. Особенно большая охотница до стихов Оля знала всю ее наизусть и с удовольствием декламировала родным и знакомым.

Маленький Володя был чувствителен к лирике. Старшей сестре запомнилось, как он «очень выразительно» читал одно из стихотворений А. К. Толстого. Музыкальность, непосредственность чувств, задушевность тронули мальчика:

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод...

На восьмом году ему нравились и более серьезные стихи. Например, «Песня бобыля» И. С. Никитина, которую он декламировал перед родными с большим задором:

Богачу — ду-р-р-раку
И с казной не спится, —
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится.

Однажды, когда Володя чеканил эти строки, Анна, старшая из детей, подумала, что он воспользовался случаем, чтобы произнести громко не принятое дома грубое слово. Но мать, заметив вопросительный взгляд дочери, только улыбнулась и не остановила шалуна, считая, что он, как говорится, просто по ходу пьесы «вошел в роль».

Минув год жизни в доме Анаксагорова, запомнившийся Володе уроками у двух учителей и активными домашними занятиями. А к осени

1877 года — опять переезд на другую квартиру. На этот раз Ульяновы перебрались с Московской улицы на параллельную ей Покровскую, что шла южнее прежней. Поселились в деревянном доме коллежского асессора И. М. Косолапова (ныне — Л. Толстого, 24). Зимой семья пополнилась шестым ребенком: 18 февраля 1878 года родилась третья сестренка Володи — Маняша.

Избавляясь от одних неудобств на прежних частных квартирах, семья неизменно попадала в другие. На этот раз дом таил в себе едва ли не самый неприятный сюрприз: в подвале стояла вода. Володя с Олей заболели малярией. Особенно тяжелыми и упорными были приступы у Володи. Ане запомнилось, что, измученный болезнью, он очень ослаб, стал кашлять. Мать, обеспокоенная состоянием его здоровья, пригласила какого-то специалиста. «После его посещения, — пишет Анна Ильинична, — я увидела мать на крылечке нашей выходящей во двор квартиры со слезами на глазах. После своей серьезной болезни летом 1876 года мать была еще очень нервной. На мой вопрос она сказала: «Доктор нашел, что у Володи есть что-то в легких, что его надо было бы в Италию везти, — а на какие это средства?»

Действительно, ехать не только в Италию, но и в Крым мы бы не могли, мы и на дачу никогда не выезжали в те годы, когда ездить в Кокушкино стало чересчур громоздким и по разным обстоятельствам не вполне удобным».

Да, нелегкими были эти зима и весна. К тому же, в 1877—1878 году шла русско-турецкая война. Хотя она легла тяжелым бременем в первую очередь на плечи простого народа, ее тяготы ощущала на себе и интеллигенция, в том числе большая семья Ульяновых. А тут — нездоровье матери, трудности, вызванные появлением маленькой Маняши, болезнь Оли и особенно — тяжелая малярия у Володи.

Но все проходит. Володя с Олей все-таки «стряхнули» с себя малярию. Решающую роль в этом сыграла не поездка в Италию, а переезд «немного ближе: через дорогу». И этот переезд для семьи стал, наверное, не менее важным и желанным, чем могла бы стать поездка в далекую Италию. Потому что это был — после девяти лет кочевий по частным квартирам — переезд в собственный дом!

СВОЙ ДОМ

Необходимую сумму для покупки дома удалось скопить только благодаря рациональному ведению домашнего хозяйства. Судя по рассказам Анны Ильиничны, мать была подготовлена к этому с детства. Она пренебрегала роскошью, не допускала расточительности, заботясь о том, чтобы в доме было все необходимое и ничего лишнего. Сама вязала, шила и перешивала одежду детям.

Наконец-то давняя мечта Ульяновых о покупке дома стала реальностью. После долгих размышлений Илья Николаевич и Мария Александровна остановили свой выбор на домовладении вдовы титулярного советника Екатерины Петровны Молчановой, находившемся на уже хо-

рошо им знакомой Московской улице, несколько ниже домов Костеркина и Анаксагорова, в которых они квартировали в 1875—1877 годах.

Местоположение дома Молчановой было удобным во многих отношениях: с одной стороны, по-прежнему сравнительно недалеко от центра города, с другой — обилие здесь садов и огородов создавало ландшафт, похожий на деревенский. Рядом находилось несколько подведомственных Илье Николаевичу училищ, в том числе и женское, куда он собирался определить Олю. Недалеко было и до типографии, где печатались его отчеты по народному образованию, до земской управы, других учреждений, а кстати, и до удельной конторы, где работал и жил его близкий друг А. Ф. Белокрысенко. Плюс ко всему — каких-нибудь четверть часа ходьбы до Свяги.

Дом был деревянный, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. Во дворе — хозяйственные постройки: деревянный флигель с летней кухней, колодец около нее, коровник, дгреб и дровяник, каретный сарай и конюшня. Дом Молчановой особенно не выделялся среди соседних. Облюбовали его Ульяновы из-за сравнительно сносной цены и в не меньшей степени из-за большого сада с молодыми яблоневыми и вишневыми деревьями, кустами крыжовника, малины и смородины. Начинался сад за поросшим травой двором, отделяясь от него невысоким заборчиком с калиткой. Через весь сад посередине тянулась длинная аллея из серебристых тополей, в дальней стороне его западной половины находилась уютная тесовая беседка под железной крышей, рядом — цветник. Вдоль заборов вокруг сада — четыре узкие аллейки. Настоящее раздолье для детей! Кроме того, мать, еще с кокушкинских времен любившая ухаживать за грядками и цветами, радовалась возможности заняться любимым делом, приобщить к труду ребят и иметь фрукты и овощи, выращенные своими руками, существенное подспорье для семьи. Дальний конец сада доходил до самой Покровской улицы, и его вторая калитка оказывалась на противоположной стороне от дома Косолапова, где Ульяновы жили до последнего времени, только чуть ниже по улице, наискосок. Действительно, переехали «через дорогу».

Второго августа 1878 года на имя Марии Александровны была оформлена купчая на четыре тысячи рублей, и Ульяновы впервые в жизни стали владельцами «недвижимого имущества». Долгожданный переезд состоялся. Много лет спустя старшая сестра Володи будет вспоминать об этом как о счастливом дне их жизни: «...я помню, с каким удовольствием и оживлением перебирались в «свой дом» мы, дети, носясь через дорогу (Покровскую улицу. — Ж. Т.) со своими книгами и игрушками, лакомясь ягодами и яблоками своего сада, счастливые тем, что ниоткуда не последует запретов и ограничения нашей свободы, как это было неизбежно при пользовании садиками в наемных квартирах». С этого лета, по ее словам, начинается в их детстве «новый период, характеризующийся большим уютом, покоем, уравновешенностью. Мать стала отдыхать от кочевий по тогдашним квартирам и разных связанных с этим передряг».

Семья в это время насчитывала вместе с Варварой Григорьевной девять человек, и всем здесь нашлось место. Внизу дома разместились гостиная, кабинет Ильи Николаевича, столовая, комнатки Марии Александровны и няни, а также прихожая и кухня.

Антресоли — полуэтаж с низким потолком — были разделены тон-

кой стенкой на две половины. С «парадного» входа в дом наверх вела узкая крутая лестница в восточную их половину: здесь, по существу, на лестничной площадке с окном, была устроена комнатка для Володи, а из нее вела дверь в маленькую Сашину. Во второй половине антресолей, куда шла такая же лестница с «черного» входа, опять же как бы на площадке, сделали детскую для Оли, Мити и Маняши, а рядом отвели комнатку для Ани, такую же маленькую, как у Саши. Аня и Саша были разделены стенкой, но имели общий деревянный балкончик — удобное место для общения летом. Аня выходила сюда через дверь, а Саше приходилось вылезать через окошко. В душные же летние ночи можно было выносить на балкон матрасы и спать на воздухе.

Саша и Володя оказались довольно обособленными на своей половине. Понятно, что старший брат получил комнатку отдельную, с видом на двор и сад, а Володина, с квадратным окошком в боковой стене дома, выходившим в сторону проезда через ворота, была проходной. Печь, лестница с перилами и дверь к Саше позволили поставить здесь только узкую железную кровать, небольшой столик, покрытый черной клеенкой, два венских стула и вешалку.

Потолок на антресолях был слишком низкий, а вид из окошка не очень-то хорош — на боковую стену соседского дома. Дом этот, принадлежавший владельцу портняжной мастерской мещанину Андрееву, стоял совсем близко, на расстоянии ширины ворот, и частично прикрывал и без того редко появлявшееся солнце: весной и летом лучи его будут проникать в окно только ранним утром, а зимой их вообще не будет видно. Впрочем, все эти недостатки замечали, наверное, только родители. Володе же его первая в жизни собственная комната — со своим столиком, самодельной настенной полкой с книгами и большой, как в школе, картой полушарий Земли на стене — определенно нравилась, и он с удовольствием поддерживал в ней порядок и чистоту, — как Саша. И ко всему, любимый старший брат теперь будет жить рядом с ним. Лучшего и желать нельзя.

За две недели, остававшиеся до начала занятий Ани и Саши в гимназиях, двор и сад были вполне освоены ребятами. Одну аллею, с густой сиренью и развесистыми вязами, по словам Дмитрия Ильича, называли Черным бором, другую — заросшую желтой акацией — Желтым бором, третью — с большим деревом колючего боярышника — Красным бором и Грязным бором — ту, где был найден брошенный неопрятными соседями мусор. Осинку, с вечно трепещущими листьями, приютившуюся в конце главной аллеи, которую Аня почему-то полюбила, называли Аниной осинкой, а находившуюся неподалеку яблоню, которую взрослые определили как «дичок», дети не замедлили ок-

1. В этом доме семья Ульяновых жила в 1878—1887 гг. Ныне Дом-музей В. И. Ленина.
2. Семья Ульяновых. Стоят (слева направо): Ольга, Александр, Анна. Сидят: Мария Александровна с Маняшей, Дмитрий, Илья Николаевич, Владимир. ▶

рестить «дьячком». Самые же вкусные яблоки росли на «черном дереве». С большим удовольствием Володя лазил на деревья, играл с братьями и сестрами в различные игры — «лошадки», резво убегая от маленького кучера Мити, «казацкую вольницу» и «черную палочку».

Однако близилось учебное время. По примеру старшего брата и своих сверстников Володе следовало бы поступать в подготовительный класс, к чему он был вполне готов. Но Саша, уже хорошо познавший все «прелести» бездушной, бюрократической обстановки, господствовавшей в гимназии, решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в подготовительный, а надо подготовить его к первому». Родители прислушались к голосу старшего сына и решили продолжить подготовку вне гимназии, хотя вступительные экзамены в первый класс предстояли непростые.

Первый экзамен, естественно, будет по закону божьему — предмету, которому всегда и везде отводилась главенствующая роль. Без знания «общеупотребительных» молитв, главных событий «священной истории», умения читать по-церковнославянски никак не обойтись.

По русскому языку надо подготовиться так, чтобы суметь написать «диктовку», бегло и со смыслом прочитать и пересказать прочитанный текст по предложенным вопросам, а также четко различать части речи, склонения существительных, прилагательных и местоимений, спряжения глаголов, хорошо декламировать стихотворения из «Родного слова. Год 2-й» К. Д. Ушинского.

По арифметике потребуется «основательное знакомство с первыми четырьмя действиями над простыми числами» (умножение — на три цифры и деление — на две), а также «умственное решение практических задач» до 100 включительно по первой части «Сборника арифметических задач» В. А. Евтушевского.

О подготовке Володи к вступительным экзаменам по этой программе отец договорился с двадцатидвухлетней учительницей Верой Павловной Ушаковой (вскоре сменившей в связи с замужеством фамилию на Прушакевич). Илья Николаевич ее хорошо знал и выбрал не случайно. Еще три года назад в его годовом отчете отмечалось: «Учительница Ушакова, несмотря на то, что первый год состоит на службе, настолько ознакомилась с лучшими современными методами преподавания предметов начальной школы, что по справедливости может быть названа одной из лучших учительниц». А в отчете за 1878 год Илья Николаевич писал: «Из учителей и учительниц обращает на себя внимание особым усердием и знанием дела в г. Симбирске Вера Прушакевич».

Вера Павловна происходила из старинного дворянского рода, давшего России знаменитого флотоводца Ф. Ф. Ушакова. Ее отец был бедным дворянином. К тому же она рано осталась сиротой. Однако при поддержке родственников Вера Павловна поступила в Симбирскую женскую гимназию, которую закончила с золотой медалью. Став учительницей, способная и трудолюбивая девушка могла преподавать не только общеобразовательные предметы, но и немецкий и французский языки, музыку и пение. Работала она в открытом Ильей Николаевичем первым двухклассном женском приходском училище, которое находилось недалеко от дома Ульяновых, на Панской улице (ныне — Энгельса, 4). При этом училище она и жила*.

* Теперь здесь работает музей «Народное образование Симбирской губернии в 70–80-х годах XIX века».

Володя сам должен был ежедневно являться к Вере Павловне на час-два или до уроков, с 8 до 9, или в свободное для нее время, обычно с 9 до 10 часов, когда в классе проходили уроки рукоделия, рисования или закона божьего. Миловидная, с толстой, «русской» косой, умная и добрая, Вера Павловна была хорошей учительницей, и Володя относился к занятиям с большим интересом и ответственностью. У его старшей сестры остались об этом периоде яркие воспоминания: «Проворный и живой Володя бежал обычно бегом на урок. Помню, как мать сказала в одно свежее осеннее утро:

— Убежал Володя в ситцевой рубашке! Хотела ему надеть что-нибудь сверху, да не успела обернуться, а его уже нет: я к окну, чтобы позвать его, а он уже за угол заворачивает...»

Параллельно с подготовкой к гимназии Володя занимался и музыкой. Мать сама обучала детей с раннего возраста игре на рояле. У Володи, по ее словам, запомнившимся Дмитрию Ильичу, «был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и старшими в четыре руки».

Однако Володя рос, по словам Н. К. Крупской, не каким-то «паймальчиком», только и знавшим, что «усердно учить уроки». Насколько увлекали и поглощали его серьезные занятия, настолько же он мог отдаваться и развлечениям. Веселый, живой, энергичный, он, и подрастая, оставался изобретательным зачинщиком шумных игр с Олей и Митей.

Младший брат с удовольствием вспоминает такую увлекательную выдумку Володи, как игра в «брыкаски». Эта импровизированная игра, по признанию Дмитрия Ильича, проходила особенно интересно и весело, когда родителей не было дома. «Брыкаска» — это что-то лохматое, страшное и таинственное, которое с рычанием неожиданно откуда-то появлялось в полутемном зале. Это был, конечно, Володя, на четвереньках, в вывернутом наизнанку тулупчике. Игра увлекала неожиданными поворотами и непредсказуемостью, так как от «брыкаски» всего можно было ожидать. Оля и Митя бросались убежать, прятаться под диван или за занавеску, чтобы «брыкаска» не укусила за ногу, но в конце концов вдруг оказывалось, что она добрая и ее можно даже погладить. Во всех случаях в полумраке поднималась страшная возня, беготня, с грозным рычанием и визгом. Когда же «брыкаска» начинала выделять удивительные номера и подплясывать, уже становилось не страшно, и младшие тоже начинали резвиться кто во что горазд.

Володя очень любил посмеяться и пошутить. Подтрунивал то над слишком сентиментальным Митей, готовым расплакаться во время песенки о козликe, от которого остались только рожки да ножки, то над Олей, которая боялась червяков, «подмечая слабую струну каждого. А у кого их не было? — признавалась старшая сестра. Разве только у Саши, к которому кроме того... отношение Володи было особое, перед которым он прямо преклонялся». В то же время Володя всегда с нежностью и заботой относился к своей любимице — маленькой сестренке Маняше.

Большой радостью была елка зимой. Причем ребят радовал не только сам праздник, когда на установленной в гостиной елке зажигались

свечи, дети получали подарки и сами дарили родителям вещи, сделанные своими руками, или читали для них стихотворения, пели и танцевали вместе с отцом под аккомпанемент матери. Приносила огромное удовольствие и сама подготовка к этому празднику, когда задолго до елки под руководством матери зимними вечерами все мастерили игрушки из картона и цветной бумаги. «Таким образом елка была для нас, — замечает Анна Ильинична, — не чуждым, купленными украшениями разубраным деревом, а нашим коллективным созданием... На общем фоне трудовой жизни оно являлось тем радостным творческим трудом, которому придается такое значение в современном воспитании».

А трудовая жизнь Володи продолжалась весь учебный год. В результате обоюдных стараний талантливой учительницы и талантливого ученика курс приготовительного класса был успешно пройден. Володя прекрасно решал задачи, бойко читал, знал три десятка стихов — в общем был полностью готов к вступительным экзаменам в первый класс гимназии.

В начале августа Илья Николаевич представил в гимназию прошение о допуске сына к экзаменам, приложив требуемые документы: метрическое свидетельство о рождении и крещении Володи, медицинскую справку о прививке против оспы и копию «формулярного списка» о своей службе по министерству просвещения. Дети чиновников этого министерства, прослуживших 10 и более лет, освобождались от 30-рублевой ежегодной платы за обучение.

Теперь исход дела зависел от Володи и педагогического совета: сумеет ли мальчик на виду у публики сохранить самообладание и показать прочные знания, чтобы совет сделал исключение из уставного правила, гласящего, что в 1-й класс принимаются дети «не моложе десяти лет». Володе было только 9 лет и 4 месяца.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Вступительные экзамены в Симбирской классической гимназии проходили с 7 по 11 августа. Володя Ульянов получил по всем предметам пятерки и через три дня решением педагогического совета был зачислен в первый класс.

Занятия, как обычно, начались 16 августа, в четверг. Хотя на березах и липах появились первые желтые листья и по календарю местных фенологов началось первоосень, утро 16 августа 1879 года было отменным: в 8 часов столбик термометра показывал около 20 градусов тепла, а стрелка барометра стояла на «ясно».

После завтрака Володя впервые надел форменную одежду: суконные темно-серые шаровары поверх хромовых полусапожек, однобортный мундирный темно-синий полукафтан с твердым стоячим воротником, наглухо застегнутый на девять посеребренных гладких выпуклых пуговиц, и темно-синее кепи с жестяной посеребренной кокардой над козырьком, состоявшей из перекрещивающихся лавровых веточек и про-

писных букв «СГ» между ними, означавших: «Симбирская гимназия». В ранце еще с вечера были аккуратно уложены «Родное слово» К. Д. Ушинского, «Краткая грамматика» Л. И. Поливанова, «Руководство арифметики для младших классов» и «Собрание арифметических задач» А. Ф. Малинина и К. И. Буренина, тетради и дневник, пенал с ручкой, карандашами, ножичком, резинкой и перочисткой.

Когда городские часы на колокольне Вознесенского собора пробили половину девятого, Саша, Аня и Володя вышли через парадное крыльцо на улицу и зашагали по деревянному тротуару вверх по Московской: пятнадцатилетняя Аня — в выпускной класс, тринадцатилетний Саша — в пятый и Володя — в первый. Но в буквальном смысле сегодня в «первый» шли двое. Аня — тоже, только в самый старший, «первый», класс Мариинской женской гимназии.

На углу Большой Саратовской Аня свернула направо, а братья зашагали дальше вверх и без четверти девять подошли к Карамзинскому садику, посреди которого возвышался знакомый с детства памятник автору знаменитой «Истории государства Российского». Направо от Карамзинского садика стояло старинное белокаменное двухэтажное здание мужской гимназии. Сюда идти Саше. А Володе налево, так как пригостительный и оба первых класса («нормальный» и «параллельный», или «А» и «Б») из-за нехватки в главном корпусе помещений размещались пока в нижнем этаже Дома городского общества *. Сюда и направился самый юный гимназист.

Сложные и противоречивые чувства испытывали родители, проводив сына в это единственное на всю губернию светское среднее учебное заведение. Радовало, что Володя, несмотря на юный для первоклассника возраст, успешно выдержал вступительные экзамены. В случае необходимости старшие смогут помочь ему в приготовлении уроков. Можно было надеяться и на доброжелательное отношение большинства гимназических учителей к сыну уважаемого директора народных училищ губернии. И все же Илья Николаевич и Мария Александровна волновались. Сумеет ли Володя, с таким живым и непосредственным характером, большой любознательностью и обостренным чувством справедливости, сохранить самобытность своей натуры в бездушно-казенной обстановке гимназии?

Оснований для такого беспокойства было больше чем достаточно. В гимназии все строго регламентировалось. Посещение занятий допускалось только в форменной одежде, полувоенного образца. Учебники и все необходимое для учения носилось в ранце на спине. При встрече на улице с губернатором, архиереем и другими сановниками гимназист обязан был снять кепи и вежливо раскланяться. Обращаясь письменно к гимназическому начальству, надо было в зависимости от чина титуловать его «благородием» или «высокоблагородием». В воскресные и праздничные дни, а также вечером накануне этих дней ученики обязаны были посещать общественное богослужение и вести себя в храме «с подобающим святине благоговением», не опаздывать на молитву перед началом занятий и «ежегодно в страстную седмицу бывать у исповеди и святого причастия». При «убытии на каникулы» ученики получали в канцелярии гимназии отпускной билет, а возвратившись, сдавали этот документ с от-

* Теперь в этом здании располагается музыкальное училище.

меткой полиции о своем поведении и справку священника о выполнении религиозных обрядов. Если же директор или инспектор отпускали ученика домой до окончания уроков, он должен был на другой день принести от родителей записку о времени своего прибытия домой.

Расстегнутый воротник мундира, опоздания на уроки, неряшливое выполнение домашних заданий, шалости на переменах, «неуместные вопросы к преподавателям», «неимение на уроке Евангелия», разговоры во время богослужения — все это и многое другое фиксировалось в «Книге учеников, оставляемых после пятого урока» или «Штрафном журнале», а нарушители «Правил для учеников гимназии», состоявших из 72 параграфов, строго наказывались в соответствии с подробно разработанными «Правилами о взысканиях». Одни подвергались «одиночному сидению в классе на какой-либо скамье в продолжение нескольких уроков» или стоянию на месте или у двери, другие — оставлению после уроков до нескольких часов, третьим давались особые домашние задания на праздники и воскресные дни, четвертым — выговор «перед классом с внесением в штрафной журнал и оповещением родителей», пятым — заключение в карцер с содержанием в течение суток на черном хлебе и воде. Предусматривались меры и по наказанию всего класса: поголовное снижение четвертных оценок за поведение, привлечение к оплате за обучение учеников, ранее освобождавшихся от нее. Особо провинившихся ожидало удаление из гимназии, причем или с правом поступления в другие учебные заведения в том же городе, или без права поступления в учебные заведения того же города, или с лишением права поступать в какое-либо учебное заведение вообще, так сказать, с «вольным билетом».

Помимо общегимназического учета провинившихся, каждый классный наставник вел «Квартирный и кондуитный список», в котором регистрировал сведения об успеваемости, свои впечатления от посещения учащихся на дому, а также наблюдения за поведением вверенных ему воспитанников. Надзор за учениками осуществляли и помощники классных наставников, и директор, и инспектор гимназии, и специальные надзиратели, не имевшие ни высшего образования, ни педагогической подготовки. А все вместе они составляли, в глазах воспитанников, «неприятельский лагерь», с которым велась постоянная борьба. Многие чиновники поддерживали требуемый правительством порядок с озлоблением и жестокостью, превращая его тем самым, по словам известного публициста Н. В. Шелгунова, «в некоторый кошмар для отцов и матерей, заставлявший трепетать за участь своих детей».

В Симбирске было три средних учебных заведения: классическая гимназия, военная гимназия и духовная семинария. Понятно, что последние две никак не подходили для Ульяновых, и, следовательно, выбора у них не было. Классическая гимназия, по словам Ильи Николаевича, была вынужденным «мостом к университету».

Почему Симбирская и ей подобные гимназии назывались «классическими»? Главная их особенность заключалась в том, что здесь изучались латинский и греческий языки. С их помощью происходило знакомство с жизнью и классической культурой Древнего Рима и Древней Греции. Древние языки считались главными учебными предметами. Далее стояла математика. Все же остальные предметы, по мнению творцов классицизма, служили «дополнением общего образования» и могли «не

превышать поверхностных сведений, необходимых для житейского обихода». На практике это означало, что русский язык, родная литература, история отечества, география, физика, новые европейские языки — это второстепенные предметы, а химия и другие естественные науки — вовсе не нужные.

Зато на изучение древних, или «мертвых» языков (на них никто в мире давно уже не говорил) отводилось непомерно много времени. При этом главный упор делался на заучивание наизусть грамматических, синтаксических и лингвистических тонкостей, бесконечных исключений из правил, а также на выполнение громоздких экстермпоралий — письменных упражнений. Устраивались они 2—3 раза в месяц и служили главной формой контроля знаний гимназистов.

Пагубность схоластического содержания классицизма с самого начала была подмечена передовой общественностью. Еще Н. А. Добролюбов в статье «Непостижимая странность» с болью и тревогой указывал, что классическая школа подготавливает людей, способных «лишь на сочинение казенных рассуждений на заданные темы», но не умеющих по-настоящему разбираться в современном положении науки и общественной жизни и тем более — заглянуть в будущее.

Позиции классицизма в Симбирской гимназии усилились с приходом весной 1879 года нового директора Федора Михайловича Керенского (отца будущего главы Временного правительства), сменившего на этом посту грубияна и казнокрада И. В. Вишневого. Новый начальник, по воспоминанию современников, был оригинальной личностью. Сын дьякона, по окончании Пензенской духовной семинарии он подался в светские учителя, а затем в студенты Казанского университета, который окончил в 1869 году 32-летним кандидатом *. Расцвет классицизма пришелся Керенскому, «классику» по специальности, на руку, и он быстро поднялся по служебной лестнице, став директором Вятской гимназии, откуда его перевели в Симбирск.

Это был человек выше среднего роста, широкоплечий, с большой головой на толстой шее, большими ушами, темным жестким «ежином» над высоким лбом. На смуглом, гладко выбритом лице — прямой нос, крупный рот и маленькие мигающие глаза; походка тяжелая, развалистая. Казалось, что и голос у него должен быть громоподобным, но в действительности был по-женски тонким.

Керенский был опытным и умелым преподавателем русского языка и словесности, но вместе с тем грешил большим формализмом: чистота тетради и безупречное знание стилистики для него были важнее, чем глубина и самостоятельность суждений в сочинении ученика. Как преподаватель и директор он был чрезвычайно требователен и на оценки скуп. Это отмечалось даже в докладе в учебный округ официального рецензента: строгость требований к знаниям учащихся в Симбирской гимназии «наибольшая из всех гимназий. Несмотря на эту строгость оценки ответов преподавателями, директор гимназии ставил в большинстве случаев отметку ниже отметки преподавателя».

«Подтягивал» Керенский Симбирскую гимназию суровыми, подчас безжалостными методами. Об этом говорит, в частности, необыкновен-

* Тема его диссертации — «Вопрос о связи русских отреченных верований, и в особенности астрологических, с такими же верованиями других народов и с календарем Брюса».

но высокий уровень второгодничества и отсева. Так, из пятого класса, где учился в 1879 году Александр Ульянов, за неуспеваемость по древним языкам в следующий класс не были переведены 18 из 42 мальчиков. Даже в восьмом классе из 23 выпускников не были допущены к устным испытаниям 10 человек.

При Керенском ужесточился контроль и за внешкольной жизнью гимназистов. Он сам систематически по вечерам осматривал ученические квартиры, в поисках произведений «обличительного направления» проверял имеющиеся у них книги, расспрашивал хозяев или родителей, с кем встречаются ребята. По примеру директора в таком сыске, тайном или открытом, участвовали инспектор, классные наставники, их помощники, надзиратели.

По инициативе нового директора была значительно повышена плата за обучение, что пагубно сказалось прежде всего на детях из малоимущих семей. В приготовительном она возросла с 14 до 16 рублей, а в остальных классах — с 30 до 40 рублей в год. Ежегодные взносы за иногородних учеников, проживающих в гимназическом пансионе, увеличились со 160 до 220 рублей. Такая плата была обременительна даже для среднего чиновника или мелкопоместного дворянина, не говоря уже о совершенной ее недоступности для рабочего или народного учителя, жалование которых обычно не превышало 180 рублей в год.

Словом, безотрадную картину представляла собой Симбирская классическая гимназия и при Керенском. Учиться здесь было трудно и тяжело. Но, начиная тянуть гимназическую лямку, Володя был уверен, что, несмотря на все трудности и строгости, он сумеет учиться так же успешно, как и Саша.

С ПЕРВОГО КЛАССА — ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

С первой же недели занятий первоклассники явственно почувствовали на себе, что такое классическая гимназия. В расписании стояло: восемь уроков латыни — ровно в два раза больше, чем родного языка или арифметики, по три часа чистописания, рисования и пения и по два — закона божьего и географии.

В классе оказалось 27 учеников. Одни ребята попали сюда после года, а то и двух учения в народных училищах Симбирска, другие — из приготовительного класса, третьи приехали из окрестных сел и городов, остальные — второгодники. Все соученики Володи были старше его. Никого из них он близко не знал, но некоторых видел где-нибудь раньше или слышал об их родителях.

Соседом Володи по трехместной парте оказался Аполлон Коринфский, внук известного в Поволжье академика архитектуры М. П. Коринфского, по проектам которого были построены красивые здания и в Симбирске. Аполлон был старше Володи на два года. Родители его умерли, и он жил у дяди, через подворье от Дома городского общества, в так называемых «Языковских номерах»; имел много книг и был на-

читанным мальчиком, с которым было интересно поговорить на самые различные темы. Второй сосед по парте, Михаил Кузнецов, сын официанта, учился до гимназии в приходском училище и жил, как и Володя, на Московской улице. Он тоже был старше на два года, но по общему развитию уступал Володе. Мальчик был спокойным, любознательным, а главное — честным, не способным на какую-нибудь подлость.

К счастью, в первом «нормальном» классе подобрался неплохой преподаватель. Занятия начались с закона божьего. Вел его законоучитель Петр Иванович Юстинов. Этого пожилого священника знал весь город как проповедника главного, кафедрального собора. Внешне очень представительный, с большим лбом и окладистой бородой, Юстинов в стенах гимназии, где учился и его сыновья, был довольно мягким. Предмет свой знал и различные его премудрости излагал доступно, как занятные истории. При опросе довольствовался ответами по материалу популярного учебника и не сбивал с толку каверзными вопросами. Поэтому двойки и тройки у него получали лишь самые нерадивые ученики. Но и пятерками он не разбрасывался.

Чистописание преподавал добрейший по характеру и щедушный по внешнему виду Александр Иванович Козлов, получивший в свое время диплом учителя в Петербургской академии художеств. Ему не было и сорока лет, но он уже имел пятнадцатилетний опыт обучения всем тонкостям «развития механизма руки, верности глаза, выработке скорого, четкого и красивого почерка», как того требовала программа.

Учитель арифметики Александр Федорович Федотченко был года на четыре моложе Козлова и тоже происходил из крестьян. Выпускник Казанского университета, он был толковым преподавателем и пользовался авторитетом как среди коллег, так и у гимназистов. Одни ценили его за эрудицию, другие за честность, простоту и доступность. К тому же всех восхищало его искусство фигурного катания на коньках.

Четвертым уроком в первый день учебы был латинский язык. Этот главный и самый трудный предмет преподавал классный наставник 25-летний Николай Михайлович Нехотяев, работавший учителем всего лишь второй год после окончания Казанского университета. Неуравновешенный по характеру, он был то чересчур требовательным к мальчикам, то совсем уж снисходительным.

Завершилось 16 августа для первоклассников уроком пения. Так уж получилось, что в том учебном году в гимназии трижды менялись учителя этого предмета, и все они, по мнению директора, «оказались бесполезными» для дела.

На следующий день появился новый предмет — география. Отсутствовавшего географа временно заменил Яков Михайлович Штейнгауэр, давно обрусевший немец. Володя не раз видел этого пожилого учителя раньше и знал, что он преподает и Ане и Саше немецкий язык.

Оказалось, что некоторые учителя постоянно вели два предмета: в пятницу на первом уроке русского языка Володя увидел латиниста Н. М. Нехотяева, а 18 августа рисование провел уже знакомый ему по уроку чистописания А. И. Козлов. Впрочем, рисование считалось необязательным предметом, и занимались им желающие, за дополнительную плату — 6 рублей в год.

С конца сентября уроки географии стал вести только что окончивший Казанский университет Николай Сергеевич Яснитский. Худоша-

вому и весьма подвижному учителю не было и двадцати пяти. Рассказывал он интересно, но иногда чересчур быстро и поэтому, по мнению начальства, не всегда «удобопонятно для учеников».

Каждый учебный день проходил напряженно. Занятия в гимназии начинались в 9 часов утра и заканчивались обычно в 2 часа 30 минут пополудни. Пятидесятипятиминутные уроки разделялись 5–10-минутными перерывами. Между третьим и четвертым была получасовая перемена, большая часть которой заполнялась гимнастикой, проводившейся под руководством учителя.

Домашние задания зачастую были непомерно громоздкими, и многие ребята не успевали их выполнять. Опросы и проверки письменных работ проводились строго и по каждому предмету, поэтому имелось немало двоечников.

Нелегко было учиться и Володе. Но он с первой же четверти взял уверенный старт и вскоре завоевал репутацию первого ученика класса. В чем секрет его успехов? Великолепные способности? Да. Но не только. Громадное влияние на детей Ульяновых оказывала общая деловая обстановка, царившая в семье. Илья Николаевич много помогал и старшей дочери, и сыновьям. Этим летом он даже сам начал изучать с Сашей основы греческого языка, который в его время еще не преподавали в гимназии. Теперь он следил и за учебой Володи: проверял выполнение домашних заданий, приучал к усидчивости и аккуратности, разъяснял непонятное, рекомендовал дополнительную литературу. Но не только в непосредственном руководстве занятиями проявлялось благотворное влияние отца на детей. «И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добра в людях, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы, — пишет Анна Ильинична, — рано научились признавать необходимость и важность знания».

Володя внимательно слушал объяснения учителей в классе и по свежим следам дома занимался с учебниками, задания выполнял тщательно — «как Саша». Утром же сам себе устраивал проверку. Нередко приходилось, как отмечала потом Н. К. Крупская, «заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведен такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение возьмется. Держал себя в руках».

Внешний вид Володи-первоклассника запечатлен на семейной фотографии. Той осенью Ульяновы сфотографировались в ателье Б. Р. Бика, что была на Большой Саратовской. Памятный снимок получился удачным. Это единственная общая фотография их большой и дружной семьи. Что касается Володи, то это было его второе в жизни посещение мастерской фотографа. В третий раз он пойдет в эту же самую фотографию уже выпускником гимназии.

С наступлением зимы, когда рано темнело, уроки все готовили в столовой, освещавшейся висячей керосиновой лампой. Здесь, за общим столом, занимались Саша, Аня, Володя и Оля, поступившая уже в женское приходское училище. В случае надобности каждый мог тут же получить совет и помощь старших. Матери было удобно, сидя с какой-нибудь работой, наблюдать за всеми одновременно, да и керосин так расходовался экономнее. Володя и Оля раньше Ани и Саши справлялись с заданиями и начинали шалить, все больше и громче. «И бедной матери, — вспоминала Анна Ильинична, — приходилось справляться с невыполнимой зада-

чей: соблудности одинаково интересы различных по возрасту, темпераменту и заданиям детей, так как ясно, что меньшим надо было тоже двигаться, шуметь, а по временам и колесом ходить. В наиболее трудные минуты и когда отец оказывался свободным, он приходил на выручку: «Володя, ты что уроки не учишь?» — «Я выучил». — «Ну, покажи, что задано». И отец уводил Володю в кабинет для проверки уроков. Но оказывалось, что он прав, что задания действительно выполнены». Тогда Илья Николаевич старался занять его рассматриванием глобуса, какой-нибудь коллекции или игрой в шахматы.

Случалось, что в проверке знаний расшалившегося Володи участвовал и его крестный отец Арсений Федорович, желанный собеседник и постоянный партнер отца по шахматам. «Этот Белокрысенко, — писала Анна Ильинична, — высокий и горделивый седой старик... принимал также участие в экзамене его (Володи. — Ж. Т.) по латыни. Но и этот перекрестный допрос Володя выдерживал с честью, доказывая свое право отдыхать и шуметь».

Но вот наконец наступало долгожданное время вечернего чая. «Тут языки развязывались уже на законном, так сказать, основании, и смех, шутки, веселая болтовня царили в столовой, — продолжала Анна Ильинична. — Отец тоже любил пошутить и позабавить нас каким-нибудь рассказом или анекдотом; всего же звонче звучали голоса и смех Володи и Оли. Рассказывались эпизоды из гимназической жизни, различные происшествия и курьезные выходки с меньшими, которых обычно было не мало».

В субботние вечера, когда можно было не готовить уроки, все обычно собирались в гостиной. Слушали рассказы отца о поездках по селам, посещениях народных школ, жизни крестьян; читали вслух, декламировали стихи и басни, составляли и разгадывали ребусы, устраивали викторины и другие «сидячие» игры, наслаждались игрой матери на рояле; играли и дети. Под аккомпанемент рояля пели. У матери был не сильный, но приятный голос. С большим удовольствием пел Володя. Музыку он очень любил и тонко чувствовал. Эту любовь он пронесет через всю жизнь. Увы, с поступлением в гимназию он оставил музыкальные занятия — из-за бытовавшего в то время среди сверстников ложного понятия, будто для мальчиков это не подходящее увлечение.

В субботу можно было отжаться и любимой в семье шахматной игрой. В свое время каждый ребенок не раз испытал радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял заветные шахматы. «Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, — поясняла Анна Ильинична, — были выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде...» Вслед за Сашей и Аней выучился лет восьми-девяти этой мудрой игре и Володя. Теперь же отец научил Сашу, Аню и Володю играть и в «четверные шахматы», или, как их еще называли, русские шахматы с крепостями — фигурами четырех цветов на специальной 192-клеточной доске, двое надвое. Правила игры требовали, «не жалея живота своего», помогать союзнику, поэтому как нельзя лучше развивали чувство товарищества.

Одно время, по воспоминаниям Дмитрия Ильича, четверо старших его братьев и сестер увлеклись игрой «в солдатики» — самодельными, склеенными из плотной бумаги фигурками. Все участники выставляли на полу в столовой по 10 — 15 своих солдатиков в ряд и по очереди сбива-

ли их маленькими резиновыми мячиками. У каждого была достойная уважения «армия»: у Саши — бойцы легендарного Джузеппе Гарибальди, сражавшиеся против австрийских захватчиков, у Ани и Оли — испанские стрелки, отстаивавшие родину от наполеоновских полчищ. Володино же «войско» состояло из борцов за уничтожение рабства в Северо-Американских Соединенных Штатах. Его выбор во многом предопределила повесть Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», которая была, как запомнилось Дмитрию Ильичу, «настойной книгой» Володи и Оли.

Увлечения ребят были самыми разнообразными. Этой зимой по инициативе и под руководством Саши выпустили несколько номеров рукописного домашнего журнала «Субботник». С большим интересом ждали его выхода по субботам и дети, и взрослые. «Каждый из нас, — вспоминала Анна Ильинична, — должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им красочную обложку и добавлял что-нибудь от себя». Даже самые малолетние «сотрудники» журнала, Володя и Оля, взялись за дело охотно и, как настоящие литераторы, изобрели себе псевдонимы. Небольшого роста, коренастый Володя назвался «Кубышкиным», а худенькая и проворная Оля — «Обезьянковым» (вернее, «Абезянковым», как было написано под кривыми карандашными строками ее рассказа).

В юмористическом разделе, который вел сам редактор Саша, были смешные изображения курьезных моментов из жизни ребят. Тут был и Володя, запечатленный «в кислом виде» с пакетиком из-под пирожков, опустошенным одним из мальчиков-гимназистов, и отчаянно ревущая Оля, с подписью: «Оля, посылаемая спать». Как в порядочном журнале, не обходилось и без критика: в качестве «домашнего Белинского» выступала Аня.

«И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно, — завершает свой рассказ Анна Ильинична. — Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!»

Эта светлая атмосфера родного дома укрепляла у жизнерадостного и любознательного Володи уверенность в своих силах, развивала самостоятельность мышления, творческую инициативу и очень помогала лично учиться.

А уже первый класс для многих соучеников Володи оказался нелегким. Большинство получило на переводных экзаменах тройки, двоим мальчикам предстояла переэкзаменовка в августе, пятеро остались в второй год. А. Коринфский, М. Кузнецов и еще трое, как теперь говорят, «хорошистов» получили похвальные листы, то есть «вторые награды». Только Володя Ульянов и его товарищ Александр Писарев удостоились «первой награды» — похвального листа и книги с дарственной надписью. Но Володя оказался *первым учеником* — лишь в его таблице стояли одни пятерки.

ПАМЯТНЫЙ ГОД

Илье Николаевичу ежегодного отпуска не полагалось, но по окончании занятий в народных школах он обычно отправлялся на неделю-другую по делам службы в Казань, в управление учебного округа, совмещая эту поездку с путешествием своей семьи в Кокушкино. Все вместеплыли на пароходе до Казани, оттуда мать с детьми ехала на лошадях в деревню, где проводили лето и ее сестры с семьями, и если позволяли обстоятельства, то и отец подъезжал туда ненадолго.

Дети Ульяновых, волжане по рождению, очень любили путешествия по великой русской реке. «В летние вакации, — вспоминала Анна Ильинична, — отец каждый год брал нас, старших, прокатиться по Волге, что было лучшим нашим удовольствием и предметом дальних планов и разговоров». Старшие — это Аня и Саша.

В это лето, как бы в награду за завидные успехи, Илья Николаевич, направляясь в Казань и Кокушкино, решил взять с собой и Володю. Мария Александровна, которая уже всерьез занялась своим садом, осталась с меньшими дома. Володя, как впоследствии рассказывала старшая сестра, «бойкий мальчуган, очень желавший отправиться в путешествие, в последнюю минуту, когда пароход начал отчаливать от пристани, чуть-чуть не расплакался, глядя на оставшуюся на пристани мать, — он в первый раз расставался с нею, — и лишь особыми, ободряющими улыбками и жестами матери удалось удержать его слезы».

Увлекательное путешествие по Волге, конечно, рассеяло его грусть, а отдых в живописном Кокушкине, в обществе многочисленных двоюродных братьев и сестер и деревенских ребят прошел интересно и весело. Володя купался в речке Ушне, ходил за грибами и ягодами, участвовал во всех шумных забавах, играл в шахматы, читал.

Со свежими силами и новыми впечатлениями после летнего отдыха Володя в субботу 16 августа 1880 года пошел на занятия во 2-й «нормальный» класс. На этот раз — уже в основной корпус гимназии, вместе с шестиклассником Сашей.

К предметам 1-го класса прибавлялся новый европейский язык — немецкий или французский, по выбору ученика. Желающие могли заниматься обоими — расписание занятий это предусматривало. Володя, по примеру старшего брата, поступил именно так, добровольно взяв на себя дополнительную и, надо сказать, серьезную нагрузку. Впрочем, на такой шаг поначалу отважилась почти треть из 35 второклассников.

Теперь Володя увидел Якова Михайловича Штейнгауэра, подменявшего географа в 1-м классе, в его настоящем «амплуа» — учителя немецкого языка и автора давно популярного в стране учебника «Практическое руководство к изучению немецкого языка». По этой книге занимался и Володя. Внешне суровый, Штейнгауэр не мыслил жизни без гимназии и в действительности оказался добрым человеком. Характерный эпизод рассказывал один из его бывших учеников: «Единицу за перевод, единицу за грамматику, единицу за диктовку» и все это в один урок, а в четверти выведет не двойку, а тройку. Но пятерки у него получали только самые прилежные и одаренные, и в числе их Во-

лодя. Через много лет Н. К. Крупская вспоминала в связи с этим: «Ильич, улыбаясь, рассказывал, как его нахваливал в младших классах учитель-немец».

Преподавателем французского языка оказался только что переехавший из Минска шестидесятилетний Павел Николаевич Остер. Он был очень больным человеком, страдал от кашля и одышки, да к тому же отличался слабым зрением, сильной глухотой и «безгласием». По всему было видно, что и этот француз не способен должным образом вести свой предмет и тоже долго не задержится в гимназии. Володя лучше всех выполнял устные и письменные переводы с французского на русский и обратно, заучивал наизусть «легкие стихотворения» по 1-й части учебника Буссара. Своими успехами в языках Володя был обязан матери. Великолепно владевшая и немецким и французским, читавшая иностранную литературу на языках подлинников, она непринужденно обучала детей разговорной речи, устраивая им «французские» и «немецкие» дни. Новым учителем для Володи стал и недавно приехавший в Симбирск двадцатипятилетний питомец Казанского университета математик Василий Васильевич Толузаков. До этого ему довелось учительствовать всего лишь один год, в Царицыне, но свой предмет он знал твердо.

Более сложная программа, а в какой-то степени и смена преподавателей сразу же сказались на оценках второклассников: неуспевающих среди них стало значительно больше, чем в прошлом учебном году. Володя же по-прежнему сравнительно быстро справлялся с домашними заданиями, находил время для игр и чтения и, представляя родителям в конце недели дневник, радовал их неизменными пятерками. У него перед глазами были хорошие примеры. 27 ноября согласно традиции в Мариинской гимназии состоялся торжественный акт вручения аттестатов и наград выпускникам прошлого учебного года, и Аня, наконец получив свою большую серебряную медаль, теперь смогла положить ее рядом с серебряной отцовской. А ведь Аня была самой юной из выпускниц, причем и занималась-то в гимназии всего пять лет. По программам первых двух классов ее готовили дома. Это освободило скромный бюджет семьи от годовой 45-рублевой платы за обучение в течение этих лет (в Мариинской гимназии, находившейся «в ведомстве императрицы Марии», матери Николая I, от этой платы не освобождались даже дочери чиновников министерства просвещения).

И по уровню гражданской зрелости старшая сестра Володи заметно превосходила одноклассниц. Вместе с Сашей прочла еще на школьной скамье многих русских и иностранных классиков, переводила Г. Гейне, пробовала свои силы в самостоятельном поэтическом творчестве. Под влиянием Д. И. Писарева она всерьез штудировала естественнонаучную литературу и страстно стремилась к тому, чтобы поскорее «встать на ноги и не висеть на шее у родителей». По примеру отца Аня хотела стать народной учительницей, а когда выяснилось, что из-за юного возраста это пока невозможно, она занялась изучением педагогической литературы и опыта работы народных учителей Симбирска.

Саша по-прежнему шел первым учеником своего класса и, при всей своей необыкновенной скромности, пользовался большим авторитетом среди товарищей, знавших, что он никогда не откажет в совете и помощи и что на него можно положиться, «как на скалу, во всех коллективных

протестах». Не удовлетворенный гимназической программой обучения, он самостоятельно прорабатывает «Историю цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, «Историю умственного развития Европы» Д. В. Дрэпера (этот двухтомник он подарил Ане в день ее рождения или именин), другие социально-экономические исследования. С 14 лет Саша выписывал журнал «Исторический вестник», регулярно читал «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русские ведомости» — прогрессивные издания, которые отец получал на дом или брал в библиотеке. Серьезно занимался он самостоятельно и естественными науками.

Словом, родители могли быть довольны тем, что старшие дети не просто отлично учились, но и серьезно готовили себя к активной трудовой деятельности, тянулись к высоким гражданским идеалам. В свою очередь, Саша, Аня, да уже и Володя гордились подвижничеством отца на ниве народного просвещения.

Правительство отметило десятилетие «отлично усердной службы» Ульянова в Симбирске пожалованием ему чина действительного статского советника (штатского генерала). Сам же Илья Николаевич подвел итоги развития народного образования в губернии за 1869—1879 годы в специальном отчете, который стал известен всем ревнителям народной школы России по публикации в майской книжке «Журнала министерства народного просвещения» за 1880 год.

Казалось, что директор народных училищ преуспевает по службе. Положительные сдвиги в состоянии народного образования губернии были так очевидны, что правительство не могло не поощрить его руководителя и чинами, и орденами. Однако это благополучие было лишь внешним. В Петербурге, да и среди симбирских реакционеров в связи со складывающейся в стране революционной ситуацией росла тревога, что дальнейшее развитие народной школы станет угрозой для «самодержавия, православия и народности».

Свой первый удар реакционеры направили против Порецкой учительской семинарии — этого живительного родника педагогических кадров губернии, любимого детища Ильи Николаевича. Воспользовавшись тем, что некоторые учителя-поречане были уличены в атеизме и политической «неблагонадежности», они требовали закрытия семинарии или прекращения ей субсидий. Затем со страниц «Симбирской земской газеты» стали раздаваться упреки, что в народных училищах губернии союз «школы и религии» ослаб, что учителя «развивают ум разъяснением предметов чтения, относящихся к естествознанию, географии, истории, общественной жизни», но ничего не говорят детям о «великих реформах Александра II» и других «деяниях царя».

В такой обстановке 11 ноября 1880 года Илья Николаевич встретил 25-летие своей службы по министерству народного просвещения. Учителя симбирских народных училищ преподнесли ему теплый приветственный адрес и скромный подарок — мраморный письменный прибор.

В этот же день Илья Николаевич направил попечителю Казанского учебного округа прошение об оставлении его на службе еще на пять лет и назначении установленной законом пенсии. В этой просьбе не было ничего необычного, но новоназначенный министр народного просвещения А. А. Сабуров согласился оставить «Ульянова на службе только на один год...».

Много лет спустя Анна Ильинична, комментируя это неожиданно жестокое решение, писала: «Деятельность Ильи Николаевича стала падать под подозрение... Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни, тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка».

Вся семья переживала предстоящую скорую отставку отца. Десять с лишним лет он поднимал народное образование губернии с полной отдачей всех своих сил и способностей, а в награду — явное недовольство самого министра и перспектива жить на пенсию, когда старшей из шестерых детей — Ане только 16 лет, а Маняше — нет и трех... Приказ министра в начале 1881 года был напечатан в «Циркуляре Казанского учебного округа», а этот журнал выписывали не только Ульяновы. Он поступал и в библиотеки, и в училища, подведомственные Илье Николаевичу. О несправедливом решении стало известно родственникам, знакомым, подчиненным.

Как ни тяжело было на душе у отца, а этого не мог не чувствовать и Володя, он продолжал защищать Порецкую учительскую семинарию и земскую школу в целом от нападок реакционеров, искренне надеясь, что благородное дело просвещения народа уже никому не удастся повернуть вспять.

Вскоре, 1 марта, в Петербурге произошло событие, затмившее все другие толки: взрывом бомбы, брошенной народовольцем И. Гриневецким, был убит Александр II. Сообщение об этом небывалом для России событии поступило в Симбирск по телеграфу, и вскоре горожане узнали о нем из типографских листков, расклеенных в людных местах и продававшихся в киосках. «На гостином дворе, во многих местах базарной площади и на некоторых частных домах, — сообщали «Симбирские губернские ведомости», — развевались печальные флаги из белой и черной материи на древках, увенчанных крестом».

О том, как отнесся отец к покушению, Анна Ильинична писала так: «Помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора, где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, он был против террора». Анна хотела завязать разговор на эту тему с Сашей, но он отмолчался. Впоследствии она напишет о причинах несостоявшегося обмена мнениями: «Либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как его характеру было свойственно».

Правительство почти ежедневно рассылало сообщения о ходе расследования обстоятельств дела. При этом оно обязало руководителей всех ведомств организовывать соответствующие устные разъяснения «по поводу совершенного злодеяния» всем слоям населения и, конечно, учащимся. Уже 4 марта попечитель Казанского учебного округа предписал директорам гимназий, в том числе и той, где учились Саша и Володя

Ульяновы, специальный порядок проведения панихид «в девятый, двадцатый, сороковой, полугодичный и годичный дни» со дня кончины. Священники во время этих панихид рисовали картины «печальных» явлений последнего десятилетия, к которым относили развитие «религиозного неверия», «холодность к вере... и, напротив, излишнее пристрастие к светским развлечениям и удовольствиям», увлечение чтением «романов, светских журналов и книг» и интерес «к изучению и усвоению всевозможных, попадающихся в этих книгах, модных теорий». Все это, поясняли они, — благоприятная почва для появления личностей с «преступными» замыслами.

Однако официальным взглядам, сопровождавшим траурное событие, неофициально сопутствовали и противоположные толки и настроения, которые, естественно, впитывались и детьми. В силу своей детской непосредственности они порой выплескивали эти настроения, как говорится, открытым текстом. Вот характерный пример. Сын помощника Ильи Николаевича — инспектора народных училищ В. И. Фармаковского — Мстислав, младший брат Бориса, дружившего с Володей, так вспоминал о детских забавах того времени. Как-то, играя с ребятами, он, показывая на свой рисунок, воскликнул: «А вот убивают царя, вот летит рука, нога!..» Старушка-няня остановила его словами: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат!..»

Под влиянием мартовских событий начались волнения среди жителей слобод Симбирска. Они усилили самовольные порубки в городских лесах, избивали сторожей, отказывались платить подати. Попытки полиции навести «порядок» встретили отпор со стороны слобожан; власти были вынуждены отсрочить взимание налогов.

Брожение проникло и в гимназическую среду. В апреле 1881 года жандармы провели ряд обысков и уличили гимназиста А. П. Жаркова (Никитина), сына хозяйки, у которой до 1875 года на Стрелецкой квартировали Ульяновы, в ведении переписки политического характера с крестьянином Я. А. Лапшиным.

Вместе с тем официальные круги симбирского общества клялись в преданности трону, метали гром и молнии в адрес революционеров. В «Симбирской земской газете» появилась статья, авторы которой предложили свои средства для выдачи ста рублей в награду каждому, кто «задержит злоумышленника», распространяющего «слухи о переделах и даровых наделах крестьянам земли».

Немало слухов носилось в Симбирске относительно внутренней политики, которую изберет новый царь. Кое-кто надеялся на либерализацию режима, но Александр III в манифесте от 29 апреля внес полную ясность, заявив, что будет охранять самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее поползновений».

Трудно сказать, что именно из этих событий и толков было известно Володе, но так или иначе, они повлияли на развитого и смышленного одиннадцатилетнего мальчика. Не случайно Н. К. Крупская впоследствии подчеркивала, что «убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого *внимательно вслушиваться во все политические разговоры*».

На прошедших в мае годовых экзаменах 2-й «нормальный» понес большие потери: пятеро учеников сразу же были оставлены на второй

год, а четверо получили переэкзаменовку на август. В то же время сравнительно много — пять человек — были награждены похвальными листами, а Владимир Ульянов и его товарищи Александр Писарев и Михаил Кузнецов решением педагогического совета от 12 июня «за отличные успехи и прилежание» удостоились похвальных листов и книг. Очередную награду получил при окончании шестого класса и старший брат Володи.

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

После напряженного учебного года и майской маеты с экзаменами снова наступила желанная пора летних каникул.

С большой радостью встречали Володя и его братья и сестры начало купального сезона. На Волгу Ульяновы ходили редко — она ведь была почти в пяти верстах от дома, с очень длинным и крутым спуском к воде. А Свяга — близко: выйти из сада на Покровскую, и через четверть часа будешь у речки. К тому же тихая Свяга с пологими берегами очень удобна для детей. Илья Николаевич приобрел абонемент на два часа — утренний и вечерний — в частной купальне чиновника Д. Рузского. «За это время надо было выкупаться двум сменам: отцу с мальчиками и матери с девочками, — поясняла старшая сестра Володи. — Помню, как две части семьи встречались где-нибудь на полпути к Свяге — на тихом, поросшем травой склоне Покровской улицы». Невдалеке была и купальня некоего Коха. Мите запомнился каламбур отца, большого охотника до шуток и острот, который, бывало, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауэра, кричал ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский к Рузскому».

Володя уже хорошо плавал и взялся научить Митю плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить», — сказал он ему и показал, как надо действовать руками и ногами под водой. «Затем посадил меня на глубокое место, — вспоминал младший брат, — и сказал: «Плыви как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону Свяги».

Помимо уже привычных забав на воздухе, по инициативе отца появились новые. Во дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги». Требовалась сила и ловкость, чтобы, ухватившись за веревку, прикрепленную к кольцу на верхушке столба, разбежаться и, продев ногу в петлю, летать вокруг него как можно дальше и выше.

Но особенно Володя пристрастился к игре в крокет, который купил отец. Володя с большим удовольствием взялся за разметку площадки и установку дужек и «мышеловки». Эта игра увлекала соревнованием в точности удара деревянного шара таким же деревянным молотком; каждому партнеру хотелось поскорее пройти через все препятствия из металлических дужек-ворот от одного конца площадки до противопо-

ложного. Часто с площадки доносились реплики, заимствованные из служебного лексикона отца: «Шар отправился в уезд» или «Угнать этот шар подалее в губернию». По свидетельству Дмитрия Ильича, Володя играл лучше других, был непреклонен к нарушителям правил и беспристрастным судьей в спорах. Недаром ребята, приходившие сюда играть, говорили: «У Ульяновых играют честно».

Под влиянием матери все полюбили работу в саду. Еще с вечера мальчики наполняли кадки водой из колодца (сначала он был обычным, а потом Илья Николаевич устроил помпу для качания воды). Ранним утром Мария Александровна поливала сама, а по вечерам брались за дело вместе. «Помню всех нас, — пишет Анна Ильинична, — бегающих с лейками и ведрами, накачивающих воду из колодца, очищающих скребком дорожки и т. п. Мать... сумела заинтересовать и сплотить нас, так что трудовое начало — этот верный принцип в воспитании, проводился у нас очень охотно и дружно». Бывало особенно весело, если в общем деле мог принять участие и отец. После спорной работы часто пили чай в беседке, совмещая его с холодным ужином: бывало, Саша тащит в сад самовар, другие несут что кому под силу. По окончании чаепития ребята уносили из беседки все обратно домой, а девочки помогали матери мыть посуду.

В длинные и светлые вечера находилось время для настольных игр, изготовления различных поделок и чтения. Все более упорный характер приобретали и сражения за шахматной доской между отцом, Сашей и Володей. Словом, интересно и содержательно протекала жизнь Ульяновых, и все, кто их знал, отзывались не иначе как: «Замечательная семья!»

Наступил август с его усупенским постом, дящимся до 15-го числа. По традиции на следующий день обычно начинался новый учебный год. В 1881 году на 16-е пришлось воскресенье, поэтому занятия начались 17 августа. Третий «нормальный», как и другие младшие классы, помещался на нижнем этаже главного белокаменного здания гимназии. Из 38 учеников около трети для Володи Ульянова оказались почти незнакомыми, в большинстве своем — второгодниками. И это не случайно. Учебная программа третьего класса была значительно сложнее и труднее, чем предыдущего: чистописание сменилось историей древнего мира, алгеброй и греческим языком.

Изучение двух современных европейских языков и двух «мертвых» — латыни и древнегреческого — требовало громадного умственного напряжения и немалого времени. Особую трудность, почти непреодолимую для среднего ученика, представлял язык древней Эллады. Изучение его шло тяжело. «До сих пор, — признался Ф. М. Керенский в отчете за 1881 год, — я не находил ученика, который занимался бы греческим языком с любовью».

Володиному классу греческий преподавал Иван Яковлевич Христофоров — классный наставник и инспектор гимназии. Он был довольно гуманным человеком. Широкую известность приобрело его пособие «Этнографические и биографические очерки из всеобщей и русской истории», изданное в 1873 году в Петербурге, по которому занимался Саша Ульянов. И. Я. Христофоров принимал активное участие в общественной жизни города и губернии. Вместе с Ильей Николаевичем он помогал становлению чувашской школы в Симбирске. В «Симбирских губернских ведомостях» появлялись его статьи в поддержку земской

школы. Но греческий язык он сам знал не очень-то хорошо и поэтому, при всем своем старании, не мог привить учащимся любовь к нему.

Вместо В. В. Толузакова, уехавшего в Оренбург из-за конфликтов с Керенским, математику у Володи теперь вел заслуженный преподаватель Николай Михайлович Степанов, когда-то обучавший в Астраханской гимназии его отца. Выразительную характеристику этому шестидесятилетнему педагогу дал один из его питомцев: «Н. М. Степанов с виду был человек очень суровый; эту внешнюю суровость почему-то старался проявить на письменных экзаменах. Но в то же время был крайне отзывчивый человек. В классах обращал внимание на малоуспешных учеников; более способных вызывал очень редко. Но особенно дорого в нем это то, что он принимал сердечное участие в материальном положении беднейших учеников то денежным взносом за квартиру, то покупкой платья, то подыскиванием уроков. Исключительно благодаря его участию многим ученикам удалось получить гимназическое образование».

Уроки Н. М. Нехотяева, взявшего другой класс, стали вести два учителя. Русский язык преподавал 28-летний Павел Степанович Тихановский, питомец Казанского университета. По характеру — спокойный, несколько флегматичный человек, а как педагог — посредственный, предпочитавший не уходить далеко от учебника. Учителем же латыни у Володи теперь был... его двоюродный брат, 24-летний Александр Иванович Веретенников. Он только в прошлом году, после окончания Казанского университета, переехал в Симбирск и еще сам осваивал сложности преподавания древних языков. Но уроки он проводил старательно, и Володе они понравились.

Географ Н. С. Яснитский в этом году начал новый предмет — историю древнего мира. Рассказывал он живо, но сам материал изобилдовал таким длинным перечнем ничем не замечательных римских императоров, такими подробностями всех заграничных походов Юлия Цезаря, что мало кто мог прочно запомнить эту массу упоминаемых имен, дат и географических названий.

Старик учитель П. Н. Остер все-таки вынужден был уйти в отставку по болезни, и его часы по французскому языку на несколько месяцев разобрали преподаватели других предметов. Одно время вместо заболевшего Веретенникова уроки по латыни проводил восьмиклассник Иван Чеботарев. Впоследствии он вспоминал: «Зная Александра Ульянова, лучшего ученика 7-го класса... я при своих занятиях в 3-м классе обратил внимание на маленького Володю. Как сейчас, я вижу его — чистенький, хорошо упитанный, с высоким лбом, с гладко причесанными волосами, с внимательными глазами и вместе с тем необыкновенно скромный... Он держал себя солидно, не суетился и не лез со своим ответом, если вопрос обращали не непосредственно к нему. Когда же спрашивали лично его, он давал вполне обстоятельные ответы. По точности и сознательности ответов Володя Ульянов выделялся своим развитием и знанием среди учеников своего класса».

Хотя со времени убийства царя прошло уже полгода, общественное возбуждение еще не улеглось, и либеральные веяния проникали даже в стены гимназии. Педагогический совет обсудил меры по «устранению обременения учеников занятиями» и предложил учителям младших классов разъяснять на уроке задания на дом, а иногда даже и разучивать

их на уроке; новых слов по иностранным языкам задавать не более десяти; письменные работы на дом назначать «посильные для учеников менее даровитых и малоуспевающих».

Вводилась более удобная форма одежды гимназистов. Чтобы избежать «вредного влияния на здоровье детей твердого воротника и наглухо застегнутого, стягивающего грудь однобортного полукафтана», педагогический совет счел необходимым заменить его «обыкновенным двубортным сюртуком с отложным мягким воротником». Одобрил и предложение о замене синего сукна черным, «имея в виду сравнительную дешевизну последнего, а также то, что наиболее бедные родители могут пользоваться их собственным платьем для одежды сыновей». В интересах неимущих совет потребовал от преподавателей, по крайней мере, в течение двух лет «держаться уже принятых учебников».

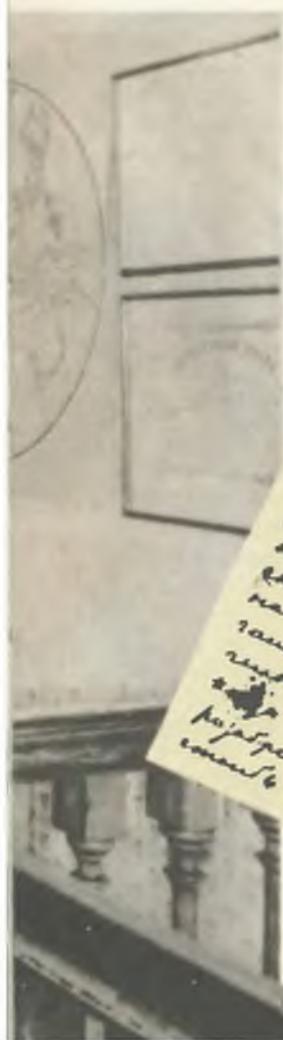
Немало нового слышал Володя у себя дома. По инициативе отца городская дума согласилась на создание женского и мужского приходских училищ, а затем и вечерних и воскресных классов «для ремесленников и других лиц, коим исполнение в течение дня своих обязанностей препятствует посещать городские школы». Но сотни мальчиков и девочек из-за нехватки помещений и средств все еще не могли сесть за парты. Тогда 17-летняя Анна Ульянова, официально уже зачисленная городской думой на должность «запасной учительницы», поместила 12 и 15 сентября 1881 года в «Симбирских губернских ведомостях» объявление об открытии своей домашней школы «для обучения детей обоюбого пола, а равно и для подготовки в средние учебные заведения». Володя мог гордиться смелым шагом старшей сестры, решившей обучать мальчиков и девочек, как говорится, на свой страх и риск, и готовностью родителей предоставить для этого помещение (скорее всего таким помещением мог быть флигель во дворе).

Однако гласные думы А. И. Алатырцев, Н. М. Степанов и другие сторонники Ильи Николаевича все-таки добились выделения средств на немедленное открытие новых классов. В одном из них, при 4-м мужском училище, занятия было поручено вести Анне Ульяновой. Необходимость в домашней школе, таким образом, отпала. А Аня стала официально народной учительницей.

В самом конце 1881 года пришло радостное известие из Казани: в ответ на прошение Ильи Николаевича новый министр народного просвещения А. П. Николаи согласился оставить его в должности директора народных училищ еще на четыре года. А в январе отец был награжден «за отлично усердную службу» орденом «Святого Владимира» 3-й степени. Для большинства чиновников, денно и ночью мечтавших о продвижении по служебной лестнице, получение такого ордена было пределом мечтаний, ибо его

1. Прошение В. Ульянова о желании подвергнуться испытаниям на аттестат зрелости.
2. Борис Фармаковский — гимназический товарищ Володи Ульянова. Оренбург, 1884 г.
3. «Письмо тотемам» Володи Ульянова Боре Фармаковскому. 1882 г.
4. В. П. Прушакевич.
5. Комната Володи Ульянова (Дом-музей В. И. Ленина).
6. «Дневник гимназиста» — нелегальный журнал, издававшийся старшеклассниками Симбирской классической гимназии. ►

15

ПИСЬМО ТОТЕМАМИ

ДНЕВНИКЪ ГИМНАЗИСТА.

Неделя 1

Письма к бабушке.

Милая бабушка!

Вы просто обаятели меня... Ну, конечно же
 люблю и не только так, как раньше, когда вы
 были маленькой девочкой, но сейчас, когда вы
 уже большая, красивая женщина, вы все равно
 любите меня, как прежде. И я люблю вас, как
 прежде. И вы знаете, я очень хочу увидеть
 вас, очень. И вы знаете, я очень хочу, чтобы
 вы приехали ко мне, чтобы мы могли поговорить
 и погулять вместе. И вы знаете, я очень хочу,
 чтобы вы рассказали мне, как вы живете, как
 вы работаете, как вы любите. И вы знаете, я
 очень хочу, чтобы вы рассказали мне, как вы
 любите меня, как прежде. И вы знаете, я
 очень хочу, чтобы вы рассказали мне, как вы
 любите меня, как прежде.

кавалеры приобретали права на потомственное дворянство. Но Илья Николаевич имел давний и прочный иммунитет к бацилле карьеризма. «Для него были важны не чины и ордена, — подчеркивала Анна Ильинична, — а идейная работа, процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил».

Молва об оставлении Ильи Николаевича на службе обрадовала всех его единомышленников и знакомых как в Симбирске, так и за его пределами. Один из них, В. И. Фармаковский, еще в прошлом году работавший помощником Ильи Николаевича, а затем получивший директорскую должность в Оренбурге, поспешил поздравить своего бывшего начальника с отрадной новостью. Илья Николаевич и Мария Александровна поблагодарили Владимира Игнатьевича и его жену за горячее сочувствие. Одновременно письмо своему товарищу Борису Фармаковскому отправил и Володя. Борис — симпатичный и очень развитый мальчик — был на три месяца старше Володи, но учился классом ниже. Он очень увлекался историей, рисованием и музыкой, был интересным собеседником и хорошим товарищем по играм. Поэтому Володя дружил с Борисом и поддерживал с ним переписку после отъезда его семьи в Оренбург*.

Володино послание Борису очень оригинально. Оно озаглавлено «Письмо тотемами». На кусочке березовой коры Володя в шуточной форме, с помощью искусно выполненных рисунков рассказывает (или напоминает) об одном из эпизодов летних игр. Не исключено, что это лишь один сохранившийся экземпляр из серии писем-загадок, которыми обменивались друзья.

Продолжительное время, даже после опубликования необычного письма в журнале «Юность» и газете «Пионерская правда», его содержание оставалось неразгаданным, пока за изучение не принялся знаток истории письменности В. А. Истрин. Вот его толкование: «Шесть центральных изображений (самовар, рак, аист и др.) являются подражанием тотемным знакам индейских племен (это подтверждается надписью «письмо тотемами» в правом верхнем углу письма); по-видимому, изображения эти воспроизводили шуточные клички ребят... Линии, соединяющие головы и сердца тотемных изображений, символизируют единство их мыслей и чувств. Линии эти направлены к некоему чернобородому человеку, купающемуся в пруду, и, вероятно, передают просьбу детей к этому человеку. О содержании просьбы рассказывают изображения в правой части письма. Проголодавшись в результате охотничьих игр (шесть фигурок с оружием и медведь справа от пруда), дети просят их родственника или знакомого прекратить затянувшееся купание, вернуться домой (изображение дома) и накормить детей (изображение колбасы, кувшина, хлеба, склонившихся над ним шести детских лиц с разинутыми ртами и знак вопроса). Лежащая фигура в верхнем правом углу письма показывает, что могло бы случиться, если бы просьба детей не была выполнена».

Что и говорить, у автора «Письма тотемами» и его адресата были высокая эрудиция и завидная фантазия!

Казалось, что обстановка для работы Ильи Николаевича склады-

* Впоследствии Б. В. Фармаковский стал крупным советским ученым-археологом, руководителем Института истории материальной культуры.

валась благоприятная. Однако уже весной в стране произошли серьезные перестановки в правительстве. Министром народного просвещения стал И. Д. Делянов, а внутренних дел — граф Д. А. Толстой — оба реакционеры. В Симбирске с новой силой возобновились нападки на питомцев Порецкой учительской семинарии, земскую школу в целом и дирекцию народных училищ. Открыто раздавались требования об установлении над земской школой контроля церковников. В общем, реакционеры добивались возврата к временам, когда начальное народное образование, как выразился с грустью инспектор К. М. Аммосов в письме к В. И. Фармаковскому, «состояло больше на бумаге, чем в действительности».

Несмотря на это, Илья Николаевич продолжал борьбу за развитие земской школы, опираясь на поддержку либералов — сторонников идей Ушинского, крестьянских и городских обществ губернии. Умело использовал он и противоречия или недомолвки в циркулярах.

Главным же для него по-прежнему оставалась семья. По выражению К. М. Аммосова, в семье он находил «всю свою отраду, и счастье, и утешение». Старшая сестра Володи писала об отце так: «Едва только вернется он, бывало, из разъездов и сядет усталый за самовар, как мы уже окружим его, и он спрашивает нас о занятиях, обо всем из нашей школьной жизни. И ничем нельзя его было порадовать так, как нашими успехами».

А успехи детей в учебе были неизменными. Не менее важным был их духовный рост, раннее формирование их гражданских позиций и идеалов. Благородные качества гражданина воспитывал сам отец, в первую очередь — своим самоотверженным трудом на благо народа, постоянным стремлением к справедливости, живым и деятельным участием в помощи братьям-славянам, боровшимся за национальное освобождение, любовью к демократической литературе, кругом своих знакомых, наконец, равнодушным отношением к получению дворянского звания*. Мать полностью поддерживала отца, обеспечивая, по словам Ани, «единый фронт воспитания». Не проходили для детей даром и чтение Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, и их личные впечатления от безотрадной действительности. Все это явилось мощным фундаментом демократизма и Володи, и всех его братьев и сестер.

Сохранилось школьное сочинение, написанное семиклассником Сашей в 1881 году на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». В нем Саша поставил на первый план такие качества личности, как 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание. Моральный кодекс брата сформировался, по-видимому, не без воздействия Д. И. Писарева, который напоминал читателям, что для тургеневского Базарова, Веры Павловны и Рахметова из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского прежде всего характерны неподкупная честность, взгляд на труд как на «смысл и цель своей жизни», а на ум и знание как на силу, против которой «не устоят самые окаменелые заблуждения».

Под влиянием Писарева Саша порвал с религией, и Володя иногда мог слышать за обедом, как отец спрашивал старшего брата: «Ты нын-

* Это право Илья Николаевич получил в 1877 году вместе с чином действительного статского советника, но юридически так и не оформил.

че ко всеобщей пойдешь?», а тот отвечал кратко и твердо: «Нет». И вопросы эти перестали повторяться.

Саша углубился в изучение естественных наук. Володя видел, с какой сосредоточенностью он самостоятельно штудировал «Основы химии» Д. И. Менделеева, «Круговорот жизни» и «Физиологические эскизы» Я. Молешотта, создавал лабораторию в своей комнатке. На те небольшие деньги, которые Саша зарабатывал частными уроками, он покупал спиртовки, пробирки, колбы и реторты в магазине Юргенса, аптеках. Позже стал выписывать химические приборы из Казани.

Цельность и жар, с которыми брат занимался химией, увлекли его гимназических товарищей. Один из них, Михаил Щербаков, зимой даже жил вместе с Сашей, на правах пансионера Ульяновых. Всячески поддерживая увлечение старшего сына, Илья Николаевич по заявке, составленной Сашей, получил в мае 1882 года из Петербурга посылку с большим набором приборов и инструментов. В их числе были не только различные воронки, пробирки, колбы, проволочные треугольники, «пробочные буравы», но и «песчаная баня», ретортодержатель Гей-Люссака, электрический элемент Бунзена и даже две настольные плавильные печи!

Ставить сложные опыты, например, по гальванопластике (электролизу) в своей комнатке Саше было не совсем удобно, так как запахи распространялись в Володину комнату и другие помещения. И вот удача: в связи с начавшимся ремонтом дома все переселились во флигель, а брат получил в свое полное распоряжение кухню во дворе. Вот здесь-то он наконец и оборудовал настоящую лабораторию, где в буквальном смысле и дневал и ночевал.

Эти усиленные занятия не могли не привлечь внимания Володи, и он принимал посильное участие в исследованиях, проводимых старшим братом, заимствовал, как подчеркивала Анна Ильинична, «серьезное отношение к делу... тянулся за книгами, которые читал Саша, спрашивал его советов».

Вообще у Саши можно было многому поучиться. Например, подготовке сочинений по русской словесности: составлению хорошо продуманных планов, тщательной отработке источников и другой литературы, строгой логичности в раскрытии темы, оригинальности суждений, без оглядки на общепризнанные авторитеты и лаконичности изложения.

Кстати, во время майских экзаменов 1882 года Володину классу по русскому языку были предложены три темы для сочинения: «1. Изобретение стекла финикийцами (по рассказу учителя). 2. Оратор Демосфен (по рассказу учителя). 3. Наша гимназия (описание по данному плану)». Неизвестно, на какую именно тему писал Володя, но работа его оценена была, как и все другие письменные экзамены (устных в младших классах не было), высшим баллом. И уже, словно по традиции, Володя решением педагогического совета был удостоен похвального листа и книги. Примечательно, что из 37 мальчиков только один Ульянов получил на сей раз первую награду. Шестерым соученикам, в том числе его товарищам А. Коринфскому, М. Кузнецову, А. Писареву и С. Сахарову, дали похвальные листы. Нескольким мальчикам предстояло держать переэкзаменовку в августе, а 15 — остались на второй год в третьем классе.

ВАЖНЫЙ РУБЕЖ

К середине июня ремонт был закончен, и семья перебралась из флигеля в дом. Отец собрался в Москву на только что открывшуюся Всероссийскую промышленно-художественную выставку. Его особенно интересовали достижения в народном образовании России. Ему хотелось, чтобы, как и в 1872 году, смогли поехать также и несколько народных учителей — расширить свой кругозор, познакомиться с постановкой работы в лучших училищах страны. Однако консервативное большинство Симбирской городской думы, относившееся в последнее время с заметной прохладцей к инициативам директора народных училищ, не выделило запрошенных им 150—200 рублей на поездку учителей в Москву. Конечно, этот отказ огорчил Илью Николаевича, но не явился для него большой неожиданностью.

Собираясь второй раз в жизни в столицу, отец решил сделать приятный сюрприз Ане и Саше: взять их с собой. Ведь они еще никогда не были в Москве. Володя только мог по-хорошему завидовать старшим, у него-то все еще впереди. Можно было порадоваться за них: ведь увидят наконец, какая она, Москва... Сколько нового узнают в разных павильонах Всероссийской выставки! Отец много интересного рассказывал о политехнической выставке 1872 года.

Но все обернулось совсем неожиданным образом. От заманчивого предложения отца поехать с ним Аня вдруг отказалась — глубоко и прочно запал ей в душу совет Писарева «не висеть на шее у родителей». Зная, каких дополнительных расходов потребует путешествие ее и Саши в Москву, она твердо заявила: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить». Мать уговаривала ребят принять предложение отца. Но и Саша, который так серьезно интересовался естественными науками и многое мог бы получить от посещения выставки, хотя и с оттенком сожаления, тоже отказался.

Из Москвы отец вернулся полный впечатлений. Володя с интересом ждал его рассказов, на которые тот всегда был большой мастер. А рассказать и показать ребятам было что. Павильоны выставки давали конкретное представление о прогрессе в металлургической, горнодобывающей, нефтехимической и других отраслях промышленности, в железнодорожном деле, производстве военной техники, строительстве. Можно представить, с каким удовольствием слушал Володя о том, как толпились посетители у металлострогательной машины и универсального сверлильного станка, искусно изготовленных ...воспитанниками Симбирского ремесленного училища. Нельзя было не гордиться земляками: за эти экспонаты училище, в создании которого принимал участие и отец, было удостоено диплома II разряда, приравняемого к серебряной медали, в то время как Нижегородское Кулибинское ремесленное училище было отмечено дипломом III разряда, а все другие волжские города вовсе не получили дипломов.

Вместе с тем было видно, как огорчен отец тем равнодушием, с которым отнеслось министерство просвещения к улучшению школьного дела. В отличие от выставки 1872 года здесь не производилось совеща-

ний учителей и руководителей народного образования губерний. Более того, на этот раз вообще не было учебного отдела как такового.

Аня и Саша вскоре уехали на отдых в Кокушкино, и в оставшуюся часть каникул отец много времени проводил с Володи и Олей, по-прежнему очень друживших между собой. Если у среднего сына учеба в гимназии уже прочно наладилась, то со средней дочерью дело обстояло не совсем обычно.

Оля была очень одаренной девочкой, с твердым характером и вместе с тем доброй и отзывчивой, отличалась редкой трудоспособностью и высокоразвитым чувством долга. Стараясь, как всегда, ни в чем не отставать от Володи, она много читала и по общему развитию далеко опережала своих сверстниц.

Восьми лет Оля поступила сразу в 3-е отделение женского приходского училища (с пятилетним сроком обучения), в то самое, куда бегал заниматься с В. П. Ушаковой Володя. Но проучилась она там всего лишь год, так как родители нашли, что она мала по возрасту для 4-го отделения, где в большинстве своем были девочки 12—13 лет. Два года с Олей занималась Аня, и вот теперь, в августе 1882 года, она поступила в 5-е, последнее отделение уже знакомого ей народного училища, только переехавшего с Панской улицы (ныне Энгельса, 4) на Большую Саратовскую, на второй этаж дома купца Сусоколова (ныне Гончарова, 28).

Итак, утром в понедельник 16 августа снова шагали вместе трое Ульяновых: Саша и Оля в выпускные классы и Володя — в четвертый, который тоже был ответственным рубежом. В прогимназиях, например, он официально являлся выпускным, а в гимназиях — последним из младших.

В 4-м «нормальном» классе насчитывалось 28 человек. Четверть соучеников Володи снова были второгодниками. Число предметов не изменилось. Официально появился лишь один новый — геометрия (вместо арифметики), который, как и алгебру, вел Н. М. Степанов. Но фактически добавился еще один предмет, так как большая часть уроков русского языка отводилась «древнецерковнославянскому языку». Преподавателем его был П. С. Тихановский. Вот теперь станет ясно, почему классические гимназии современники иногда называли филологическими. В самом деле, начиная с четвертого класса, удельный вес языков составлял ровно две трети всей программы.

Церковнославянский язык был нелегким предметом. Ученики должны были не только бегло читать, но и знать фонетику, словообразование и формы, а также главные особенности и отличия древнерусского и современного русского языков. Подробно разбирался текст довольно сложного Остромирова евангелия. Наряду со славянским на уроках русского языка происходили «чтение, разбор и заучивание образцов прозаических (описательных и повествовательных) и поэтических — преимущественно баллад Жуковского и Пушкина».

Новым для Володи и его соучеников было и то, что отныне они регулярно должны были писать домашние сочинения. В первом полугодии давались такие темы: «1. Описание окрестностей г. Симбирска. 2. Лошадь и польза, приносимая ею человеку. 3. Волга в осеннюю пору. 4. Как Ломоносов учился грамоте дома и наукам в Москве. 5. Глушь

и пустыня (сравнение). 6. Ярмарочный день в городе. 7. Птица и рыба (сравнение по плану)».

Если для написания 2, 4, 5-й и 7-й тем можно было использовать статьи и рассказы из «Детского мира и хрестоматии» К. Д. Ушинского или «Русской хрестоматии» Л. И. Поливанова, то сочинения на местные темы требовали наблюдательности, умения образно выразить на бумаге свои впечатления, воссоздать целостную картину увиденного.

Володя, конечно, интересовался сочинениями, которые писал Саша, и видел, что они были уже более сложными, требующими изучения серьезных источников. Например, чтобы написать домашнюю работу «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина», Саша немало вечеров просидел за чтением объемистых карамзинских «Писем русского путешественника» и фонвизинских «Писем из-за границы».

Сложность заключалась не только в большом объеме чтения, но и в критическом осмыслении ставших уже классическими писем двух выдающихся просветителей. Задавая эту тему, Ф. М. Керенский надеялся, что восьмиклассники, анализируя карамзинские «Письма», особенно те места из них, где говорится о Великой французской революции, сделают желанный вывод о предпочтительности эволюционного развития общества перед революционным. Что касается фонвизинских «Писем», то подразумевалось, что учащиеся позаимствуют ее из известной монографии «Фонвизин» князя П. А. Вяземского.

Саша понимал, чего от него ждут, но достаточно критически, хотя и лаконично, сформулировал взгляды знаменитого симбирянина на самый животрепещущий вопрос политической жизни: «К революции же Карамзин относится крайне враждебно; он смотрит на нее только как на бунт невежественного народа, приписывает ее незначительной части французского общества и не только не видит от нее никакой пользы для французской нации, но даже прямой вред».

В заключительной части сочинения Саша вновь упрекнул Н. М. Карамзина за то, что он «сквозь пальцы» смотрел «на темные стороны заграничной жизни», «мало останавливался на рассмотрении общественной жизни Западной Европы». Сравнивая же отношение «двух выдающихся деятелей русской литературы» к Отчизне, он с большой симпатией отозвался о Д. И. Фонвизине за то, что он «всегда горячо любил свою Родину» и «верил в ее большое будущее».

Последние слова в полной мере относятся и к самому Саше: он тоже был пламенным патриотом и более того — мечтал уже о личном участии в борьбе с «темным царством» за светлое будущее своего народа. Но пока, как выразился его товарищ гимназической поры П. Ф. Кудрявцев, Саша так страстно «взлелеял мечту о научной работе», что не мыслил жизни без науки. Ради нее он продолжал настойчиво овладевать гимназическим курсом, упорно выкраивая часы и для самообразования.

Равнялся на брата и Володя. Он по-прежнему шел первым учеником своего класса. Как и у Саши, у него выработалась привычка приходить в гимназию иногда на полчаса раньше, чтобы перевести для товарищей трудное место с греческого или латинского, объяснить сложную теорему.

Старшая сестра не замечала, чтобы Володя был особенно близок

с кем-либо из приятелей — «он был хорош со всеми», а идя впереди, он и другим помогал учиться.

Воссоздавая картины этой счастливой поры, когда вся семья еще была вместе, Анна Ильинична писала: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, — то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5».

Неизменно высшими баллами оценивались и письменные работы. Во втором полугодии по русскому языку Володя написал их шесть: «Подробное изложение прочитанного на уроках латинского языка из Корнелия Непота», «Кузнец и слесарь (сравнение)», «Описание своих занятий и впечатлений в форме письма к товарищу или родственнику», «Зима и старость (сравнение)», «Польза ветра» и «Описание весны».

В конце мая Саша отлично сдал экзамены на аттестат зрелости и был очень рад этому. Как-то просветлел весь, освободившись от изучения схоластических древностей и получив желанную возможность заниматься тем, к чему влекло призвание. Золотая медаль, которой он один был награжден при выпуске, открывала дорогу в любой университет.

Володя мог гордиться братом. Сам он столь же успешно закончил четвертый класс — самый ответственный, ибо, кроме письменных, теперь он сдавал и устные экзамены, на которых проверялись знания по всем предметам и за предыдущие годы учения. А экзамены, принимавшиеся комиссиями под председательством директора и инспектора, проводились очень строго. Пятерки были редкостью. Большинство учеников получали тройки. Даже такие, как ближайшие товарищи Володи А. Коринфский и М. Кузнецов, ранее достаивавшиеся наград, тоже попали в разряд троечников. Было немало и двоек. А на экзаменах по истории и греческому трое «заработали» по единице.

В конце концов после переэкзаменовок из 28 учеников 4-го класса лишь 14 стали пятиклассниками — ровно половина! И только Володя удостоился первой награды — похвального листа и второго тома «Жизни европейских народов (Жители Севера)» Е. Н. Водовозовой.

Принесла домой свою награду и Оля — за успешное окончание женского приходского училища. Теперь ей предстояло поступление в гимназию. Аня завершила свой второй трудовой год в народном училище, но на этом ее преподавательские заботы не кончались: рос очередной ее ученик в семье — самый младший из братьев — Митя, надо было завершить его подготовку к гимназии.

Решая окончательно вопрос о дальнейшем образовании, Саша выбрал естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Родители советовали ехать в более близ-

кую Казань, где к тому же были и родственники. Однако Сашу, страстно мечтавшего овладеть вершинами естественных наук, манил Петербург — своей высококвалифицированной профессурой, где он сможет учиться у Д. И. Менделеева, А. М. Бутлерова и других всемирно известных ученых. Теперь сбудется и давняя Анина мечта: она наконец поступит на Высшие женские Бестужевские курсы, и в далеком городе они будут рядом. Доводы были вескими, и родители согласились с желанием старшей пары.

Летом Саша хотел взять урок в деревне, чтобы своим трудом покрыть часть предстоящих издержек. Но родители решительно воспротивились, убеждая его в необходимости отдохнуть. Отец доказывал, что пока в состоянии выделять ему и Ане по 40 рублей в месяц для уплаты за жилье и питание. Саша уступил, заверив, однако, что ему будет достаточно и 30 рублей. Вот таким — волевым, скромным, кристально честным и чутким, готовым к напряженному труду, влюбленным в науку и питавшим интерес к общественным вопросам — видел Володя летом 1883 года брата перед его отъездом в Петербург.

А пока была прекрасная пора каникул, часть которых Володя провел с родными на лоне природы в Кокушкине.

В ПЯТОМ КЛАССЕ

За четыре года учения у Володи выработалось три маршрута в гимназию. Удобнее всего было идти по благоустроенной и оживленной Московской. Но в сухую погоду или когда Аня торопилась, Володя с Сашей часто провожали ее по Покровской до женской гимназии, а уж там сворачивали налево и по Большой Саратовской выходили на Московскую. Можно было пройти и по Троицкому (ныне Краснознаменному) переулку, мимо громадного трехэтажного корпуса из красного кирпича военной гимназии, но между ее воспитанниками и «классиками» отношения традиционно были натянутыми.

Во вторник 16 августа 1883 года Оле предстояло впервые идти на занятия в Мариинскую гимназию, куда она поступила в 4-й класс, миновав седьмой, шестой и пятый, а Мите — в подготовительный класс классической. Наверное, Володя и Митя сначала проводили Олю по Покровской — более коротким для нее путем, а дальше впервые пошли вместе на занятия, только Митя пока — в дом городского общества.

А через два-три дня всей семьей проводили на волжской пристани Сашу в далекий и незнакомый Петербург. Аня пока осталась дома — до получения письма от брата, который должен был подыскать жилье и уточнить условия приема на Бестужевские курсы. Когда же Саша сообщил, что необходимо представить аттестат и свидетельство о педагогической деятельности за период после окончания гимназии, отплыла пароходом и Аня. Лекции у нее начинались 12 сентября.

Сложную гамму чувств испытывал Володя: и радость за Сашу и Аню, и грусть от расставания с ними, и ощущение большей ответственности за свои поступки, как старшего из оставшихся детей в семье.

Пятый класс оказался в этом году самым многочисленным: в нем вместе с Володей занималось еще 60 ребят. Дело в том, что если начальных классов в гимназии было по два, то всех остальных, начиная с пятого, — только по одному. Кроме того, в пятый поступали и выпускники четырехклассной прогимназии города Алатыря Симбирской губернии.

Самой же важной новостью для Володи явилось то, что его классным наставником стал сам директор Ф. М. Керенский, который взял себе уроки латыни и нового предмета — русской словесности. Практически это означало, что он будет проводить уроки в пятом классе ежедневно, а три дня в неделю — даже по 2 часа. Зная исключительную строгость Керенского, ребята понимали, что для слабоуспевающих и лентяев пятый класс станет труднейшим испытанием.

Многие ученики начинали год с чувством полнейшей апатии, а то и с ненавистью ко всему в гимназии: к строгой дисциплине, учителям-формалистам, скучнейшим учебникам и даже к классным доскам. Вот как описывал свое настроение одноклассник Володи: «Первые послеэкзационные дни ходишь, бывало, как потерянный, за все принимаешь чуть ли не «из-под палки» и не упуская ни одного маломальски удобного повода к манкировке уроками... Являюсь на сцену тут и проводы несуществующих дядюшек, и всевозможные лихие болести... Но вот пройдет, бывало, с неделю после ваката... войдешь в обычную колею и погрузишься всецело в свои занятия». Володя же смотрел на учебу как на свой долг и «погружался всецело в занятия» с первого дня учебного года.

Кроме Керенского, в классе появился еще один строгий преподаватель — греческого языка — питомец Казанского университета, 33-летний Иван Алексеевич Ежов. Преподавая свой предмет, он умел оживить класс и, по воспоминанию современника, «не прибегая к морали и строгости, держал учеников в дисциплине». Находясь под влиянием директора, был очень скуп на оценки. Радовало появление в пятом классе 29-летнего историка с кандидатской степенью Сергея Николаевича Теселкина, которого Володя не раз видел дома в качестве гостя отца. О нем отзывались как о демократически настроенном, «живом, гуманном человеке и талантливом преподавателе». Не ограничиваясь пересказом учебника, он читал в классе отрывки из отличившихся художественными достоинствами исторических трудов Тьерри, Маколея, Грановского. Володя знал его и как заведующего гимназической библиотекой, который снабжал наиболее развитых и внушающих доверие учеников сочинениями Д. И. Писарева, В. Г. Белинского и другой литературой «обличительного» направления. Некоторые воспитанники Сергея Николаевича утверждали, что он давал им даже нелегально изданные книги известных писателей-революционеров П. А. Кропоткина и С. М. Степняка-Кравчинского.

С августа у Володи, кроме учебы, появилась новая забота — шефство над Славой и Борей Персияниновыми, которые в качестве пансионеров были помещены Марией Александровной и Ильей Николаевичем в комнате Саши. Конечно, какое-то значение имела и материальная сторона вопроса, но главной причиной того, что Ульяновы согласились взять в свой дом мальчиков, было желание помочь их уважаемым родителям. Мать их, Анна Николаевна (урожденная Пушина), была родст-

венницей декабриста И. И. Пущина, друга Пушкина. А отец, Лев Васильевич Персиянинов, врач по профессии, в селе Чилим Буинского уезда вместе с женой создал школу для крестьянских детей и многие годы безвозмездно лечил всех нуждающихся. Являясь членом уездного училищного совета, Персиянинов был одним из деятельных сторонников Ильи Николаевича в развитии школы.

Так уж случилось, что сыновья высокообразованных и гуманных родителей не отличались прилежанием в учебе и занимались в Алатырской прогимназии с незавидными успехами. Зная о том, как блестяще успевают дети Ульяновых, Персияниновы упростили Илью Николаевича и Марию Александровну взять к себе 15-летнего Славу и 11-летнего Борю, поступивших в 4-й и 2-й классы Симбирской гимназии, надеясь, что Володя им поможет и окажет на них благотворное влияние. Довольно скоро выяснилось, что братья не успевают по многим предметам и особенно слабы в латыни и французском языке. Володе предстояло ежедневно заниматься с ними в часы своего досуга.

Тем временем преподаватели, словно соревнуясь друг с другом, задавали пятиклассникам громоздкие задания, и каждую неделю в установленные дни Володе требовалось представлять на проверку письменные работы по разным предметам. В частности, по русской словесности он писал сочинения на темы: «Наводнение», «Горы: их красоты и польза», «Скупой и расточительный», «Не всякому слуху верь!». Сами по себе темы не сложны, но при их раскрытии требовалось показать эрудицию и «владение слогом». При этом полагалось использовать конкретные исторические и географические материалы, а также примеры из древних писателей, изучавшихся на уроках латыни и греческого.

В первое время после отъезда Саши Володе так не хватало брата: ведь все тринадцать лет своей жизни он привык видеть его рядом, равняться по нему, советоваться с ним, делиться радостями и огорчениями. Теперь он с нетерпением ждал почты.

В письмах из Петербурга Володю интересовало все: и как брат и сестра устроились с жильем и питанием, где бывают кроме университета и курсов, что читают. Но с особым интересом Володя перечитывал те места, в которых затрагивались события общественной жизни. Он понимал, что Саша и Аня, опасаясь проверки почтовой корреспонденции, не могут откровенно рассказывать о своем возмущении теми или иными действиями правительства, но уже умел читать между строк. И если Саша сообщил 27 сентября 1883 года отцу и матери, что они с Аней в этот день видели процессию на похоронах И. С. Тургенева, но на Волково кладбище «пройти было нельзя», то было понятно: этому мешали казаки и городовые. «Бывшие на кладбище говорили, что были произнесены там 4 речи: Бекетовым (нашим ректором), Плещеевым, Григоровичем и Муромцевым от Московского университета. Кроме них никому не позволено было говорить», — продолжал Саша. Выходит, правительство препятствовало общественности в выражении глубоких симпатий к писателю-гражданину.

Было над чем задуматься Володе при чтении письма брата. Ведь какие-нибудь три недели назад либеральная московская газета «Русские ведомости», которую отец выписывал на дом, в своем отклике на смерть И. С. Тургенева характеризовала его как «дорогой для нас

светоч», называла «вожаком, гордостью и славой» всей «русской интеллигенции». А в воскресенье, 4 сентября, по приглашению комитета Карамзинской общественной библиотеки, членом которой был и Илья Николаевич Ульянов, собрались на панихиду многие почитатели таланта покойного писателя. Там пел и хор мальчиков классической гимназии. «Симбирские губернские ведомости» подчеркивали, что более подходящего места для чествования памяти И. С. Тургенева в Симбирске, чем «Карамзинская библиотека, нельзя было и придумать — в этом хранилище литературных произведений ума человеческого едва ли не каждый день читались и будут читаться бессмертные произведения нашего знаменитого почившего литератора, автора многих повестей и романов, в которых с поразительной верностью художественным пером изображалась современная жизнь и выяснялись причины современного движения». Налицо было явное расхождение в действиях правительства и передовой общественности.

Подобные расхождения все чаще и тревожнее напоминали о себе. По-прежнему неопределенным было положение и основанной И. Н. Ульяновым Порецкой учительской семинарии. В свое время, не без влияния К. Д. Ушинского, правительство пошло на создание учительских семинарий. Теперь же оно относилось к ним с явной недоброжелательностью. Симбирские реакционеры, воспользовавшись политической «неблагонадежностью» поречан, дошли до того, что стали доказывать чуть ли не никчемность учителей нового типа. При этом они утверждали, что крестьянин желает лишь того, чтобы его ребенок был силен в знании слова божьего и пения духовного да умел бы читать по-славянски, по-русски и считать на счетах, а этот объем знаний лучше даст не учитель-поречанин, а приходской священник, и учительская семинария поэтому вовсе не нужна.

Илья Николаевич не раз выступал против подобных взглядов, а теперь, осенью, когда земство всерьез обсуждало вопрос о прекращении своих субсидий Порецкой семинарии, он направил в министерство просвещения свою «Записку об учительских семинариях и училищных советах», в которой заявил: «Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если только последним предполагается дать прочную и плодотворную организацию. В самом деле, можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не нуждается в преподавателях, специально подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя, и даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п.»

Понимал ли Володя меру гражданского мужества отца? Безусловно. Ведь, например, злобное высказывание о том, что в земских школах «задают тон полуграмотные верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и тракующие свысока священника», напечатал в своих «Московских ведомостях» М. Н. Катков, бывший идейным вдохновителем правительства Александра III. Это высказывание не раз повторялось в Симбирске его приверженцами. Все перипетии этой борьбы занимали настолько важное место в жизни отца, что не могли не обсуждаться дома. А жизнь

гимназии шла своим чередом. 6 ноября 1883 года Володя стал очевидцем важного и долгожданного события, о котором, наверное, сообщил и Саше. В этот день в присутствии начальства, родителей и учащихся (всего было до 700 человек) симбирский архиепископ «освятил» двухэтажный пристрой из красного кирпича к основному белокаменному корпусу гимназии. На торжественном обеде, устроенном в складчину преподавателями, в числе наиболее уважаемых граждан города были и Ульяновы. С этого дня здание Симбирской классической гимназии стало самым крупным и наиболее благоустроенным во всем Казанском учебном округе, от Астрахани до Нижнего Новгорода. Теперь все классы, в том числе и Митин первый, собрались под общей кровлей, а в актовом зале гимназии появилась возможность проводить торжества даже общегородского масштаба.

Перед рождественскими каникулами стали известны темы для домашних сочинений по словесности на второе полугодие: «Польза земледелия», «Отличительные черты поэзии лирической», «Польза путешествий», «Польза от изобретения письменности» и «Дурное товарищество вредно». А 20 декабря начались и желанные каникулы, продолжавшиеся до 7 января 1884 года.

Иногородние гимназисты на это время разъезжались по домам. Приехали родители и за братьями Персияниновыми. Благодаря усилиям Володи в классных журналах у его подопечных появились удовлетворительные отметки даже по французскому и латыни. Но должного прилежания у легкомысленных ребят по-прежнему не было, и Илья Николаевич, по словам Анны Ильиничны, «под благовидным предлогом болезни жены попросил родителей взять их».

Накануне каникул Володя принес домой табель успеваемости, и у отца появилась причина для серьезного разговора с сыном. Еще в четвертом классе у Володи произошли столкновения, чисто мальчишеского характера, с новым преподавателем французского языка Адольфом Ивановичем Пором. Этот ограниченный человек, втершийся в гимназию и привилегированное общество благодаря женитьбе на дочери симбирского помещика, постоянно крутился около Ф. М. Керенского, за что многие педагоги относились к нему пренебрежительно. Стал он мишенью и для острот Володи, точно подмечавшего смешные стороны в людях. Пор же, в свою очередь, мстил как мог. В третьей четверти он выставил первому ученику четверку за «внимание» на уроках. А в первых двух четвертях пятого класса опять поставил такие же четверки, хотя успеваемость и прилежание оценил высшими баллами. В ответ на внушение отца Володя дал слово повесить «внимание» на уроках французского.

Было некоторое осложнение и с греческим. В пятом классе за первую четверть 20 человек получили двойки, пятерок не было ни одной. Володе поставили четверку по предмету и первую и последнюю в его жизни тройку — за «прилежание». Конечно, трудно было заниматься греческим с большой любовью. Но это не снимало ответственности с Володи. Надо сказать, уже во втором полугодии он имел за «прилежание» четверки.

Незадолго до окончания последней четверти Володя получил первое за время учения в гимназии дисциплинарное взыскание. Он, как и другие ребята, с иронией относился к отставному офицеру, который вел

занятия по гимнастике. Собственно говоря, гимнастикой их можно было назвать с большой натяжкой. Из-за отсутствия приспособленного помещения, спортивных снарядов и площадки они сводились к маршировке, однообразным «приседаниям» и «взмахиванию руками» во время большой перемены в душном коридоре. Так что поводов для недовольства подростков имелось более чем достаточно. Как бы то ни было, а в весенний солнечный день 22 апреля 1884 года 28 пятиклассников, в их числе и Володя Ульянов, ушли с занятий по гимнастике, за что и были оставлены начальством на один час после уроков.

В середине мая приехала на каникулы Аня, а Саша задерживался со сдачей экзаменов до конца месяца. Вскоре началась горячая пора и у Володи. Весной он немало потрудился, чтобы показать на экзаменах твердые знания: в его таблице по всем девяти предметам стояли только пятерки, в том числе и по французскому и по греческому языкам. И в пятый раз по решению педагогического совета он был награжден похвальным листом и книгой.

Итоги же года для класса в целом были печальными. Из 61 пятиклассника уже ко второму полугодю отсеелось 18, а в шестой класс перешло лишь 38 человек. Эта безотрадная картина не могла не волновать Володю и не подводить к мысли о серьезных изъянах в методах обучения и воспитания и вообще в порядках, царивших в гимназии.

То же чувство недовольства охватывало многих гимназистов. Среди наиболее решительных из них решено было возродить нелегальные кружки и библиотеку, существовавшие несколько лет назад. Инициаторами стали бывшие одноклассники старшего брата Володи.

ЧТЕНИЕ РАСШИРЯЛО ГОРИЗОНТ

Начало занятий в 1884 году пришлось, как обычно, на 16 августа. Накануне прошел сильный дождь, и утро было пасмурным и прохладным. Термометр показывал всего лишь 10 градусов тепла. Расставшись с Олей — теперь третьеклассницей, — Володя и Митя быстро зашагали к своей гимназии. Подгоняла прохлада, да и вообще каждый спешил поскорее устроиться на новом месте.

Митин первый класс располагался на нижнем этаже старого белокаменного корпуса. Володин — тоже на первом, но теперь уже в новом, красном пристрое. Класс был угловой, светлый: три окна выходили в сторону Карамзинского сквера, а три — в сторону Волги, в гимназический садик. Комната, несколько меньшая, чем прошлогодняя, была тесно заставлена партами — в шестом собралось 42 ученика. К тому же здесь в трех шкафах хранилась ученическая библиотека. Классным наставником стал Александр Федорович Федотченко, который преподавал Володе арифметику еще в первом классе. Великовозрастных и рослых ребят, в основном второгодников, он рассадил на задних партах, а Володя как отличник получил место недалеко от кафедры.

физику. Получалось, что классный наставник встречался с ребятами ежедневно. Зато у Керенского в шестом классе было всего два урока, по истории русской словесности. Шесть часов латыни он передал Николаю Петровичу Моржову. Новому латинисту было 32 года, но в Симбирской гимназии он преподавал уже 10 лет, придя в нее сразу после окончания Казанского университета. В отличие от других симбирских учителей он увлекался охотой, был не прочь «пропустить рюмочку», любил пошутить и посмеяться. Не скрывал он и того, что с большим желанием преподавал бы историю, нежели латынь. Но так как это от него не зависело, он, по словам современника, иногда позволял себе на уроках заменять «латинский язык итальянским, читая в подлиннике и переводя «Божественную комедию» Данте». Правда, в шестом классе и без того была интересная программа: «Речи против Катилины» Цицерона, «Энеида» Вергилия.

Историк С.Н.Теселкин, заподозренный властями в политической «неблагонадежности», вынужден был переехать в Саратов, а на его место прибыл Александр Васильевич Кролюницкий — из Саратова... по той же причине. Ему было 40 лет, но обремененный заботами о многодетной семье, издерганный жандармскими придирками за связи с «вредными лицами», да к тому же флегматичный от природы, он выглядел старше своих лет. Уроки по истории средних веков вел толково, значительно обогащая учебник Д. И. Иловайского, и к ученикам относился мягко.

Вскоре после начала учебного года в шестом классе произошла смена законоучителей: уроки закона божьего (число которых, к счастью, уменьшилось с двух до одного часа в неделю) перешли от протоиерея Юстинова к преподавателю Симбирской духовной семинарии тридцатилетнему Николаю Александровичу Кенарскому, только что возведенному в священнический сан. К новенькой рясе он еще не привык, как не привык и к должности преподавателя гимназии. «Катехизис православной церкви» Филарета знал в совершенстве, но, по мнению Керенского, в преподавании Кенарского было «желательно видеть больше оживленности и умения сдерживать внимание в учениках». Кривил душой директор, отлично зная, что сам по себе закон божий никогда и ни у кого из гимназистов популярностью не пользовался.

По остальным предметам преподаватели были знакомые: француз А. И. Пор, немец Я. М. Штейнгауэр и учитель греческого И. А. Ежов. Последний объявил, что первое полугодие будет посвящено переводам на русский «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта. Не найдя этого сочинения в Симбирске, Владимир обратился за помощью к брату в Петербург.

Александр был постоянным и на редкость аккуратным «поставщиком» литературы для семьи. Еще 29 сентября по просьбе отца он послал брошюру «Математические софизмы» В. И. Обреимова: «Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы, — писал Александр и одновременно спрашивал: — Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?» Когда через три дня пришло письмо Володи с просьбой найти «Воспоминания о Сократе», Саша тут же купил эту книгу и уже 4-го выслал в Симбирск.

В шестом классе Владимир стал изучать курс истории российской словесности. Но программа этого предмета не могла вполне удовлетво-

ритель его. Слишком уж долгим оказался путь гимназического обучения к родной литературе: в первых трех классах изучались грамматика русского языка, в четвертом — церковнославянский, в пятом — стилистика, теория прозы и поэзии. Шестой же отводился исключительно истории древней литературы. В программу входили: «Произведения устной народной поэзии: былины, песни, пословицы и др. Начало письменности. Памятники XI и XII веков: Остромирово евангелие, Изборники Святослава, Поучения митрополита Илариона, Феодосия Печерского. Летопись Нестора, Поучение детям Владимира Мономаха, Кирилл Туровский. Хождение игумена Даниила. Слово Даниила Заточника. Патерик. Слово о полку Игореве, Серапион — его проповеди, Жития святых, Апокрифы, Повести, Сказание о Мамаевом побоище, Исторические сказания, Путешествие Афанасия Никитина».

Тематика домашних и классных сочинений тоже была далека от проблем современной действительности: «Влияние христианской религии на нравы и нравственное развитие наших предков», «Состояние Руси в XII веке по «Слову о полку Игореве», «Древнерусский книжник». Но и те, которые задавались Керенским для проверки способностей ученика рассуждать на заданную тему, были абстрактны и даже примитивны: «При каких условиях полезно чтение книг», «Каких благ лишается человек с потерей зрения», «Здоровье — первое благо человека». В кажущейся наивной первой теме был завуалирован и политический оттенок, ибо она неизбежно подводила ученика к необходимости рассуждать о «неполезном» чтении, то есть о книгах «вредного» направления. А уж темы «Причины и следствия крестовых походов» и «Письменное изложение прочитанного из речей Цицерона» были совсем далеки от русской словесности.

Владимир не мог не сравнивать эту программу с той, по которой училась Оля в женской гимназии, и, наверное, иногда завидовал сестре. В самом деле, Оля заучивала «Лес» А.В.Кольцова и «Лес» С.Т.Аксакова, отрывки из «Полтавы», «Песни о вещем Олеге», «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» А.С.Пушкина, читала главы из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя, писала сочинение по статье Н.М.Карамзина «О любви к отечеству», а он и на шестом году учения в гимназии все еще лишен возможности изучать на уроках творчество художников слова нового времени.

Однако благодаря отцу Владимир уже самостоятельно познакомился с лучшими творениями отечественной словесности. «Всех русских классиков, — с признательностью вспоминала Анна Ильинична, — мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники».

Теперь в комнатке Владимира, кроме настенной полки, стоял собственный книжный шкаф с учебниками и наградными книгами, а также подаренными родными и перешедшими по наследству от Саши. В аккурратном составленном каталоге значились почти все авторы, изучавшиеся в гимназии, а время от времени на его столе появлялись томики Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Д.И.Писарева, В.Г.Белинского, Г.И.Успенского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Д.Д.Минаева, Т.Г.Шевченко и других писателей и публицистов, не рекомендованных начальством.

Пользовался Владимир и Карамзинской общественной библиотекой,

членом комитета которой многие годы состоял отец. Тяга в симбирскую «публичку» была естественной. Ведь в ученической библиотеке классической гимназии в 1885 году насчитывалось всего 581 название в 886 томах. Далеко не каждый из 440 ребят мог получить здесь даже ту книгу, которую рекомендовали преподаватели. Литературные новинки, затрагивавшие злободневные общественные вопросы, сюда вовсе не поступали.

Как раз во время учения Владимира в шестом классе на основании циркуляра министра внутренних дел в Карамзинской библиотеке были изъяты из общественного пользования «Капитал» К.Маркса, сочинения русских писателей-демократов. В число «вредных» произведений попали даже «Рефлексы головного мозга» И.М.Сеченова. Однако эта полицейская «чистка», по словам современника-симбирянина, только подлила масла в огонь: «контрабандой почти все принялись за книги и перечитывали даже то, до чего, при отсутствии репрессий, и не докумекнулись бы дотронуться. Опальные авторы возросли в наших глазах, и самое запрещение было истолковано как солидная рекомендация».

Владимир, живо интересовавшийся общественными вопросами, с нетерпением ждал вестей из Петербурга: в это время в Москве и Киеве происходили студенческие волнения в связи с введением реакционного университетского устава. Саша сдержанно писал о своем отношении к этому нововведению: оно было явно отрицательным.

Аня, приехавшая домой на рождественские каникулы, рассказала подробнее об их с Сашей жизни в Петербурге, в том числе о посещении выставки антивоенных картин В.В.Верещагина, осмотре Петропавловской крепости, где четыре года пробыл в заточении Д.И.Писарев и томились другие борцы за свободу, и конечно, о намерении правительства закрыть Бестужевские курсы и гонениях на студенческие землячества.

Саша и этой зимой не приехал в Симбирск (стремясь максимально использовать время для научных занятий и из соображений экономии) и, словно стараясь загладить свою вину перед родными, чаще обычного шлет письма, выписывает им на дом еженедельник «Нива». 18 января, отвечая на очередной запрос брата, пишет домой: «Мои логарифмические таблицы у меня здесь. Я отошлю их Володе в воскресенье».

В письмах Александр кое о чем только упоминал, и поэтому, когда родные узнали, что он столуется в кухмистерской, то заинтересовались этим заведением. 14 февраля Александр ответил матери: «Ты желала, чтобы я написал тебе подробности про нее, милая мамочка. Устроилась эта кухмистерская через складчину между студентами; за приготовлением кушаний следит жена одного студента, она же закупает провизию. Кроме того, все обедающие студенты обязаны по очереди дежурить в кухмистерской (прислуги там нет) и ходить с хозяйкой на базар. Обедают там человек 40—50. Я вполне доволен тамошними обедами».

На следующий день после получения этого Сашиного письма у Владимира было свое дежурство — в гимназии, и с ним получилась, как говорится, неувязка: 20 февраля 1885 года «за неисполнение обязанностей дежурного» вместе с Дмитрием Жильцовым он подвергся второму за время пребывания в гимназии наказанию. В чем именно заключалась их провинность, неизвестно, так как в «Книге учета учеников, составляемых после 5-го урока», никаких других подробностей не записа-

но... Однако отметим, что больше фамилия Ульянова в документах учета провинившихся встречаться не будет.

В шестом классе, не без влияния старшего брата и чтения Д.И.Писарева, других писателей-демократов, у Владимира складывается сознательное критическое отношение к гимназическим устоям. Именно в это время прошло былое увлечение латынью, и этот мертвый язык он изучает уже только в пределах обязательной программы. «Мешать стало другим занятиям, бросил», — так впоследствии он пояснит Надежде Константиновне.

Со второй половины марта, когда началась последняя четверть, контрольные по всем предметам стали так плотно следовать одна за другой, что нельзя было позволить себе расслабиться ни на один день. И только во время двухнедельных пасхальных каникул появилось время отдаться занятиям «для души» — чтению, отдыху и развлечениям.

Светлым и памятным для жителей Симбирска стало 6 апреля — день тысячелетия со дня кончины великого просветителя Мефодия, создавшего вместе со своим братом Кириллом славянскую письменность. Владимир был очевидцем того, как отец деятельно готовился превратить этот знаменательный юбилей в праздник славянской и русской культуры, сделать его днем пропаганды идей братства народов, борьбы за просвещение народных масс: еще задолго до 6 апреля он выписал через Сашу из Петербурга две тысячи экземпляров брошюры «Жизнеописание Кирилла и Мефодия» с их изображениями для бесплатной раздачи учащимся в народных училищах губернии и предложил провести беседы о жизни и подвигах славянских первоучителей.

С утра 6 апреля из всех школ Симбирска стройными рядами потянулись мальчики и девочки с учителями и учительницами к Дому городского общества на общее собрание. В главной зале и смежных с нею комнатах, в коридорах и на лестницах собрались сотни горожан. После короткого и обязательного в торжественных случаях молебна на кафедре, с одной стороны которой стояла икона Кирилла и Мефодия, а с другой — высился искусно убранный зеленью и цветами огромный щит с буквами славянской азбуки, взошел Илья Николаевич Ульянов и, кратко напомнив о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, указал на стоящую перед всеми азбуку как «на первый дар первоучителей, принесенный в пользу славянского просвещения». В этот же день Владимир и Митя присутствовали на торжествах в классической гимназии, а Оля — в женской, но там они прошли не так интересно и с меньшим воодушевлением.

Все уроки после каникул были заняты повторением пройденного. Первыми в экзаменационную страду включились выпускники, а с 14 мая настал черед шестиклассников. Их знания проверяли испытательные комиссии, возглавляемые директором или инспектором. В приеме некоторых экзаменов участвовали не только учителя: по закону божьему — «депутат от епархиального ведомства», а по физике — почетный попечитель гимназии отставной полковник А.А.Пашков.

Особенно тяжелым оказался письменный экзамен по греческому языку: 15 ребят получили двойки, один — единицу, 20 — тройки, четверо — четверки, и только работа Володи удостоилась высшего балла. Нелегкими были и остальные экзамены: по словесности, истории, латыни, алгебре, геометрии и физике. Кроме Ульянова, пятерки получали

один-три человека. Было немало провалов, господствовали же в экзаменационных ведомостях тройки. Примечательна картина сдачи и по новым языкам. На устном экзамене по немецкому даже сын немца-пастора Генрих Курц не заработал высшего балла. Ульянов же получил его. А ведь Владимир в числе немногих, изучавших два языка, сдал на «отлично» и французский.

Общий итог переводных экзаменов был таков: девятеро остались на второй год, почти столько же получили переэкзаменовки. Некоторые сами отказались продолжать учебу. И только Владимир Ульянов имел по всем девяти предметам (с учетом годовых и экзаменационных баллов) «среднюю» отметку «пять».

Трудности учебы усугублялись и строгостью в дисциплинарном отношении: в 1885 году на учеников было наложено 915 взысканий при общей численности в 422 гимназиста. Все это приводило слабоуспевающих ребят, особенно из малообеспеченных семей, в отчаяние. Яркой иллюстрацией этого является трагедия, описанная в рапорте полицмейстера губернатору: «10 сего июня, в 8 часов вечера воспитанник Симбирской классической гимназии крестьянский сын, Карсунского уезда, Дмитрий Васильевич Потапов, 15 лет, с целью лишить себя жизни, выстрелил себе в правый висок, где пуля и засела. Потапов отправлен в земскую больницу. Причина покушения на самоубийство, по всей вероятности, — невыдержание экзамена в 5-й класс».

ПОД ПОКРОВОМ «БЛАГОПОЛУЧИЯ»

Владимиру и раньше доводилось подниматься по чугунной лестнице, изготовленной на местном чугунолитейном заводе Андреева, на второй этаж пристроя, где учились только два старших класса, ибо там находился и актовый зал. Но по-настоящему «своим» второй этаж стал для него в тот августовский день 1885 года, когда он вошел в седьмой класс и сел за парту у окна, близ массивной и высокой, со ступенькой кафедрой учителя.

Этот класс занимал самый спокойный уголок гимназии: в соседнем актовом зале уроки не проводились, а выпускники располагались за залом, у лестницы. Комната с тремя окнами, обращенными в сторону гимназического садика, была сравнительно небольшой, и если бы на уроки пришли все 35 семиклассников, то потребовалось бы установить трехместные парты. Но учеников оказалось меньше, чем могло быть: А. Старков (его брат станет соратником В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса») и А. Грузинцев, получившие четверки по поведению за «манкирование богослужения в праздничные и воскресные дни», перед самым началом учебного года забрали свои документы и уехали в Пензу.

В первые дни, как водится, ребята обменивались впечатлениями о летних каникулах, присматривались к новым соученикам. Ими стали

И. Иванов и М. Забусов, оставшиеся в 7-м классе на второй год из-за двоек по древним языкам.

Расписание уроков выглядело так:

Понедельник

1. История (русская)
2. Физика
3. Латинский язык
4. Греческий язык
5. Словесность

Вторник

1. География
2. Греческий язык
3. Латинский язык
4. Немецкий язык
5. Тригонометрия

Среда

1. Латинский язык
2. Физика
3. Алгебра
4. Греческий язык
5. Словесность

Четверг

1. Латинский язык
2. Французский язык
3. Греческий язык
4. Закон божий

Пятница

1. Латинский язык
2. Греческий язык
3. Логика
4. Тригонометрия

Суббота

1. Немецкий язык
2. Французский язык
3. Греческий язык
4. История (нового времени)
5. Латинский язык

Как видим, новыми предметами для Владимира стали логика, которую наряду со словесностью вел Керенский, и тригонометрия. Всю математику и физику по-прежнему преподавал классный наставник Федотченко. Новостью для семиклассников стала и смена учителей латыни: вместо Моржова появился Павел Васильевич Федоровский, который после окончания Казанского университета четвертый год служил в Симбирске. Это был небольшого роста, крепкого сложения, с правильными чертами лица и холеной бородкой, всегда франтовато одетый, с бесстрастным взглядом человек. Предмет свой знал досконально, требования к знаниям учеников предъявлял чрезвычайно высокие и за соблюдением дисциплины следил очень строго.

Федоровский любил устраивать короткие письменные проверки такого рода: диктовал 10 русских слов, которые ученики записывали столбцом, и тут же должны были написать напротив русских слов латинские. На все это давалось 10 минут, а потом следовала команда: «Руки положить, ручки убрать», и если кто-нибудь не выполнял приказа, то немедленно получал двойку в журнале. Домашние переводы Федоровский проверял скрупулезно, изложения правил требовал точного, по учебнику.

Когда всматриваешься в расписание занятий, зримо представляешь и трудности учебы, и настроение, с каким Владимир и его товарищи готовились дома даже к одному из самых легких дней, скажем — к четвергу, когда было четыре урока.

Из них — три языка. По каждому требовалось выучить десяток новых слов и ряд грамматических правил. Но главная трудность заключалась в письменных и устных переводах. По латыни — из 1-й или 2-й

книг «Истории» древнеримского историка Тита Ливия или из какой-либо песни «Энеиды» Вергилия. По греческому языку — из 1-й книги «Истории» Геродота, 9–10-й песен «Илиады» Гомера или диалога «Криптон» Платона. По-французскому переводились в основном авторы XVII–XVIII веков.

Последним уроком в четверг значился закон божий. Изучался он с первого класса, но с каждым годом значительно усложнялся. Запомнить все премудрости «Катехизиса» Филарета или «Истории христианской православной церкви» было не так-то легко.

С понятным интересом семиклассники знакомились с программой родной словесности и, к огорчению, снова убедились, что и в этом учебном году она была еще далека от современности. Почти половина уроков отводилась на изучение «Стоглава», «Домостроя» и «Переписки Иоанна Грозного с Курбским», а вторая половина — на творчество полузабытых авторов петровского и домоноссовского периодов. Не столько литературными, сколько историческими оказались темы для домашних сочинений, подобранных Керенским на первое полугодие: «Влияние монгольского ига на жизнь русского народа», «Бедность учит, а счастье портит», «Меры Петра Великого и распространение просвещения в России», «Причины и следствия крестовых походов». Вряд ли порадовала Владимира своей сомнительной нравственной ценностью единственная «свободная» вторая тема.

Между тем реальная действительность вторгалась в жизнь гимназии, будоража умы и сердца ее воспитанников. Без преувеличения можно сказать, что в старших классах все ученики обсуждали подробности арестов и обысков, начавшихся в Симбирске в самый канун учебного года. А случилось вот что.

11 августа проездом из Казани в Симбирске остановился учитель оренбургского приходского училища А.А.Малиновский. Раньше он был здесь тесно связан с нелегальным гимназическим кружком, во главе которого стоял бывший одноклассник и сосед Александра Ульянова (по дому Косолапова на Покровской улице) Валентин Аверьянов. Внезапный обыск, произведенный 15-го числа у Малиновского, позволил симбирским жандармам обнаружить «около десяти гектографированных брошюр революционного содержания, несколько прокламаций, а также бланки Красного креста «Народной воли» за 1885 год для сбора пожертвований».

Слухи об этом, как свидетельствует представление начальника губернского жандармского управления генерала П. М. Бадке прокурору, получили широкую огласку: «... об обыске знал почти весь город, как он осторожно ни был сделан 15 августа рано утром». Опасаясь за судьбу нелегальной гимназической библиотеки кружка В.Аверьянова, кузнец чувашской школы П.Фадеев, у которого она временно хранилась, с помощью подмастерья С.Полякова перевез 322 книги и 34 брошюры и тетради революционного содержания на квартиру своего единомышленника В.Маненкова (будущего писателя народного направления, помогавшего Алексею Пешкову познакомиться с Глебом Успенским). Однако квартирантка последнего случайно заметила перевозку библиотеки и донесла об этом жандармам, которые нагрянули и изъяли ее. Обыск в квартире П.Фадеева ничего не дал, а на допросах кузнец никого не выдал, упорно утверждая, что «книги

купил на базаре у неизвестного человека, между которыми могли быть и запрещенные издания». У В.Аверьянова при обыске жандармы отобрали «Основания политической экономии Милля с примечаниями Чернышевского», «Положение рабочего класса в России» Н.Федоровского и другую социально-экономическую литературу, но он тоже умело и стойко держался на допросах и скрыл свои конспиративные связи с казанскими студентами В.Бурлаковым, Д.Гончаровым, В.Волковым — тоже бывшими одноклассниками Александра Ульянова.

Примечательно, что в библиотеке симбирских гимназистов наряду с народовольческими изданиями имелись «Манифест Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса, издания плехановской группы «Освобождение труда», в частности, брошюра «Рабочее движение и социальная демократия» П.Б.Аксельрода.

В ходе расследования жандармы запрашивали сведения о Фадееве, Маненкове, Аверьянове и некоторых других кружковцах у руководителей учреждений и ведомств Симбирска. Среди этих руководителей оказались и знакомые Ульяновых. Генерал Брамке просил А.Ф.Белокрысенко дать характеристику на подчиненного ему по службе вольнонаемного писца В.И.Маненкова. О нем же, как бывшем воспитаннике чувашской школы, и о П.А.Фадееве, преподававшем там же слесарное и кузнечное дело, получал запросы руководитель чувашской школы И.Я.Яковлев. Поскольку же Маненков в 1879 — 1884 годах работал сельским учителем, жандармский генерал письменно запросил о нем и И.Н.Ульянова: «Какого он направления и образа мыслей?» Илья Николаевич сообщил лишь известный факт — что этот учитель имел столкновение с местным священником и уволен со службы по требованию Симбирской духовной консистории. В образе же мыслей Маненкова директор народных училищ не замечал «ничего предосудительного в нравственном и политическом отношении».

Илья Николаевич не мог не обсуждать истории с гимназической библиотекой с Белокрысенко, Яковлевым и Сашей. Надо полагать, что на эту тему он беседовал и с Володей и предупредил о необходимости быть осмотрительным в делах такого рода.

Что же касается Владимира, то он, несомненно, знал о существовании кружковой библиотеки, ибо начиная с 4-го класса почти все гимназисты еще в сентябре 1884 года давали на эту библиотеку деньги и книги: сам-то он учился уже в 6-м классе и не мог остаться в стороне от столь важного общественного дела. Профессор Б.М.Волин, например, утверждает в своей книге «Ленин в Поволжье», что Владимир «был причастен к подобным гимназическим кружкам. Его семья об этом не знала. Уже с юношеских лет Ленин был хорошим конспиратором».

В эти же августовские дни 1885 года в «Симбирской земской газете» стал печататься очередной «Отчет» Ильи Николаевича о состоянии народных училищ губернии, в котором он мужественно отвечал на все выпады местных реакционеров на земскую школу и выразил непоколебимое убеждение в правильности пути, намеченного еще К.Д.Ушинским. Понятно, что, прежде чем сдать отчет в редакцию, он советовался с родными, выступать ли с этим документом в газете или нет. Ведь обнародование «Отчета» в печати вызовет ярость противников «новой педагогии», а следовательно, опасность его досрочного увольнения в отставку. А так как публикация состоялась, то есть

все основания полагать, что беседы с Александром (он был дома на каникулах) укрепили решимость отца продолжать борьбу за дело своей жизни. Старший брат Владимира, всегда такой уравновешенный, настолько был возмущен вылазками реакционеров, причем, естественно, не только симбирских, что как-то особенно резко заявил о своем намерении бороться с силами, враждебными прогрессивным стремлениям общества. Илья Николаевич по-прежнему верил, что Саша успешно закончит университет, останется на кафедре для подготовки к профессорскому званию и станет настоящим ученым. Но его встревожил решительный настрой сына, и он попросил Анну перед ее отъездом в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

Разгром властями аверьяновского кружка не искоренил «крамолы» в Симбирской гимназии: осенью того же года старшеклассники наладили выпуск нового нелегального рукописного журнала «Дневник гимназиста». По внешнему виду он представлял собой школьную тетрадь, в которой все тексты написаны четким ученическим почерком, черными чернилами.

Редактор «Дневника гимназиста», скрывавшийся под псевдонимом «С. Колюпанов» (очевидно, это А. Коринфский), излагая свои взгляды на задачи журнала в № 1 от 9 декабря, подчеркивал, что этот орган посвящается «исключительно гимназическим делам». Но это заявление было сделано для отвода глаз. На самом деле каждый номер нелегального журнала был пронизан стремлением пробудить у молодежи потребность в запрещенной литературе, интерес к «политике» в полном смысле слова.

Это стремление отчетливо выражено в библиографической заметке того же первого номера журнала: «Тяжелое время настало теперь для всякого читающего человека. Все почти лучшие авторы «изъяты» из употребления. Лучшие журналы тоже. Поэтому приходится каждому, кто желает хоть несколько образоваться, приводить в известность книги, имеющиеся у знакомых, выписывать новые журналы, пользоваться некоторыми статьями, которые помещены в не изъятых из употребления журналах, и т. п. Вот на этом трудном пути отыскания духовной пищи мы и хотим подать руку помощи нашим читателям». Переходя от слов к делу, безымянный обозреватель «Дневника гимназиста» указывает, в каких именно номерах журналов «Вестник Европы», «Русское богатство» и «Русская мысль» были опубликованы «Новь» И. С. Тургенева, «Пестрые письма» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Сельский учитель» В. Г. Короленко, «Жизнь в городе» Л. Н. Толстого, а также очерки, рассказы и повести Н. Н. Златовратского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. В. Шелгунова, Г. И. Успенского, Н. И. Наумова и других популярных в демократической среде авторов. Коснувшись «Русских ведомостей», он подчеркнул, что эта московская газета представляет особый интерес, ибо в ней «участвует знаменитый *Чернышевский*. Он живет в Астрахани и посылает оттуда фельетоны и корреспонденции в эту газету».

Поразительна осведомленность симбирского юноши! Ведь все произведения Н. Г. Чернышевского, томившегося после Сибири в астраханской ссылке, появлялись в печати только под псевдонимами. Удивляет и то, что редакция «Дневника гимназиста» располагала информацией о конфиденциальной переписке канцелярии своей гимназии —

вот отрывок из «Литературных заметок»: «Интересные времена настали! Нам, гимназистам, запрещено читать «Семью и школу», наравне с «Народной волей» и подобными нелегальными изданиями. Библиотекарь ученической библиотеки Н. М. Нехотяев каждый год посылает в Казань попечителю (учебного округа. — Ж.Т.) список книг, которые хотел бы выписывать, и второй год г. Масленников (попечитель. — Ж.Т.) вычеркивает революционную «Семью и школу». Заключение было сформулировано в лучших традициях демократической сатиры: «Остерегайтесь, товарищи, читать этот социалистический журнал!»

В различного рода материалах «Дневника гимназиста» так много говорилось про «социализм и коммунизм», что один из читателей в своей заметке воскликнул: «Неужели, в самом деле, это действительное направление журнала?» Эта оценка, конечно, вольно или невольно преувеличена, но рассуждения о будущем обществе — царстве свободы, равенства и братства в самом деле встречались довольно часто. Иногда они наивны, но порой довольно серьезны, и приходится либо поражаться логичности мышления неизвестного юноши, либо теряться в догадках об источнике, из которого он заимствовал политические доктрины.

Особенно примечателен в этом отношении очерк «Сон. (Популярное изложение социализма)», появившийся в журнале в начале 1886 года. Его автор, рисуя Симбирск 2086 года, подчеркивает, что в России фабрикантов и помещиков уже нет, а все труженики равноправны, трудятся в пользу государства и от него получают все необходимое. «Сон» вызвал отклики читателей. Один из них критиковал очерк за то, что в нем «перепутаны понятия «социализм и коммунизм» и встречаются явные противоречия: «Сначала говорится, что все люди равны, а между прочим, есть царь, который издает законы. Не думаю, — едко заключил гимназист свой отзыв, — чтобы какой-нибудь царь стал издавать подобные законы».

Касаясь злободневной действительности, редакция «Дневника гимназиста» рассказывала о практике создания нелегальной библиотеки в Саратовской гимназии, деятельности запрещенного симбирского землячества в Казанском университете, давала советы по изготовлению в домашних условиях, — ни много ни мало — динамита (!) и «массы для гектографирования», намекала на политическую неблагонадежность преподавателя-историка А. В. Кролюницкого, которого и переместили по этой причине из Саратова, отправив туда не менее демократически настроенного историка Симбирской гимназии С. Н. Теселкина. В целом же руководство журнала и актив его читателей полагали, что от разговоров о социализме надо переходить к утверждению правды в жизни. Молодое поколение искало конкретное дело для приближения светлого завтра.

Принимал ли участие в издании рукописного журнала Владимир? А. Коринфский, который в 1885 — 1886 годах был в самой гуще всех начинаний гимназистов, припоминал, что Ульянов просматривал с интересом такие рукописные журналы, «но сам не принимал ни в одном из этих «изданий» участия как сотрудник». Но ведь журналы-то были нелегальными, и их авторы выступали только под псевдонимами. И трудно представить себе, чтобы Владимир, признанный лидер класса, постоянно помогавший товарищам в учебе и стоявший на

голову выше их в общем развитии, инициативный юноша, воспитанный в демократической семье, с детства впитавший решимость бороться с «бичами страны родной», мог остаться в стороне от столь важного в гимназической жизни начинания, как выпуск своего, бесцензурного журнала.

Начальству не удалось напасть на след «Дневника гимназиста». Ф. М. Керенский, возглавлявший по совместительству и женскую гимназию, не знал, по-видимому, что и старшеклассницы издавали свой журнал «Скорбный лист», редактором которого была Ольга Ульянова. Но о самой возможности выпуска таких «подпольных» изданий было известно многим, в том числе и властям предрержащим.

УРОКИ ОТЦА

Брожение в гимназиях, где учились Владимир и Ольга, не было тайной для Ильи Николаевича. В молодости он сам отводил душу сокровенными разговорами в тесных кружках, распевал запрещенные песни. Но ему ведом был печальный опыт расправы властей со свободолюбивой молодежью, и он беспокоился за Владимира, у которого наметилось критическое отношение к некоторым преподавателям, вообще к гимназическим порядкам, а также к религии.

Столкновения Владимира с учителем-французом, начавшиеся в четвертом классе и продолжавшиеся в пятом, возобновились и в седьмом. Раздосадованный Пор стал настаивать «на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть». Если бы педагогический совет согласился с таким требованием, дело могло иметь серьезные последствия и, скажем, при выпуске надеяться на получение золотой медали уже было бы нельзя. Илья Николаевич с беспокойством рассказал об этом инциденте Анне во время рождественских каникул и добавил, что «Володя дал ему слово, что этого больше не повторится». Сын сдержал свое обещание: во всех последующих четвертях по французскому языку он имел только пятерки.

Почти одновременно с этой историей началась другая, еще более серьезная. Как мы помним, первым в семье порвал с религией и по возможности стал избегать церковных служб старший брат Владимира. Это не ускользнуло от взоров младших, давая им пищу для размышлений. Настала пора, когда и они стали неисправно посещать церковь. Как-то дома в разговоре со знакомым учителем Илья Николаевич посетовал на это. Гость, увидев проходившего мимо кабинета Владимира, с улыбкой сказал: «Сечь, сечь надо». Возмущенный Владимир, по словам Н. К. Крупской, «решил порвать с религией, порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю». День окончательного разрыва с религией запомнился ему на всю жизнь. Отвечая в 1922 году на вопрос анкеты для всероссийской переписи членов РКП(б), с какого возраста неверующий, Владимир Ильич написал: «с 16 лет».

Неизвестно, что говорил Владимиру после его разрыва с религией отец. Наверное, как в свое время с Саши, взял с него слово, чтобы он хотя бы в гимназии не говорил об этом: ведь за открытый атеизм грозило немедленное исключение, причем с «волчьим билетом».

В этот важный для Владимира период Илья Николаевич при всей своей занятости старался выкроить время для задушевной беседы с ним, неприметно подсказать занятие, в котором он мог бы с пользой для себя и других найти применение своим способностям.

Очень доволен был отец, когда Владимир по просьбе И. Я. Яковлева взялся подготовить даровитого, но не имевшего даже среднего образования учителя-математика Н. М. Охотникова к выпускным экзаменам по древним языкам за курс классической гимназии.

Не прошло мимо отца увлечение сына «Войной и миром» и другими произведениями Льва Толстого. То ли по его просьбе, то ли по собственной почину, но после бесед с Владимиром Илья Николаевич попросил Александра узнать в Петербурге об условиях подписки на новейшее, пятое издание полного собрания сочинений великого писателя.

Не отказывался Илья Николаевич сыграть с Володей партию-другую в шахматы. В этих шахматных баталиях сын все чаще одерживал верх. Дмитрий Ильич позже вспоминал, как однажды, войдя в столовую, Илья Николаевич сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе нужно познакомиться с NN и с ним играть (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске...)». Известно, к какому именно из двух братьев Ильиных посылал отец Владимира, но оба они были игроками, известными далеко за пределами родного города. Петр Дмитриевич Ильин в 1875 году издал в Симбирске брошюру «Некоторые данные к анализу шахматной игры русского любителя», а имя Николая Дмитриевича довольно часто встречалось в столичном еженедельнике «Всемирная иллюстрация» и «Шахматном листке» М. И. Чигорина.

В свое время Илью Николаевича беспокоило, что Владимиру многое удавалось легче, чем даже Саше: не скажется ли это на его усидчивости, не станет ли он верхоглядом? Но нет, Володя, единственный из братьев, сумел миновать пригготовительный класс. Его коллекция похвальных листов и наградных книг была самой большой в семье. Ненавистную для всех латынь одолел без особых мук, да и с греческим справлялся успешнее, чем старший брат. По новым языкам — немецкому и французскому — явно преуспевал, а по словесности Владимиру, похоже, не было равных за все годы директорства Ф. М. Керенского в Симбирской гимназии. Даже по логике он и за первую, и за вторую четверти получил пятерки — таких отметок по этому труднейшему предмету, да еще с таким строгим педантом, как Керенский, не получал и Саша.

В отроческие годы характер у Владимира стал заметно уравновешеннее, чем в детскую пору. Прошло увлечение латынью, зато возрос интерес к математике, естественным наукам. Теперь на досуге он в первую очередь стремился уединиться с книгой. Регулярно просматривал газеты и журналы, внимательно читал заинтересовавшие его материалы, самостоятельно осмысливал сложные явления действи-

тельности. Не могли остаться вне его интереса и проблемы народного образования, так волновавшие отца.

В конце 1885 года для Ильи Николаевича сложилась очень тревожная обстановка. Усилились нападки реакционеров на возглавляемую им дирекцию народных училищ, а начальство учебного округа тянуло с предоставлением ему возможности продолжить службу еще на одно пятилетие. Даже некогда либеральные земцы, особенно Сызранского уезда, рьяно ратовали за насаждение церковноприходских школ и «усилению духовно-нравственного элемента» во всех народных школах и вместе с тем выражали сомнения в желании нынешней дирекции народных училищ претворять правительственные предначертания в жизнь. Это был открытый выпад против Ильи Николаевича, о котором он узнал в декабре во время пребывания в Сызрани. После осмотра школ он задержался здесь, чтобы встретиться с Аней, едущей на рождественские каникулы в Симбирск.

Вспоминая эту встречу, Анна Ильинична рассказывала: «Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью... Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни».

Домой они прибыли в среду, 25 декабря, на рождество, к началу каникул у Владимира, Ольги, Дмитрия. Отец старался скрыть свое крайнее расстройство и выглядел сравнительно жизнерадостным. Порадовала его и Аня, сообщив, что Саша успешно завершает свою научную работу для университетского конкурса.

Первые дни нового, 1886 года Илья Николаевич, как обычно, напряженно работал над составлением отчета о состоянии народных училищ губернии за прошедший календарный год. Обработка сведений, представленных пятью районными инспекторами, и собственных наблюдений при осмотре за год 74 школ (в 25 из них он побывал по три раза) не представляла особых трудностей для опытного директора. Его больше беспокоила та часть отчета, в которой требовалось как-то отразить выполнение «высочайше утвержденных» правил о церковноприходских школах.

Ни словом не прокомментировав рост их численности, Илья Николаевич, словно в ответ на назойливые заявления реакционных публицистов о том, что народ якобы недоволен земскими школами и хочет учить своих детей в церковноприходских, убедительно показал, что и в 1885 году «самыми главными вкладчиками на дело народного образования являются сельские общества». В заключительных же строчках «Отчета» выразил глубокое удовлетворение ревностным отношением «самого народа, с особенной охотой отдающего в школу детей и предпочитающего обучение в правильно организованных училищах домашнему обучению у старок...».

10 января Илья Николаевич занемог и работал уже полулежа на своем диване в домашнем кабинете. На следующий день самочувствие его ухудшилось, что немало обеспокоило всю семью. Мать пригласила доктора М. В. Лекгера, который констатировал «гастрическое состояние желудка». Утром 12 января Володя узнал, что отец провел ночь почти без сна, продолжая трудиться. Аня читала ему служебные

бумаги, но, заметив, что ему плохо, убедила прекратить работу. С утра он опять занимался делами вместе со своим другом и помощником В. М. Стржалковским. Доктор отметил улучшение его состояния. Однако обедать отец не захотел и прилег на диван. А в пятом часу мать в тревоге позвала Аню и Володю. Вызванный снова Лекгер уже не успел оказать помощь: Илья Николаевич скончался...

Доктор предположил, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг. А может быть, как полагали другие, сердце не выдержало напряженной работы и огромных переживаний, которые ускорили для Ильи Николаевича роковую развязку на 55-м году жизни. Непосредственную причину его скоростижной смерти один из чиновников в письме к министру просвещения сформулировал так: «С директором народных училищ Ульяновым сделался удар при известии, что он оставлен на один год, — удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы».

Горе, так внезапно обрушившееся на семью, было в жизни Владимира первым и неимоверно жестоким ударом. Но он понимал, что должен не только найти в себе силы вынести всю боль этой невосполнимой утраты, но и в отсутствие старшего брата стать главной опорой для убитой горем матери.

Три дня нескончаемым потоком шли люди к дому Ульяновых, чтобы проститься с выдающимся педагогом и просветителем и высказать слова сердечного соболезнования. Владимир воочию убедился, каким авторитетом, уважением и любовью в действительности пользовался его отец среди учителей губернии, учеников, сослуживцев, интеллигенции города, знакомых, соседей — всех, кто его знал и как деятеля народного образования, и как человека.

15 января огромная процессия провожала его в последний путь на кладбище Покровского монастыря. Гроб с телом отца, который нес Владимир, был для него самой тяжелой ношей...

Скоростижная смерть Ильи Николаевича Ульянова вызвала глубоко соболезнующие отклики в печати. В «Симбирских губернских ведомостях» и «Симбирской земской газете», а также в «Циркуляре по Казанскому учебному округу» Владимир прочел обширный очерк-некролог, написанный помощником отца, инспектором народных училищ К. М. Аммосовым. Этот некролог вместе с «Воспоминаниями» преподавателя кадетского корпуса А. П. Покровского был издан в Симбирске отдельной брошюрой. Во всех материалах, посвященных памяти отца, особо подчеркивались его выдающиеся заслуги как просветителя. Так, в петербургском журнале «Новь» было отмечено, что И. Н. Ульянов наладил народное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы начального образования».

Восхищаясь «поистине неутомимой и чрезвычайно разнообразной» деятельностью своего директора, его «светлым умом и педагогической опытностью», тактичностью в отношениях с людьми «самого простого положения», К. М. Аммосов подчеркивал также, что он был «образцовым семьянином», находившим в семье «всю свою отраду, и счастье, и утешение. В свою очередь и семья по своему... высоко-

нравственному строю вполне оправдывала нежную любовь родителя. Всем известна в Симбирске прекрасная семья Ильи Николаевича».

Председатель училищной комиссии А. И. Алатырцев, выражая мнение передовой общественности о необходимости достойным образом почтить память И. Н. Ульянова, «известного всей России, а тем более городу Симбирску», предложил городской думе учредить в городском училище, которое «устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников», три стипендии его имени. Однако большинство думы, ведавшее о неприязненном отношении губернских, да и столичных властей к деятельности И. Н. Ульянова, решило ограничиться «выражением письменного вдове покойного соболезнования...».

Это решение, конечно, огорчило семью. На примере борьбы отца за народную школу Владимир мог особенно отчетливо видеть: царизм — злейший враг просвещения, как силы, ослабляющей господство власть имущих. Примечательным в этом отношении было признание в «Политическом обзоре» за 1886 год начальника симбирского губернского жандармского управления: «Что касается отношений между классами населения, то в этом случае крестьянское население сознает свое право и независимость более, чем когда-либо, это потому, что многие воспитывались в школах и шли далее, следовательно, развивались умственно, и очень хорошо понимают, что дворянское сословие скорее в их руках, чем они в руках дворян...»

Жандарм был прав: семена разумного, доброго, вечного, которые сеял Илья Николаевич и его ученики на селе, усиливали в крестьянах тягу не только к знаниям, но и к свободе и справедливости и в конечном счете революционизировали народ. Владимиру навсегда западали в душу рассказы отца о нищете, бесправии и темноте крестьян, о том, как он стал «с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни». Запомнилось, как тяжело переживал отец гонения на тех народных учителей, которые в своей просветительской деятельности выходили за установленные рамки.

Демократизм отца выражался и в круге его друзей и знакомых. К нему постоянно приходили учителя и общественные деятели, помогавшие народному просвещению. Владимир видел дома и людей, причастных к освободительному движению или сочувствующих ему.

Колоритной фигурой среди них был доктор А. А. Кадыян, который много лет лечил их семью. Он оказался в Симбирске лишь потому, что был выслан сюда из Петербурга за революционную пропаганду. Может быть, Владимир в отличие от отца и не знал подробностей осужденной правительством деятельности этого уважаемого родителями человека, который еще со студенческой скамьи участвовал в «беспорядках учащейся молодежи» Петербурга, сидел в тюрьме за революционную пропаганду, затем — за хранение книг революционного содержания, был участником и освободительной войны славян против турецкого ига; может быть, не знал, что и в Симбирске он дважды подвергался обыскам... Но то, что А. А. Кадыян был ссыльным и поднадзорным, не могло остаться тайной для окружающих. Кстати, мать очень сожалела, что его не оказалось в городе во время смертельной болезни Ильи Николаевича.

Возможно, Владимир еще не все знал и о другом их семейном враче, лучшем педиатре города И. С. Покровском — незаконнорожденном сы-

не декабриста А. Д. Улыбышева и крепостной крестьянки, который был горячим поклонником Чернышевского и Добролюбова, оказывал всяческую поддержку народному образованию, безвозмездно лечил бедняков. Его едкие эпиграммы на местную знать, купечество и духовенство обходили весь город. Но то, что даже детям их семьи он доверял запрещенные для общественных библиотек книги писателей-демократов, для Владимира было фактом. Еще Аня и Саша том за томом брали у Покровского любимого Писарева. По примеру старших и Владимир стал зачитываться произведениями революционных демократов. По словам Анны Ильиничны, они воспитывали в нем то «презрение к обывательщине, к власти вещей, к бюрократизму, к подхалимству, ту ненависть ко всякому угнетению, которые характерны были для передовой интеллигенции 70-х годов».

И Владимир, и все его братья и сестры рано поняли, что «дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву». Анна Ильинична вспоминала, что оживленные рассказы отца «об успехах строительства в его деле, о новых школах, возникающих по деревням, о борьбе, которой это стоило, и с верхами (власть имущими), и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми». А младшая сестра Владимира впоследствии дополнит воспоминания старшей: «Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, отец и детям старался привить то сознание долга, которое так сильно у него, выработать характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду».

Эти благородные идеи, так поэтически выраженные строками из любимого им Некрасова, укоренялись в детях прежде всего его личным примером, всей его жизнью. И это «было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети».

Очень многое от отца жило теперь во Владимире. Он унаследовал от него не только физическое сходство. Через много лет младшая его сестра напишет, что он был похож на отца и чертами характера, и привычками: такая же «сила воли, способность целиком и безраздельно отдаться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм, внимательное отношение к людям...».

НАСТРОЕН ОЧЕНЬ ОППОЗИЦИОННО

Мария Александровна не посылала телеграммы Александру — все равно он не успел бы приехать из Петербурга к похоронам. Анна же задержалась дома после каникул еще на два месяца, чтобы в это трудное время побыть с матерью и младшими. Теперь многие неотложные житейские дела она обсуждала с Владимиром. Прогуливаясь

с ним в саду, где без помех можно было отвести душу в сокровенных разговорах, она убедилась, насколько повзрослел средний брат. Припоминая много лет спустя эти морозные лунные вечера, Анна Ильинична писала:

«Зимой этого года, когда я много гуляла и говорила с Володей, он был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был непрочь зло подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого отрицательного, что ли, формирования личности» (выделено мной. — Ж. Т.).

Этот критический настрой проявлялся самым различным образом. Взять хотя бы изучение в гимназии латинского языка. Весной Анне предстояло сдать экзамен за трехгодичный курс латыни, которая у нее, как у большинства курсисток-бестужевок, была в «забросе». К тому же она совсем отстала от учебы в связи с горестными обстоятельствами этой зимы. Владимир взялся помочь ей. Анна сомневалась, можно ли за такой короткий срок ликвидировать этот прорыв, но брат уверил ее в успехе, заявив: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни 8 лет, — взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот 8-летний курс за два года». Владимир обещал, что пройдет его в два года и с Охотниковым. Уроки Владимир вел так живо и интересно, что не только сумел рассеять у старшей сестры чувства неловкости и неуверенности, но и «вовлек» ее в «противную латынь».

«Это не был первый ученик, усердно вызубривший уроки, — вспоминала Анна Ильинична, — это был скорее молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка». Владимир, отбросив устоявшиеся в гимназии заскорузлые каноны зазубривания грамматических правил и бесчисленных исключений из них, прежде всего постарался заинтересовать ее достоинствами языка на примере Цицероновского трактата «О старости». А наиболее сложные грамматические формы объяснял с помощью изречений и стихотворений, подобранных для более легкого и прочного запоминания.

В это время Владимир подвергает ревизии и изучение логики в гимназии. Неудовлетворенность учебником «Элементарная логика» Г. Струве, сплошь напицканным постулатами, вроде: «Бог всемогущ и справедлив — истина неизменная, вечная», была естественной для юноши, тяготевшего не к формальной, а к диалектической логике и недавно порвавшего с религией. Неудивительно, что на одном из уроков Владимир вяло отвечал по заданному материалу и, по словам соученика М. Кузнецова, даже критиковал учебник, одобренный министерством народного просвещения и Святейшим Синодом для гимназий и духовных семинарий России. Керенский не терпел никаких изменений формулировок и официальной терминологии, не говоря уже о какой-то самостоятельности суждений. Не простил он этого и своему первому ученику: против фамилии Ульянова в третьей четверти 7-го класса появилась первая четверка по логике.

Директор полагал, что тем самым не допускает ни у Владимира Ульянова, ни у кого-либо из его соучеников появления оппозиционного

отношения к изучаемому и к установленному в ней порядку. В отчетах попечителю Казанского учебного округа он, явно приукрашивая положение дел, заверял, что учащимся с успехом прививается любовь к Отечеству, которая-де заключается в «восприятии умом и сердцем великих заслуг виновников его могущества и славы» (то есть царей) и в «живой вере в промысел Божий, охранявший Россию от врагов внешних и внутренних в самые тяжелые годы». Конкретизируя суть проводившегося в гимназии патриотического воспитания, Ф. Керенский писал: «Словом и примером наставники и воспитатели стараются развить в воспитанниках благородные стремления, в силу коих в их будущей деятельности выразились бы — беззаветная любовь к Государю и Отечеству, почтение к начальствующим и старшим, трудолюбие, правдивость, вежливость, скромность, благопристойность, добрые отношения к товарищам, уважение к чужой собственности и другие похвальные качества...»

С каким рвением начальство гимназии развивало одно из таких «похвальных качеств» — религиозность, красноречиво говорят строки из отчета Ф. Керенского за 1885 год: «Каждый учебный день ученики начинают общей молитвой, по окончании которой прочитываются отцом законоучителем или мною несколько стихов из святого евангелия; в праздничные или воскресные дни присутствуют при богослужении в гимназической церкви... Классные наставники следили за посещением учениками богослужения, проверяя по окончании каждой службы, все ли ученики были в церкви». И все-таки юноши умудрялись уклоняться от некоторых служб или обрядов. Сын врача А. В. Кармазинский писал об одном из таких случаев: «Владимир Ильич предложил нам не ходить к причастию, заявив, что нас не уличат в безбожном поступке, так как на исповеди мы все записаны, и это будет гарантией нашего выполнения ритуала. Так мы и поступили и не пошли в церковь». А вот будущему ученому, а в 1886 году четверокласснику Сергею Бутурлину не повезло: «за пребывание в ретиреде вместо церкви во время богослужения» ему пришлось отсидеть в гимназическом carcere.

С каждым годом гимназическое начальство ужесточало контроль за внеучебной жизнью воспитанников. Оно дотошно допытывалось у квартирных хозяев, куда ходит пансионер, с кем он общается и что читает. Стараясь не допустить возникновения тесных кружков, проверяющие преследовали юношей даже за то, что они собирались по два-три человека для приготовления уроков.

В стенах гимназии усилия Керенского направлялись не столько на развитие воспитанников, сколько на подавление их личности. «Оригинальность мальчика, — вспоминал современник, — считалась чем-то предосудительным, сильная любознательность — неуважением к старшему. Учителя, сами люди бесправные, были орудием проведения в школе принципа, что высшая добродетель — послушание».

Одно из самых больших зол и бедствий, которые были характерны для классических гимназий и которыми не мог не возмущаться Владимир Ульянов, — это полный разрыв ее курса с практикой жизни. При изучении логики, не говоря уже о законе божьем, доказывались такие «высшие истины», как «бытие божие» и «бессмертие души».

84 Историк обосновывал преимущество монархического правления по

сравнению с республиканским. Объективная неизбежность классовой борьбы отрицалась, а выступления народных масс изображались обычно как разгул взбунтовавшейся черни. Химия, астрономия, ботаника, зоология, анатомия и труд не значились отдельными предметами. События отечественной и мировой истории рассматривались только до начала 60-х годов XIX века, а изучение словесности заканчивалось произведениями Гоголя. Творения Л. Толстого, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Успенского не изучались. Ничего не говорилось на уроках о пьесах Островского, замалчивалась поэзия земляка-сатирика Д. Д. Минаева. Не нашлось в программе места и знаменитым романам И. Д. Гончарова, тесно связанным с родным для писателя симбирским краем. А о Белинском, Писареве, Добролюбова и Чернышевском вообще не могло быть и речи.

При изучении же «дозволенных» писателей старательно обходились свобододолюбивые и антикрепостнические мотивы в их творчестве, их общественная значимость. Ф. Керенский неоднократно подчеркивал в донесениях, что «при изучении образцовых произведений так называемой критической оценки... совсем не допускалось». Это означало, что гимназист не имел права давать оценку тем или иным идеям и персонажам, отличную от официальной.

Словом, у Владимира были все основания относиться к своей гимназии очень оппозиционно. И его соученик по четырем классам Аполлон Коринфский не погрешил против истины, когда написал о Симбирской классической гимназии такие уничижительные строки:

В угрюмом застенке «классической школы»
Я помню вас всех, как сейчас,
Бездушных, как все вы — наук протоколы
Насильно внедрявшие в нас...

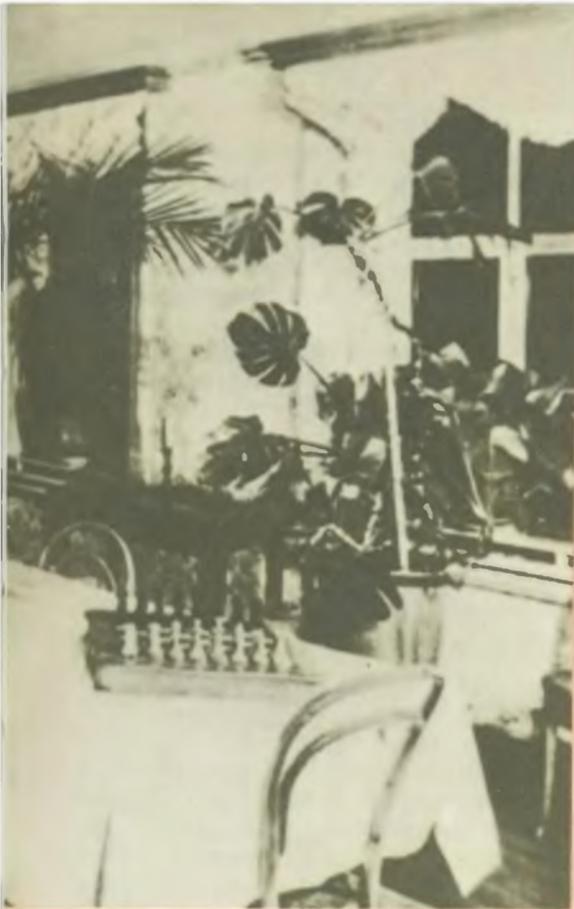
От ваших уроков, от вашей системы
Тупели и гасли умы...
О, как глубоко ненавидели все мы,
О, как презирали вас мы...

Ненависть к «системе» будущий поэт выразил тем, что с небрежением отнесся к изучению древних языков и математики, за что и был оставлен в четвертом классе на второй год. А в следующем, 1885 году Коринфский покинул гимназию и отдался литературному творчеству. Но так смело он мог поступать лишь потому, что еще не истратил наследственный капитал.

Весна 1886 года оказалась трудной для Ульяновых и с материальной стороны. Еще 14 января мать обратилась к учебно-

1. Александр Ульянов. Казань. 1886 г.
2. Столовая в доме Ульяновых (Дом-музей В. И. Ленина).
3. Владимир Ульянов. Симбирск. 1887 г.
4. Ольга Ульянова. Симбирск. 1887 г.
5. Дмитрий. Самара. 1891 г.
6. Маняша. Симбирск. 1881 г.
7. Анна Ульянова. Петербург. 1886—1887 гг.

ходатайствовать ей и детям пенсию за «свыше 30-летнюю службу» покойного мужа. Проходят томительные недели ожидания, а из Казани — никаких известий о ходе дела... Резко ухудшившееся материальное положение семьи тоже повлияло на задержку Анны с отъездом в Петербург для продолжения учебы на курсах. Александр, приславший все нужные учебники и лекции, советовал сестре еще побыть дома, и только в марте Анна отправилась в столицу.

Безденежье вынуждает мать 17 апреля обратиться к попечителю учебного округа с напоминанием, что она осталась «без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и с двоими взрослыми, но обучающимися», и с просьбой хотя бы об единовременном пособии. Через неделю, уже в отчаянии, она снова просит попечителя о помощи: «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына, который, окончив курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение».

Выход из создавшейся ситуации был один: сдать внаймы половину дома. Для квартирантов освободили восточную часть, что ближе к центру и Волге, а сами разместились в западной — со стороны Свяги. Оля заняла Анину комнатку, мать перебралась наверх, к Маняше, а Володя с Митей устроились внизу, в маминой проходной, с окошком во двор.

Некоторое облегчение для семейного бюджета принесла Оля, которая и третью четверть закончила с высшими баллами. Учитывая ее блестящие результаты в учебе и значительно ухудшившееся материальное положение семьи, педагогическая конференция женской гимназии назначила Ульяновой — «самой лучшей ученице в классе, как по успехам, так и по поведению» — стипендию, покрывавшую плату за учебу.

Естественно, что Владимир тоже делал все, что мог, чтобы обрадовать мать. Все домашние сочинения по русской словесности («Истинные друзья в их взаимных отношениях», «Значение труда в жизни человека» и «Научное значение индуктивного и дедуктивного методов мышления»), а также контрольные работы он выполнял на пятерки; упорно занимался греческим, чтобы получить на экзаменах высший балл и окончательную отличную оценку.

В мае, после пятимесячного тягостного ожидания, стало известно, что решение о назначении пенсии наконец-то состоялось. А в конце месяца приехали на каникулы Аня и Саша. Александр, сам очень тяжело переживший в Петербурге известие о смерти отца, дома твердо держал себя в руках, стараясь всячески поддерживать мать, мужественно переносившую безвозвратную утрату, и Анну, все еще не оправившуюся от нервного расстройства. Сознывая, что его репетиторство не спасает положения, Александр вместе с тем был уверен, что скоро прочно встанет на ноги — будет работать в университете. Так что всей семье лучше перебраться в Петербург. В течение мая объявление о продаже даже дома с садом, рояля и мебели четырежды публиковалось в «Сим-

бирских губернских ведомостях». Покупателя сразу не нашлось, а позже мать, видимо, учитывая дороговизну жилья и питания в столице, решила остаться в Симбирске до окончания Владимиром и Ольгой гимназического курса.

Этот учебный год средняя пара завершила тоже успешно. Ольга удостоилась очередного похвального листа и двухтомника «Фрегат «Паллада». Очерки путешествия Ивана Гончарова», издания 1879 года. У Владимира в седьмом классе были только письменные экзамены, и он, как всегда, сдал их лучше всех в классе, получив очередной похвальный лист. Что же касается соучеников, то из 33, начавших вместе с ним этот учебный год, в выпускной класс перешли 27 человек, причем некоторые — только после переэкзаменовок.

Постепенно втягивались в учение и младшие: Митя перешел в третий класс, а Маняша, Володина любимица, уже овладевшая дома начатками грамоты, усердно читала и перечитывала накопившиеся в семье детские журналы и книжки.

Во время летних каникул безмятежного отдыха не было ни у кого: преподаватели, выполняя указания Керенского, дали всем воспитанникам задания для письменных работ. Большинство из них были малопривлекательными и даже бесполезными. По закону божьему Владимир и его товарищи должны были сделать изложение «по книге деяний апостольских о благовестнических трудах апостолов в Иерусалиме, Иудее, Самарии и у язычников». Наверное, для слабоуспевающих полезно было задание по алгебре по решению задач «на непрерывные дроби и бином Ньютона», а по тригонометрии «на вычисление площади треугольника, площади сегмента и вычисление угла в круге, образуемого хордами». Но для Владимира, еще на уроках твердо усвоившего этот материал, такие обязательные упражнения были пустой тратой времени.

Что же касается заданий по гуманитарным наукам, то они, безусловно, претили всем ученикам, ибо были совершенно оторваны от жизни и являлись, по существу, бесцельным упражнением ума, которое известный публицист Н. В. Шелгунов именовал «самым бесчеловечным видом каторги». Мало того, что по латыни, например, следовало перевести «несколько глав из «Истории» Тита Ливия», но даже по русской (!) словесности Ф. М. Керенский обязал изложить содержание назначенных глав из 2-й книги этой же «Истории». И уж совсем казуистичным было задание по греческому языку: сделать перевод с латинского текста статьи «Война Пирра против Рима» на греческий. Забегая вперед, скажу, что преподаватель после проверки тетрадей сделал вывод: «Работы правильностью перевода вообще не отличаются, главным образом потому, что ученики во многих местах не вполне поняли латинский текст».

Большинство гимназистов, не желая терять времени, всячески старались обхитрить преподавателей: одни делали весьма вольный перевод, другие, наоборот, заботились лишь о дословном, пренебрегая соблюдением стилистики, третьи переписывали готовое у товарищей. Но Владимиру, в принципе отвергавшему всякие уловки, к тому же признанному лидеру класса, ничего не оставалось, как самому и побыстрее отделаться

от письменных заданий, выполнив их в полном объеме и аккуратно — так, как всегда было свойственно ему, первому ученику.

Вот на что тратилась часть драгоценных утренних часов у Владимира в те радостные дни, когда уже приехал на каникулы Александр и устроился вместе с ним в маминой комнатке.

СОКРОВЕННЫЕ БЕСЕДЫ

За год, что братья не виделись, многое изменилось, и им было о чем поговорить по душам.

Александр перешел на последний, четвертый курс с прочной репутацией отличного студента, которого Д. И. Менделеев, Н. П. Вагнер, А. М. Бутлеров и другие ученые с мировым именем хотели оставить после выпуска в университете для подготовки к профессорскому званию. Его научная работа по зоологии в феврале 1886 года была удостоена на студенческом конкурсе золотой медали. Теперь Александр привез ее домой, и Владимир с восхищением рассматривал эту, вторую уже, золотую награду старшего брата. На лицевой стороне ее гравер изобразил крылатого Гения, держащего в правой руке два лавровых венка, у ног его — атрибуты науки: глобус, свиток, книги и зрительную трубу. На оборотной стороне медали — лавровый венок, перевязанный лентой с надписью: «Преуспевшему». Эта художественная символика как нельзя лучше подходила к Александру: он преуспевал в учебе, был в курсе новинок литературы, готовил материал для магистерской диссертации, руководил симбирским землячеством, успевал подрабатывать репетиторством. Для Владимира он оставался примером и являл собой эталон множества замечательных качеств: нравственной чистоты и честности, скромности и смелости, доброты и чуткости, твердости характера и силы воли, изумительного трудолюбия и целеустремленности в научной работе и самообразовании, презрения к карьеризму и ненависти к любым проявлениям деспотизма.

Александр, наверное, еще в Петербурге слышал от старшей сестры о разрыве Владимира с религией и его критическом отношении к царящим в гимназии порядкам. Теперь, дома, он сам убедился, насколько смело и резко рассуждает Владимир по злободневным вопросам окружающей действительности.

Владимир не мог не заметить, что Александр этим летом привез книги не столько по зоологии и химии, сколько по истории, истории политэкономии и социализма — на русском, немецком и английском языках, и среди них — «Капитал» К. Маркса. Старший брат с головой ушел в общественные науки... Именно теперь, в процессе их изучения, у Александра укрепилось понимание ненормальности существующего строя и (как он заявит несколько месяцев спустя, на суде) «смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве» сменились пониманием неизбежности социалистического переустройства общества. Александр много думал о формах личного участия в освободительном движении,

но дома старался не распространяться об этом. Старшую сестру он избегал волновать, так как та еще очень болезненно переживала кончину отца. Но, как она поняла позже, Александр опасался будоражить и ее, и Владимира своими революционными идеями потому, что остро ощущал ответственность перед матерью за их судьбу.

В свою очередь, Владимир, давно интересовавшийся политическими проблемами, не мог не забрасывать вопросами брата, приехавшего, что называется, из гущи событий. Мог ли, например, Александр умолчать о том, как столичная молодежь отреагировала на распоряжение о запрещении землячества в университетах? Или не рассказать о посещении 8 ноября прошлого года квартиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, в день его именин? Тем более что адрес, написанный Анной от имени бестужевков, показался Михаилу Евграфовичу «самым прочувствованным, понравился ему больше всех».

Но к этому лету Александр еще не состоял ни в какой революционной организации и только запасался необходимыми теоретическими знаниями, изучал пути и методы, ведущие к воплощению заветной идеи освобождения обездоленного народа, нравственно и психологически готовился к решительной схватке с царизмом.

Понятно, что если он считал себя еще не вполне подготовленным к сложной и опасной борьбе, то Владимиру тем более старался внушить мысль о необходимости сначала получить общее образование, изучить основы социально-экономических наук и истории освободительного движения, а уж потом думать об активном участии в революционной борьбе. В то же время сам Александр с увлечением продолжал заниматься любимым естествознанием: вставал на заре и с раннего утра уже сидел за микроскопом. Наблюдая, с какой серьезностью он изучает червей, Владимир даже как-то подумал: «Нет, не выйдет из брата революционера».

Выходит, что для себя-то Владимир уже предрешил участие в революционном движении. Так считал и Дмитрий Ильич, вспоминая, как однажды вечером Александр и Владимир сосредоточенно сидели при свете лампы в своей комнате и сражались за шахматной доской у открытого окна, затянутого проволочной сеткой. «Мы, ребята, играли во дворе, — писал он, — и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка лет двенадцати подбежала к окну и крикнула: «Сидят, как каторжники за решеткой...» Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убегавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена». Воссоздавая этот эпизод, Дмитрий Ильич особо подчеркивал, что братья «в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадами».

После отъезда Александра Владимиру, по словам Н. К. Крупской, «ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него». И когда показалось, что один из одноклассников «революционно настроен», Владимир пригласил его пойти на Свягу, чтобы там откровенно обменяться мнениями. «Но разговор не состоялся, — писала Надежда Константиновна. — Гимназист начал говорить о выборе профессии, говорил о том, что надо выбрать ту профессию, которая поможет лучше устроиться, сделать карьеру. Ильич рассказывал:

«Подумал я: карьерист какой-то, а не революционер» — и не стал с ним ни о чем говорить».

Такие попытки разговора со сверстниками по душам, надо полагать, предпринимались не раз. Это видно из признания самого Владимира Ильича, сделанного в 1921 году. Когда С. М. Сахаров при оформлении на работу в Наркомат финансов подчеркнул, что он известен Ленину по совместной учебе в гимназии, то Владимир Ильич заявил: «Я действительно «сохранил память» о Сахарове *по гимназии*, где мы вели либеральные разговоры *мальчиками*». В те далекие годы Сергей Сахаров жил тоже на Московской, почти напротив Ульяновых, и естественно, что в течение семи лет учебы в одном классе они нередко ходили вместе в гимназию и обратно и что встречи у них бывали и в домашней обстановке. В советское время, будучи уже на пенсии, Сахаров написал «Воспоминания о гимназических годах В. И. Ленина», в которых перечислял «темы разговоров» с Владимиром Ульяновым. Он пишет: «С VI класса гимназии мы начали читать газеты и вести политические разговоры. Мы читали газеты и журналы либерального направления, главным образом «Русские ведомости», которые, как известно, издавались передовой группой московских профессоров и отличались особенно оппозиционным направлением, и петербургские «Новости», а из журналов не менее либерального направления «Вестник Европы» и «Русскую мысль».

Газета «Русские ведомости» справедливо упомянута первой. Анна Ильинична указывала, что родители «последние годы» выписывали именно эту газету. И это закономерно. Даже М. Е. Салтыков-Щедрин, после закрытия правительством родных для него «Отечественных записок», стал сотрудничать в «Русских ведомостях», так как считал эту газету единственной в России, «которую взять в руки не стыдно», «единственно порядочным органом и притом со смыслом издающимся».

Для молодежи были близки поднимавшиеся в газете проблемы гимназической и студенческой жизни, особенно засилье классицизма и реакционные стороны университетского устава 1884 года. С. Сахаров вспоминает, что его и Владимира Ульянова возмущали и «тягостный надзор за личной жизнью» гимназистов, стремление начальства «проникнуть в душу ученика и обнаружить в ней зачатки вредного направления». «Русские ведомости» регулярно печатали статьи против катковцев, стремившихся заменить земские школы церковноприходскими и подвергавших травле сторонников К. Д. Ушинского. И эта злободневная проблема волновала обоих — и Владимира Ульянова, сына выдающегося просветителя, и С. Сахарова, бывшего ученика народного училища.

«С особенным осуждением, — вспоминал Сахаров, — мы относились к усилению преобладающего значения дворянства в центральном и главным образом местном управлении. Горячо обсуждались и порицались нами намерения наложить руку на автономию земских и городских учреждений, независимость судов, а главное — отмена мировых судей и введение земских начальников. На эту форму мы смотрели как на возврат крепостного права». По словам Сахарова, они много говорили с Владимиром о «политическом значении капитализма», об угнетении рабочих фабрикантами и заводчиками, о конституциях в Англии, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатах, а также о бурных событиях на Балканах.

Затрагивались в беседах и сугубо симбирские темы: «отсутствие

местной прессы, кроме официальных изданий («несчастных», по выражению Сахарова, «Губернских ведомостей», и «Епархиальных ведомостей». — Ж. Т.), жестокая цензура и преследования за корреспонденции из местной жизни в столичных газетах», «выступления симбирских дворян с реакционным адресом о предоставлении дворянству прав в крестьянском и земском управлении», преобразование военной гимназии в «дворянские кадетские корпуса», «оказывание особых преимуществ дворянам и затруднения к поступлению в гимназии пролетарских элементов».

Разумеется, С. Сахаров вспомнил темы только некоторых разговоров. В либеральной печати обсуждались и иные злободневные общественные проблемы: и остававшийся центральным крестьянский вопрос, и рабочий вопрос, особенно обострившийся после грандиозной Морозовской стачки, и казнокрадство и взяточничество чиновников, достигшее в стране небывалого размаха...

Эти и многие другие пороки российской действительности рождали у каждого мыслящего честного человека ненависть к строю, основанному на эксплуатации громадного большинства населения своей родины. «Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались». Так Анна Ильинична объясняла, почему брат Александр уже в конце 1886 года связал свою жизнь с революционным подпольем.

Но к этому времени и восьмиклассник Владимир неустанно искал ответа на поставленный Н. Г. Чернышевским вопрос «Что делать?», и мысли его, говоря словами Дмитрия Ильича, уже настроивались на «революционные мотивы».

ПЕРЕПОЛОХ В СИМБИРСКЕ

Начало занятий в 8-м классе было, наверное, самым ординарным за все годы учебы Владимира в гимназии. В классе насчитывалось всего 28 человек (вскоре покинул гимназию еще один ученик — Н. Кабанов), причем все были знакомы по седьмому. Преподаватели тоже остались прежние. Что же касается изменений в программе, то их оказалось немного: вместо логики появилась математическая география, которая называлась также космографией. Этот предмет наряду с математикой и физикой вел классный наставник А. Ф. Федотченко. Программа математической географии предусматривала изучение не только Земли как небесного тела, но и элементарных основ астрономии, вплоть до понятий о звездах, кометах, законах Кеплера. По физике в этом году рассматривались все виды движения, звук, свет и атмосферные явления.

Уроки по большинству остальных предметов отводились повторению пройденного, но на более сложной основе. По латыни и греческому

основная часть времени уходила уже не на грамматические упражнения, а на чтение и перевод первоисточников: Цицероновского трактата «Об обязанностях», сатир, писем и од Горация, «Истории» Фукидида, трагедии Софокла «Царь Эдип» и диалога «Фенон» Платона. По французскому и немецкому переводы статей исторического содержания или отрывков из художественных произведений в прозе и стихах делались по хрестоматиям.

Самым напряженным, пожалуй, стал курс русской словесности, посвященный теперь изучению писателей конца XVIII — первой половины XIX века: Карамзина, Дмитриева, Озерова, Крылова, Гнедича, Жуковского, Батюшкова, Грибоедова, Пушкина, Дельвига, Языкова, Баратынского, Гоголя, Лермонтова и Кольцова. Большинство авторов изучалось довольно бегло. Основное время отводилось «Письмам русского путешественника» и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также лирике, «Капитанской дочке» и «Борису Годунову» А. С. Пушкина.

В первом полугодии Керенский дал восьмиклассникам пять тем для домашних сочинений: «Куликовская битва», «Сентиментальное направление в русской литературе», «В чем заключается истинная любовь к Отечеству», «О необходимости труда» и «Заслуги духовенства в смутное время Русского государства (XVII в.)».

Для Владимира особое значение представляла третья тема, по которой он обязан был написать сочинение к 16 ноября 1886 года. Здесь, конечно, требовалось показать знание карамзинской статьи «О любви к Отечеству и народной гордости», в которой знаменитый историограф обосновывал физические, нравственные и политические истоки патриотизма. С момента появления статьи Карамзина прошло 84 года, но не потеряли своего значения его мысли о том, что привязанность к месту своего рождения и воспитания, родному языку и презрение к рабской подражательности иноземцам, как и благородное стремление трудами своими всячески содействовать «благу и славе Отечества», особенно развитию просвещения, — естественные черты для человека.

С другой стороны, Владимир не мог не касаться в своем сочинении и основных черт гражданина, стремящегося быть полезным обществу и государству, о которых писал четыре года назад в своей домашней работе старший брат, — таких, как честность, любовь к труду, твердость характера, ум и знание.

А в Петербурге (на следующий день после сдачи Владимиром сочинения) Александр и Анна, проявляя на деле гражданскую позицию, приняли активное участие в многолюдной демонстрации, посвященной 25-летию со дня кончины Н. А. Добролюбова. Правительство жестоко расправилось с манифестантами, и возмущенный этой расправой Александр написал гневную прокламацию «17 ноября в Петербурге», в которой заявил, что все дорогое «для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства». Закончил он решительно, словно дал клятву: «Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности». Прокламация распространялась не только в Петербурге, но и в других городах, в том числе и в Симбирске.

В ноябрьские дни 1886 года Владимир, возможно, еще не знал об этой прокламации своего брата, но эхо добролюбовской демонстрации вскоре все же отозвалось в стенах Симбирской классической гимназии. Сам Керенский объявил во всеуслышание о министерском запрете участвовать учащимся в любых общественных шествиях, а также «в каких-либо обществах, без ведома и разрешения начальства...».

Вопреки строжайшему запрету часть учащейся молодежи Симбирска по-прежнему входила в кружки, общалась с народоволками М. А. Гисси и Л. И. Сердюковой, другими политическими ссыльными, с членами бывшего аверьяновского кружка и руководителями рукописного журнала «Дневник гимназиста». У нас нет достаточно убедительных доказательств того, что Владимир тоже был причастен к какому-либо из этих кружков. Но не может быть никаких сомнений, что он знал об их существовании. Уместно в этой связи вспомнить ответ Анны Ильиничны на вопрос о возможном влиянии на Володю политического ссыльного А. А. Кадыяна, бывавшего в доме Ульяновых: «Стремление найти корни революционного влияния здесь неправильны, просто *в то время вся жизнь была этим заражена*, а в семье этому ничто не мешало — чувствовалось даже сочувствие отца» (выделено мной. — Ж. Т.).

В субботу 20 декабря закончилась вторая четверть, а вместе с нею и первое полугодие. Подытоживая свои наблюдения за Владимиром Ульяновым, класный наставник записал в кондуите: «По болезни пропустил за первую четверть всего 10 уроков. За вторую четверть по болезни пропущен 21 урок. Средняя успеваемость 4 10/11. В внимании, прилежании и поведении отметка: 5».

Болезни, главным образом простудного характера, свирепствовали в городе в ненастное время года. Этой зимой как-то захворала и Оля. Очень общительная и деятельная по натуре, она тяготилась вынужденным сидением дома и карантинном, установленным матерью. Связь с внешним миром она держала через Володю, который в качестве почтальона вручал послания сестры ее подругам и приносил ответы. Сохранилась одна шутливая записка, в которой Оля писала соученице В. Юстиновой: «Брат сообщил мне, что *не он от Вас убежал, а Вы от него*. Это можно объяснить взаимной храбростью. Пожалуйста, спросите Половцеву, была ли у нас франц. диктовка или нет?.. Засвидетельствовав мое нижайшее почтение, остаюсь, любезнейший Адам Адамович, Вашим покорнейшим слугой и сотрудником (очевидно, имелось в виду сотрудничество в тайном гимназическом рукописном журнале. — Ж. Т.) г-ном Поколеноморепреходящим».

Редкие проблески веселья и жизнерадостности, органически присущие юности, лишь временами вносили оживление в общее печальное настроение, не проходившее после смерти отца. Даже наступившие зимние каникулы не были безмятежными: в январские дни исполнялась половина его кончины. Мать пережила ее очень тяжело, но во второй половине февраля она стала спокойнее и бодрее: приближалась весна, а значит, завершение Сашей и Аней высшего образования и получение Володей и Олей аттестатов об окончании гимназий. Оставались считанные месяцы до того дня, когда можно будет жить вместе всей семьей.

Чем ближе к испытаниям зрелости, тем чаще следовали контрольные письменные работы почти с экзаменационными строгостями в актовом

зале. Из домашних работ, которые Владимиру довелось выполнять по словесности, наиболее важными оказались: «При согласии малые государства (или дела) крепнут, при раздорах и великие гибнут» и «Отличительные черты поэзии Пушкина». Формулировка первой темы — изречение древнеримского историка Саллюстия — выбрана Керенским не случайно. Он хотел, чтобы его воспитанники аргументированно показали вредность всяких смут и раздоров для любого государства и тем более для современной России и вместе с тем высказались за входившую тогда в моду теорию «малых дел». Что писал по этому поводу Владимир, неизвестно. Однако, как видно из сочинения его соученика Михаила Кузнецова, даже этот не очень-то увлекающийся политическими вопросами юноша высказал не вполне «благонадежные» мысли: «Между начальниками, как представителями народа, должно существовать согласие; интересы каждого из них должны согласовываться с интересами своих граждан... Напротив, в силу различных стремлений государство приходит в упадок; оно бывает прочно только при таких правителях, которые заняты исключительно интересами своего Отечества». Керенский воздержался от прямой критики подобных воззрений и, оценив кузнецовское сочинение четверкой с минусом, посоветовал: «Выражений неуясненных следует избегать».

Что касается пушкинской темы, то Керенский назначил ее с учетом повышенного интереса к творчеству великого поэта и в связи с 50-летием его гибели. Судя по сохранившемуся кузнецовскому сочинению, учитель-директор требовал раскрытия таких черт поэзии Пушкина, как народность, точная соразмерность между содержанием и формой, художественная правда, любовь к русской природе и родному народу, бодрость духа, задушевность и правдивость, отсутствие «тенденциозности». Владимир Ульянов продемонстрировал знание любимого поэта превосходно. В третьей четверти все — «успехи, внимание, прилежание и поведение» — было оценено пятерками.

За несколько дней до получения Владимиром своего блистательного табеля, в четверг 5 марта, Симбирск был взбудоражен тревожным сообщением из Петербурга:

«1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом, свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Из дошедшего до нас секретного донесения начальника Симбирского губернского жандармского управления генерал-майора фон Брадке видно, что новая вылазка террористов вызвала широкий интерес и оживленно обсуждалась. «Когда 5-го марта в г. Симбирске, — докладывал Брадке, — была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу, и все бросились покупать телеграмму. Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: «Таких людей следовало бы вешать». Окружающие ответили ему: «Их много, всех не перевер-

шаешь». Читавший телеграмму сказал: «Ну что из этого, как поймают, так их и вешать». Тогда, — продолжал генерал, — слышавший этот разговор контролер этого отделения банка Егор Егорович Коведяев, обратясь к личности, читавшей телеграмму и высказавшей свое мнение, сказал: «Прошу вас поосторожнее высказывать ваше мнение о повешении», — тот смутился и отвечал: «Я ведь ничего такого не говорил». Но Коведяев снова повторил: «Советую вам быть осторожным в ваших словах».

Надо ли говорить, сколько толков вызвал инцидент на центральной улице города. Хотя в правительственном сообщении и не говорилось, против кого намеревались использовать бомбы задержанные на Невском революционеры, но всем было ясно, что в столице имела место новая попытка покушения на жизнь царя.

Эти из ряда вон выходящие события не могли не привлечь внимания Владимира Ульянова. Однако он и не предполагал, что аресты в столице имеют отношение к Саше и Ане. Беспокоило лишь то, что задержанные являлись студентами, а власти в таких случаях обычно производили широкую «чистку» высших учебных заведений.

И только 8 или 9 марта Ульяновы узнали о несчастье, которое обрушилось на их семью. Вот как об этом рассказывала их близкий друг народная учительница Вера Васильевна Кашкадамова: «В марте 1887 года я получила письмо от родственницы (племянницы. — Ж. Т.) Марии Александровны Песковской, в котором она сообщала о событии в Петербурге, об участии Александра в заговоре, об аресте его и Анны Ильичны и просила известить об этом Марию Александровну, предварительно подготовивши ее. По получении письма я тотчас же послала в гимназию за Володей, который был тогда в последнем, восьмом, классе, чтобы посоветоваться с ним. Я сообщила ему содержание письма и дала его прочитать. Крепко сдвинулись брови Ильича, он долго молчал. Передо мной сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом: «А ведь дело-то серьезное, — сказал он, — может плохо кончиться для Саши».

В воспоминаниях, написанных спустя сорок лет, произошло совмещение содержания полученного письма с более поздними событиями: в письме Песковской речь могла идти лишь о самом факте ареста брата и сестры Ульяновых, и Владимир мог еще надеяться, что они просто попали в волну арестов, поднявшуюся в связи с задержанием террористов.

Но ведь могло случиться что-то и более серьезное, поэтому, как только мать узнала о случившейся беде, она, проявив изумительную выдержку, в этот же день решила ехать в Петербург. Сначала предстоял путь на лошадях в Сызрань, до железнодорожной станции. В поисках возницы Владимиру помогал Н. М. Охотников, который и нашел земляка-чуваша, согласившегося отвезти Марию Александровну. Не исключено, что Владимир сопровождал взволнованную мать до Сызрани, чтобы посадить на поезд. После ее отъезда в Петербург Владимир остался в полном смысле старшим дома: няня Варвара Григорьевна гостила у родных в Пензенской губернии, а вызванная матерью из Казани телеграммой тетя, Анна Александровна Веретенникова

(мать Екатерины Песковской), еще неизвестно, когда доберется по начавшейся распутице на лошадях.

И хотя до выпускных экзаменов еще будет почти два учебных месяца, для Владимира уже теперь начинались трудные испытания на зрелость.

В ЭТО ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

Шли томительные дни, а пресса хранила молчание о ходе разбирательства дела петербургских студентов. Владимир имел возможность ознакомиться в «Симбирских губернских ведомостях» только с двумя перепечатками из «Правительственного вестника». В первой из них, от 11 марта, говорилось лишь о задержании трех студентов с бомбами на Невском проспекте, а это было и так известно. Вторая, от 23 марта, тоже ничего нового не дала: в составленном «благонамеренными» преподавателями и студентами Петербургского университета адресе на «высочайшее имя» содержались типичные верноподданнические заверения императору. Поэтому в течение всего марта никто в Симбирске не знал даже фамилий участников покушения на царя.

В субботу 28 марта Владимир сдал последнюю домашнюю работу по словесности «Местничество в древней Руси и табель Петра Великого о рангах». Хорошо, что в понедельник начинались двухнедельные пасхальные каникулы в мужской и женской гимназиях — у Владимира и Ольги освобождалось время для забот о доме и младших.

С момента отъезда Марии Александровны прошло три недели, но Владимир по-прежнему терялся в догадках о сущности обвинений, предъявленных Саше и Ане. Не знал он и о том, что царь соизволил разрешить матери свидание с Сашей в Петропавловской крепости, предварительно ознакомив ее с показаниями сына, «чтобы она видела, каких он убеждений».

Смелые заявления Александра на допросах не оставили у Марии Александровны сомнений в том, что его ожидает страшная судьба. Ведь он сам признал свою принадлежность к «Народной воле» и участие в приготовлении разрывных снарядов, не отрицал, что знал всех заговорщиков, но назвать их отказался. Более того, в протоколе допроса от 20—21 марта мать прочитала: «... мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и пр. Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое позволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений». А когда матери наконец удалось 1 апреля увидеться с Александром в Петропавловской крепости, «он плакал и обнимал ее колени, прося простить его за причиненное им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей и, рисуя ей бесправное, задавленное положение родины, указывал, что долг каждого

честного человека бороться за освобождение ее...» (Так поведала впоследствии об этом свидании Анна Ильинична.)

Но обо всем, что тогда происходило в Петербурге, переживающий и теряющийся в догадках Владимир смог узнать только числа 7 апреля, когда неожиданно приехала измученная мать: убедившись, что второго свидания с Сашей ей до суда не дадут, она решила хотя бы дня на три съездить домой, к остальным детям. После рассказов матери Владимиру стало ясно, что брат и на суде будет непреклонно отстаивать свои революционные убеждения. Надежд на спасение Александра было мало, и, как это ни страшно было сознавать, мать вынуждена была мечтать о пожизненной каторге для него как о счастье... А 10 апреля, в такой мрачный день своего семнадцатилетия, Владимир снова проводил мать в Петербург, где 15 апреля начинались заседания особого присутствия правительствующего сената по делу 1 марта. Подавляя страшные душевные муки, мать была полна решимости сделать все возможное, чтобы спасти жизнь Саше и добиться освобождения не в чем не повинной Ани.

В апреле весть о причастности Александра Ульянова к заговору распространилась по Симбирску, и сразу же нашлись люди, которые стали побаиваться поддерживать знакомство с Ульяновыми.

О переживаниях и мыслях этого неимоверно трудного для Владимира времени через много лет Надежда Константиновна сжато, но емко напишет: «Горе матери и испуг либеральной интеллигенции поразили 17-летнего юношу... С тревогой ждал Ильич вестей из Питера, особенно заботился о младших, взял себя в руки, занимался. Много он после того дум передумал. По-иному зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса».

Держать себя в руках после отъезда матери обязывала ответственность за семью. Конечно, большую помощь в эту тяжелую пору оказала приехавшая тетушка, но все же Владимир был на положении главы и опоры для всех. Рядом была его «самый близкий, лучший товарищ» — сестра Ольга. Она настолько тяжело переживала несчастье, что только благодаря поддержке Владимира, его личному примеру сохраняла самообладание, готовилась к выпускным экзаменам и даже продолжала заниматься с девятилетней Маняшей, видя, как Володя помогает Мите подтянуться по латыни и греческому. Владимир прилагал все усилия, чтобы в семье сохранялась созданная родителями атмосфера деловитости, взаимной заботы и спокойствия.

Каникулы кончились. Наступило 13 апреля — первый учебный день последней, решающей четверти. Собрав всю волю, Владимир и Ольга — брат и сестра «важного государственного преступника» — шли, как всегда, на занятия, стараясь не замечать любопытных взглядов и перешептываний за спиной, готовясь стойко вынести встречу с учащимися и преподавателями и спокойно, с достоинством ответить на любой вопрос о брате. Особенно тревожные чувства они испытывали 15 апреля — в первый день заседаний высшего суда империи по делу Александра и его товарищей. А в это время Керенский устроил восьмиклассникам контрольное сочинение по русской словесности, да еще на такую острую тему, как «Причины благосостояния народной жизни». Какой же выдержкой должен был обладать Владимир, чтобы сосредоточиться на заданной теме, сдерживать кипевшую ненависть к деспо-

тически-эксплуататорскому строю и чисто по-ученически, избегая самостоятельных суждений, как этого требовал преподаватель, повествовать о причинах «благополучия» народа.

Понятно, что в сочинении, да еще в такое время, когда родной брат находится на скамье подсудимых, Владимир не мог резко осудить все остатки крепостничества и пороки развивающегося капитализма, но он все-таки указал на некоторые явления социальной несправедливости, чего не мог не заметить учитель-директор. Раздавая проверенные сочинения, Керенский сказал Владимиру: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» Но слишком привлекать внимание других учеников к этому вопросу не стал, выставив Ульянову пятерку. Он мог расценить не понравившиеся ему «крамольные» фразы в работе первого ученика как непроизвольно заимствованные из какой-нибудь либеральной газеты или журнала. В противном случае надо было бы доносить об этом, как о происшествии, местным властям.

18 апреля, как это полагалось по гимназическому уставу, Владимир подает директору прошение о своем желании быть допущенным к «испытанию зрелости». Через несколько дней комиссия, состоявшая из директора, инспектора и всех преподавателей выпускного класса, тщательно обсудила степень «нравственной и умственной зрелости», а также успехи каждого из учеников. Некоторым из них она предложила обратить внимание при подготовке к экзаменам на те предметы, по которым в последних классах имелись низкие оценки. Определение в отношении Ульянова было самым кратким: «Допустить к испытанию зрелости».

По-прежнему три раза в неделю Владимир продолжал готовить по древним языкам за курс классической гимназии Н. М. Охотникова. И не только по древним языкам. Сохранился пожелтевший от времени листок, на котором черными чернилами написано: «26 апреля 1887 года. В. И.! §30 (из истории средних веков). Борьба Вельфов и Гибеллинов. К какой партии из них принадлежали Генрих Гордый и Конрад III. Н. Охотников». Эта одна из уцелевших записок подтверждает, что Владимир консультировал своего ученика-учителя и по другим гуманитарным дисциплинам.

Встречи с Охотниковым не ограничивались учебными делами. Естественно, затрагивались и житейские вопросы, и последние симбирские события. Никифору Михайловичу были хорошо знакомы такие видные члены нелегальных кружков, как братья-кузнецы Порфирий и Кузьма Фадеевы, а также бывший учитель Василий Маненков.

19 апреля особое присутствие правительствующего сената приговорило Александра Ульянова и всех других подсудимых к смертной казни. Этот приговор подлежал утверждению царя, и поэтому в прессе о нем ничего не сообщалось. Но Владимир, конечно, вскоре узнал о нем, ибо Екатерина Песковская, мать которой находилась в это время в доме Ульяновых, не могла не известить о страшной опасности, нависшей над Сашей... Ум и сердце неистово протестовали против самого ужасного, цепляясь за слабо теплившуюся надежду на лучшее: ведь бывали же случаи, когда цари в самый последний момент «милостиво» заменяли казнь бессрочной каторгой...

В таком невероятно тяжком состоянии Владимир встречал окончание последнего учебного года. И в те дни, когда сверстники уси-

ленно повторяли пройденное, лихорадочно готовили ответы на вопросы билетов, решали задачи, упражнялись в переводах по латыни и греческому, заучивали хронологические даты по отечественной и всеобщей истории, занимались с географическими картами, — он в мыслях был далеко, в Петербурге, с приговоренным к смерти любимым старшим братом и с бедной своей матерью, боровшейся за его жизнь...

За поведением Владимира наблюдали с сочувствием или с любопытством все окружающие. «Помнится широкий коридор Симбирской гимназии, — писал впоследствии С. А. Бутурлин. — Сдерживаемая веселость ребят изредка прерывается шумом, гамом, и среди этого гама в памяти вырастает фигура Володи Ульянова. Его нельзя было не заметить: вдумчивый, весь ушедший в себя, одинокий среди молодежи, он маячил взад и вперед по коридору, несколько сутулясь, держа руки за спиной».

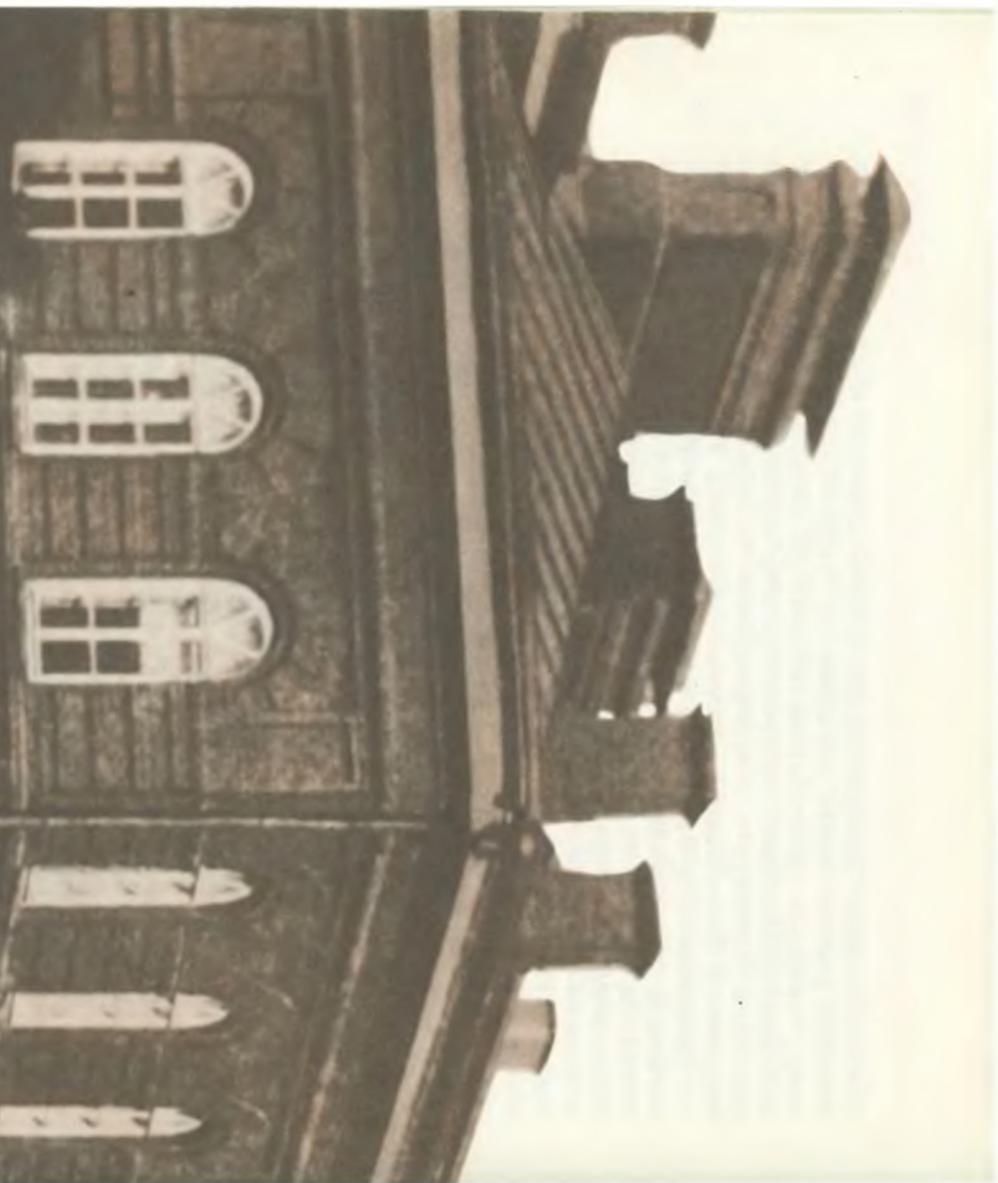
Как и следовало ожидать, руководство Казанского учебного округа в связи с делом 1 марта организовало проверку Симбирской гимназии. 24–25 апреля ее ревизовал окружной инспектор действительный статский советник А. В. Тимофеев. За эти два дня он успел побывать на уроках десяти преподавателей. Пристального внимания инспектирующий удостоил класс Владимира Ульянова, где присутствовал на уроках Федоровского и Яснитского. Излагая в отчете свои впечатления о посещении гимназии, Тимофеев отметил, что занятия проводились в основном правильно, а ответы «учеников VIII класса из истории и латинского языка были основательны и в прочих классах по другим предметам более или менее удовлетворительны». Не обошлось и без замечаний. Тимофеев полагал, что молодой преподаватель латыни Г. Штейнгауэр (сын учителя-немца) «слишком много назначает ученикам занятий для приготовления на дому». Отметил он также недостойное поведение гимназиста Кошурникова, который водит знакомство с актерами и поздно возвращается домой.

Между ревизором и Керенским, безусловно, состоялся разговор о братьях Ульяновых. Но и он сошел сравнительно благополучно, ибо Тимофеев, обучавший в свое время словесности Илью Николаевича в Астраханской гимназии, а затем работавший с ним в Пензе и Нижнем Новгороде, расценил участие его старшего сына Александра в заговоре не иначе как опрометчивость юноши, попавшего под влияние «злонамеренных агитаторов». И все же Ф. М. Керенскому, всегда старавшемуся, по свидетельству его ближайших помощников, выставить положение дел во вверенных ему гимназиях «в лучшем свете», было над чем поразмыслить.

На последних уроках классный наставник А. Ф. Федотченко ознакомил выпускников с ос-

1. Симбирская классическая гимназия. 1888 г.
2. Аттестат зрелости.
3. Золотая медаль Володи Ульянова.

УЧЕНИКЪ СИБИРОУ

Копія 3

Литъ сего **Владимиру Ульману**, православнаго киросовоудана, сына чинаовика, рожденнаго въ г. Сибирскѣ, 1870 года Апрѣля 10 числа, обучавшагося вѣсенъ гдѣ въ Сибирской гимназій, въ томъ,

Во мнѣніи, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Сибирской гимназій, поведение его вообще было отличнымъ, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, и также въ повеленіи письменныхъ работъ отличная, прилежащая отличному и любознательность ко всѣмъ предметамъ Вольманна, особенно къ древнимъ языкамъ, и, во мнѣніи, что оный обнаружилъ исключительнаго познанія:

№ 111.

Предметъ, по которому онъ отличился, по отзывамъ его учителей	По отзывамъ, преподавателей	По отзывамъ, учениковъ
Въ Законѣ Божіемъ	5	5
„ Русскомъ языкѣ и Словесности	5	5
„ Латинскомъ языкѣ	4	—
„ Греческомъ языкѣ	5	5
„ Математикѣ	5	5
„ Исторіи	5	5
„ Географіи	5	5
„ Физикѣ и Математической географіи	5	—
„ Нѣмецкомъ языкѣ	5	—
„ Французскомъ языкѣ	5	—

- Въ Законѣ Божіемъ 5 5
- „ Русскомъ языкѣ и Словесности 5 5
- „ Латинскомъ языкѣ . . . . . 4 —
- „ Греческомъ языкѣ 5 5
- „ Математикѣ 5 5
- „ Исторіи 5 5
- „ Географіи 5 5
- „ Физикѣ и Математической географіи . . . . . 5 —
- „ Нѣмецкомъ языкѣ . . . . . 5 —
- „ Французскомъ языкѣ . . . . . 5 —

Во вниманіи къ отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, въ особенности въ древнихъ языкахъ,

Педагогическаго Съезда постановилъ награждать его, **Ульману**, 3010-ТОМЪ МЕДАЛЕЮ и вѣдать ему ответственность, предоставленную ему правомъ, обозначеннаго въ §§ 129—132 Высочайшаго утвержденнаго 30 Іюля 1871 г. устава гимназій иprogимазій, а при отбытіи обязанностей оныхъ, **Ульману**, на основаніи 3-й и 9-й ст. Высочайшаго утвержденнаго 10 Февраля 1896 года нѣбѣя Государственнаго Съезда, пользуются льготами, предоставляемыми означенному курсу науки въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда. Сибирск. Іюль 10 дня 1887 года. *Надписаннымъ подписанымъ.*

Директора Сибирской Гимназій
Действительнаго Сибирской Сокращенія и Коллежъ **О Каргаловъ**

Историка **Л. Притомаровъ**

Заместителя **Кротковъ** **Горюхи**

Протопродана: **А. Владиміровъ, Г. Баталовъ, Н. Кавалерскій, Л. Погодинъ, Н. Радомский, Л. Козловъ, Я. Штейншарфъ, М. Сидоровъ, П. Сидоровскій, Н. Кавалеръ, А. Кавалеръ, П. Мичковскій**

Съ подписаннымъ **Варгасъ**
Виректора **Варгасъ**

Сиренія Педагогическаго Съезда 111 111

Президиумъ: **Погодинъ** **Варгасъ** **Варгасъ** **Варгасъ**

новными требованиями «Правил об испытаниях» на аттестат зрелости. Там, в частности, указывалось, что испытания будут проходить в актовом зале, где каждый получит «свой особый стол», письменные принадлежности и листы бумаги «со штампом или за подписью директора». За учениками постоянно наблюдают члены испытательной комиссии. Черновики и беловые тексты сдаются немедленно после выполнения письменной работы. За несоблюдение этих требований или «пользование недозволенными пособиями» виновный «тотчас же лишается права продолжать начатое испытание, которое в таком случае откладывается на год».

Настал день, когда Владимир переписал расписание экзаменов:

Письменные

- 5 мая — русская словесность (сочинение).
- 7 » — латинский язык.
- 8 » — арифметика и геометрия.
- 12 » — алгебра и тригонометрия.
- 13 » — греческий язык.

Устные

- 22 мая — история и география.
- 27 » — закон божий.
- 29 » — латинский язык.
- 1 июня — греческий язык.
- 6 » — математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия).

Перерыв между окончанием занятий и экзаменами исчислялся несколькими днями, и наверстать упущенное к письменным, которые были спланированы очень плотно, ни у кого из выпускников, по существу, не было возможности. А у Владимира — тем более. Ведь ему, как старшему, приходилось поддерживать потрясенную горем Ольгу, которой тоже предстояло сдавать выпускные экзамены, проверять подготовку Мити к окончанию 3-го класса, уделять время восьмилетней Маняше.

ИСПЫТАНИЯ ЗРЕЛОСТИ

Наступило 5 мая — день сдачи Владимиром первого экзамена. Проводив Ольгу, готовившуюся тоже к выпускным экзаменам, и Дмитрия, у которого продолжались занятия в 3-м классе, Владимир перелистал учебник «История русской словесности» А. Д. Галахова. За исход экзамена он беспокоился меньше других: на уроках внимательно слушал Ф. М. Керенского, систематически отработывал соответствующие разделы учебника, обязательную и дополнительную литературу. Усвоил он и «Правила об испытаниях», согласно которым от ученика не требовалось «ни новизны или оригинальности мысли, ни полноты содержания... Сочинение должно быть написано языком правильным, чистым и точным, изложение его должно удовлетворять логической связи и последовательности, а содержание...прямо относиться к теме».

Написать сочинение, отвечающее таким формальным требованиям, Владимиру в другое время не стоило бы большого труда, так как стилистом он был превосходным, а весь фактический материал усвоил в значительно большем объеме, чем предусматривалось программой. Теперь же самое трудное – собрать всю свою волю, заставить себя сосредоточиться на теме, составить толковый, развернутый план, а дальше – помнить некрасовский совет:

Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям просторно.

Утро 5 мая выдалось дождливым и прохладным: термометр показывал 10 градусов тепла. Пришлось достать из шкафа шинель и фуражку, а когда городские часы на колокольне Вознесенского собора пробили половину десятого, Владимир отправился в гимназию. Шел скоро, не оглядываясь по сторонам, и через четверть часа был в своем классе, рядом с актовым залом. Все уже были в сборе. После того как в городе стало известно об аресте брата и сестры, он, естественно, изменил давней привычке приходить заранее, стараясь избежать расспросов...

Через несколько минут помощник классных наставников пригласил восьмиклассников в актовый зал, где каждый из 27 выпускников и двое «посторонних лиц» (то есть сдававших экстерном) заняли места – по одному человеку за столиком. Ровно в десять часов в зал торжественно вошли члены испытательной комиссии: Ф. М. Керенский, в новеньком виц-мундире с золочеными генеральскими пуговицами, и скромнее одетые, но тоже нарядные преподаватели русского языка П. С. Тихановский и Ф. М. Козлов.

После обязательной молитвы директор напомнил собравшимся § 55 «Правил об испытаниях»: за пять часов работа должна быть выполнена сначала на черновике, а затем переписана набело; на каждом листе, скрепленном печатью гимназии и его подписью, необходимо оставлять поля и т. д. Затем он взял с большого, покрытого зеленым сукном стола присланный из Казани пакет, в напряженной тишине сломал сургучные печати, вынул лист плотной бумаги и, стараясь скрыть растерянность, огласил предложенную попечителем учебного округа тему: «Царь Борис по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов».

То, что учащимся всех гимназий округа предложили пушкинскую тему, было не случайно. Ведь 29 января вся Россия, в том числе и Сибиряне, широко отметила 50-летие со дня гибели великого поэта. Удивительное заключалось в другом: только что после окончания процесса вторых «первомартовцев» по делу о покушении на царя гимназистам надлежало обрисовать образ узурпатора царского престола, размышлять о роли народных масс в истории.

Владимир досконально знал содержание гениальной пушкинской трагедии. К Пушкину у него была особая любовь с детства, которая сохранилась на всю жизнь. Его произведения всегда были у него под рукой: шеститомное собрание сочинений 1881 года издания отец подарил Саше.

Кроме соответствующих разделов «Истории русской словесности» Галахова, карамзинской «Истории государства Российского», «Истории России» С. М. Соловьева, Владимир помнил и об общей оценке «Бо-

риса Годунова» В. Г. Белинским (которого, по примеру Саши и Ани, тоже читал с увлечением). «Неистовый Виссарион» упрекал Пушкина за то, что он воспринял из «Истории государства Российского» концепцию Карамзина о виновности Годунова в злодейском убийстве царевича Дмитрия как бесспорную. Сохранилось в памяти Владимира и содержание выписок, которые он сделал из рекомендованной Керенским брошюры Е. Воскресенского «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

Мог Владимир и привести дословно цитаты из монологов летописца Пимена («Еще одно последнее сказанье — и летопись окончена моя...») и самого царя Бориса («Достиг я высшей власти...»), которые требовалось знать наизусть.

Обдумывая план сочинения, он, наверное, не раз всматривался в поясной портрет Бориса Годунова, исполненный маслом на полотне неизвестным художником. Плечистый красавец в царском одеянии со скипетром в руке, с умным, волевым выражением черных глаз выглядел гораздо привлекательнее других самодержцев, чьи портреты также висели на стенах актового зала. Конечно, Владимир волновался. Но работал сосредоточенно, даже неторопливо. План, следуя школьным канонам, составить было не так уж трудно. Во вступлении полагалось сказать о главной черте героя — его двойственности, обусловленной тем драматическим положением, в котором очутился из-за своего преступления.

В первом вопросе надо было выделить природные черты Годунова: интеллигентность ума и здравый смысл, незаурядные способности вельможи, понимавшего потребности государства, и главную из них — необходимость широкого просвещения, — набожность Бориса, семейные добродетели. Во втором вопросе — назвать черты характера, порожденные внутренней борьбой и борьбой со своими врагами: мнительность и подозрительность, суеверие, жестокость к врагам, лицемерие и несправедливость.

В заключении полагалось сказать главное, ради чего и задали выпускникам 1887 года эту тему: гибель Бориса Годунова подтверждает основную идею трагедии, что преступление, какие бы цели оно в основе ни имело, повлечет за собой возмездие.

Трудно сказать, насколько сочинение Владимира соответствовало этой схеме, так как экзаменационные работы не сохранились. Но уже через несколько дней стало известно, что только Владимиру Ульянову и еще одному выпускнику комиссия поставила высшие баллы, троем — четверки, а остальным 22 — тройки.

Все экзаменационные сочинения подвергались проверке в управлении Казанского учебного округа. Из отзыва, составленного опытейшим филологом, окружным инспектором А. В. Тимофеевым, видно, что большинство выпускников обнаружили не только поверхностное знание произведения «Борис Годунов», но и даже и «Истории русской словесности» Галахова. И лишь авторы лучших работ показали глубокое знание материала в соответствии с новейшей литературой.

Резонно полагая, что «занятия большей части учеников в Симбирской гимназии не отличаются большой успешностью», окружной инспектор заявил, что тема о Борисе Годунове «некоторыми учениками развита слабо, и значительная часть работ не могла бы быть оценена баллом 3, если бы грамматическая правильность не выкупала бед-

ности содержания». Это заключение косвенно ударило по словеснику Ф. М. Керенскому, который в основном «налегал» на грамотность и чистоту тетрадей. Вместе с тем оно красноречиво свидетельствует, насколько основательными и выходящими за рамки гимназического курса были познания Владимира Ульянова в российской словесности.

7 мая с 10 до 13 часов в том же актовом зале восьмиклассники сдавали письменный экзамен по латинскому языку. Комиссию возглавлял латинист П. В. Федоровский, а ассистировали ему коллеги по специальности Н. П. Моржов и Н. М. Нехотяев. Федоровский вскрыл присланный из Казани пакет и в течение получаса диктовал латинский текст какого-то автора Древнего Рима, видимо Цицерона или Горация. Затем юноши сделали черновой перевод на русский и переписали его набело. Проверка показала, что, кроме Владимира Ульянова, еще десятеро справились с заданием на пятерки, и даже троечные работы получили в целом одобрительный отзыв казанского рецензента.

На следующий день, 8 мая, Владимир и его товарищи под наблюдением А. Ф. Федотченко, Н. М. Степанова и Н. П. Надежина в отведенные три часа решали присланные из Казани задачи по арифметике и геометрии. Комиссия оценила познания класса в среднем на «четыре». Но попечительный совет при попечителе учебного округа признал эту оценку «снисходительной» и рекомендовал Керенскому, всему педагогическому совету предпринять энергичные меры для более основательной подготовки учащихся по математике. Окружной инспектор Д. И. Альбрехт в своем отзыве на экзаменационные работы по арифметике особо выделил работу Владимира: «В большей части работ Симбирской гимназии есть только решение задачи и объяснение. План и поверка отсутствуют (только в работе уч. Ульянова есть поверка)».

В начале трехдневного перерыва, наступившего в экзаменах, Владимир мог еще надеяться, что царь все-таки смягчит приговор. Но утром в воскресенье 10 мая он узнал страшную весть о казни брата и его четверых товарищей...

«Объявления об этом подвиге царских опричников, — вспоминала В. В. Кашкадамова, — были расклеены на всех городских столбах». В газетных киосках в этот день продавались отпечатанные в симбирской типографии листки экстренного выпуска «Телеграмм Северного телеграфного агентства», большую часть которых занимало правительственное сообщение. Здесь, впервые в открытой печати, перечислялись имена и фамилии 15 подсудимых, с указанием их социального происхождения и положения, времени возникновения «тайного кружка», решившего «посягнуть на жизнь Государя Императора», и характера участия каждого в «злоумышлении». Далее в листке говорилось, что все обвиняемые, кроме А. Сердюковой, не участвовавшей в заговоре, но знавшей о нем, приговорены Особым присутствием к смертной казни. Царь заменил ее большинству осужденных многолетней каторгой, а П. Шевыреву, как «зачинщику и руководителю преступления», трем метальщикам и А. Ульянову, который «принимал самое деятельное участие, как в злоумышлении, так и в приготовительных действиях», оставил приговор без изменения.

Владимир не раз перечитывал заключительные строки, с разрывающей сердце болью постигая их трагическую сущность: «приговор о

смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андриюшкиным (надо Андриюшкиным. — Ж. Т.), Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8 мая»...

Вспоминая эту страшную пору, Мария Ильинична много лет спустя напишет: «Так и стоит перед глазами его расстроенное, печальное лицо... Я была слишком мала, чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося».

Очень тяжело переживала гибель Саши Ольга, и Владимиру надо было собрать всю свою силу воли, чтобы поддерживать ее. Поистине нечеловеческие усилия должен был приложить он сам 12 мая, когда пришел на письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, чтобы сохранить внешнее спокойствие под любопытными взглядами окружающих, узнавших о казни его брата.

Но Владимир выдержал не только это. Он сумел и отлично выполнить экзаменационную работу. В то же время большинство его товарищей допустили неточности в вычислениях, либо нашли только один корень квадратного уравнения, или, наоборот, усложнили вычисления, а некоторые даже не успели переписать с черновика набело. Окружной инспектор, выражая недовольство результатами письменного экзамена по математике, особенно по тригонометрии, среди немногих отличных работ опять-таки выделил выполненную Ульяновым. «Объяснительный текст вообще краток, — высказывал он общие впечатления о «письменных ответах» выпускников, — и во многих случаях недостаточно разъясняет задачу: так, например, в тех работах по алгебре (исключая работы Ульянова и Толстого), в которых второй корень квадратного уравнения имеется, вовсе не объяснено или объяснено недостаточно, почему этот корень не принят во внимание».

На следующий день — 13 мая — состоялся последний и самый трудный письменный экзамен — по греческому языку. «В девять часов, — отмечал в протоколе директор гимназии, — в присутствии членов испытательной комиссии: инспектора и преподавателей Федоровского, Георга Штейнгауэра и Ежова — вскрыл пакет с текстом (вероятно, отрывок из «Истории» Фукидида. — Ж. Т.), который и был продиктован ученикам. Диктовка текста продолжалась 30 минут... Испытание окончилось в 12 часов 30 минут. Время подачи работы означено на каждой из них одним из наблюдателей».

Кроме Владимира, пятерки и четверки получили еще несколько человек, подавляющее же большинство удовлетворилось тройками. Была и двойка — у экстерна Николаева, лишившегося права продолжать сдачу.

Пять письменных экзаменов — пять пятерок! Такой результат экзаменов оказался у одного Владимира. Конечно, этот успех не мог не вызвать чувства удовлетворения. Но не более. Все мысли были только о матери и старшей сестре: как мать пережила страшную весть, хватит ли у нее сил добиться для Ани близкой ссылки, когда же они вернутся домой... Надо ли говорить, с каким облегчением встретил Владимир 8-дневный перерыв перед второй серией экзаменов — теперь устных.

Первым из них, 22 мая, был экзамен по истории и географии, который принимала весьма представительная комиссия: директор Ф. М. Керенский, инспектор И. Я. Христофоров, преподаватели Н. С. Яснитский, Н. П. Моржов и В. Ф. Серебренников.

Владимиру Ульянову достался билет: «Борьба плебеев с патрициями. Воспитание детей в Риме. Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии. Федор Алексеевич, История южных славян в средние века. Разделение церквей. Елизавета Английская. Карл IV. Причины появления Реформации.

Возвышенности во внутренности России. Климат и орошение Африки. Важнейшие города в Италии».

По каждому из этих вопросов требовалось показать весьма обширные знания. Надо сказать, что в гимназиях Казани и Саратова вопросы по географии вообще специально не ставились. Число вопросов по истории было значительно меньшим (в 1-й казанской классической гимназии, например, всего два), да и постановка их была более простой. Требования в Симбирской гимназии были явно ужесточенными. Это сказалось на результатах экзамена: 15 восьмиклассников и экстерн Ф. Стратонов получили тройки, семеро — четверки и только пятеро, в том числе Владимир Ульянов, — высшие баллы.

В этот же день, 22 мая, в половине седьмого вечера к симбирской пристани причалил пароход, на котором наконец-то прибыли измученные горем и мытарствами мать и Анна. Сестре разрешили по пути в кокушкинскую ссылку заехать в Симбирск.

Владимир избегал травмировать расспросами мать и Аню, но Мария Александровна и сама невольно возвращалась памятью к недавнему ужасному прошлому. «Я удивляюсь, — с болью и гордостью вспоминала она защитительную речь сына, — как хорошо говорил Саша: так убедительно, так прекрасно. Я не думала, что он может так говорить. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала». Последними просьбами Александра были: принести ему томик стихов Г. Гейне и найти «Немецко-французский ежегодник» 1844 года со статьями К. Маркса и вернуть его владельцу.

Нельзя было без боли слушать и рассказ матери о хождениях по приемным сановников уже после казни Саши, с прошениями о разрешении Ане отбывать ссылку не в Восточной Сибири, а в Кокушкине. Даже две Сашины фотокарточки, сделанные в тюрьме, — одна в профиль, другая анфас, удалось ей получить с трудом. «Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, — вспоминала потом старшая сестра Владимира, — удивлялись все, кто ее знал, — тем более чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая по возможности свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, — еще больше, чем прежде, о детях... Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчить ее горе».

Между тем надо было думать, как жить дальше. После случившегося прежние планы о переезде всей семьи в Петербург отпали... Владимиру предстояло решить, в какой университет поступать. Мог ли он теперь

уехать вообще куда-либо от матери? А так как Анне надлежало отдавать ссылку в Кокушкине, матери с детьми будет удобнее всего жить рядом, в Казани. Он же, как старший и, по сути дела, единственный в семье мужчина, должен стать надежной опорой и матери, и Анне, и младшим. Значит, другого решения быть не может: придется продать дом и имущество и перебраться всей семьей в Казань, а он будет поступать в Казанский университет.

Департамент полиции разрешил Анне пребывание в Симбирске только до 20 июня. Надо было поспешить с распродажей недвижимости, чтобы выехать в Кокушкино после окончания экзаменов всем вместе. Уже 30 мая в «Симбирских губернских ведомостях» появляется объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой».

В обстановке, когда мучительно переживалась гибель Саши, а в доме стали появляться покупатели, да и просто любопытствующие, нелегко было сохранить деловой настрой. Опорой семьи были мать и Владимир.

А выпускные испытания в гимназиях продолжались. В конце мая Ольга первой закончила сдачу экзаменов. Она получила только высшие баллы — единственная из 54 выпускниц. Решением педагогической конференции женской гимназии от 1 июня самая юная воспитанница, которой было только 15 с половиной лет, была представлена к награждению золотой медалью. Владимир испытывал не только удовлетворение и гордость за успех Оли, но и большую благодарность к ней, ибо знал, чего это ей стоило. Сам же еще продолжал борьбу за высшую награду.

27 мая ему пришлось, перебарывая себя, сдавать экзамен по закону божьему. В билет входили вопросы из всех четырех разделов курса: «Пространного православного катехизиса», «Истории христианской православной церкви», «Учения о богослужении православной церкви» и «Священного писания Нового завета». При ответе на некоторые вопросы, например о VI и VII вселенских соборах 680 и 787 годов, требовалось показать знания истории Византии того времени и уж затем раскрыть суть иконоборчества — религиозно-политического движения против поклонения иконам, выразившего протест народных масс против церкви и освященного ею гнета государства и сановной знати.

Испытательная комиссия, состоявшая из директора, инспектора, двух священников-законоучителей гимназии и «депутата епархиального ведомства» в течение пяти часов проверяла знания выпускников. Экзамен оказался не слишком сложным: 16 учеников удостоились пятерок, в том числе и Владимир, девятеро — четверок и три человека — троек.

На следующем экзамене, состоявшемся 29 мая, — по латыни — показатели были куда хуже. Комиссия в составе П. Федоровского, Н. Моржова и Н. Нехотяева поставила 17 троек и только две пятерки, одну из которых — Владимиру. А в его билете были вопросы, которые никак не назовешь легкими. Вначале он перевел на русский 5-ю главу из 3-й части Цицероновского трактата «Об обязанностях» и на основе этого текста рассказал о прямой и косвенной речи, абстрактных и конкретных существительных, особых формах прилагательных и глаголов; затем охарактеризовал «философию Цицерона» и изложил суть его «учения о высшем благе».

В конце мая к Ульяновым зашел Иван Николаевич Чеботарев — выпускник столичного университета, с сентября 1886 года в течение четырех месяцев живший в одной квартире с Александром. За знакомство с участниками заговора он был сослан к родным в Самару и в Симбирске находился проездом. Владимир, зная от Анны, что Чеботарев принимал деятельное участие в жизни симбирского землячества, а главное, что к нему хорошо относился брат, долго и доверительно беседовал с ним.

«Он расспрашивал, — вспоминал И. Н. Чеботарев, — о последних днях моей совместной жизни с Александром, о допросах меня на предварительном следствии и на самом верховном суде, в особенности о впечатлениях, какие произвел на меня Александр на скамье подсудимых. Обо всем этом он расспрашивал меня спокойно, даже слишком методично, но, видимо, не из простого любопытства. Его особенно интересовало революционное настроение брата».

Сообщая через несколько дней в Петербург близкому товарищу Александру А. А. Воеводину о беседах с Анной Ульяновой, Чеботарев отметил, что она «сильно изменилась; упрекает себя, что ничего не замечала и так доверилась, и что семья ее твердо переносит свое горе».

1 июня Владимир сдавал комиссии в составе И. Ежова, П. Федоровского и Г. Штейнгауэра греческий язык. Вначале он перевел 228—246-е строфы из VIII песни 1-й части гомеровской «Илиады» и 38-ю главу из 1-й книги «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида. Затем ответил на пять вопросов по грамматике и в заключение рассказал о различных сословиях Аттики, государственном устройстве Спарты и образе жизни жителей этого древнегреческого государства. Общий итог экзамена для класса оказался примерно таким же, как и по латыни: 16 троек, 9 четверок и две пятерки, одну из которых получил Владимир.

Наконец, в субботу 8 июня наступил черед последнего, десятого экзамена — по математике. Комиссия собралась представительная: директор, инспектор и преподаватели А. Федотченко, Н. Надежин, Н. Степанов. Владимиру достался такой билет: «Арифметика. Решение задач на учет векселей. Алгебра. Вычисление сложных процентов и срочных вкладов. Геометрия. Об измерении площадей прямолинейных фигур*. Тригонометрия. Деление дуг. Вычисление тригонометрических линий некоторых дуг». Комиссия подошла к оценке знаний выпускников по математике очень скупно: 19 человек получили тройки, пятеро — четверки. Высшего балла удостоились только трое: В. Ульянов и претенденты на серебряную медаль А. Писарев и А. Наумов.

После окончания экзаменов началось заполнение черновики аттестатов зрелости. В них следовало внести и окончательные отметки по тем предметам, которые не выносились на выпускные испытания. В аттестате Владимира оказалось 17 пятерок и только одна четверка — по логике. Появление этой сиротливой оценки всецело на совести Ф. М. Керенского. Ведь к моменту заполнения аттестата Владимир имел итоговую оценку по логике, изучавшейся только в 7-м классе, 4 1/2. Согласно указаниям министерства просвещения преподаватель при вы-

* Во все предыдущие публикации этого билета вкралась ошибка. Считалось, что Владимир отвечал на вопрос «Об измерении площадей прямоугольных фигур». Замечу, что способы измерения площадей треугольника, трапеции, параллелограмма и т. д. заметно сложнее, чем, скажем, квадрата или прямоугольника.

ведении окончательных оценок обязан принять во внимание прилежание и успехи учащегося на протяжении всего периода обучения. Керенский прекрасно знал, что Ульянов шел первым учеником с первого до последнего класса. Поэтому он имел все основания округлить оценку до пяти. Но, стремясь, по-видимому, продемонстрировать свои верноподданнические чувства, он снизил на полбалла оценку по логике родному брату «важного государственного преступника».

На заседании педагогического совета классической гимназии обсуждались оценки, поведение и отношение к учению каждого выпускника за все годы пребывания в учебном заведении. Поведение всех юношей было признано отличным. Что же касается степени их прилежания и любознательности, то здесь градация оценок была весьма разнообразная: и «достаточная» и «усердная» — у троечников, и «довольно большая» — у хорошистов.

Владимир получил аттестат, в который были вписаны эпитеты самого высокого значения: «Поведение его вообще было ОТЛИЧНОЕ, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ ОТЛИЧНАЯ, прилежание ОТЛИЧНОЕ и любознательность ко всем предметам БОЛЬШАЯ, особенно к древним языкам...» На основании этих выводов и результатов выпускных экзаменов педагогический совет 10 июня 1887 года «постановил наградить его, Ульянова, ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, обозначенные в §§ 129—132 Устава гимназий и прогимназий 1871 года.

Во всех других аттестатах зрелости выпуска 1887 года упоминание о § 129, предоставлявшем медалистам право определения на государственную службу с чином XIV класса (коллежского регистратора), отсутствовало. Владимир Ильич никогда не воспользуется этим правом, но его соученикам было чему позавидовать. Впрочем, наконец-то окончив гимназию, и они вздохнули свободно. Ведь это формально она считалась восьмиклассной, а фактически учение в ней продолжалось для всех, кроме Владимира Ульянова, по девять и более лет. Только он один миновал приготовительный класс или приходское училище. Кроме того, одиннадцать выпускников 1887 года оставались в каком-нибудь из классов на второй год. Некоторые испытали эту горечь дважды. А сколько ранее учившимся с Владимиром ребятам пришлось оставить гимназию либо предстояло еще одолеть один-два класса. Достаточно сказать, что в числе семиклассников весной 1887 года было 29 бывших соучеников восьмиклассника В. Ульянова. Всего же соучениками Владимира в разных классах были 110 ребят, но только семеро из них прошли, как и он, курс восьми классов за 8 лет. Постоянными же его одноклассниками, с 1879 по 1887 год, были лишь трое. Многие выпускники уже стеснялись форменной одежды и облачались в нее только на время экзаменов и в других торжественных случаях. Один Владимир Ульянов закончил гимназию 17 лет; остальным было по 18—20, а пятеро гимназистов были старше 21 года и по закону считались уже совершеннолетними.

На память о гимназии Владимир, как и все его соученики, получил фотомонтаж «Выпуск 1887 года», составленный из овальных фотографий преподавателей и выпускников. Оформлен он был по инициативе

классической гимназии. Все надписи сделаны на древних языках. На развернутых листах начертана по-латыни поговорка: «Ум человека учением и мышлением питается», а на нижнем свитке — «Конец венчает дело». О главном в содержании обучения говорят виньетки, на которых изображены стопки книг. Справа представлены творения древних римлян: Цицерона, Цезаря, Т. Ливия, Саллюстия и Овидия; слева — древнегреческих авторов: Ксенофонта, Геродота, Сократа, Демосфена, Софокла.

Теперь вместе со своей фотографией на память Владимиру останутся овалы снимки всех 26 его соучеников. Со всеми товарищами он был в хороших отношениях, помогал в учебе. Но так уж сложилось, что особенно задушевных друзей у него среди них не было, ни с кем он не был особенно близок — не находил возможным делиться своими сокровенными думами и планами на будущее. Тем не менее в душе он был признателен им хотя бы за то, что никто в классе не порицал открыто участия его брата в покушении на жизнь царя.

В день получения Владимиром аттестата зрелости, 10 июня, в «Симбирских губернских ведомостях» в третий раз появилось объявление Ульяновых о продаже дома. Только после этого нашелся покупатель — полицмейстер А. Н. Минин. Владимир помог матери в оформлении всех необходимых документов, и 15 июня нотариус засвидетельствовал сделку.

Совершенно непредвиденные затруднения возникли через три дня, когда мать обратилась в местную дворянскую опеку с просьбой разрешить ей получить сбережения семьи — 2000 рублей, положенные покойным отцом в симбирский городской общественный банк. Ее пояснения о значительных расходах, связанных с переездом в Казань, экипировкой и учебой Владимира и других детей, опека признала достаточным основанием для удовлетворения прошения. Однако губернское правление, куда тоже поступило заявление матери, предложило вновь обосновать необходимость выдачи ей всего капитала. Пришлось повторить перечень предстоящих расходов и добавить: «Кроме того, из получаемой пенсии на малолетних будет уплачиваться казне долг в 60 рублей за полученный покойным мужем орден Св. Станислава I степени». Воспоминания об ордене оставляли в душе горький осадок. Документы о награждении прибыли в Симбирск после кончины отца, и мать «не пожелала» получить орден. Тем не менее капитул орденов настоял на взыскании из пенсии полагающиеся за «Станислава» 150 рублей.

Просьбы матери о выдаче вклада в банке оказались тщетными: до отъезда так и не удалось получить сбережений отца.

Между тем истекал разрешенный Петербургом срок пребывания Анны в Симбирске, а дела еще не были закончены. Решено было отправить вместе с ней в Кокушкино пока Митю и Маняшу, чтобы ей не было слишком тягостно в одиночестве. 20 июня на Казань отправлялось два парохода общества «Кавказ и Меркурий»: скорый — в 8 часов утра и товаро-пассажирский — в 9 вечера. Проводили Аню с младшими вечерним рейсом, который был удобнее во всех отношениях. Во-первых, стоит ли торопиться в ссылку, когда можно пробыть последний свой день дома? А во-вторых, билеты на товаро-пассажирский продавались «по уменьшенной таксе».

24 июня Владимир в последний раз пришел в свою гимназию, чтобы по поручению матери получить у делопроизводителя П. Д. Ильина документ об успехах и поведении Мити за третий класс и его метрическое свидетельство. Петра Дмитриевича он знал как известного шахматиста, с которым отец в свое время советовал ему встретиться за шахматной доской. К тому же его сестра, акушерка А. Д. Ильина, знакомая Ульяновых, принимала самого Владимира. Володя расписался на прошении матери о выдаче ему документов и на прошении отца от 30 апреля 1883 года о приеме младшего сына в приготовительный класс. Это были последние автографы Владимира в родном городе. Испытывая противоречивые чувства, он окидывал гимназию прощальным взглядом. Полным ходом шел ремонт: белили классы и коридоры, красили панели в перловый цвет, кое-где уже блестели свежей желтой краской полы. Снаружи освежали стены главного, белого корпуса, красили цоколь в традиционный серый цвет. Во дворе рыли траншеи для водопровода и ремонтировали пансионский ледник.

Подготовка к отъезду из Симбирска заканчивалась. Получен в канцелярии дирекции народных училищ рукописный, на стандартном листе писчей бумаги паспорт матери; распродано из мебели все, что нашло покупателей; упакованы и перевезены на пристань вещи, в том числе и рояль, который все-таки взяли с собой; куплены билеты на 27 июня, на тот же вечерний рейс товаро-пассажирского парохода, «по уменьшенной таксе», каким неделю назад проводили своих.

Прощальный день выдался на редкость жарким, до 31 градуса в тени, и даже к вечеру столбик термометра не опустился ниже 26. В эту пору темноло поздно, и отъезд происходил на глазах соседей и любопытствующих обывателей, с сочувствием перешептывающихся о «роке», нависшем над семейством Ульяновых.

Вплоть до последнего часа в дом приходили друзья и знакомые — проститься и проводить. Владимир с удовлетворением мог отметить, что большинство близких им людей в дни тяжелых испытаний не отшатнулись от их семьи. В этом, конечно, была заслуга родителей, которые умели выбирать знакомых и товарищей, подавая пример и детям. Отрадно было по-прежнему видеть в числе друзей семьи чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева и народную учительницу Веру Васильевну Кашкадамову, акушерку Анну Дмитриевну Ильину и учителя Никифора Михайловича Охотникова, врачей Александра Александровича Кадыяна и Ивана Сидоровича Покровского.

И вот наступил момент, когда пароход отчалил от меркурьевской пристани и устремился вверх по Волге. С волнением и грустью смотрел Владимир, как удаляется Симбирск, где он прожил все 17 лет, где осталось его счастливое детство, когда были живы отец и Саша. Он испытывал щемящую боль, как будто часть души остается в исчезающем из вида городе, вместе с родным домом и могилой отца. Как же тягостно сейчас матери...

Но молодость и сила воли брали верх. Как пароход, выйдя на широкую гладь реки, несмотря на упругие волны и свежий ветер, уверенно набирал скорость, так и Владимир, несмотря на трагические события недавнего времени, вступал в большую жизнь полным сил и энергии, взявшим курс к намеченной цели.

«МЫ ПОЙДЕМ НЕ ТАКИМ ПУТЕМ»

Владимир Ильич даже с близкими избегал говорить о драматических днях 1887 года. «Я никогда не спрашивала, — вспоминала Надежда Константиновна, — а он никогда не рассказывал о том, что он пережил и передумал в то время. Он рассказывал только, как мужественно пережила этот удар его мать, а в тоне его, когда он это рассказывал, звучало чувство глубокой любви и к матери и к брату».

Трагическая судьба родного и любимого человека поразила его, но в то же время обострила работу мысли. Прежде всего Владимир пытался представить себе все обстоятельства, побудившие Александра так неожиданно вступить в смертельную схватку с правительством.

Главное для него было ясно: поступок этот совершен вполне сознательно. Когда приходилось говорить об Александре, — писала В. В. Кашкадамова, — Владимир повторял: «Значит, он должен был поступить так, — он не мог поступить иначе». Что касается конкретных причин выступления «вторых первомагистров», то о них Владимир слышал во время своих бесед с братом, от сестры Анны, от И. Н. Чеботарева, наконец, из рассказов матери, читавшей показания Саши на следствии и слушавшей его защитительную речь на суде. Владимир, несомненно, был знаком и с сутью заявления брата, что «единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом», но так как правительство жестоко карает не только социалистическую пропаганду, но даже общекультурную, то со стороны интеллигенции неизбежен террор — стихийная форма борьбы, «происходящая от того, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления».

Чувство недовольства общественным строем утвердилось и в мировоззрении семнадцатилетнего Владимира Ульянова. Уже в ранней юности он остро переживал нападки реакционеров, которым подвергался отец и руководимая им народная школа губернии; был убежден в ненормальности государственного строя, правящие классы которого боятся разумной грамотности трудящихся и под всяческими предлогами препятствуют ей. И, как говорится, обеими руками мог бы подписаться под словами Александра из его прокламации по поводу разгона добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года в Петербурге: «Только невежество порождает темное царство, оно составляет его силу, давало ему возможность подчинить своему гнету лучшие элементы русского народа. И это темное царство гнетет нас и теперь, но мы уже не сомневаемся, что дни его сочтены: распространение просвещения должно быть той путеводной звездой, которая выведет русский народ на истинную дорогу».

Но Ульяновых волновали не только и даже не столько реакционные меры в области народного образования и культуры, сколько остатки крепостничества, угнетение нерусских национальностей, произвол, казнокрадство и взяточничество власть имущих, безнравственность и поборы духовенства, бесчеловечная эксплуатация крестьянства помещиками и кулачеством, рабочих и их семей фабрикантами и полное гражданское бесправие всех тружеников.

Чувства глубочайшей горечи рождались у каждого, кто читал официальные данные о том, что средняя продолжительность жизни в России равна лишь 25 годам, тогда как в Англии она достигла 53 лет.

Врач В. П. Кармазинский, с сыном которого дружил в гимназические годы Владимир, докладывая в 1887 году городской думе о недостатках медицинского обслуживания в Симбирске, с болью отмечал, что «из всех родившихся детей до 1 года умирает 36% в год... до 5 лет доживает только половина родившихся», а рабочего возраста достигает 46 человек из 100. Главной причиной такой высокой смертности врач считал тяжелые условия жизни рабочего люда.

Картины обнищания в Симбирске стали обыденными. Одну из них запечатлела «Самарская газета» 12 июня 1887 года: «На всех главных улицах города, во всякое время года, осаждают прохожих целые толпы оборванных крестьян обоюбого пола, просящих милостыню: это все погорельцы».

Особенно безотрадной и бесправной была участь национальных меньшинств, составлявших почти треть населения Симбирской губернии. Царизм, придерживаясь деспотического правила «разделяй и властвуй», всячески разжигал национальную рознь и поощрял любые методы обрусения чувашей, мордвы и татар. С юности возмущавшийся великодержавным шовинизмом, культивируемым правительством, много лет спустя Владимир Ильич в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» приведет свои «волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев...».

Честный и смелый человек не мог мириться с этими и другими видами угнетения, с теми невыносимыми условиями, в которых жил и трудился народ. Легальных возможностей борьбы против эксплуататоров почти не имелось. Из этих очевидных фактов Александр сделал для себя один вывод, Владимир, тоже переживавший страдания своего народа, — другой, и весной 1887 года он отверг терроризм. К этому выводу подводила схватка народовольцев с царизмом, происходившая на глазах того поколения, к которому принадлежал и Владимир.

В год его поступления в первый класс гимназии прогремели выстрел А. Соловьева и взрыв мины под железнодорожным полотном в Москве. В начале февраля следующего 1880 года Симбирск узнал о новом дерзком покушении на царя — взрыве в Зимнем дворце, подготовленном Степаном Халтуриным. Приведение в исполнение народовольцами своего приговора царю 1 марта 1881 года ошеломило всю страну, и именно с этих пор Владимир стал внимательно вслушиваться во все политические разговоры. А в последующее пятилетие печать неоднократно сообщала об убийствах губернаторов, чинов прокуратуры, жандармерии, полиции, сыскной службы. Но реакционные правящие круги не выполнили требований революционеров о предоставлении народу земли и воли, еще более усилили репрессии.

В малоэффективности террора как метода политической борьбы убеждали и события после 1 марта 1887 года. Владимир понимал, что брат и его товарищи надеялись на эффект испуга Романовых. Хотя покушение и не удалось, одна из главных целей ими была почти достигнута: царь убедился, что только случайность спасла ему жизнь, что возможны новые акты посягательства на него и наследников престола.

Но самодержец не отказался от прежнего реакционного внутривластного курса.

Уже 8 марта князь В. П. Мещерский выступил в своем «Гражданине» с воззванием: «... да послужит это дважды проклятое число 1-е марта для нашей русской школы днем глубокого раздумья». Мещерский требовал сделать все, чтобы «самый малый процент молодежи тянулся в гимназии и в университеты», а наибольший — «оставался на своих местах». Его единомышленник, член совета при министре народного просвещения Н. А. Любимов, в газете «Свет» предложил для достижения этой цели ликвидировать подготовительный и первые два класса в классических гимназиях.

Эти и другие требования сторонников жесткого курса благосклонно воспринимались царем. В марте, сразу же после ареста Александра Ульянова и его товарищей, началось «очищение» Петербургского университета от «неблагонадежных» студентов. Вскоре вышло распоряжение, закрывавшее доступ в него выпускникам провинциальных гимназий. В мае произошла чистка в других высших учебных заведениях страны. Из Казани, например, были высланы в Симбирск бывшие однокурсники Александра Ильича студенты Н. Войцеховский, Д. Гончаров, Н. Тимонов.

Министр народного просвещения И. Д. Делянов издал циркуляр, согласно которому резко повышалась плата за обучение в университетах, а детям «кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.» вообще почти преграждался доступ в средние учебные заведения. С этой же целью были закрыты подготовительные классы в гимназиях; плата за учение в них тоже значительно увеличилась.

Весной в Симбирск поступило известие о прекращении приема на высшие женские курсы в Казани. Эта правительственная мера с особым огорчением была воспринята Владимиром: теперь в России не осталось высшего учебного заведения, куда бы могла поступить его сестра Ольга.

Обозреватели «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» с тревогой сообщали читателям о стремлении сторонников жесткого курса правительства урезать и без того куцые права земского самоуправления, пересмотреть пореформенное законодательство и судопроизводство, передать полноту власти в уездах поместному дворянству, разжечь национальную вражду.

После «второго 1 марта» реакция в стране явно усилилась. Но даже самые верные ее приверженцы теряли веру в возможность искоренения крамолы только насильственными мерами. «Последнее покушение 1 марта сего года доказало, — писал один из симбирских «охранителей» обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, — что наша так называемая крамола не ослабевает, что революционное состояние школы усиливается... Смута умственная произведена тридцатилетнею пропагандою в литературе, в школе, в общественной жизни». Да и сам Победоносцев, имея в виду последнюю волну арестов, пришел почти к такому же выводу: «Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо допросить себя, отчего так много обезумевших юношей...» Симбирский помещик Д. И. Воейков, возвращавшийся в высших правительственных сферах, в письме к М. Н. Каткову высказал сомнение в способности «верхов» понять истоки крамолы: «Многочисленные аресты и суровые меры нисколько не меняют существа

дела, понятного всякому зрячему человеку. Нынешние руководители не понимают существа опасности и не знают, где следует бороться с нею, а лучший из царей нынешнего века доведен до того, что он вынужден считать себя ежеминутно в опасности и обещает никуда не ездить с наследником...»

Политические события в России весной 1887 года вызвали оживленные толки в Европе. Фридрих Энгельс, имея в виду и выступление группы Александра Ульянова, в письме от 21 марта к дочери К. Маркса Лауре Лафарг высказал мысль, что народовольцы «в конечном счете достигли своей цели», так как царь «ползает на коленях перед революцией». Предвидя наступление в России скорого кризиса, Ф. Энгельс в письме к Ф. А. Зорге вновь указывает на «последние покушения», которые, «кажется, переполнили чашу...».

Эти выводы были сделаны вскоре после появления в печати трусливого заявления царского правительства о том, что в России еще, дескать, не «настало время введения конституционного правления», что правительство даже «тщательно изучает государственный социализм, успешно осуществляемый в Германии князем Бисмарком», а народовольцы-де не понимают этого и вынуждают русского императора предпринимать «дорогостоящие меры предосторожности для обеспечения его личной безопасности».

Примечательно, что в сочувственных отзывах европейской печати о деле 1 марта 1887 года, как правило, особо выделялась светлая и героическая личность Александра Ильича. «Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей, — указывал Г. В. Плеханов в своем очередном «Обзрении» в журнале «Социал-демократ», — напоминает нам мужество древних стоек: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе.

Несмотря на ошибочность пути, избранного старшим братом и его товарищами, Владимир Ильич высоко ценил их героизм, как и других революционеров — предшественников российской социал-демократии. В 1917 году он напишет: «Они (народовольцы. — Ж. Т.) проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа». Не каждый молодой революционер 80-х годов смог идейно высвободиться из-под влияния народovolьцев и пойти по другому пути. Семнадцатилетнему Владимиру Ульянову после большой внутренней борьбы это все же удалось. Верная дорога ему была подсказана марксизмом.

Идеи научного социализма начали проникать в симбирскую глушь давно. Слова Владимира Ильича, что Россия около полувека, примерно с сороковых и до девяностых годов, жадно искала «правильную революционную теорию», целиком относятся к его родному краю.

Еще в сороковых годах П. В. Анненков познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом и вел с ними переписку. Во время одного из приездов в родное симбирское село Чириково известный критик открыл там, без влияния И. Н. Ульянова, школу для детей крестьян. В 1880 году Анненков опубликовал в либеральном «Вестнике Европы» свой очерк

«Замечательное десятилетие», в котором поделился впечатлениями и о встречах с К. Марксом. Ульяновы регулярно читали этот журнал и, конечно, обратили внимание на интересную публикацию литератора-земляка.

В феврале 1850 года в Симбирске был арестован друг и соратник А. И. Герцена Н. П. Огарев. Его, как и Н. М. Сатина и А. А. Тучкова, обвинили в «причастности к коммунистической секте». В марте следующего года Н. Г. Чернышевский почти всю дорогу от Петербурга до Симбирска рассуждал с Д. И. Минаевым (поэтом и отцом известного поэта-демократа) и Н. А. Гончаровым (учителем Симбирской мужской гимназии, братом знаменитого романиста, знакомом И. Н. Ульянова) «о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии».

Неподалеку от квартиры Ульяновых на Стрелецкой улице в первой половине семидесятых годов проживал В. А. Головинский, читавший в кружке петрашевцев «Нищету философии» К. Маркса еще в 1849 году. Илья Николаевич хорошо знал этого общественного деятеля.

В селе Каменка Курмышского уезда Симбирской губернии, где имением О. С. Левашовой управлял Владимир Иванович Захаров, самый давний друг И. Н. Ульянова, проживала с начала семидесятых годов и сама хозяйка. Она приехала из Швейцарии, где принимала деятельное участие в Русской секции I Интернационала. О. С. Левашову знали К. Маркс и члены его семьи, она выполняла их поручения. Илья Николаевич неоднократно бывал в Каменке, общался с обоими политическими поднадзорными — Захаровым и Левашовой, — упоминал их фамилии в своих отчетах, благодаря за полезную помощь в просвещении крестьянских детей.

Лечащий врач Ульяновых А. А. Кадыян, будучи студентом, изучал в Женеве работу секций I Интернационала, сочувственно высказывался о борьбе парижских коммунаров. Интерес к социалистической литературе и практике социал-демократического движения А. Кадыян сохранил и во время жизни в Симбирске.

Народный учитель В. А. Калашников незадолго до того, как Илья Николаевич пригласил его помочь в подготовке своих детей к поступлению в гимназии, получил от товарища «Труд и капитал по Марксу, в изложении Чернышевского» и прочитал эту книгу «от корочки до корочки».

Задумывался над идеями марксизма близкий знакомый Ульяновых писатель В. Н. Назарьев. Однако, как это видно из его бумаг, он не сумел четко разграничить взгляды основоположников научного социализма и воззрения вульгарных материалистов, а потому нередко отождествлял их. В 80-х годах на положении ссыльного в Симбирске проживал видный революционер-народник А. С. Бутурлин, с которым Илья Николаевич встречался на заседаниях комитета Карамзинской библиотеки. Бутурлин в этот период серьезно изучал «Капитал» К. Маркса, и именно к нему, как «социалисту и знатоку политической экономии», решил обратиться за разъяснениями сын Л. Толстого Сергей Львович.

Студенты-симбиряне, вращаясь в кружках столичных и университетских городов, имели, конечно, больше возможностей для ознакомления с научным социализмом, чем у себя на родине. Эту литературу, содержащую ответы на волнующие вопросы, они везли в Симбирск или передавали туда «с оказией». Главные труды основоположников науч-

ного социализма, а также издания плехановской группы «Освобождение труда» изучали члены симбирского студенческого землячества в Петербурге. Особенно углубленно занимался ими Александр Ульянов. Он подготовил даже к нелегальному изданию статью К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». В работе по переводу одной из статей Маркса на русский язык участвовала и Анна Ильинична. В Петербурге Александр Ильич не раз встречался с Е. Г. Бартеновой — одной из учредительниц Русской секции I Интернационала. От нее, как и от супругов Жаклар, знавших К. Маркса, он слышал об основоположнике научного социализма то, что не мог бы прочитать ни в одной из книг.

Важную роль в усилении внимания передовой молодежи к социалистической литературе сыграл рост пролетарского движения в России. С 1881 по 1886 год в стране произошло более 48 стачек, в которых участвовало до 80 тысяч рабочих. Крупнейшей из них была Морозовская стачка ткачей, о которой много говорилось в печати. О ней, конечно, знали и в семье Ульяновых.

Трудно сказать, что именно из приведенных выше фактов было точно известно Владимиру. Но несомненно, что многое. Можно полагать, что уже в четвертом классе он не раз слышал о К. Марксе и его трудах. Ведь 10 марта 1883 года даже «Симбирские губернские ведомости» сообщили о кончине 5-го числа под Парижем «известного писателя-социалиста Карла Маркса». В московских «Русских ведомостях», которые Илья Николаевич выписывал на дом, этому событию были посвящены несколько статей с рассказом о жизни и деятельности Маркса, а также обстоятельная публикация профессора А. И. Чупрова с анализом «Капитала».

Взглянем на второй том «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой издания 1881 года, который Владимир получил в награду 30 мая 1883 года при окончании четвертого класса. На первой же странице «Списка источников», использованных писательницей, значится: «Маркс. Капитал. СПб., 1872»! Следует отметить, что «Капитал» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса оказали влияние на Е. Водовозову в освещении ею нищеты и несправедливости трудового народа, критики «полной безумной роскоши» жизни аристократов, банковских воротил и предпринимателей. В третьем томе «Жизни европейских народов», который Владимир, несомненно, читал, писательница с симпатией повествовала об успехах германских социалистов, выражала твердую уверенность в том, что «ослабить силу социализма можно только существенными улучшениями в народном быте».

Небезынтересно, что в гимназической библиотеке аверьяновского кружка 1884—1885 годов имелись как распространенные нелегальные издания, например, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, так и очень редкие, которые гектографировал сам В. Аверьянов, и среди них брошюра, составленная из «Квинтэссенции социализма» А. Шеффле и «Прибавлений» П. Л. Лаврова. Боевые по духу «Прибавления» П. Лавров заканчивал призывом к революционерам России крепить свою организацию, искать себе «естественных союзников» и проявлять «в пропаганде среди народа и в организации народных сил столько же энергии и столько же искусства, сколько

они высказывали и высказывают в настоящее время в борьбе с русским императорством...»

В рукописном «Дневнике гимназиста», издававшемся и распространявшемся в 1885—1886 годах старшекласниками, как мы знаем, не без ведома Владимира Ульянова, также публиковались статьи о «социализме и коммунизме».

Такая нелегальная литература, доступная обычному старшекласснику, была, очевидно, тем минимумом, которым Владимир обладал к приезду Александра на последние каникулы, когда тот усиленно работал над овладением Марксовым «Капиталом» и другой социально-экономической литературой. Нам ничего не известно о содержании бесед на эту тему между братьями летом 1886 года, но интерес Владимира к марксизму уже осенью настолько возрос, что, по словам соученика М. Кузнецова, они начали переводить с немецкого первый том «Капитала». «Работа эта прекратилась на первых же страницах, — отмечала Анна Ильинична, — чего и следовало ожидать: где же было зеленым гимназистам выполнить такое предприятие? Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было...» (Выделено мной. — Ж. Т.)

«Искание путей» включало в себя и размышления над «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, осмысление итогов просветительской деятельности своего отца и героической борьбы старшего брата, своих наблюдений над окружающей действительностью. Эти напряженные поиски в конце концов вылились в твердое решение, ставшее историческим: «Мы пойдем не таким путем».

1. План г. Казани. Конец XIX в.
2. Вид на г. Казань.
3. Дом, в котором семья Ульяновых останавливалась проездом в Кокушкино (ныне — Профессорский пер., д. 10). ►

Казанскі
кремль.

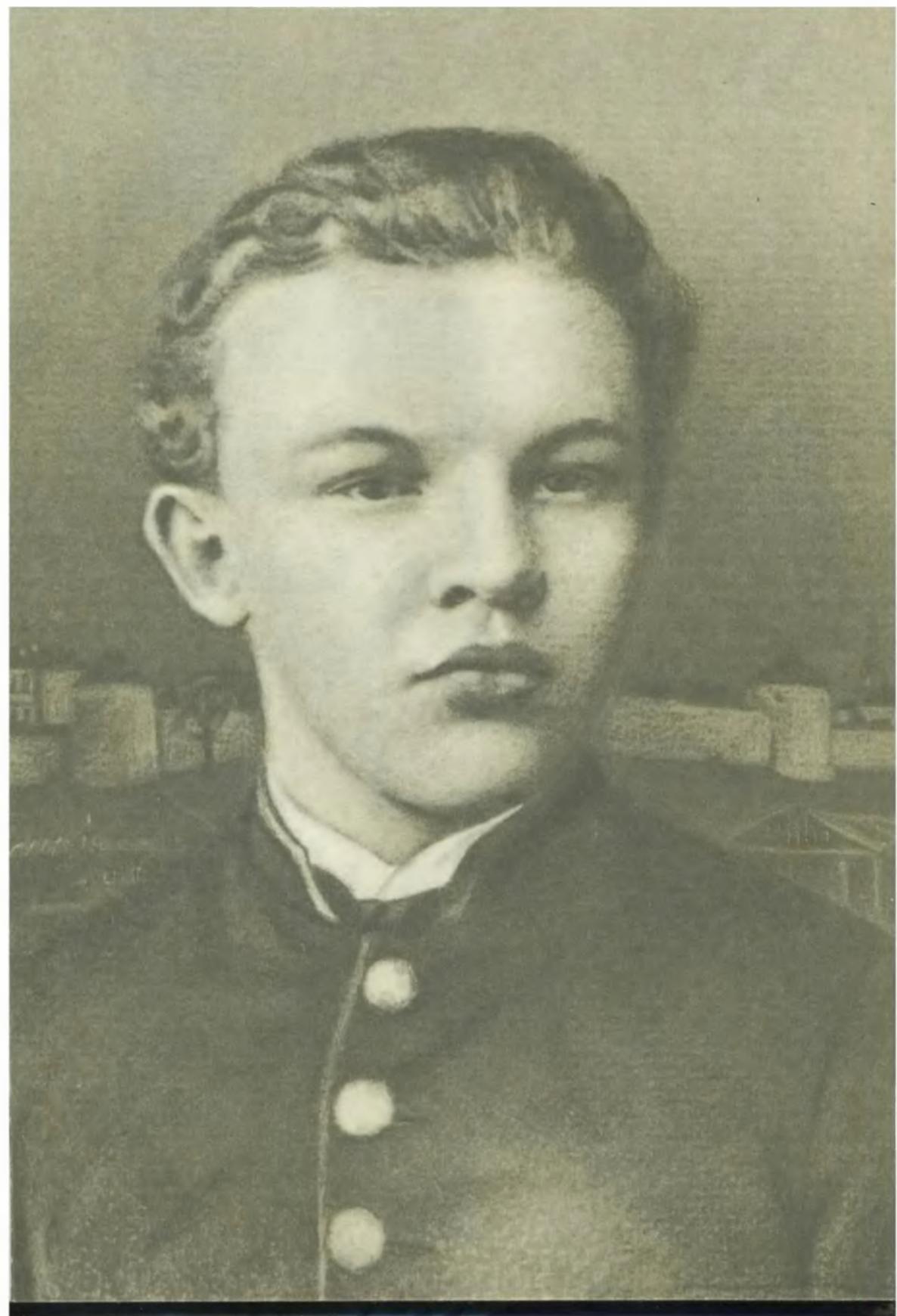
ПЛАНЪ
ГОРОДА КАЗАНИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Казань

В КОКУШКИНЕ

Всего лишь два года назад поездка в Кокушкино была для Ульяновых, особенно для ребят, огромным праздником. После «стен нелюбимых» гимназий и «майской маеты с экзаменами» они с нетерпением считали дни, оставшиеся до путешествия по любимой Волге и встречи с деревенским привольем. Рассказывая как-то в школьном сочинении об одной из таких поездок по Волге, Ольга с восторгом писала о живописных берегах, необозримой речной глади, невысказанной тишине... «Воспоминание об этих счастливых днях не покинет меня никогда».

С удовольствием Ольга делится и приятными дорожными впечатлениями от поездки на лошадях в «плетенке» от Казани до Кокушкина: «Дорога большею частью шла между хлебными полями; рожь уже колосилась; она была очень густа и высока, так что весело было на нее смотреть. Иногда дорога шла лесом, и вместо яркого солнечного света, трещания кузнечиков, пения птиц внезапно наступали мрак и тишина... На меня, — продолжала сестра Владимира свое описание, — как на городскую жительницу, привыкшую к тесным и пыльным улицам, грохоту экипажей и маленьким городским садикам, эти картины природы произвели такое отрадное впечатление, которое навсегда останется мне памятно. В деревню мы приехали вечером, через 3 1/2 часа после выезда из Казани. Деревня эта невелика, но она лежит в очень красивой местности: вокруг нее много деревень и сел, много лесов и рош; а возле нее протекает небольшая, но глубокая и быстрая река. Мы прожили в деревне только три дня, но в эти дни я пользовалась всеми удовольствиями, какие только были возможны. Погода все время стояла хорошая, и мы много гуляли по полям и лесам. Грустно мне было после трех дней, проведенных так весело, ехать в город!»

Эта «поездка на вакат» (каникулы. — Ж. Т.) — так называлось сочинение Ольги — происходила в ту счастливую пору, когда рядом были и отец, и брат Саша...

Стояла прекрасная июньская пора, но путешествие в Кокушкино летом 1887 года уже не вызывало у Владимира и Ольги прежнего чувства безмятежной радости. Так свежа была рана от потери Саши, так много тяжелых дум теснилось в голове. И поскорее хотелось в деревню, где их ждали Аня, Митя и Маняша.

От Симбирска до Казани плыли 21 час (этот же путь, только вниз по течению, занимал всего 14 часов). Прибыли в шесть вечера и пока добрались до Веретенниковых, квартировавших в доме Завьяловой в Про-

фессорском переулке, наступил вечер. Утром выехали на лошадях по хорошо знакомому Зюрейскому тракту в Кокушкино, и уже к обеду 29 июня вся семья собралась за одним столом. В этот же день пристав второго стана Лаишевского уезда доложил своему начальству о прибытии матери, брата Владимира и сестры Ольги к ссыльной Анне Ульяновой.

Через день пристав снова появился в Кокушкине, отобрал у Анны Ильиничны «Маршрут» и «Проходное свидетельство», выданные ей в Петербурге для следования в ссылку, ознакомил с правилами поведения ссыльного, вручил «свидетельство за № 30 на проживание в д. Кокушкино» и взял расписку, что никаких других документов она при себе не имеет. Третьего июля, по требованию пристава, сестра Марии Александровны дала следующую подписку: «...Я, нижеподписавшаяся землевладелица при с. Кокушкино Черемышевской волости Лаишевского уезда Любовь Александровна Пономарева*, даю сие ручательство о том, что племянница моя, дочь действительного статского советника Анна Ильинична Ульянова, будет проживать у меня в имении».

Что касается «имения», то за этим громким словом стояло следующее. После смерти доктора Александра Дмитриевича Бланка имение было разделено между его пятью дочерьми, которые теперь почти все уже были вдовами, имея по шесть-восемь детей. Трое из сестер постоянно проживали вдалеке от Кокушкина: Мария Александровна — в Симбирске, Софья — в Ставрополе (на Волге), Екатерина — в Перми. Свои доли (каждая стоимостью около трех тысяч рублей) они передали в распоряжение сестер — Анны Веретенниковой и Любови Пономаревой, которые и считались владелицами имения. Фактически же больше всех в Кокушкине жила Любовь Александровна или один из ее старших сыновей. Они-то и вели хозяйство. В урожайный год бывал какой-то доход, и тогда часть его получали остальные сестры. В засушливые годы, а они бывали часто, имение приносило только убытки. И неудивительно, что оно уже давно было заложено и перезаложено в банке.

Любовь Александровна Пономарева со своей большой семьей месяцами жила в Казани, где снимала квартиру в частном доме. Поэтому фактическими поручителями Анны Ильиничны были ее мать, собственная семья, а не тетка. Владимир твердо усвоил все ограничения, налагаемые правительством на сестру, как лицо, состоящее под гласным надзором полиции: контроль за ее корреспонденцией, запрещение отлучаться из Кокушкина, заниматься педагогической деятельностью, поступать на государственную службу и многое другое.

Погода в июле стояла жаркая, и меньшие во главе с Ольгой, как и в прошлые приезды в деревню, резвились на воздухе, часами купались в речке, ходили в лес за ягодами и грибами. Иногда делали вылазки на природу Мария Александровна, Анна и Владимир. Но тяжелые воспоминания не покидали их. 20 июля Мария Александровна письмом в департамент полиции напомнила: «...было обещано... выдать некоторые вещи сына моего, Александра Ульянова, главным образом портрет его отца, серебряные часы и плед...»

В памяти Владимира одна за другой проходили страницы жизни брата — от первых лет, когда он во всем стремился подражать Александру,

126 * Любовь Александровна по первому браку была Ардашевой, по второму — Пономаревой.

и до последнего дня этой в высшей степени честной, цельной и героической жизни. Интересовало и последнее пребывание Саши в Казани. Ведь после летних каникул 1886 года он был здесь проездом из Симбирска в Петербург и даже сфотографировался на память, для двоюродной сестры Марии Веретенниковой, дружба с которой стала принимать в то время, по словам Анны Ильиничны, «оттенок первой любви, что-то вроде поэтической дружбы Герцена к его кузине...».

Теперь неожиданно выяснилось, что Мария Веретенникова получила в конце января 1887 года от Саши письмо и обещанную ей очень большую «Характеристику NN...». Хотя и было понятно, что под NN Саша подразумевает ее и наряду с положительными чертами отмечает и ряд отрицательных, с его точки зрения, сторон ее личности, Мария не могла не показать этого доверительного послания Сашиной семье.

«Я нисколько не скрываю от себя того влияния, которое должно оказать это письмо на наши отношения», — писал Александр, и в этих строчках раскрывалась вся глубина смелой и благородной Сашиной натуры.

В общем-то «Характеристика» не была обидной. Саша отметил «сильный ум и вообще, очень большие способности» кузины, решительно подчеркнул, что она «принадлежит к числу очень умных, очень способных людей» и в отличие от многих женщин умеет критически относиться к окружающим людям, разгадывать их и далеко рассчитывать свои и чужие поступки. Ему импонировали самобытность и оригинальность ее суждений, большая сила воли, необыкновенная твердость и настойчивость характера. Однако с неумолимой прямоотой он перечислил недостатки NN: у нее «глохнет потребность выработать себе определенные убеждения и не только личные, но и общественные, т. е. ясные представления об общественной жизни и об участии в ней личностей».

...Самовоспитательная критическая работа, начавшаяся в ранней молодости, скоро приостановилась, книга из воспитательного средства (сознательного или бессознательного) обратилась в источник удовольствия».

Отметив «главные пробелы в умственно-нравственной личности NN», Александр, по существу, высказал свое кредо: «Оценивая человека, я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал себе определенные общественные идеалы, идеал иного, лучшего порядка вещей, насколько основательны и прогрессивны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению. Таким образом, недостаток сознательности выражается прежде всего в излишней индивидуализации; человек забывает об окружающей его массе, о своем долге перед ней; живя своей частной, семейной или даже личной жизнью, он не замечает ее страданий или как-то свыкается с ними; он приближается, другими словами, к понятию эгоиста, хотя при известном нравственном и умственном уровне эгоизм его никогда не опускается до грубых, материальных форм и притом остается все время только отрицательным, т. е. человек не принимает активного участия в улучшении участи других, хотя сам никогда не купит своего счастья ценой чужого несчастья (по крайней мере, сознательно)».

Четко выраженная в письме мысль Александра о том, что честный человек не должен ограничивать себя только неустанной умственной работой над своим усовершенствованием и выработкой личного нравственного идеала, эгоистично забывая при этом о долге перед «окружающей

его массой», о необходимости «активного участия в улучшении участи других», в принципе была всегда свойственна Ульяновым. Перед Владимиром вставал светлый образ отца, который всей своей жизнью показал, что «нравственность», «долг» и «честь» — понятия общественные, то есть находятся в неразрывной связи с борьбой человека с неправдой и злом во имя народного блага. И вот теперь — Саша. В борьбе за благородные идеалы он отдал все, саму жизнь; отдал, чтобы подтолкнуть к активной общественной деятельности сотни других мыслящих личностей. После знакомства с «Характеристикой NN» Анна заключила, что она еще более, чем ее объект, характеризует ее автора.

А ведь Саша всегда был таким. С детства он личное подчинял общественным интересам. Это впечатляюще действовало на многих из его гимназического окружения. Теперь, после его героического самопожертвования в схватке с царизмом, благородные идеи, пронизавшие «Характеристику», приобрели неизмеримо большее звучание: они стали для Владимира, Ольги и младших своеобразным завещанием.

Близко воспринимала последнее послание любимого брата Анна, которая и в Петербурге была рядом с ним. Вспоминала, как в последних классах гимназии, будучи первым учеником, лично не пострадавшим от придилок и грубых выходов латиниста, Саша поддержал борьбу соучеников против ненавистного учителя, пока тот не был удален из Симбирска в другой город. Да и всегда в делах такого рода товарищи опирались на Сашу. Ведь ложь и трусость он считал худшими пороками человека.

Если этого требовали общественные интересы, он жертвовал всем, что имел. Так было, когда нависла угроза ареста одного из руководителей террористической группы Ореста Говорухина: Саша заложил в ломбард свою университетскую золотую медаль и полученные сто рублей отдал товарищу по борьбе. На эти деньги О. М. Говорухин скрылся за границу. И вторую, гимназическую золотую медаль он тоже заложил, чтобы купить азотную кислоту для приготовления бомб.

Анна, находясь в ссылке, по-прежнему жаждала активной общественной деятельности и в письме от 5 августа 1887 года из Кокушкина подруге по Бестужевским курсам пожаловалась: «Жить так, по инерции часто слишком тяжело!» И была очень рада, когда удавалось получить разрешение местного начальства хотя бы на денек съездить в Казань.

Последнее послание Саши, безусловно, нашло горячий отклик в душе Ольги. Ее первым сознательным стремлением, по примеру Анны, было стать народной учительницей. Но юный возраст пока был помехой — ей не было еще и шестнадцати. Кроме того, ей страстно хотелось учиться дальше, в университеты же и институты девушек не принимали вообще, а прием на высшие женские курсы в Казани был недавно прекращен.

Но не для красного словца она говорила, что под счастьем понимает способность человека «забывать о несчастьях — своих и чужих (и то только отчасти), — исполняя свой долг». И как это созвучно с понятиями старшего брата. Прекрасным подтверждением ее выдержки и силы воли служат строки из писем в Симбирск гимназической подруге Александре Щербо: «Сожалений я не принимаю, это не из гордости, а просто не в моем характере». «В душу человека вложено стремление к истине, к идеалу, — продолжает она изложение своих взглядов на жизнь, — человек всегда должен верить в людей, в возможность лучшего на земле, несмотря на личные разочарования... Шиллер сказал: «а смертный все ищет,

все лучшего ждет». Деятельная по натуре, Ольга не могла сидеть без дела. Она решает поступить в Казанскую музыкальную школу А. А. Орлова-Соколовского и одновременно заниматься самообразованием по довольно обширной программе. А пока, не теряя времени, еще в Кокушкине, «вдруг начала заниматься английским языком и читать по-французски...» (так писала сама Ольга подруге). Думается, что не «вдруг», а по примеру старших братьев Саши и Володи, которые при поступлении в университеты отказывались от соблазна продолжать совершенствоваться в уже знакомых немецком и французском и приступали к овладению новым для себя языком — английским.

Между тем надо было готовиться к переезду в Казань, где Владимиру предстояло поступать в университет, а Мите — в четвертый класс гимназии. На семейном совете было решено, что с ними будут жить мать и Ольга, а с Аней останутся Маняша и няня Варвара Григорьевна. Само собой разумеется, что кто-то из семьи, в первую очередь Мария Александровна, время от времени будет наведываться в Кокушкино.

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Еще перед выпуском из гимназии Владимир заявил о своем желании поступить на юридический факультет Казанского университета. Но это была, так сказать, предварительная наметка, которая отнюдь не являлась обязательной. За лето некоторые выпускники изменили свои желания не только относительно факультета, но даже и университета. Более того, по университетскому уставу довольно свободно осуществлялся переход студентов с одного факультета на другой в течение первого месяца учения.

Владимир Ильич, находясь в Кокушкине, несомненно, всесторонне взвешивал правильность принятого еще в Симбирске решения. Директор гимназии Ф. М. Керенский полагал, что ему, с отличными познаниями в древних языках, лучше всего было бы поступить на историко-филологический факультет. Но Владимир Ильич уже давно охладел к латыни и древнегреческому, поэтому этот факультет, особенно после тех реакционных изменений, которые произошли там в 1885/86 учебном году, его не устраивал. «Русские ведомости» писали 11 сентября 1885 года, что на историко-филологических факультетах «главное значение и место получили классические языки и древности. Изучение этих предметов теперь становилось обязательным в равной мере для всех филологов... Из 18 лекций в неделю... 14 должны быть посвящены предметам классической филологии». Такая перспектива никак не устраивала Владимира, имевшего особые планы на будущее.

Как-то в качестве гостя Веретенниковых в Кокушкино приехал доцент Г. Н. Шебуев, читавший лекции по математической физике в Казанском университете. Отметив у Владимира «определенно математический склад ума», он стал усиленно советовать ему поступать на физико-математический факультет. Однако Владимир Ильич остановился на

юридическом. На вопрос двоюродного брата и сверстника Николая Веретенникова, почему он выбрал этот факультет, последовал ответ: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...»

Само собой разумеется, что Владимир Ильич прекрасно представлял «благонамеренную» сущность университетских курсов, составленных для подготовки чиновников, верных пресловутым принципам «самодержавия, православия и народности». Тем более что за последний год и в содержании юридического образования произошли реакционные изменения: совершенно исключалось преподавание истории политических учений, а программа по истории философии права ограничивалась изучением сочинений Платона, Аристотеля и Цицерона. Не повезло в новых программах и «наукам государственным»: отменялось преподавание «Истории главнейших иностранных законодательств» и «Государственного права европейских держав». На практике это означало, что студенты-юристы теперь освобождались от знакомства «с понятиями о государстве, о власти, о формах государственного устройства» и, в частности, от изучения «конституционализма» — основного принципа западно-европейского государственного права.

Новая программа юридических факультетов исключила изучение студентами судебной медицины, психологии, логики. Зато, как подметил обозреватель «Русских ведомостей», на первый план «было выставлено изучение догмы права действующего русского и лишь отчасти — иностранного законодательства и юридической казуистики. Философский же и политический элемент, насколько можно, сокращены и даже совершенно устранены из предметов обязательного преподавания».

И все-таки почти половина восьмиклассников — тринадцать юношей — избрали своей специальностью юриспруденцию. Многие из них надеялись, и не без оснований, что диплом юриста поможет им в продвижении по чиновничьей лестнице или даст солидный заработок на адвокатском поприще.

Выбор же факультета Владимиром Ильичем был сделан в соответствии с уже сложившимися революционными убеждениями. Если уж он шёл на один из самых реакционных факультетов, то главным образом потому, что, как указывал Дмитрий Ильич, поставил «перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества», борьба с которым стала целью жизни. «Как известно, — продолжал Дмитрий Ильич, — и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете». Разумеется, Владимир Ильич намеревался большую часть знаний, необходимых для труда и борьбы, черпать из жизни и литературы, и не только той, которую ему будет рекомендовать буржуазная профессура...

Определенное значение в выборе Владимиром Ильичем будущей специальности имело и понимание того, что государственные должности, в том числе и педагогическая служба, для него, как брата «государственного преступника», будут закрыты. И он наметил для себя, по выражению Анны Ильиничны, более свободную профессию — адвокатскую. Работа в частной конторе присяжного поверенного освобождала от подневольного проведения в жизнь антинародных правительственных дек-

ретов, унижительного соблюдения чинопочитания в соответствии с «табелью о рангах», давала возможность публично сражаться с государственными прокурорами во время судебной защиты жертв узаконенного беззакония и в том числе политических обвиняемых. Юридическая практика являлась законным предлогом для глубокого и всестороннего знакомства со всеми сторонами жизни народа, а следовательно, и с производственными, торговыми, финансовыми, семейными, религиозными и иными отношениями. Именно потому, что юридические вопросы так же разнообразны и сложны, как сама жизнь, Владимир Ильич вправе был рассчитывать и на то, что адвокатская служба явится удобным прикрытием для возможных связей с деятелями революционного подполья.

Побыв около месяца с родными в Кокушкине, Владимир выехал в Казань. Остановился он у тетушки Анны Александровны Веретенниковой, снимавшей квартиру в доме Завьяловой по Профессорскому переулку.

Владимир Ильич, бывая с отцом и старшим братом в Казани, и раньше видел величественное белокаменное двухэтажное здание, протянувшееся по Воскресенской улице фасадом длиной в сто шестьдесят метров, над центральным входом которого еще издали читалась выложенная выпуклыми золотистыми буквами надпись: «Императорский университет». Неповторимую красоту зданию придавали воздвигнутый в центре ионический портик из двенадцати стройных колонн, а по обоим концам фасада — шестиколонные порталы.

Илья Николаевич, естественно, показывал сыновьям расположенные в университетском дворе астрономическую и метеорологическую обсерватории, где в студенческие годы вел научные наблюдения, и библиотеку, в которой готовил свою кандидатскую диссертацию «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года». Ему было что рассказать и о профессорах, вписавших бессмертные страницы в историю русской научной мысли, о гениальных «Новых началах геометрии» Н. И. Лобачевского, знаменитой «реакции Н. Н. Зинина», положившей начало органическому синтезу, теории химического строения органических веществ, разработанной А. М. Бутлеровым и сыгравшей в органической химии ту же роль, что периодическая система Д. И. Менделеева в неорганической, математических идеях астронома М. А. Ковальского о закономерностях движения Галактики, создавших ему славу одного из величайших астрономов мира. Выдающимся астрономом был преемник Лобачевского на посту ректора И. М. Симон — участник знаменитой экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, открывшей Антарктиду.

Университет по праву гордился и известными свободолюбивыми выступлениями профессора-юриста Д. И. Мейера, который еще в 1849 году, обращаясь с кафедры к студентам, заявил: «Каждый, в ком есть человеческое сердце, невольно сознает нелепость крепостного права... Для вас должно быть ясно, что крепостным надо дать свободу». Многие выпускники университета до сих пор помнили знаменитые слова из речи историка-демократа А. П. Щапова перед студентами по поводу расстрела войсками крестьян села Бездна, восставших против кабальных условий своего «освобождения» от крепостного права: «Земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Да здравствует демократическая конституция!» Не забывалось и то, что бывший студент Казанского университета Кара-

козов, которого Илья Николаевич знал еще в Пензе гимназистом, 4 апреля 1866 года стрелял в Александра II.

Прекрасную память в Казани оставил о себе выдающийся профессор П. Ф. Лесгафт, который в 1871 году вопреки категорическому повелению царя «о недопущении лиц женского пола к слушанию лекций совместно со студентами» широко распахнул двери аудитории для талантливых девушек, увлекшихся медициной. О прочности демократических традиций напоминали и нашумевшие студенческие волнения, происходившие в 1880, 1881 и особенно осенью 1882 года, когда Казанский университет очутился на осадном положении, а ректор Н. О. Ковалевский и попечитель округа П. Д. Шестаков за недостаточно решительные меры по пресечению «беспорядков» были вынуждены уйти в отставку. И уже совершенно определенно Владимир знал, что юрист-третьекурсник Василий Осипанов, активный участник студенческих сходок в Казани, только осенью 1886 года перевелся из здешнего университета в Петербургский, где вскоре возглавил группу метальщиков для покушения на царя, за что и был казнен 8 мая 1887 года вместе с братом Александром, П. Шевыревым, В. Андреюшкиным и В. Генераловым.

Что представлял собой Казанский университет на 83-м году своего существования, когда в него поступил Владимир Ильич?

Как и все другие в России — Петербургский, Московский, Дерптский, Харьковский, Киевский и Новороссийский (в Одессе), — он именовался «императорским». Но указание на столь высокое покровительство на практике не означало ничего иного, как то, что университет — привилегированное высшее учебное заведение, предназначенное главным образом для выпускников классических гимназий.

Казанский университет в 1887 году по-прежнему оставался единственным университетом для огромной территории, раскинувшейся восточнее Москвы до Тихого океана. Былая его научная слава к этому времени заметно потускнела. Из преподавателей физико-математического факультета известность имел только ученик и последователь А. М. Бутлерова член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор-химик А. М. Зайцев, а на медицинском — молодой профессор В. М. Бехтерев. Историко-филологический факультет мог гордиться профессором-латинистом Д. И. Нагуевским, а юридический имел лишь одного профессора, чьи труды изучались и в других высших учебных заведениях, — Н. П. Загоскина.

Начавшееся с 70-х годов понижение уровня развития науки в Казанском университете, связанное с отъездом в столицы А. М. Бутлерова, Н. П. Вагнера, П. Ф. Лесгафта и других известных профессоров, отрицательно сказалось и на притоке сюда одаренной молодежи. Не случайно Александр Ульянов и другие юноши, страстно увлекавшиеся наукой, предпочитали поступать в Петербургский или Московский университеты. Несмотря на длительный застой в строительстве учебных зданий и лабораторий, Казанский университет формально принимал всех абитуриентов с аттестатами зрелости, пожелавших учиться в его стенах. Но число студентов в нем снижалось, что было результатом министерских циркуляров по ограничению приема детей «из недостаточных семей». В результате в 1887/88 учебном году в университете занималось 914 студентов — на 56 меньше, чем в предыдущем, на медицинском — 456, на юридическом — 265, на физико-математическом — 136 (по разряду мате-

матических наук — 82 и 54 — по разряду естественных) и на историко-филологическом — 57 человек.

Добрая половина студентов — это дети мещан, крестьян, мелких чиновников и низшего духовенства, то есть материально плохо обеспеченная молодежь, перебивавшаяся частными уроками и пособиями благотворительного «Общества вспомоществования недостаточным студентам». Общежитий в университете не было. Кухмистерские, которые создавались самими студентами, были запрещены. Плата за обучение летом 1887 года была увеличена с 10 до 50 рублей, не считая гонорара в пользу профессоров. Университет выдавал стипендии и пособия не более чем 15 процентам общего числа студентов, а от платы за обучение освобождал только третью их часть.

29 июля Владимир подал прошение на имя ректора о принятии на первый курс юридического факультета и приложил к нему требуемые уставом документы (вместе с копиями): аттестат зрелости, метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, формулярный список о службе отца, свидетельство о приписке к призывному участку по отбыванию воинской повинности и две фотографические карточки в гимназической форме. Кроме того, пользуясь правом золотого медалиста, он подал и прошение «об освобождении от платы за слушание лекций в осеннем полугодии 1887 года».

Через несколько дней в левом углу прошения о принятии в университет появилась резолюция, по-видимому, исполняющего обязанности ректора профессора А. Я. Щербакова: «Отсрочить до получения характеристики». Подобные резолюции были наложены на прошениях и всех других выпускников гимназий, чьи характеристики еще не поступили в канцелярию университета ко дню подачи прошений абитуриентами. Отсрочка с зачислением в студенты по такой причине была новым явлением в практике высших учебных заведений. Ведь только в мае 1887 года министерство народного просвещения, ужесточая после дела 1 марта требования к отбору молодежи в высшие учебные заведения, предложило попечителям учебных округов принять все меры, чтобы директора гимназий представили в университеты и институты характеристики на каждого своего питомца.

Попечитель Казанского учебного округа 29 мая в письме к директорам строго указал, что каждая характеристика на юношу должна «по возможности способствовать основательному знакомству с особенностями его ума и характера, с качеством и степенью его прилежания и любви к наукам, с характером его обычных отношений к начальству гимназии, преподавателям и товарищам, причем *должно быть обращено внимание к тем социальным вопросам, которые так или иначе затрагивают вос-*

1. Характеристика В. Ульянова, представленная в Казанский университет из Симбирской гимназии.
2. Казанский университет в 80-е гг. XIX в.
3. Обязательство не состоять в студенческих организациях.
4. Входной билет в университет. ►

Ульянов Владимир.

Алексия Ивановича, по-
стоянно усердной и популяри-
зации Ульянова во всем касательно
была первым уполномоченным и при-
обретением курса, награжденный
золотого медалю, как самый
достоинший по усердию, фак-
тически и поведению. Ни в каких-
либо, ни в том же не было замечено
за Ульяновым ни одного случая,
когда бы он сызнова или другим
выставил в каком-либо случае
и приобщившись к ним, не
не похвалялся в себе шло:

За образцов и работ Ульянов
фактически Ульянова всегда тща-
тельно наблюдали родными, а с
1860-го, после смерти отца, это
мать, сосредоточившая все за-
боты и попечения свои на воспита-
нии детей. В основе воспитания
лежала религия и разумная дис-
циплина. Добрые слова домаш-
ного воспитания были очевидны

в отменном поведении
его. При наблюдении
образу домашней обстановки
характеру Ульянова, а не в
не замечали в нем никакой
замкнутости, грубости или
этой обличия дотоле-каноническим
модели, а в том смысле и в от-
варивании, и, в общем, всемоу-
шности.

Мать Ульянова не намерена
отказаться от нее без себе в ве-
рности обрести ее в умвер-
ности.

Директор Омского а...
"гн О. Керемид."

Я, нижеподписавшійся, обязуюсь не состоять членомъ и не принимать участія въ какихъ либо сообществахъ, какъ напр. землячествахъ и т. п., а равно не вступать членомъ даже въ дозволенные закономъ общества, безъ разрѣшенія на то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ближайшаго начальства. . 2. Сентября 1887 года.

Студентъ Императорскаго Казанскаго Университета

Юридическаго факультета 1го курса

Владимиръ Михайловичъ Удальцовъ

21 " полугодіе 1887-88 вѣд. годв.

Входной билетъ за 20 1887

Удальцовъ

Михайловичъ
1887/1888

питанника старших классов гимназии» (выделено мной. — Ж. Т.). Кроме того, попечитель потребовал представить ему список тех выпускников, которые «своею гимназическою жизнью не подают никакого повода сомневаться в их нравственной зрелости и политической благонадежности».

Директор Симбирской гимназии Ф. М. Керенский, всегда отличавшийся служебным рвением, на сей раз запоздал с выполнением столь важного указания начальства и выслал характеристики Владимира Ульянова и еще нескольких выпускников только 10 августа, а в университете их получили 13-го. На первый взгляд характеристика Владимира Ульянова, подписанная Керенским, выглядит вполне добро нравной:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотой медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению. Ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение.

За обучением и правильным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители, а с 1886 года, после смерти отца, одна мать, сосредоточившая все заботы и попечения свои на воспитании детей. В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина. Добрые плоды домашнего воспитания были очевидны в отличном поведении Ульянова. Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами, и, вообще, нелюдимости. Мать Ульянова не намерена оставлять сына без себя во все время обучения его в университете».

Почти половину характеристики, как видим, директор посвятил показу роли семьи в развитии и воспитании Владимира. И вполне понятно почему. «Покойный Илья Николаевич, — поясняла Анна Ильинична, — был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия, так же как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» * Владимира Ильича. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский «грешит немного против истины. Всегда смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями».

Анализируя эту характеристику, Анна Ильинична пришла к выво-

* «Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать», — писала Анна Ильинична.

ду, что директор гимназии «желал помочь талантливому ученику обойти... препятствия» и поступить в университет. Разделяя в общем это мнение сестры Ильича, вместе с тем нельзя не видеть, что Керенский дал первому ученику не лучшую и весьма осторожную характеристику. Говоря об успехах выпускника, он ничего существенного не добавлял — все это уже было известно руководству учебного округа из прежних сообщений Керенского. Не мог директор не отметить выдающихся результатов В. Ульянова еще и потому, что составлял характеристику после решения педагогического совета о награждении Владимира золотой медалью. И наконец, Керенский аттестовал его в соответствии с теми очень благоприятными письменными отзывами, которые представлял классный наставник А. Ф. Федотченко.

Когда же дело доходило до главного, ради чего, собственно, и требовались развернутые аттестации, директор уходил от прямого ответа. Так, он не выделял религиозность Владимира, хотя, не жалея красок, подчеркивал это качество у других выпускников. Вот как, например, он писал в характеристике соученика Владимира во всех восьми классах гимназии: «Как на симпатичную черту в характере Кузнецова (Михаила. — Ж. Т.), нельзя не указать на его религиозность, которая выражалась, между прочим, в усердии к храму Божию и в благоговейном предстоянии в нем. С уверенностью можно сказать, что никакие социальные вопросы не интересовали Кузнецова...» Весьма красноречива аттестация другого выпускника 1887 года — С. Сахарова: «Всегдашняя скромность, прямодушие, почтительность и деликатность, украшаемые искренним религиозным настроением, — выдающиеся черты характера Сахарова. Никакие легкомысленные или превратные учения не могли коснуться его понятия...» Здесь, как видим, четко даются ответы на вопросы об отношении учеников не только к религии, но и к «социальным вопросам» и «превратным учениям», тогда как в характеристике брата Александра Ульянова они даже не упомянуты. То обстоятельство, что Керенский обошел в характеристике все «острые углы», не случайно. И это не могло быть не замечено в Казани.

К середине августа, когда стало известно, что Владимир принят в число студентов, в город переехала Мария Александровна с Ольгой и Дмитрием. Вначале Ульяновы сняли квартиру на Первой горе, недалеко от Арского поля, на нижнем этаже дома Ростовской (ныне — ул. Ульяновых, 24), где на втором этаже жила со своей семьей сестра матери Любовь Александровна.

Выполняя установленные правила, Владимир на типографски отпечатанном бланке «Заявления» сообщил инспектору студентов университета, что в первое полугодие записался на лекции профессора Н. П. Загоскина «История русского права» (6 часов в неделю) и «Энциклопедия права» (2 часа в неделю), профессора Г. Ф. Дормидонтова — «История римского права» (5 часов в неделю) и профессора протоиерея Н. К. Миловидова — «Богословие» (4 часа в неделю).

Кроме этих обязательных для всех курсов лекций, Владимир изъявил желание посещать три раза в неделю часовые занятия по английскому языку, которые проводил лектор С. П. Орлов. Далеко не все первокурсники поступили так же. Во-первых, за посещение занятий по иностранному языку надо было платить по рублю, а во-вторых, его изучение — это добровольно взятая на себя дополнительная нагрузка.

В-третьих, если кто-то и решался на затраты денег и времени, то обычно продолжал совершенствоваться в том языке, который изучал на гимназической скамье.

Наконец настало время, когда самый молодой студент Казанского университета мог примерить и установленную уставом 1884 года форменную одежду: двубортный сюртук, шаровары, пальто и фуражку — все из темно-зеленого сукна. Только стоячий воротник, околыш фуражки и петлицы на пальто были темно-синего цвета. Форму дополняли белая рубашка и галстук. 19 августа Владимир указал в «Алфавитной книге квартирных адресов» свое местожительство: Первая гора, дом Ростовый — и получил входной билет за № 197.

На доске объявлений он узнал о порядке начала учебного года. 20 августа по этому случаю будет совершен молебен; первые лекции начнутся на историко-филологическом факультете 21 августа, на физико-математическом и юридическом — 25-го и на медицинском — 1 сентября. На общеуниверситетский молебен Владимир не пошел, и у него до начала занятий осталось еще шесть свободных дней.

ЗНАКОМСТВО С КАЗАНЬЮ

После Симбирска Казань для Владимира Ильича и всей его семьи была самым близким во всех отношениях городом. В здешнем университете в 1850—1855 годах учился и получил диплом кандидата математических наук отец. Мать в годы юности частенько навещалась сюда из Кокушкина. С 70-х годов в Казани жили ее сестры Анна Александровна Веретенникова и Любовь Александровна Ардашева (Пономарева) со своими большими семьями, и Владимир не раз бывал здесь у своих родственников проездом в Кокушкино во время летних каникул. Внимательно следил он за общественной и культурной жизнью Казани по газетам, особенно с весны 1887 года, когда выяснилось, что ему придется учиться именно в Казанском университете. Но настоящее знакомство с городом началось только теперь, когда вместе с матерью пришлось просматривать улицу за улицей в поисках подходящего частного жилья, и в начальную пору студенчества.

Казань для Владимира Ильича была вторым после Симбирска городом, который он увидел. Невольно возникали сравнения. Казань производила впечатление крупного города. Если в Симбирске насчитывалось около 40 тысяч жителей, то здесь — 141 тысяча, в 3,5 раза больше. По численности населения она занимала седьмое место в России после Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Риги и Харькова, и ее величали столицей Поволжья.

Экономическая жизнь в Казани была значительно оживленнее. Здесь уже действовали капиталистические предприятия, подобных которым не было в Симбирске, — стеариновый и мыловаренный завод братьев Крестовниковых, пороховой завод, снабжавший своей продукцией все Поволжье, Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ, кожевенный завод, льно-

прядильные и ткацкие фабрики. Оживленнее выглядела и торговая жизнь Казани.

Железной дороги не было в обоих городах. Неудобно располагались пристани на Волге: в Симбирске к Волге шел четырехверстный крутой и извилистый Петропавловский спуск, а в Казани центр города отстоял от пристани на семь верст. Правда, во время весеннего половодья суда входили в устье Казанки, и расстояние для перевозки грузов и пассажиров сокращалось. Но, пожалуй, не менее важное значение для ускорения их доставки с 1875 года стала играть конно-железная дорога — новый для многих приезжих вид транспорта.

По внешнему виду центральная часть Казани производила более выгодное впечатление, чем центр Симбирска. Недаром у волжан была поговорка: «Казань-городок — Москвы уголок». Мало кого мог оставить равнодушным Казанский кремль, окруженный мощными двухъярусными стенами, с взметнувшейся на пятидесятиметровую высоту башней Сююмбеки, с разместившимися в нем внушительными зданиями зодчих и строителей московской школы — юнкерского училища, губернаторского дворца, архиерейского дома, кафедрального Благовещенского собора. У главных крепостных ворот с примкнувшей к ним белокаменной двухъярусной Спасской башней раскинулась Ивановская площадь, дававшая начало идущей на юго-восток Воскресенской улице (ныне ул. Ленина), напоминавшей своей чопорностью уже петербургский Невский проспект. Здесь находились солидные и оригинальные по архитектуре здания городской думы с публичной библиотекой, городского банка, гостинного двора, духовной семинарии, гостиниц «Европейская» и «Франция», военного клуба, городского пассажа с множеством магазинов и номеров для приезжающих, военно-окружного суда, окружного суда, «Волжско-Камских номеров», а также Воскресенская церковь и первая полицейская часть. Завершали улицу величественные корпуса университета.

Севернее и выше Воскресенской, на восток от кремля, шла самая красивая и широкая в городе — Черноозерская улица (ныне ул. Дзержинского), в середине которой находился общественный сад, где летом по вечерам играл военный оркестр, а зимой на пруду устраивался каток. Наиболее же аристократической, застроенной богатыми особняками с большими садами, считалась следующая, параллельная ей, Грузинская улица (ныне ул. К. Маркса), упиравшаяся в Театральную площадь (ныне площадь Свободы) с прекрасными зданиями городского театра, дворянского собрания и изящным памятником знаменитому поэту-земляку Г. Р. Державину.

Эти и пересекающие их улицы и переулки составляли нагорную и вместе с тем, по выражению самих жителей, «богатую» часть Казани, где проживали помещики, преуспевающие купцы и высокопоставленные чиновники. Здесь воздух был чище, улицы вымощены камнем, имелись деревянные тротуары, в ночное время светились керосиновые или газовые фонари.

Южной границей между нагорной и низменной частями города являлась Большая Проломная улица (ныне ул. Баумана), начинавшаяся у подножия кремля и заканчивавшаяся Рыбнорядской площадью (ныне площадь Куйбышева). Проломная — центр торговой жизни.

Здесь находились биржа, купеческий клуб, гостиницы, рестораны, магазины, чайные, трактиры и другие «заведения».

Продолжением на восток, за Рыбнорядской площадью, были Кирпичная и Георгиевская улицы (ныне ул. Свердлова), где хозяйничали средние купцы. Вся местность, располагающаяся южнее этих улиц, по обеим сторонам канала Булак и озера Кабан, была заселена мелкими торговцами, ремесленниками и рабочими. Большинство населения этой низменной части города составляли татары. Местные богатые купцы, не желая отставать от русской знати, строили особняки в стиле русского барокко, но с обработкой архитектурных деталей по мотивам национального орнамента. Особый колорит татарской слободе придавали высокие каменные мечети со стройными минаретами и богатой художественной отделкой: соборная Марджани, Апанаевская, Азимовская и другие. Здесь же находились самые многолюдные в городе шумные базары, с множеством лабазов, постоянных дворов, ашхане, лавок, различных мастерских, стоянок «барабусов» (от татарского слова «барабыз» — поедом) — самого дешевого вида транспорта.

Далее начиналось царство окраинных приземистых деревянных построек без каких-либо следов благоустройства. Естественно, что в ненастное время года в этих местах была непролазная грязь, а летом поднимались тучи пыли. Особенно тяжело приходилось ютившемуся здесь бедному люду весной и в начале лета: в половодье жилища и подворья затоплялись, а после спада воды многочисленные застойные болотца становились источниками лихорадки.

Знакомясь с Казанью, Владимир Ильич, несомненно, побывал и в той части города, которая начиналась восточнее Театральной площади и оканчивалась Арским полем (ныне ул. Ершова). На Большой Лядской улице (ныне ул. Горького) находился Панаевский сад с летними помещениями театра и шахматного клуба. На углу Грузинской высилось здание учительского института. На самом Арском поле помещался Родионовский институт благородных девиц, а за бывшими сибирскими воротами — военный госпиталь, духовная академия, центральная крещено-татарская школа и ветеринарный институт. Невдалеке было излюбленное место для прогулок — загородный сад, известный под именем «Русской Швейцарии».

Но лучше всего Владимир изучил район, раскинувшийся восточнее Рыбнорядской улицы и южнее Арского поля, где находились Ново-Комиссариатская (ныне ул. Комлева) и улицы, именовавшиеся из-за холмистого рельефа «горами»: Попова гора, 3, 2 и 1-я гора. Район этот не входил в «богатую» часть города, народ жил скромнее, и жилье стоило дешевле. Поэтому Ульяновы снимали квартиры именно здесь.

Казань была крупнейшим административным центром Поволжья. Здесь находилось руководство учебного, военного, судебного, путей сообщения и почтово-телеграфного округов, осуществлявшее управление подчиненными им ведомствами в губерниях региона. Как ни в каком другом губернском центре, в Казани было много военных, проходивших службу в 15-м армейском корпусе, 2-й пехотной дивизии, 19-й местной бригаде, юнкерском училище, различных управлениях, комиссиях и на складах. Неудивительно, что военное и граждан-

ское чиновничество здесь численно значительно превосходило помещицью аристократию и реальная власть находилась в его руках.

Богаче и разнообразнее, чем в Симбирске, была и культурная жизнь Казани. Оперный театр считался одним из лучших в провинции. С 1885 года работала «музыкальная школа свободного художника А. А. Орлова-Соколовского». В типографиях издавались книги местных ученых и литераторов. В городе было несколько довольно крупных книжных магазинов. Помимо общественной библиотеки, имелось несколько частных, в которых за плату можно было получить почти любую книжную новинку. Работал и шахматный клуб. В отличие от Симбирска здесь было десятка полтора таких обществ, о которых там знали только по слухам: отделения Русского технического общества, Экономического общества, Общества для содействия русской промышленности и торговле при биржевом комитете.

Что касается уровня начального образования, то Владимир мог с удовлетворением отметить, что благодаря просветительской деятельности отца Симбирск (с учетом разницы в численности населения) даже превосходил Казань: там было 14, а здесь — 22 училища. Почти аналогичная картина была и в области среднего образования: в Симбирске имелось по одной мужской и женской гимназии, а в Казани — три мужские и две женские. Однако же сами абсолютные цифры количества учебных заведений еще раз убеждали в «масштабности» города. К тому же в Казани было несколько специальных учебных заведений, чем не мог похвастаться Симбирск. Это учительский институт, учительская семинария, фельдшерская школа, Родионовский институт благородных девиц, земская школа для образования народных учителей, земледельческое училище, мужская и женская прогимназии.

Казань была единственным городом огромной восточной территории страны, включающей Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток, в котором имелись высшие учебные заведения: ветеринарный институт и университет. Первое из них — небольшое, всего со 180 студентами. Причем в него принимались юноши после 6-го класса классических гимназий. Это были выходцы из разночинных семей и «низших» сословий. Эти «недоучки», как их презрительно называли реакционные сановники, представляли собой весьма беспокойный элемент, один из главных источников пополнения революционных кружков.

Гордостью Казани, конечно, был университет. Он был открыт в 1804 году, когда в России было еще только два университета: Московский и Дерптский. Подавляющее большинство бывших и настоящих чиновников города, преподавателей гимназий, врачей, фельдшеров и провизоров, судей, прокуроров и адвокатов — это воспитанники своего университета. Его профессура возглавляла различные общества: естествоиспытателей, археологии, истории и этнографии, врачей, юридическое, классической филологии, научные и благотворительные учреждения, редакции газет и их... цензуру. Питомцы университета прошлых выпусков и его наличный состав со своими семьями представляли едва ли не десятую часть населения города, основу его интеллигенции, задавали тон умственной и общественной жизни как в Казани, так и в прилегающих к ней городах и весях.

Однако в годы реакции заметно снизилась гражданская активность интеллигенции, многих засосала обывательская тяга к личному благо-

получию, и не случайно один из публицистов в популярном путеводителе выразил весьма нелестное мнение об образованном обществе: «...Влияние университета незаметно... Город живет своею обиходною жизнью, своими желудочными, эротическими и всякими другими интересами, кроме умственных... Уроки высшей мудрости почерпываются из «Московских ведомостей». Впрочем, в городе немало людей интеллигентных, для которых умственная пища составляет необходимость...»

Многое подмечал зоркий глаз Владимира Ильича во время знакомства с Казанью.

В НАЧАЛЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПОРЫ

Юридический факультет, куда поступил Владимир, по числу студентов уступал только медицинскому, но в главном корпусе, где размещались все 12 кафедр и пять аудиторий факультета, юристов было больше, чем медиков, ибо те занимались и в других зданиях — анатомическом театре, клинике, химической лаборатории. Молодежь собралась в университете довольно пестрая: чуть больше половины — сыновья чиновников и военнослужащих (в основном дворян), четверть — мещан и разночинцев, остальные — почетных граждан, купцов, духовенства и крестьян. Почти 90 процентов студентов — православные, остальные — иудейского, лютеранского и магометанского вероисповеданий.

Примерно таким был по социальному составу и первый курс юридического факультета, на котором числилось около 60 человек. Владимир оказался самым младшим по возрасту: ему было 17 лет и 4 месяца, тогда как остальным — от 18 до 22 лет. Ульянова это не смущало: и в гимназии он был моложе всех соучеников. Самый юный студент оказался, однако, одним из немногих обладателей золотой медали. Начитанный, всесторонне развитый, остроумный и находчивый, он быстро освоился в студенческой среде. К тому же в отличие от большинства новичков, приехавших в Казань из других губерний, у него на курсе было сравнительно много давних знакомых. Ведь из выпуска Симбирской гимназии 1887 года вместе с ним поступили на юридический еще пятеро: Владимир Андреев, Константин Глядко, Михаил Забусов, Александр Писарев и Владимир Разумов. 28 сентября к ним присоединился Василий Кузнецов, перешедший с медицинского.

Декан факультета профессор А. М. Осипов, уже пожилой человек, из обрусевших немцев, на первом курсе лекций не читал, и новички видели его редко. По существу, их начальниками были субинспектор (помощник инспектора студентов университета) и педель (низший надзиратель). Духовным наставником считался профессор Н. К. Миловидов (он же — протоиерей Богородицкого женского монастыря), читавший лекции по православному богословию для всех факультетов. Курс был обязательным, что вынуждало Владимира скрепя сердце хоть иногда слушать этого маститого проповедника.

Вряд ли доставляли Владимиру удовольствие и лекции 35-летнего секретаря факультета, профессора Г. Ф. Дормидонтова, по истории развития римского государственного строя. Ведь многое было уже знакомо из обширного гимназического курса по истории Древнего Рима. К тому же чувствовалось, что профессор явно отдает предпочтение Риму императорскому, а не республиканскому.

Однако несомненно, что в первые недели учения Владимир с интересом шел на лекции Николая Петровича Загоскина, тоже молодого, 36-летнего профессора, снискавшего себе известность одного из самых блестящих лекторов Казани, автора научных трудов и редактора-издателя популярной даже за пределами Поволжья прогрессивной газеты «Волжский вестник». Он преподавал «Историю русского права» и «Энциклопедию права». Хотя оба курса были тоже далеки от современной жизни, но Загоскин все же читал их живо, с либеральных позиций. Обращаясь, например, к первокурсникам, среди которых был и Владимир Ильич, он говорил: «Вы избрали юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая будет заключаться в проведении идеи правды в народ», и выразил надежду, что из его слушателей выйдут люди, «способные разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуисты, способные ловить рыбу в мутной воде российских законов». О чем бы ни рассказывал Загоскин, он вольно или невольно говорил не столько о праве, сколько о жестокости, с какой правящие круги оберегали устои, позволявшие им веками нещадно эксплуатировать родной народ. Не случайно Владимир перед началом очередной лекции по истории русского права сказал с горькой иронией товарищу: «Ну, пошли... слушать лекцию о русском бесправии». Разумеется, он имел при этом в виду не только эпоху феодализма, но и воцарившуюся в стране реакцию.

Что касается лекций по английскому языку, то Владимир, наверное, получал удовлетворение от общения с преподавателем Сергеем Павловичем Орловым — еще молодым человеком, который сам в качестве вольнослушателя посещал занятия на физико-математическом факультете. Этимологию Орлов преподавал толково, а для переводов давал не надоевшие древности, а рассказы Чарльза Диккенса.

Родные интересовались занятиями Владимира и вообще его впечатлениями об университете. Он, конечно, не скрывал своего недовольства учебными программами и порядками. Но так как другого выхода не было, не жаловался и не искал сочувствия. Все-таки он студент Казанского университета, тогда как Аня — в ссылке, а Оля все еще не знает, где и когда сумеет учиться в высшем учебном заведении или работать.

Шел четвертый месяц со времени окончания Ольгой гимназии, но она еще не имела на руках аттестата о среднем образовании. Впрочем, в таком же положении находились и все ее соученицы: по сложившейся традиции аттестаты и награды выдавались ежегодно только на торжественном акте 27 ноября — в день основания гимназии. Большинство девушек терпеливо ждали этого акта, так как в получении документа не было особой срочности: продолжать учение было негде, на службу редко кто из барышень стремился, а сидеть дома или выйти замуж можно было и без аттестата. Но Ольга страстно

хотела учиться или работать, поэтому решила поехать в Симбирск, чтобы получить свой аттестат и медаль Владимира.

В середине сентября Ольга пароходом прибыла в свой родной город. Здесь еще жили ее подруги, но она зашла только к одной — Нине Супротивной. Это была умная, серьезная и начитанная девушка, мечтавшая стать учительницей. Еще в гимназические годы она лишилась родителей, и на ее руках, как старшей в семье, осталось еще четверо сирот. Нина была в курсе всех трагических событий, которые пришлось пережить Ульяновым за последнее время, вела оживленную переписку с Ольгой и, когда та приехала в Симбирск, демонстративно сопровождала сестру недавно казненного «важного государственного преступника» по городу. И каким резким контрастом выглядели эпизоды встреч с бывшими учителями на улицах города: сначала математик А. В. Годнев, а затем и словесник Н. М. Егоров, поклонившись Нине, «не узнавали» Ольгу. Нетрудно представить то чувство горечи и возмущения, которые она испытала.

Ведь эти преподаватели в течение нескольких лет оценивали ее познания высшими баллами, ежегодно голосовали за награждение похвальными листами и книгами, а при выпуске присоединились к постановлению педагогической конференции о присуждении ей золотой медали.

Поклонившись праху отца, Ольга сделала на кладбище все необходимое. В канцелярии мужской гимназии написала расписку: «Золотую медаль Вл. Ульянова по поручению его получила. 13 сентября 1887 г. Ольга Ульянова». И потом с гордостью, первой в семье, рассматривала заслуженную награду брата.

Свою же золотую медаль она и не пыталась просить — была рада получить хотя бы аттестат. Обращаться к Ф. М. Керенскому (который возглавлял и женскую гимназию) Ольга, видимо, не пожелала и сочла более удобным зайти к своему бывшему учителю географии и секретарю педагогической конференции Мариинской гимназии Александру Васильевичу Констансову. Она очень хорошо знала этого доброго и честного человека, на протяжении многих лет видела его в своем доме на Московской в качестве бессменного делопроизводителя дирекции народных училищ, возглавлявшейся ее отцом.

А. В. Констансов сделал все, что мог. Вскоре по приезде в Казань, 25 сентября, Ольга писала в Симбирск своей подруге Александре Щербо: «Вчера я получила из Симбирска медаль; не знаю, как благодарить Констанс [ова] за такую любезность; я ведь и не просила о медали, а только об аттестате. Думала письменно выразить ему свою благодарность, но раздумала. Если придется кстати, то скажи ему... что очень благодарна». Раздумала письменно поблагодарить... Конечно, потому, что опасалась бросить тень на хорошего человека.

Теплая и сухая осень в Казани сменилась ненастьем: улицы на четверть аршина покрылись снегом, резко похолодало. Квартира в доме Ростовая оказалась неудачной, и в конце октября Ульяновы переехали на Ново-Комиссариатскую улицу (ныне — Комлева, 15), где сняли нижний этаж в только что отстроенном доме мещанки Соловьевой. Через несколько дней Ольга Ильинична сообщает об этом Александре Щербо, невольно горестно обобщая злоключения своей семьи в последнее время: «Здесь ужасно холодно, а хозяйка только сегодня дала вставлять

зимние рамы, мы мерзнем... Уехав из Симбирска, мы превратились в каких-то кочевников: нигде не найдем себе места, и все время проходит в том, что мы укладываемся и раскладываемся».

Бытовые неурядицы усугублялись тяжелыми переживаниями. 10 сентября департамент полиции, словно издеваясь над горем матери, наконец-то ответил Марии Александровне, что оставшиеся после казни ее сына часы и плед проданы для покрытия судебных расходов. Правда, фотография, оставшаяся после Александра (по-видимому, Ильи Николаевича), ей была возвращена.

Постоянную тревогу у матери, Владимира и Ольги вызывали думы об Ане. Здоровье ее оставляло желать много лучшего. Вынужденное же заточение на хуторе, где не к чему было приложить свои способности, крайне угнетало Анну. Однако в очередном письме в Петербург к подруге Наде появились и бодрые нотки: «...со мною теперь маленькая сестренка — она милая и ласковая девочка, и с ней многое легче и сноснее. Возня с нею составляет мое исключительное занятие, потому что, кроме механической работы, я совершенно ничего не делаю (начала, между прочим, мастерить обещанный Вам абажур, не знаю, удачно ли выйдет)».

Время от времени кто-нибудь из родных навещался на несколько дней в Кокушкино, что для Анны было праздником. Однако с наступлением распутицы связь с Казанью затруднялась, непролазная грязь мешала прогулкам, и вновь на душе становилось невесело. Назначенную правительством пятилетнюю ссылку Анна Ильинична с самого начала рассматривала как ничем не мотивированное и жестокое наказание, как месть только за то, что была сестрой одного из руководителей дела 1 марта 1887 года. И надеялась, что добьется разрешения переехать хотя бы на зиму в город.

23 сентября Анна подала прошение об этом через губернатора в министерство внутренних дел. Через месяц из Петербурга пришел ответ: ходатайство «оставлено без последствий». С большими предосторожностями она иногда наезжала в Казань, но это было опасно. Рассказывая в письме из Кокушкина от 18 ноября об этих подпольных поездках все той же Наде, Анна писала: «В последний раз вышла даже небольшая неприятность, и на полчаса пришлось почувствовать себя опять под арестом. Едва успела помочь маме переменить квартиру, — первая была очень сырая — и укатила скорее (3 ноября. — Ж. Т.) сюда. Сестра пока со мной; уговаривала маму оставить ее в городе, но она не хочет, чтобы я была одна, да и заниматься с ней там, говорит, некому. Вообще у мамы гораздо больше характера, чем у меня».

Дочь была права. Мария Александровна огромным напряжением воли заставляла себя быть стойкой и целеустремленной. Хотя каждая поездка в Кокушкино стоила здоровья — в распутицу и за шесть часов туда не добраться, — она ездила к Анне и Маняше. А когда учеба Владимира и Мити вошла в более или менее устойчивое русло, она надолго оставляла их с няней Варварой Григорьевной и Ольгой, а сама жила в Кокушкине.

С отъездом матери Владимир чаще стал бывать в студенческой и главной библиотеках университета, а также в читальном зале городской публичной библиотеки, где можно было познакомиться со мно-

гими столичными журналами и газетами. Пользовался он и факультетской библиотекой, которая наряду с «Юридическим вестником», другими специальными изданиями губернской земской управы получала «Вестник Европы», «Русскую мысль», «Книжный вестник», другую периодику.

Участились и встречи вне стен университета со старыми симбирскими знакомыми по гимназии. Все они, за исключением М. Забусова, у которого в Казани были родные, жили на частных квартирах, и Владимира интересовало, как они устроились в незнакомом городе. Один из симбирян, вспоминая встречи с Владимиром Ильичем в ту пору, писал: «По внешности он мало чем отличался от прочих своих товарищей-однокурсников: чистенький, в новой студенческой форме, скромный. И только большая серьезность и внутреннее как бы самоуглубление резко отличали его от прочих земляков. ...Когда в скором времени, в конце августа или начале сентября, открылась нелегальная земляческая столовая в одном из подвалов Собачьего переулка, то в ней появился и студент Ульянов. Заведовали этой столовой мы, четверо, жившие в одной комнате при том же помещении столовой... Ульянов заходил в нашу комнату сражаться с кем-нибудь в шахматы. Его знали как отличного шахматиста, и действительно, часами он углублялся в игру...» Вскоре, однако, эту столовую симбирян «по не зависящим от них обстоятельствам» прикрыли.

Владимир, конечно, понимал, что закрытие властями кухмистерских является лишь одним из проявлений нового, реакционнейшего университетского устава, пресекавшего любые попытки студентов организовывать какие-либо объединения: кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки самообразования. Но эти запретительные меры не поколебали решимости демократически настроенной молодежи иметь свои сообщества, содействующие сплочению ее рядов в борьбе за социальную справедливость. И в самом начале своей студенческой поры Владимир Ильич стремится глубоко вникнуть в дела землячества, стать активным их членом.

ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Существование объединений земляков — давняя традиция Казанского университета. Казалось, что этому их естественному стремлению держаться друг друга, вместе водить компанию власти не должны были бы препятствовать. Но жизнь показала, что почти во всех землячествах, помимо касс взаимопомощи, возникают кружки самообразования, создаются библиотеки не только из дозволенных цензурой книг, но и нелегальных изданий. Выяснилось и то, что в период революционной ситуации 1879—1881 годов и в сменяющую его эпоху реакции землячества зачастую превращались в нелегальные организации, способствовавшие единению студентов в борьбе против реакционного университетского устава 1884 года.

Стремясь если не уничтожить, то хотя бы ослабить землячества, правительство ввело 15 мая 1885 года специальные правила, пункт 16 которых гласил: «Студентам воспрещается принимать участие в каких бы то ни было тайных обществах и кружках, как-то: землячествах и т. п., хотя бы не имевших преступной цели, а равно и вступать даже в дозволенные законом общества без испрошения на то в каждом отдельном случае разрешения ближайшего университетского начальства». За нарушение этого запрета полагалось исключение из университета, а за политическую «неблагонадежность» — высылка и даже отдача в солдаты. Однако эти полицейские меры не искоренили «крамолы»: с осени 1885 года наступает новый этап в развитии землячеств, характеризующийся сплочением студенчества и активизацией его участия в политической жизни страны.

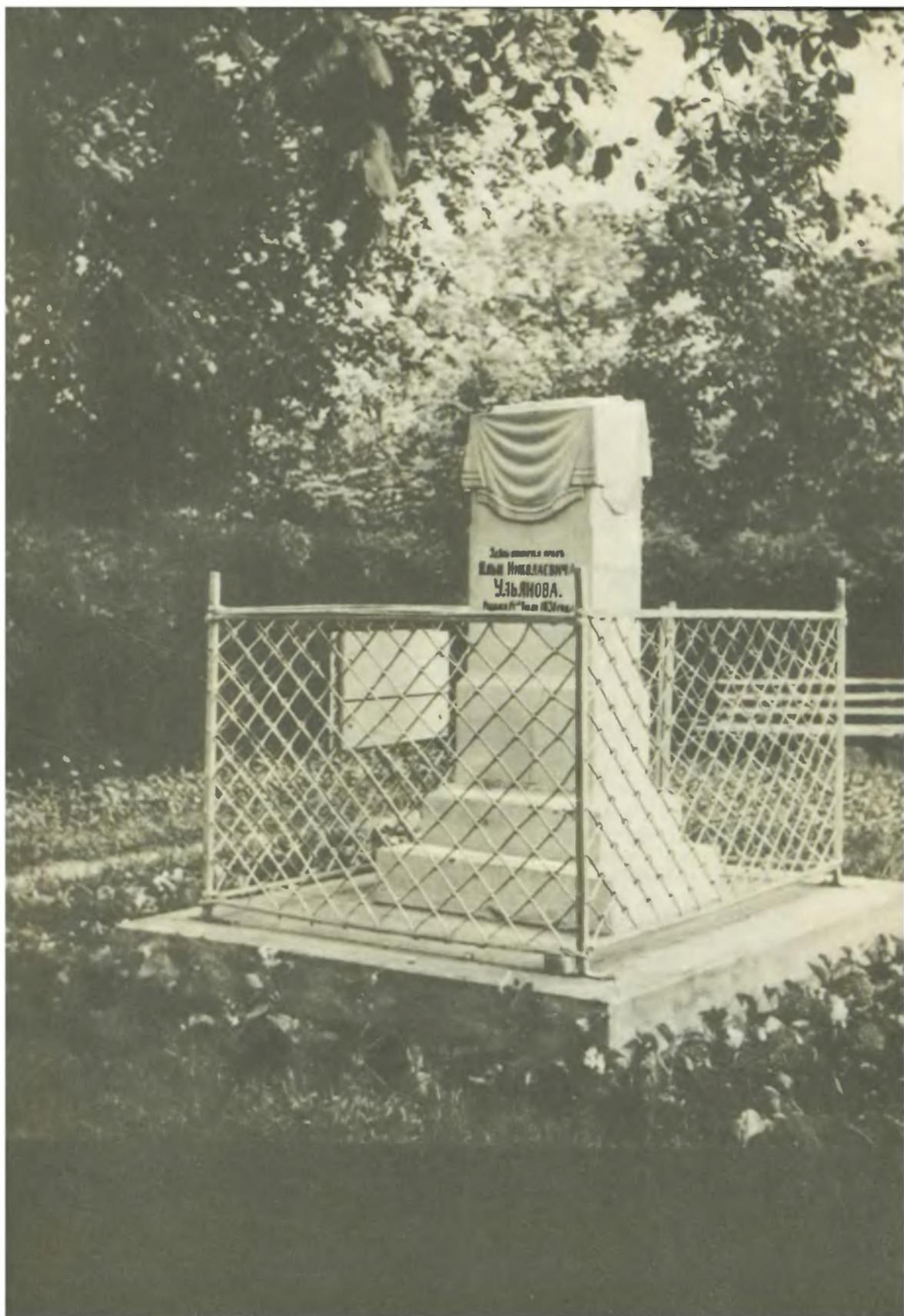
Архивные документы свидетельствуют, что Александр Ульянов как один из руководителей петербургского союза землячеств поддерживал связь и с революционно настроенным студенчеством Казани. Здесь его одноклассники по Симбирской классической гимназии В. М. Бурлаков, В. П. Волков, А. П. Жарков, С. Г. Ферафонов, С. Ф. Полянский значительно расширили влияние своего землячества (составили новый устав, создали кассу взаимопомощи, библиотеку), а затем перешли к гектографированию революционной литературы и ее распространению в Казани и в Симбирске. В последнем — среди членов нелегального гимназического кружка, руководимого тоже бывшим соучеником Александра Ульянова Валентином Аверьяновым.

Жандармам удалось лишь частично раскрыть антиправительственную сторону деятельности симбирского землячества в Казани, поэтому только В. П. Волков и А. П. Жарков подверглись репрессиям: В. М. Бурлаков вовремя перевелся в Петербург. Но симбирское землячество по-прежнему оставалось одним из самых боевых в Казани, пока весной 1887 года, вскоре после дела 1 марта, не началась новая «чистка» университетов от «неблагонадежных элементов». В те дни, когда Владимир завершал сдачу экзаменов на аттестат зрелости, из Казани были высланы Н. Ф. Войцеховский, Д. А. Гончаров — тоже товарищи Александра Ульянова по выпуску Симбирской классической гимназии 1883 года.

Трудно сказать, в какой мере Владимиру было известно о деятельности симбирских землячеств в Петербурге и Казани, но несомненно, что еще гимназистом он не раз слышал о них. Уместно в связи с этим процитировать рассказ студента, появившийся в начале 1886 года в нелегальном рукописном симбирском журнале «Дневник гимназиста» и обращенный к старшеклассникам: «Вот вы кончите гимназию и поступите в университет. Если вы поступите в Ка-

1. Научная библиотека Казанского университета.
2. Екатерина Ивановна Веретенникова (Песковская) и Анна Ивановна Веретенникова.
3. Марк Тимофеевич Елизаров. Петербург. 1884 г.
4. Могила Ильи Николаевича в Симбирске. Современный вид. ►

Здесь покоится прах
Кл. Николаевны
УШАКОВА.
Родилась 12-го июля 1881 года.

занский, то, наверное, вам предложат принять участие во вспомогательной кассе симбиряков... Эта касса (тайная) открыта в 1882 году. Устав ее следующий: каждый член вносит по 20 коп. monthly и имеет право занимать в кассе до 5 руб. Эту сумму может дать кассир. Выше же ее можно взять с согласия общего собрания членов. Средства же кассы кроме взносов составляют сборы с концертов и студенческих балов. В феврале 1885 года несколько членов предложили устроить в кассе библиотеку. После долгих прений общество согласилось и решило отделять 20% от своих доходов на покупку книг. Был избран библиотекарь, и пошло дело. Теперь, кажется, всего книг до 400».

Итак, существование своих землячеств в высших учебных заведениях — факт общеизвестный для выпускников Симбирской классической гимназии, как, впрочем, и то, что казанское студенчество в феврале 1886 года, сразу же после введения подписки о неучастии в землячествах, выразило свой протест против этой правительственной меры. Так, 19 февраля, в день 25-летия манифеста об «освобождении» крестьян и панихиды по Александру II, почти никто из студентов не явился в университет. Зато около 300 студентов собралось на Арском кладбище, чтобы отслужить панихиду по врачу И. М. Потехину — основателю «Кассы общества вспомоществования недостаточным студентам Казанского университета». Докладывая рапортом губернатору о том, что эта панихида имела политический характер, полицмейстер писал: «Сбор в таком большом количестве учащейся молодежи и столь резко проявленное ими сочувствие к покойному Потехину объясняется отчасти и тем, что со стороны университетского начальства последовало распоряжение об отобрании от студентов подписок, чтобы они не принадлежали к так называемым студенческим землячествам, имеющим по своей деятельности одинаковый характер с теми студенческими кассами, организатором которых, как сказано выше, был покойный, и, таким образом, на происходящую сходку можно смотреть как на демонстрацию против означенного распоряжения». Протест свой демонстранты выразили и тем, что на обратном пути с кладбища, проходя мимо квартиры попечителя учебного округа, замедлили движение и пропели «вечную память».

Расследованием было установлено, что в феврале 1887 года в Казанском университете существовало 20 студенческих земляческих кружков, которые охватывали две трети студентов и постепенно вовлекали остальную массу. Несколько десятков наиболее активных деятелей землячеств были исключены из университета весной и летом 1887 года. Но «зло» не было пресечено, и абитуриенты-симбиряне знали, что их родное землячество в Казани продолжает существовать, объединяя около 60 членов.

Владимиру было легче, чем любому другому новичку, познакомиться с симбирским землячеством, так как в его руководящем ядре находились бывшие одноклассники брата Александра: С. Ф. Полянский, С. Г. Ферафонов и А. А. Орловский. Немаловажным было и то, что среди приехавших в 1887 году в Казань выпускников Симбирской классической гимназии он был давно признанным лидером своего класса.

Из казанского «Волжского вестника» было известно, что каждый абитуриент должен подписать типографский бланк «Обязательства»,

которое требовало от него «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества, без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства». Такие обязательства по требованию министерства просвещения в феврале 1887 года подписали студенты всей страны. Новички, поступавшие в августе, должны были дать подписку сразу же после зачисления их в высшее учебное заведение, то есть *примерно за неделю до начала занятий*. Так поступили и одноклассники Владимира Ульянова, принятые в Казанский университет в 1887 году.

Однако Владимир Ильич, *единственный из своего выпуска*, подписал «Обязательство» 2 сентября — *на девятый день после начала занятий!* Невероятно, чтобы делопроизводитель канцелярии инспекции, оформлявший личные дела, забыл потребовать именно у Владимира Ульянова и только у него одного столь важную подписку, без которой абитуриент даже не считался настоящим студентом. Но если канцелярист и забыл, то какое удовлетворение испытывал Владимир Ильич, что случайно на какое-то время не был связан ненавистным «Обязательством». Однако в любом случае инспектор студентов действительный статский советник Н. Г. Потапов мог расценить этот неприятный для своей службы инцидент как страстное нежелание Владимира Ульянова давать обещание не вступать в какие-либо «сообщества»: ведь каждый абитуриент знал, что обязан дать подписку, и если бы ему даже забыли вручить бланк, то он сам должен был напомнить об исполнении этой формальности. С учетом этих обстоятельств можно предположить, что Владимир по каким-то причинам не посещал университет до 2 сентября, а как только явился на занятия, то ему и вручили «Обязательство».

Подписывая этот злополучный документ, Владимир, как и его товарищи, знал, что общестуденческий суд специальным постановлением освобождал молодежь от выполнения вынужденно данного обещания. А впрочем, ничего не могло бы остановить молодого Ульянова, который чуть ли не в тот же день стал членом симбирского землячества, объединявшего в Казани студентов университета, ветеринарного института, а также слушательниц повивального института и земских акушерских курсов.

Членство в землячестве грозило неприятностями любому. Но в состав его входили студенты разных убеждений и с разными целями. Поэтому власти по-разному и карали за нарушение «Обязательства». Белоподкладочники — так называли сынков из богатых и родовитых семей (носивших на балах фраки на белой подкладке), — участие которых сводилось в землячестве только к уплате членских взносов, или бедняки, вступившие в него из-за материальных соображений, могли отделаться выговором или арестом в карцере. К ним инспекция и жандармы зачастую относились даже лояльно, втайне надеясь, что из этой среды со временем найдется доносчик.

Передовая же разночинная молодежь, составлявшая основу землячеств, по верному замечанию одного из чиновников, рассматривала эти объединения как «первоначальную школу для образования революционных деятелей». Министр внутренних дел Д. А. Толстой писал в секретном докладе: «...землячества, ничем не отличаясь по своей

организации от тайных обществ, представляют среду, в которую весьма легко проникают революционеры и пользуются ими как для пополнения своих рядов, так и для различных революционных предприятий».

Владимир мог бы подтвердить всю «обоснованность» вывода министра. Землячество он воспринимал как своего рода первичную ячейку революционного подполья. И поэтому сразу же вступил в него, хотя понимал, что, будучи братом казненного революционера, он находится на особой примете «недреманного ока» жандармерии, полиции, университетской инспекции.

Само собой разумеется, что в условиях жесточайших гонений членство и работа в землячествах не документировались. Только библиотекарь и кассир, да и то одним им известными шифрами, вели учет приема и выдачи литературы, взносов и ссуд.

В начале учебного года, судя по архивным документам, землячества ничем особенным себя не проявили. Но с приближением 5 ноября — дня основания Казанского университета, который обычно отмечался торжественными верноподданническими актами, — деятельность их значительно активизировалась. В прошлом году студенчество бойкотировало этот акт, и, чтобы как-то провести его, администрации пришлось с помощью полиции нагнать в зал молодых типографских рабочих и мелких чиновников, тогда как студенты в это время отмечали годовщину университета в портерных (пивных). Учитывая этот печальный опыт, попечитель учебного округа 29 октября направил инспектору Н. Потапову предписание, облеченное в форму вопросов: «...полагаете ли Вы полезным и нужным потребовать от студентов обязательной явки в этот день в Университет, предупредив их, что за неявку они будут подвергнуты взысканию, и не находите ли Вы полезным, чтобы мною было обращено внимание городской полиции, дабы в нынешнем году не повторялись случаи, подобные прошлогодним уличным пьяным беспорядкам?»

Потапов признал эти предупредительные меры «полезными», но они оказались тщетными: большинство студентов, в том числе и Владимир Ульянов, бойкотировали официальное празднование, и снова «торжественный акт Казанского университета блистал отсутствием студентов». Как и в прошлом году, студенты отметили годовщину сами, устроив вечера в портерных и на частных квартирах. Успеху бойкота способствовали гектографированные обращения к студентам, а также устные призывы активистов землячеств к сокурсникам. Среди зачинщиков, которые подстрекали товарищей не идти в университет, дабы тем показать «несочувствие студенчества к новому университетскому уставу», блюстителям порядка удалось взять на заметку Иосифа Зегржду и Сергея Полянского — близких знакомых Владимира Ульянова.

В целом же 5 ноября прошло более спокойно, чем в 1886 году. Тогда во время акта студенты толпами ходили по улицам, шумели в портерных, выбили окна в квартире ненавистного профессора, а в завершение несколько студентов взобрались на дом редакции «Волжского вестника» и, размахивая красным шарфом, как знаменем, кричали «Vivat democratia!». На этот раз и бойкот был не столь дружным, и шествий на улицах не было, и окон не выбивали.

Власти расценили сравнительное благополучие в 1887 году как следствие предпринятых ими мер предосторожности против «беспо-

рядков». Но руководство демократического студенчества с учетом репрессий весной и летом 1887 года, ослабивших на время их ряды, имело все основания считать бойкот акта более или менее удачной репетицией нового крупного выступления. Как бы то ни было, а после 5 ноября деятельность землячеств и различных кружков значительно активизировалась, что отразилось на посещаемости лекций. Заслуживают внимания в связи с этим фискальные записи университетской инспекции, свидетельствующие о том, что именно в этом месяце Владимир Ульянов редко бывал на занятиях: присутствовал 3, 4, 10, 11, 18, 23, 25 и 26 ноября, то есть только восемь дней.

Зато, как никогда, в это время участились собрания землячеств, особенно симбирского. Немало внимания на них было уделено обсуждению возмутительного поведения студента-юриста 4-го курса Константина Милонова, который вопреки постановлению большинства все-таки присутствовал 5 ноября на университетском акте. Во время разбирательств выяснились и факты настоящего предательства К. Милонова: в прошлом году он донес инспектору Н. Потапову о существовании в университете представительных студенческих организаций вообще и симбирского землячества в частности. Доносчик не только опозорил безнравственными поступками имя казанского студента, а кроме того, «против желания товарищей, но с разрешения инспектора получил ссуды из присланных симбирским обществом денег для нуждающихся студентов-симбирцев».

Нашлась группа земляков, которая однажды ночью пришла к Милонову, чтобы избить его, но он не открыл двери. Большинство же было против физической расправы и порешило на том, что Милонова надо судить студенческим судом, а приговор затем разместить на гектографе. Листовка с приговором призывала не допускать Милонова «ни в какую студенческую организацию», а знакомство с ним расценивать как предосудительное. Юристы 4-го курса одобрили приговор студенческого суда и добились от Милонова обещания, что он «оставит немедленно Казанский университет».

В конце ноября в почтовых ящиках Казани вместе с приговором суда по делу Милонова стали появляться листовки, говоря словами губернатора, со стихами «возмутительного содержания под названием «Ода русскому царю». Но студенты познакомились с одой несколькими днями раньше. Это видно из донесения попечителя учебного округа в Петербург: «...До меня дошло вполне достоверное сведение, что на негласном вечере, устроенном студентами, соединенного с ученицами повивального института и земских фельдшерских курсов, 22 ноября студент физико-математического факультета, разряда естественных наук Чириков прочитал публично стихи нецензурного характера, с крайне вредным направлением, признав себя пр.: этом автором этого стихотворения, и что это стихотворение в гектографированном виде разослано в большом количестве экземпляров по городской почте».

Власти действительно имели все основания признать содержание этих стихов «возмутительным», а каждого, кто их распространяет, — политически «неблагонадежным» человеком. Ведь в «Оде» Александру III Е. Чириков, скрывавшийся в листовке под псевдонимом «верноподданный пиит», прежде всего осудил деяния царя, направленные против образования и просвещения:

Воссел на трон, — и злу крамолу,
 Ползущу к царскому престолу,
 Ты грозно стал карать, казнить,
 Стрелять, и вешать, и топить...
 Ты понял, что источник бед
 Таится с испокону лет
 Под крышей пакостной науки,
 Откуда дерзновенны руки
 Трясут с главы твоей венец...
 Один постиг ты, наконец,
 Что книга — вот виновник зол,
 Рассадник всяческих крамол!
 И вот издал ты ряд указов,
 Ряд циркуляров, ряд приказов,
 Весь смысл которых в двух словах:
 Стереть «науки храмы» в прах,
 Что «яд глетворный» к нам несут...

Затем в «Оде» высмеиваются реакционные контрреформы царя, призванные ликвидировать независимость суда, земское самоуправление и право женщин на получение высшего образования:

Ты лишь сказал: «Долой присяжных!
 Долой с глаз наших. Глупа гласность,
 В ней проку нет, одна опасность!..»
 Ты указал на заблужденье —
 Стремиться к самоуправленью...
 О, наш хранитель, наш печальник,
 Виват, виват, «земский начальник»!..
 Ты всеобъемлющим умом
 Печешься даже и о том,
 Чтоб наши будущие жены
 Умели сшить нам панталоны,
 Чтобы не с книгой и пером
 Они сидели перед нами,
 А с кочергой иль со штанами!!!

В заключение «верноподданный пиит» в духе революционной сатиры призывает «Романов дом» кровью смыть «крамолы след»:

Стреляй и вешай нигилистов,
 Социалистов, атеистов,
 А тех, кто может дерзость сметь
 Свое суждение иметь,
 Гнои по тюрьмам и темницам,
 По градам, весям и столицам!..
 Томи в цепях, в Сибирь ссылай,
 Терзай безжалостно, пытай!..
 О царь! Врагам твоим кара:
 Всем — петля, пуля — всем... Уррра!!!

Если листовка с приговором по делу Милонова способствовала укреплению единства в рядах землячеств, то «Ода русскому царю» сыграла немаловажную роль в росте антиправительственных настроений демократического студенчества. Сходки землячеств происходят

все чаще и продолжительнее. Как удалось установить университетской инспекции, 29 ноября «был вечер, устроенный симбиряками, в доме Мулина, на Рыбнорядской улице; вечер продолжался с 10 часов вечера до 4-х часов утра; гостей было человек 70...»

Получив об этом донесение, попечитель учебного округа уведомил начальника губернского жандармского управления, что, «по достоверным сведениям, доставленным... из вполне благонадежных источников, оказывается, что симбирское землячество, несмотря на принятые против таких землячеств меры, не только продолжает существовать, но в последнее время деятельность его заметно усилилась присоединением к нему студентов бывшего самарского землячества... Открытие главных деятелей по симбирско-самарскому землячеству было бы настоятельно необходимо для ослабления силы противозаконных организаций в среде студенчества».

Как видим, попечитель рассматривал симбирско-самарское землячество как одно из самых боевых и влиятельных. Так оно и было на самом деле, особенно если учесть, что выходцы из некоторых губерний, не имея собственных землячеств, тоже фактически вливались в него. Например, пензяки братья Иосиф и Николай Зегржды, сблизившиеся с Владимиром Ульяновым.

КРУЖОК «ВРЕДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ»

Владимира не могла удовлетворить общественная деятельность только в рамках землячеств. И это естественно. Чутко подмечавший любую несправедливость, остро реагирующий на любое оскорбление личного достоинства, он весьма критически относился ко многим установленным порядкам, а под впечатлением казни брата, как подчеркивала Анна Ильинична, был «настроен особенно антиправительственно».

Так уж случилось, что среди четырнадцати соучеников по гимназии, ставших в 1887 году студентами Казанского университета, не оказалось ни одного по-настоящему революционно настроенного. Поэтому Владимир, не прекращая общения с ними, сближается с С. Полянским и другими товарищами своего брата — руководителями землячества и вместе с тем членами строго законспирированного революционного кружка. «В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль, — объяснял Владимир Ильич впоследствии подобный шаг. — В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиваться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России».

В Казани той осенью кружок составил из студентов универ- 155

ситета и ветеринарного института, а также нескольких юношей и девушек, исключенных за политическую «неблагонадежность» из учебных заведений столиц и временно осевших здесь. Охранка пристально наблюдала за приезжими «красными» и сам факт общения с ними студента расценивала уже как подозрительное поведение.

Видную роль в создании казанского кружка сыграли высланные из Петербурга за участие в нашумевшей по всей стране Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года Софья Галкина, Феодосия Вандакурова, Людмила Малова, Людмила Баль, Анна Амбарова и Юлия Белова. Последние две девушки, кроме того, были членами созданного П. В. Точисским социал-демократического «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» и имели уже определенный опыт подпольной работы и пропаганды марксистских идей.

Бывшим бестужевкам в Казани учиться было негде, а вот Л. Баль и Ю. Белова устроились на учебу в повивальном институте при университете. Здесь они, между прочим, близко сошлись с уроженками Симбирска сестрами Верой и Надеждой Черненковыми, уже привлекавшимися к ответственности по политическим делам. В числе близких знакомых Баль и Беловой были также выпускник университета Валериан Калинин — приятель казненного вместе с А. Ульяновым В. Осипанова — и Ольга Сахарова — подруга С. Перовской.

Столичные курсистки искусно конспирировали, и, как ни старались казанские жандармы, они не смогли уличить их в противоправительственной деятельности. Лишь год спустя, на основании показаний других обвиняемых, следователи пришли к выводу, что эти девушки в 1887—1888 годах чуть ли не постоянно группировали «вокруг себя учащуюся молодежь, которую и развивали в противоправительственном направлении различными способами, начиная с совместных чтений сначала тенденциозных, а затем и прямо революционных изданий. Причем Амбарова, Вандакурова, Белова и Баль для более удобного осуществления своих планов примкнули к землячествам, которые доставили им уже организованные кружки, вполне готовые к восприятию противоправительственных учений...».

Весной 1887 года часть участников Добролюбовской демонстрации была выслана и из Казани, но оставшиеся здесь Амбарова, Белова и Баль с осени того же года принимали активное участие в деятельности симбирско-самарского землячества. Оно привлекло их не только потому, что было самым боевым. Немаловажное значение имело и знакомство в Петербурге с Александром и Анной Ульяновыми, другими членами симбирского землячества — Кронидом Малиновским, Владимиром Бурлаковым. Те, в свою очередь, и рекомендовали высылаемым в Казань бестужевкам своих одноклассников по Симбирску Сергея Полянского, Сергея Ферафонтова, Алексея Орловского. На собраниях симбирско-самарского землячества Амбарова, Белова и Баль встречались с Владимиром Ильичем и, очевидно, способствовали его сближению с революционным кружком, во главе которого находились студенты ветеринарного института Александр Скворцов, Николай Мотовилов и Константин Выгорницкий.

31 августа в Казань приехал Лазарь Богораз, исключенный из Таганрогской гимназии «за хранение книг, изъятых из обращения, и прикосновенность к делу о народофильской типографии». Посту-

пить в ветеринарный институт, где учился его приятель по Таганрогу А. Скворцов, Богораз не смог, но он все же остался в Казани и стал членом революционного кружка, который жандармы окрестили кружком «вредного направления». Собирались кружковцы у Богораза и Скворцова, снимавших жилье в доме Агеева по Собачьему переулку.

Жандармы сразу заметили эти собрания. Их интерес к кружку еще больше возрос, когда было обнаружено «деятельное сношение» Владимира Ульянова с Л. Богоразом, а также знакомство с другими членами кружка — студентами Иваном Воскресенским, Константином Выгорницким, Дмитрием Матвеевым, Пантелеймоном Дахно и Сергеем Полянским. Из донесения начальника губернского жандармского управления в департамент полиции видно, что его тревожил уже сам состав «кружка вредного направления»: «Брат Натана Богораза, исключенный из Таганрогской гимназии Лазарь Богораз (по крещении Сергей Губкин), брат казенного Александра Ульянова студент Казанского университета Владимир Ульянов, студент Казанского ветеринарного института Константин Выгорницкий (близкий знакомый казенного Андреюшкина), Александр Скворцов, Иван Воскресенский и другие. Кружок этот при посредстве студента С.-Петербургского университета уроженца г. Таганрога Василия Зелененко поддерживал сношения с петербургскими кружками противоположного направления».

Опасения охраны на этот счет можно понять. В самом деле, имя народовольца Натана Богораза, брат которого теперь состоял под негласным надзором, было многим известно. С 1886 года он был заключен в Петропавловскую крепость. Друг кружковца Выгорницкого Пахомий Андреюшкин был повешен вместе с Александром Ульяновым за покушение на царя Александра III. Знал казенных Зелененко.

Одним из авторитетнейших руководителей кружка «вредного направления» был Николай Мотовилов — студент третьего курса ветеринарного института, пожалуй, наиболее политически подготовленный юноша Казани. Не случайно именно к Мотовилову с просьбой составить программу изучения рабочего и крестьянского вопросов обратился осенью 1887 года Николай Федосеев.

Считается, что в кружок входили Николай Подбельский (брат Папия Подбельского, влипшего в 1881 году пощечину министру народного просвещения А. А. Сабурову на торжественном акте Петербургского университета), Иосиф и Николай Зегржды, другие универсанты. Но определить весь состав кружка невозможно. Членство в нем не оформлялось какими-либо документами. В отличие от землячеств здесь не избирались руководители, не производился сбор членских взносов, не составлялась общая библиотека. Это был не столько «кружок», сколько группа молодых людей, встречавшихся для обмена мнениями по злободневным вопросам общественной жизни, новинками запрещенной и революционной литературы, обсуждения способов противодействия реакции. Важно отметить, что, несмотря на близость многих из них с народовольцами, они все-таки больше тяготели к теоретической работе по овладению марксизмом.

Но без преувеличения можно сказать, что в октябре — ноябре Н. Мотовилова, А. Скворцова, К. Выгорницкого, С. Полянского, Е. Чирикова и В. Ульянова, как и других лидеров студенчества, больше всего занимало нарастающее движение учащейся молодежи против

нового устава и преследований любых проявлений свободомыслия и попыток отстаивания общедемократических прав.

Своего рода детонатором для резкого усиления брожения среди учащейся молодежи Казани стали студенческие волнения, вспыхнувшие 22 ноября в Москве. В этот день студент-юрист Александр Синявский дал пощечину ненавистному инспектору университета А. А. Брызгалову, когда тот входил в концертный зал Дома дворянского собрания. Синявский был схвачен и заключен под стражу. В ответ на арест товарища 23 и 24 ноября произошли бурные сходки у здания университета на Моховой улице. Последовали аресты «зачинщиков беспорядков», а 25 и 26 ноября в сходках приняло участие уже по 300—400 студентов. В знак солидарности с пострадавшими товарищами юноши стали сдавать инспекции свои входные билеты. 26-го числа полиция окружила толпу студентов и оттеснила на Страстной бульвар, закрыв все выходы из него. Здесь-то, в ловушке, полицейские и казаки устроили зверское избиение студентов, получившее название «страстного побоища». Ответом на карательные меры властей стали массовые сходки 27 и 28 ноября в актовом зале и всех аудиториях университета, а 30 ноября повелением царя он был закрыт. Начались массовые репрессии против участников волнений. Ходили слухи, что во время «страстного побоища» двое студентов были убиты.

Власти старались скрыть правду о событиях, происшедших в первопрестольной столице, но известия о них довольно быстро дошли до всех университетских городов. 28 ноября «Русские ведомости» и другие московские газеты сообщили, что «инспектор студентов Московского университета г. Брызгалов подал рапорт о болезни». Но передовая общественность знала нечто большее. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин в письме от 30 ноября из Петербурга к своему знакомому писал: «На прошлой неделе инспектору студентов Московского университета на студенческом балу дали две плюхи. Дал студент от имени университета, и, как слышно, по жребию. Назначен военный суд, но исход его покамест неизвестен. Опасаются, чтоб и здесь не вышло какой истории».

Активисты московского студенчества, стремясь привлечь внимание к своей борьбе и всколыхнуть учащуюся молодежь других городов, рассылали письма знакомым с изложением истинного хода событий. 28 ноября студент Казанского университета (член симбирско-самарского землячества) А. Шаровский получил такое послание с подробным описанием расправы на Страстном бульваре от приятеля — студента Московского университета М. Кроткова. Пространные выдержки из него тут же пошли по рукам, вызывая негодование многих студентов. Руководители землячеств с нетерпением ожидали прибытия из Москвы очевидцев событий.

Правительство боялось этих контактов, и 28 ноября министерство внутренних дел по телеграфу предложило казанскому губернатору «следить за прибытием московских студентов и немедленно при появлении высылать их из города». В этот же день попечитель учебного округа П. Н. Масленников предложил ректору и инспектору университета, а также директору ветеринарного института усилить надзор за студентами как в зданиях учебных заведений, так и вне их. Одновременно попечитель округа обратился к казанскому губернатору с просьбой о содействии полиции в слежке за учащимися в городе.

Разумеется, что в такой напряженной обстановке, когда, по убеждению губернского жандармского управления, возникновение беспорядков «возможно ожидать со дня на день», был поднят на ноги весь наличный состав полиции и жандармерии. Особо энергично разыскивались члены студенческого суда — составители приговора Милонову, автор «Оды русскому царю» и обладатели аппаратов для гектографирования.

Резко усилилась слежка за студентами, вольнослушателями и слушательницами акушерских курсов со стороны университетской инспекции. Глава ее — Н. Потапов приказал своим помощникам и служащим ежедневно докладывать ему обо всем, что покажется подозрительным в поведении молодежи. Особо бдительно обязал Потапов следить за шинельною и курильною, 4, 7, 10 и 12-й аудиториями, анатомическим театром, физиологическим и физическим кабинетами, химической лабораторией.

Но ничто уже не могло остановить надвигающихся бурных событий. 1 декабря в Казань прибыли представители московского студенчества. В связи с этим в доме Воротникова на Нижне-Федоровской улице состоялось тайное совещание депутатов землячеств, на котором в качестве представителя симбирян и самарцев присутствовал Владимир Ульянов. Совещание, заслушав сообщение москвичей и письмо, адресованное казанскому студенчеству, назначило на 4 декабря сходку-демонстрацию. Были обсуждены обращение «Ко всем казанским студентам» и петиция, которую нужно было вручить ректору на сходке. 2 декабря помощник инспектора нашел в одной из аудиторий юридического факультета гектографированную копию письма московских студентов с призывом продемонстрировать свою солидарность с их выступлением. Власти заподозрили, что распространение этих листовок — дело рук «самых вредных» членов симбирско-самарского землячества: Иосифа Португалова, сына ссыльного самарского врача, и симбирянина Сергея Полянского. В ночь со 2-го на 3-е жандармы произвели обыск в квартире И. Португалова и нашли «гектограф и набранные листы вышедшего гектографированного приговора (по делу К. Милонова. — Ж. Т.), а также письмо его сестры с поздравлением по случаю выбора его в студенческие судьи...». На следующий же день он был исключен из университета. С. Полянский на этот раз уцелел: когда жандармы нагрянули на указанную в адресной книжке университета квартиру, оказалось, что он там не живет.

Руководители студенчества понимали, что медлить нельзя ни одного дня. 3 декабря состоялось заседание «общего студенческого суда», на котором и «были установлены все подробности» назначенной на завтра сходки-демонстрации студентов университета и ветеринарного института. Здесь же окончательно были отредактированы тексты обращений к студенчеству.

В одном из них подчеркивалась главная причина предстоящего выступления: «При первом известии о жестокой расправе над московскими студентами движение охватило массу учащих по всей России без всякого предварительного соглашения, а единственно в силу общности гнетущих условий, созданных правительством. Московская история была только толчком к назревшему уже везде движению».

Вторая, тоже гектографированная листовка гласила:

«Товарищи!

Тяжким бременем лег новый университетский устав. Вас, питомцев дорогой *Alma mater*, вас, представителей молодой интеллигентной мысли, он отдал во власть шпионствующей инспекции, он сузил и низвел «на нет» значение профессорской коллегии, сделал из них учителей-чиновников, он ограничил доступ в университеты сыновьям бедных отцов, увеличив взнос за право слушания лекций, установил тяжелые условия при получении стипендии и т. д. Но это еще не все: циркуляр министерства народного просвещения от 18 июня 1887 года лишил юных братьев возможности получить даже гимназическое образование». Напомнив о недавней зверской расправе над студентами, авторы прокламации обратились к своим товарищам с призывом: «Неужели мы не встанем на защиту попранных прав наших университетов, неужели мы не выразим нашего протеста пред разыгравшейся во всю ширь реакцией? Мы верим в казанское студенчество, и мы зовем его на открытый протест в стенах университета!»

Этот страстный призыв нашел горячий отклик в сотнях молодых сердец. Владимир Ульянов и его товарищи по кружку «вредного направления», составлявшие эти и другие прокламации, возглавили всю работу по подготовке уже назревшей сходки-демонстрации.

СХОДКА

Утро 4 декабря выдалось морозным, деревья стояли в мохнатом инее, лошади бегали по улицам седые, со снежными бородами, дым из труб поднимался багровыми столбами. Солнце сияло ярко, и снег сверкал бриллиантами. Со всех сторон города к университету тянулись студенты. Некоторые уже познакомились с только что вышедшими номерами «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых наконец-то появилось правительственное сообщение о волнениях московских студентов. В нем говорилось, что «ввиду упорства собравшихся пришлось рассеять движением жандармов и полиции, причем, как оказалось по совершенно точным сведениям, никому не было нанесено увечий или тяжких повреждений». Правительство категорически опровергало и слух о «смерти двух студентов», участвовавших в сходке 26 ноября.

Казанская молодежь, информированная из первых уст о зверских насилиях над своими товарищами на Страстном бульваре, с понятным возмущением и недоверием отнеслась к официальной версии о безобидном «рассеивании» многолюдной толпы «движением жандармов и полиции». Вот почему утром 4 декабря в курильной университета типичной была сцена, описанная К. Алексеевым по горячим следам: «Я присоединился к одной из групп (студентов.— Ж. Т.) и из их разговоров узнал, что они толковали о напечатанном в этот день в «Волжском вестнике» официальном известии о беспорядках московских студентов, причем утверждалось, что все напечатанное — ложь и что прави-

тельство только маскирует дело. Затем появилось гектографированное воззвание к студентам, приглашающее их вступить за свои права».

Многие из тех, кто пришел на занятия, еще не знали, когда именно состоится сходка: сегодня или 5 декабря. Прослушав первую лекцию, некоторые из студентов, у кого следующий час оказался свободным, сходили даже домой перекусить. Словом, все вели себя спокойно. Все, кроме лидеров землячеств. Один из них, Евгений Чириков, припоминая предшествующий сходке день, писал: «Я знаю, что дни мои сочтены, что с родным университетом будет покончено, что на днях придется или сесть в тюремное заведение, или выехать из города с почетным караулом и переселиться в какой-нибудь новый, неизвестный еще пока город, и вот, как большой перед смертью, я торопливо творю последнюю волю: продаю книги и лекции, которые больше не нужны, передаю уроки тем товарищам, которые решили уцелеть, укладываю в потертый чемоданчик несколько любимых книг, небольшой запас белья, восьмушку чаю и два фунта сахара, фотографические карточки писателей и родных...»

Мы не знаем, с какими чувствами пришел Владимир Ильич в университет 4 декабря. Однако несомненно, что он не менее отчетливо, чем знакомый ему Е. Чириков, представлял ту кару, которая ожидает его после активного участия в намеченной сходке. Пожалуй, у него было даже больше оснований опасаться за свою судьбу и свою будущность. Если 23-летний Чириков занимался уже на последнем, четвертом курсе, пользовался известностью как поэт и публицист, был сравнительно материально обеспеченным и вполне самостоятельным человеком, то Владимир в свои 17 лет еще не приобрел никакой специальности, на нем, как на старшем мужчине в большой семье, лежала ответственность за будущее сестер и брата. Но главное, что его больше всего тревожило, это то, что суровые наказания, которые неминуемо посыплются на него за участие в сходке, нанесут новые травмы сердцу матери, еще не оправившейся от горя после потери Саши... Но не выступить вместе с товарищами он не мог. Так поступал и старший брат и на первом же свидании с матерью в Петропавловской крепости, прося прощения за причиненные ей страдания, пояснял, что у него есть долг не только перед семьей — каждый честный человек должен бороться против бесправного, задавленного положения родины.

Общестуденческий суд, взявший на себя, по выражению одного из его приверженцев, «диктаторскую власть» при разработке плана сходки, безусловно, учитывал особое семейное положение Владимира Ульянова и по возможности оберегал его от штатных и добровольных служителей сыска. Да и сам Владимир старался как можно искуснее конспирировать. И как ни усердствовала университетская инспекция, результаты своих наблюдений она выразила лишь в двух фразах. В первой из них указывалось, что он в «кратковременное свое пребывание в университете обратил на себя внимание своею скрытостью, невнимательностью и даже невежливостью». Такое поведение студента уже считалось подозрительным, ибо непочтительность со старшими или низшими исполнителями приказаний начальства и скрытность «бывают обыкновенно признаками начинающегося влияния противоправительственной агитации». О более «крамольном» поведении Влади-

мира Ульянова говорила вторая запись: «Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной комнате, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и др., уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь».

То немногое, что все-таки удалось зафиксировать инспекции, говорило об активном участии Владимира Ульянова в подготовке выступления студентов. Видимо, этим можно объяснить и редкое посещение им занятий накануне сходки. Вряд ли было также случайным для Владимира, что в числе безымянных «других» студентов, с которыми он «шушукался» в курительной комнате, служителем инспекции особо выделены фамилии Зегржды и Ладыгина. Независимо от того, кто из братьев имелся в виду — Иосиф или Николай Зегржда, оба они, как выяснилось, активно участвовали в подготовке выступления. Видную роль сыграет в ней и выпускник Уфимской гимназии, второкурсник медицинского факультета Василий Ладыгин.

Университетское начальство и городские власти имели основания полагать, что участвовавшие тайные землячества, появление гектографированных воззваний и «таинственное шушуканье» студентов сомнительной политической «благонадежности» — все это предвестники надвигающихся «беспорядков». Более того, утром 4 декабря бывший член симбирского землячества Павел Ферлюдин подал инспектору Потапову донос, в котором писал: «Желая предотвратить зло, могущее возникнуть от предполагаемого восстания студентов университета и ветеринарного института, я решился известить вас, что сегодня, или завтра, или вообще на этих днях студенты договорились устроить общую сходку в университете не очень миролюбивого характера...»

Донос не остался без внимания. По указанию губернатора и командующего войсками Казанского военного округа на площадях и наиболее людных перекрестках были выставлены усиленные полицейские посты. Одна из рот 7-го пехотного Ревельского полка была готова по первому же требованию разместиться в городском полицейском управлении, недалеко от университета. Инспектор Потапов даже писарей своей канцелярии привлек для переписывания наиболее подозрительных студентов. И все-таки сходка началась для Потапова неожиданным образом.

В начале двенадцатого группа студентов пришла из курительной в вестибюль главного здания. Студент И. Португалов, который накануне был исключен из университета, с возмущением говорил собравшимся о начавшейся и в Казани волне массовых репрессий. Постепенно толпа росла, и, когда собралось человек 80, по призыву Чирикова: «На сходку» — все двинулись к актовому залу. Некоторые студенты отделялись от толпы, забегали в аудитории и, не стесняясь присутствия профессоров, кричали: «На сходку, на сходку!» Услышав шум, Потапов вышел из канцелярии и грубо потребовал от собравшихся разойтись. Но под напором студентов, давно его ненавидевших, инспектор был вынужден отступить.

Между тем основная масса крайне возбужденной молодежи устремилась по широкой парадной лестнице вверх. Попечитель учебного округа впоследствии доносил министру народного просвещения, что Владимир Ульянов «бросился в актовый зал в *первой партии* и вместе

с Полянским *первыми* неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других...». Один из этой «первой партии» кричал: «Ура!», «Ректора!» Другой выкрикивал: «Долой инспекцию!» Третий призывал студентов: «Братцы, постоим за правое дело, за дело товарищества!» В первой партии бежали члены симбирско-самарского землячества и вожаки других землячеств: Евгений Чириков, Дмитрий Матвеев, Алексей Тургеневский-Захаров, Леонид Троицкий, Алексей Орловский, Гавриил Танаевский, Иван Альмендингер, Леонид Туманов...

Однако попасть в актовыв зал, где в 12 часов должен был читать лекцию по римскому праву ректор университета профессор Н. А. Кремлев, студенты не смогли, так как двери были заперты на замок. Тогда они сбежали на первый этаж и через нижний коридор поднялись к актовому залу с противоположной стороны, но и тут оказались перед закрытыми дверями. Это не смутило. Студенты дружно навалились, и двери распахнулись под их напором.

По плану руководителей сходки вслед за «первой партией» в актовыв зал должна была направиться толпа студентов из старой университетской клиники. Но она на несколько минут задержалась, и в огромном пустом зале небольшая кучка протестантов чувствовала себя не очень-то уверенно. Кое у кого мелькнула мысль, что дело проиграно. «Но смущение продолжалось один миг», — писал впоследствии профессор Н. Н. Фирсов, который в 1887 году был студентом университета.

Активный участник событий Евгений Чириков описывает их так: «Толпа полилась в высокий пустынный зал, сразу оживший и потерявший научную серьезность... В каком-то экстазе я вскарабкался на кафедру и закричал, потрясая кулаками:

— Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга и, если будет нужно, принесем себя в жертву царящему произволу!

Дружный взрыв криков: «клянемся!», поднятые к небу руки, какой-то вопль жаждущей подвига молодости. Затем выборы председателя сходки и торжественная тишина открывшегося заседания. Прочитаны и единогласно одобрены: обращения «к правительству», «к обществу», двенадцать пунктов «наших требований», в которых упоминались и кухаркины дети, а затем — речи с разных пунктов огромного зала: с кафедры, со ступей, с подоконников».

В каком-то из этих «пунктов» выступил, насколько нам известно, и Владимир Ильич. Служители инспекции подглядывали за сходкой в щелки дверей и, к счастью, не могли подслушать речи ораторов. Из современников только Н. Алексеев оставил воспоминания о его страстной и горячей речи,

1. Актовыв зал Казанского университета.
2. Петиция казанских студентов.
3. Прошение Владимира Ульянова об отчислении из университета. ►

ПЕТИЦІЯ

ПОДАНА КАЗАНСКИМИ СТУДЕНТАМИ

РЕКТОРУ УНИВЕРСИТЕТА

НА СХОДКЪ 40 ДЕКАБРЯ 1887 ГОДА

Собрали насъ сюда ничто иное какъ сознание невозможности всѣхъ условій, въ которыхъ поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности, а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и предъять правительству наше слѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I. Реформы найвозможно-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

а) для всѣхъ російскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;

б) университетамъ должна завѣдывать коллегія студентовъ совершенно самостоятельно;

в) никакого контроля со стороны университета надъ частной жизнью студентовъ не должно быть;

г) студентамъ должна быть предоставлена право схода къ для обсужденія дѣлъ касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петицій,

д) право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимной помощи, клубы и т.д. и управлять ими чрезъ своихъ выборныхъ,

е) должны быть гласный студенческой судъ, рѣшенія котораго профессорская коллегія не можетъ ихъ отменить,

ж) студенты получаютъ право распределять стипендіи и пособія по усмотрѣнію созданнаго отъ студенчества лица

II. Уничтоженіе сословности. Всякаго рода препятствій затрудняющихъ доступъ въ учебныя заведенія [например высокая плата, форма и тому подобное]

III. Справедливо отъ требуетъ чтобы всѣ наши товарищи всѣхъ университетовъ, неключенные за студенческія волненія были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего общественнаго мненія необходимо что бы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20-хъ числахъ прошедшаго мѣсяца зѣбреккія насилія надъ нашими товарищами московскими студентами и даже убійства официально окривленные

в которой говорилось «о царском гнете, о несправедливости суда и о необходимости протеста студентов всех университетов против установленного режима».

Вскоре явился Потапов, высокий плотный бородач, в сопровождении своего помощника Войцеховича и нескольких педелей. Взойдя на кафедру, инспектор угрожающе обратился к собравшимся с требованием разойтись, а когда ему заявили, что не разойдутся, и начали читать петицию, Потапов вспыл и зычным голосом закричал: «Требую разойтись, негодяи, или я принужден буду вызвать полицию, воинскую часть и применить силу!»

После этой грубой и оскорбительной фразы студенты тут же устремились к кафедре и, взявшись за руки, оттеснили с нее ненавистного инспектора и замкнули его в кольцо. В наэлектризованной обстановке одни кричали: «Вон, вон!», другие — «Бей его, бей!» Во время начавшейся сумятицы сокурсник Владимира Ульянова по юридическому факультету Константин Алексеев дал Потапову звонкую пощечину. «Затем, говорят, — писал бывший попечитель учебного округа П. Д. Шестаков, — была чистая свалка: несколько человек бросились на инспектора, ему нанесли несколько ударов, но кто бил — этого ни инспектор, ни свидетели не знают. Помощник инспектора Войцехович, у которого, как и у других, позеленело в глазах, только одно заметил — летящее тяжелое кресло, которое он успел подхватить рукою, рука была разрезана... Педелям и служителям тоже порядком досталось. Инспектор благодаря своей крепкой натуре успел выбраться».

В общем-то вопрос о возможном «оскорблении действием» Потапова кем-нибудь из студентов обсуждался на депутатском совещании 3 декабря, и большинство тогда сошлось на том, что если кто-то не удержится и посягнет на физиономию ненавистного инспектора, то порицания ему не выносить. Теперь, когда действие совершилось, всякое могло последовать... Некоторые из слабохарактерных студентов, испугавшись, что инспектор может вскоре возвратиться с полицией или солдатами, стали выбегать из зала. Тогда соученик Владимира по гимназии и сокурсник Константин Глядков стал кричать: «Куда вы? Назад, идем в зал», и часть из них вернулась.

Вести о бурной сходке быстро распространились по городу. По приказу командующего войсками Казанского военного округа к зданию университета прибыли рота солдат и новые наряды полиции. Напротив главного входа собралась большая, до трехсот человек, толпа из студентов и простого народа. Распахнув окно в актовом зале, студент Николай Алексеев, обращаясь к собравшимся на улице, закричал: «Ура! Наша взяла!» Но радость была преждевременной: еще не подошли студенты ветеринарного института, появились сомнения в том, придут ли на сходку студенты духовной академии. Значительная часть университетов находилась на нижнем этаже, так как их не пропускали в актовый зал. А главное — не было еще ректора и наиболее уважаемых профессоров, которых студенты о сходке оповестили заранее.

Но вот наконец появился крайне взволнованный ректор, действительный статский советник Николай Александрович Кремлев. Это был толковый преподаватель и либеральный профессор, недолюбливаемый инспектора Потапова за внедряющуюся им в университете систе-

му сыска и преследования студентов. За свою жизнь Кремлев оказался свидетелем не одной сходки в стенах Казанского университета, и, стремясь предотвратить вторжение войск, он взшел на кафедру с искренним желанием утихомирить разбушевавшуюся молодежь. Зал постепенно утих, а затем кто-то попросил ректора разрешить подняться сюда участникам сходки на нижнем этаже.

Ректору было даже удобнее собрать всех в одном месте и, так как никого из служителей в зале не было, он сам спустился вниз и пригласил студентов. Вскоре, узнав об этих действиях ректора, сюда стали подходить и студенты. Владимиру Ильичу, как и другим прорвавшимся в актовыв зал членам «первой партии», конечно же, стало легче на душе: теперь на сходке находилось около четверти всех студентов.

Перед кафедрой, на которую опять взшел Кремлев, образовался большой полукруг. Один из юношей попросил ректора выслушать их и принять петицию. «Я заранее знаю, — сказал им ректор, — чего студенты желают. Вы желаете, конечно, права сходов, студенческого суда, студенческой кассы, библиотеки, кухмистерской и проч.». В ответ послышалось: «Нет, в нашей петиции есть и другое кое-что, взгляните».

Н. А. Кремлев взял гектографированный листок, текст которого в целях конспирации был написан измененным почерком «печатными» буквами, и стал читать:

«Собрало нас сюда не что иное*, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и представить правительству наши следующие требования. Мы пришли к заключению, что:

I. Реформы наивозможно ближайшего будущего по отношению к университетам должны быть следующие:

а) для всех российских университетов устав должен быть один и тот же;

б) университетом должна заведовать коллегия студентов** совершенно самостоятельно;

в) никакого контроля со стороны университета над частной жизнью студентов не должно быть;

г) студентам должно быть предоставлено право сходов для обсуждения дел, касающихся студенчества, а также право коллективной подачи петиций;

д) право иметь свои библиотеки, читальни, кассы взаимопомощи, кухмистерские и управлять ими через своих выборных;

е) должен быть гласный студенческий суд, решения которого профессорская коллегия не может игнорировать;

ж) студенты получают право распределять стипендии и пособия по усмотрению выборных от студентов лиц.

II. Уничтожение сословности и всякого рода препятствий, затрудняющих доступ в учебные заведения (например, высокая плата, форма и тому подобное).

III. Справедливость требует, чтобы все наши товарищи всех уни-

* В тексте: «ничто иное».

** Очевидно, переписчик допустил ошибку, заменив слово «профессоров» на «студентов».

верситетов, исключенные за студенческие волнения, были приняты вновь.

IV. Для удовлетворения возмущенного нашего и общественного мнения необходимо, чтобы были наказаны те лица, по приказанию или недосмотру которых были совершены в 20-х числах прошедшего месяца зверские насилия над нашими товарищами московскими студентами и даже убийства, официально скрываемые.

Казанские студенты».

Петиция, как видим, выражала не только академические, но и общедемократические требования. Поэтому ректор, как только прочитал слова о том, что студентов собрало на сходку сознание «невозможности русской жизни вообще», стал пространно объяснять собравшимся в актовом зале, что «каждый может по закону просить за себя лично, а за других только по уполномочию», что студентов должны занимать только научные интересы, что «насильственными способами» они «ничего хорошего не добьются». Воспользовавшись паузой в увещательном слове Кремлева, один из студентов задал вопрос: «А вот, ваше превосходительство, летом исключены у нас 15 человек, позволите же спросить — за что?» Ректор смущенно ответил, что причина исключения ему неизвестна. «В порядке ли это, — продолжал студент Ш., — что начальнику университета, ректору, неизвестно, за что исключают студентов?»

Постепенно студенты перешли от вопросов к выступлениям. Кремлев устал слушать стоя, присел на стул и на некоторое время сделался слушателем, лишь изредка ограничиваясь репликами. Когда же, доказывая необходимость открытой борьбы за гражданские права, кто-то привел в пример Болгарию, которая именно так добилась конституционного режима, Кремлев встал и, стараясь обернуть все в шутку, заметил: «Да вы уж в Болгарию заехали. Куда же, наконец, заберетесь вы? Пора разойтись».

В эти же самые минуты происходило и выступление студентов ветеринарного института. Около шестидесяти человек, во главе с К. Выгорницким, А. Скворцовым, И. Воскресенским и Н. Мотовиловым, вручили директору института свою петицию. Проявляя солидарность с университетскими товарищами, ветеринары требовали отмены нового университетского устава, признания за студентами права устраивать «свои вспомогательные кассы, студенческие кухмистерские» и земляческие кружки.

Вручив директору петицию, ветеринары, возглавляемые Выгорницким, отправились в университет. У входа им дорогу преградила полиция, но они разметали ее и прорвались в актовый зал, где были встречены рукоплесканиями и братскими объятиями универсантов. Владимир Ильич с удовлетворением мог отметить, что и во главе ветеринаров находятся его товарищи по революционному кружку и землячеству. Студент-ветеринар Сергей Ферафонов, известный жандармам как библиотекарь симбирского землячества, был признан ими «одним из главных подстрекателей к беспорядкам, происходившим ныне в высших учебных заведениях г. Казани». Дейтельное участие в сходке принял Михаил Листов — соученик Владимира по 5—7-му классам гимназии, а с 1886 года — студент ветеринарного института. Всего же на сходке Владимир мог насчитать 19 студентов-симбирян. В их числе были

четыре товарища по выпуску 1887 года — юристы Константин Глядкин и Владимир Разумов, медики Алексей Дардальонов и Федор Стратонов и еще один соученик по другим классам — Александр Старков, теперь первокурсник медицинского факультета.

В разгар объединенной сходки в актовЫй зал вошла группа профессоров. Среди них были согласно жандармской оценке «наиболее выдающиеся по своим крайне либеральным убеждениям»: декан медицинского факультета А. Я. Щербаков, знаток чистой математики А. В. Васильев, известный геолог и палеонтолог А. А. Штукенберг. Затем, как ураган, влетел высокого роста и атлетического сложения, с большой, как говорили современники, «бакунинской головой и шевелюрой», кумир студентов В. В. Преображенский (кстати, сибирянин по рождению), профессор по кафедре механики, и прокричал студентам: «Некоторое время тому назад я представил начальству свое прошение об отставке... сегодня, наконец, отставка моя получена». Зал взорвался аплодисментами. «Заявление любимого профессора, — писал впоследствии Н. Н. Фирсов, — как нельзя лучше отвечало настроению сходки. Она вырабатывала именно такую форму протеста — добровольный выход из университета — и стремилась убедить большинство присоединиться к этому постановлению, предварительно состоявшемуся в земляческих собраниях». Профессора, как и ректор, произносили успокоительные речи, старались дать понять студентам, что их «не нужно смешивать с инспекцией, с которой они не имеют ничего общего», и уговаривали молодежь прекратить сходку, чтобы предотвратить применение властями силы в стенах университета.

Наступавшие сумерки напоминали о скором конце короткого декабрьского дня. Своей основной цели студенты добились: продемонстрировали солидарность с выступлениями учащейся молодежи Москвы, Харькова и Одессы, обратили внимание профессоров и казанского общества на невыносимое положение науки, просвещения и студенчества, осудили условия жизни в России. Уже около 4 часов дня, когда Кремлев, получивший письменный приказ от попечителя учебного округа немедленно очистить актовЫй зал с помощью полиции и солдат, снова предложил собравшимся разойтись, студенты объявили: «Так как ни ректор, ни профессора не дают нам надежды, что наши требования будут исполнены, то мы оставляем университет...»

Комитет сходки предложил студентам в знак протеста возратить свои входные билеты. Десятки рук с билетами, и в числе первых из них — Владимира Ульянова, потянулись к кафедре ректора. Профессор В. И. Разумовский, вспоминая эту сцену, писал: «...Нам было жутко... Мы знали, что печальная судьба ожидает этих смелых протестантов». Их оказалось 99 человек. Остальные тоже обещали последовать их примеру.

Студенты опасались, что их перехватают, когда они будут уходить со сходки. Ректор, пообещав, что этого не случится, спустился вниз и распорядился, чтобы полиция пропустила молодежь через парадный вход и никого не задерживала. Городские власти не стали хватать участников сходки на глазах сотен людей, толпившихся у здания университета. Но Владимир, как и другие активные деятели землячества, конечно,

понимал, что расправа начнется в этот же день, и поэтому поспешил домой, чтобы избавиться от возможно оставшихся писем и бумаг, которые могли кого-либо скомпрометировать. Предстояло и как-то подготовить недавно приехавшую из Кокушкина мать к предстоящим большим неприятностям...

АРЕСТ

Уход студентов из университета не стал концом волнений. Большие группы молодежи ходили по Воскресенской и прилегающим к ней улицам. Особенно многолюдно было около здания университета и полицейского управления. По батальону солдат с боевыми патронами продолжало находиться в 1-й полицейской части и на Большой Лядской улице, напротив дома, где квартировал Масленников. Постоянные воинские караулы, пешие и конные наряды полиции несли дежурство и в других частях города. Характеризуя создавшееся положение, профессор С. В. Левашов писал одному из своих коллег: «Сходки продолжают и теперь, но уже на вольном воздухе — на Арском поле и в Подлужной. Университет и квартира попечителя охраняются солдатами, так что мы на военном положении».

По-разному понимали и оценивали студенческие «беспорядки» в городе. Насколько низким было еще сознание вчерашних крестьян, переодетых в солдатские шинели, иллюстрирует сценка, происшедшая у дома Масленникова. Проходивший мимо офицер спросил унтер-офицера, что они тут делают:

«— А вот, ваше благородие, караулим, чтоб, значит, не ушел.

— Кто?

— А вот генерал, что вверху живет. Он что-то набедокурил со студентами. Вот нас и приставили, чтобы ни шагу ему не позволили ступить. Вот и стоим денно и ночью, боимся, как бы не дал стрекача. Когда наемдись к самому губернатору его возили к допросу, так четверо конных его стерегли, т. е. ни шагу от кареты не отступали». Не вполне понятен был смысл студенческих волнений и жившему тогда в Казани Алексею Пешкову, будущему великому писателю. Но когда он узнал, что крендельщики Семенова, поверившие различным побасенкам, собираются идти к университету избивать студентов, он стал спорить и ругаться с ними.

Восьмиклассник Николай Федосеев горячо сочувствовал исключенным студентам, помогал им материально чем только мог. А в письме к товарищу писал: «Люди, которых я всей душой любил, взбунтовались. Потому что *в университете учиться нельзя*, что там мерзко, гадко».

Среди образованного общества нашлось довольно много людей, которые полагали, что главными виновниками «беспорядков» являются не соответствующие «здравомыслящему человеку действия попечителя учебного округа и бестактность и недобросовестность студенче-

ской инспекции». Недовольство общества вызывал и порядок исключения из университета: «Исключает попечитель по представлению инспектора, стало быть, исключает инспектор, т. е. наказывает студентов лицо, потерпевшее от них и, следовательно, естественно раздраженное».

Расправа над студентами началась с их исключения.

Ректор Н. А. Кремлев, профессора А. Я. Щербаков и А. В. Васильев настаивали на том, чтобы каждый студент обвинялся на заседании правления университета самим Потаповым. Но попечитель учебного округа, опасаясь, что при личном общении обвиняемых с инспектором возникнут пререкания между ними, а это неизбежно вызовет еще большее озлобление против Потапова, настоял на том, чтобы правление карало участников сходки заочно, лишив, таким образом, студентов права элементарной защиты. Обстановка в правлении еще больше накалилась, когда выяснилось, что в потаповские списки попало несколько человек, вообще не являвшихся в тот день в университет.

Передовые профессора открыто выражали сочувствие исключенным, заявляя, что эти юноши — «самые лучшие, даровитые головы» и что они пострадали лишь «благодаря жестокости и лицемерию инспекции университета». Словом, если учесть, что среди гражданской и военной верхушки казанской администрации были сановники, порицавшие действия Масленникова и Потапова, то общество все-таки могло надеяться на более или менее снисходительное отношение к замешанным в «беспорядках». Однако судьба наиболее активных участников декабрьских волнений 1887 года решалась главным образом в Петербурге. Уже 4-го числа товарищ (заместитель) министра внутренних дел Шебеко по телеграфу приказал казанскому губернатору Н. Е. Андреевскому: «Благоволите исключенных студентов немедленно выслать из города». Министр народного просвещения И. Д. Делянов вскоре тоже прислал телеграмму попечителю округа, в которой потребовал: «Для спасения благомыслящих не щадите негодяев».

Масленников, имевший немалый опыт борьбы с «неблагонадежной» молодежью и всегда смотревший «на себя как на карающую десницу», действовал решительно и беспощадно. 4 декабря он распорядился закрыть университет «до окончательного водворения спокойствия среди студентов...». Вечером того же дня инспектор Потапов составил (по алфавиту) список 45 «наиболее виновных студентов» с подробным изложением причин, по которым они подлежали исключению. Владимир Ульянов записан Потаповым в списке сороковым. Однако кому-то из начальства список показался слишком большим и фамилии шестерых участников сходки, входивших в состав «первой партии», были вычеркнуты. Так появился новый список, в который вошли 39 самых активных юношей. Владимир Ильич значится в этом списке под номером 36.

Свое мнение об этой группе участников «противозаконной сходки» Потапов выразил следующим образом: «Вообще, по совести, можно сказать, что в числе этих студентов находятся подготовители и руководители сходки 4-го декабря. Все они вполне сочувствовали ей, знали не только что будет сходка, а также о том, что должно произойти на ней, немало также и приложили усердия и потрудились, чтобы тем или другим способом привлечь других студентов, как на выражение тем или иным способом сочувствия своего, так и к прямому участию».

Попечитель предложил правлению университета исключить их всех, а документы препроводить казанскому губернатору, добавив при этом, что указанных в списке зачинщиков полезно «заарестовать» и затем подвергнуть их в самом скором времени высылке.

Масленников получил от Потапова и список всех студентов университета, «прикосновенных к беспорядкам 4 декабря 1887 года». В нем уже значилось 153 человека, причем те из них, против фамилий которых стояли три крестика, считались наиболее активными участниками «беспорядков». Напротив № 139 было записано: «Ульянов Владимир Ильич, юридич. + + + исключен 4 декабря». Крестики означали утвердительные ответы на три вопроса: 1) значится ли в списке инспектора бывшим на сходке; 2) возвратил ли входной билет на сходке и 3) подал ли прошение об увольнении из университета или билет после сходки.

При определении меры наказания попечитель учебного округа принимал во внимание представленные Потаповым сведения и о том, когда именно тот или иной студент прибыл в актовое зал. Наиболее виновными инспектор считал тех, кто ворвался в зал «в первой партии», был там в то время, когда он потребовал разойтись, присутствовал в момент нанесения ему К. Алексеевым пощечины и вынужденного своего бегства. Во второй разряд были включены прибывшие в зал позднее этих бурных событий, но «до разрешения ректора впустить в нее тех студентов, которые находились в университете». Наконец, наименее виновными признавались те, кто пришел «в зал после разрешения ректора», когда он и профессора увещевали собравшихся.

В соответствии с числом крестиков — карательных символов — определялась мера наказания. Студенты с одним крестиком отделялись выговором или строгим выговором с внесением в штрафную книгу, и только некоторым из них добавлялись арест на 7—10 дней, лишение стипендий и пособий. За два крестика следовало увольнение из университета «по прошению» с выговором или строгим выговором. Тех, кто не хотел подавать таких прошений, начальство переводило в разряд «исключенных». Обладатель трех крестов, да еще отнесенный к «первой партии» участников сходки, исключался «с волчьим билетом», что на практике делало невозможным его возвращение не только в *alma mater*, но и в любое другое высшее учебное заведение.

Несколькими днями позже Потапов представил Масленникову список, состоявший уже из 248 участников сходки 4 декабря. Согласно этому списку число исключенных из университета достигло 46, а уволенных по прошению — 118 человек. Серьезной чистке подвергся и ветеринарный институт: за участие в сходке были исключены 33 студента. Изгнанников было бы еще больше, но некоторые юноши, испугавшись беспросветного будущего, дрогнули и подали прошения с просьбой о желании остаться в университете и институте.

Однако вернемся к вечеру 4 декабря. Придя домой, Владимир рассказал матери и Ольге о сходке и содержании петиции, поданной ректору, стараясь обрисовать картину в более или менее спокойных тонах. Со слов брата Ольга пишет подруге: «Хотя все они были страшно возбуждены и разгорячены, но сдерживались и были вежливы с профессорами; но инспектор вывел их из себя — и его поколотили».

Владимир Ильич был убежден, что кого-кого, а его неминуемо ждет исключение из университета. Однако, желая еще раз продемонстриро-

вать свой протест и вместе с тем твердость своих убеждений, он четким, почти каллиграфическим почерком и строго установленным слогом написал на имя ректора прошение, датированное 5 декабря: «Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета». Прощения об увольнении подали около 160 «прикосновенных к беспорядкам», но только у 77 хватило гражданской смелости в заявлении указать главную причину своего протеста. Даже из тех 39 человек, которые вместе с Ульяновым подлежали «первоочередному исключению» из университета, лишь двадцать написали о своем недовольстве «существующими» или «настоящими условиями», а также «стеснительностью университетского устава 1884 года».

Вряд ли Владимир Ильич смог бы в такой резкой форме написать прошение, если бы не сочувствие семьи и в первую очередь матери. Это был смелый и ответственный шаг, грозивший репрессиями. И они последовали незамедлительно. В ночь с 4 на 5 декабря полицейский пристав нагрянул в квартиру Ульяновых на Ново-Комиссариатской улице, арестовал Владимира и отвез его на санях в полицейскую часть. Тягостным было расставание Марии Александровны с сыном; переживал и он — больше всего за то, что доставляет матери новые тревожения. И все-таки в будущее Владимир смотрел «без страха и сомненья», как пелось в распространенной среди студенчества песне на слова А. Н. Плещеева. По дороге в полицейскую часть произошел красноречивый диалог между выдавшим виды приставом и 17-летним арестованным:

«— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — ответил, не задумываясь, Владимир Ильич».

Приставу ничего не оставалось, как только изумиться и сделать вид, что не понял смысла сказанного юным «бунтовщиком». Но страж «порядка», наверное, выглядел таким обескураженным, что Владимир Ильич навсегда запомнил этот диалог и со смехом передавал его много лет спустя близким.

В эту ночь было арестовано около ста студентов. Сначала их содержали в полицейской части, а затем в общей камере пересыльной тюрьмы. Хотя никто из арестованных не мог ясно представить себе ближайшее будущее, большинство все-таки старались не падать духом и не омрачать настроение товарищей. Пели хором студенческие песни, декламировали запрещенные стихи, обсуждали события последних дней, сочиняли воззвания «на волю». Кому-то пришлось в голову произвести опрос товарищей, кто что думает предпринять по освобождению. Когда очередь дошла до Владимира, то он дал понять, что перед ним одна дорога, дорога революционной борьбы. Хотя анкетирование проводилось в полушушуйливой форме, но многие почувствовали, что для брата Александра Ульянова этот арест не последний...

Родным и знакомым разрешалось навещать арестованных, обсуждать с ними предстоящую высылку, передавать съестные припасы, теплые вещи и деньги. Приходила на свидание с сыном и Мария Александровна. Не ведая во всей полноте о его деятельности и революционных кружках, мать считала, что власти относятся к Владимиру особенно строго из-

за брата Александра. На это один из сановников ответил: «Нет, ваш сын был сам очень активен: инспектор Потапов видел его в передовых рядах, очень возбужденного, чуть ли не с сжатыми кулаками». А в официальной характеристике Владимира Ульянова, написанной вскоре после сходки, указывалось: «Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его к сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям».

Не приходится удивляться, что Владимир Ульянов, по указанию казанского губернатора, дольше, чем его товарищи, содержался под арестом: основная масса была выслана из города уже 6 декабря, а он вышел из тюрьмы только 7-го. В этот же день он получил «свидетельство» за подписью ректора и с приложением университетской печати. Этот документ являлся удостоверением личности и одновременно видом на жительство. Помимо биографических данных, в нем было указано, что он окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью, а в осеннем полугодии 1887/88 года был студентом юридического факультета Казанского университета. Далее указывалось: «По постановлению Правления Университета от 5 декабря сего 1887 г. он, Ульянов, из числа студентов Императорского Казанского Университета исключен на основании предложения Г. Попечителя Казанского учебного округа от 4 декабря за № 5564. А так как он, Ульянов, полного курса в Университете не окончил, то и не может пользоваться правами, Высочайше дарованными окончившим полный курс университетского образования».

По отбыванию воинской повинности он, как родившийся в 1870 году, обязан взят жребий в призыве 1891 года».

В дни отъезда «декабристов 1887 года» (так назвал участников сходки инспектор Потапов) студенты господствовали на Воскресенской улице. Экс-попечитель учебного округа П. Д. Шестаков писал в связи с этим: «Толпы человек в 200—300 толпились около полиции, встречая и провожая отъезжавших студентов аплодисментами и криками «ура»; сидело на санях по несколько человек, и все... пели песни, бросали какие-то листы... Словом, это было что-то вроде триумфа исключенных».

Ольга Ульянова в письме к Александре Щербо тоже подчеркнула сочувственное отношение общества и учащейся молодежи к высылаемым: «...им прислали 300 рублей в первые же дни ареста и высылки из Казани, также шубы и шарфы, потому что многим студентам не в чем ехать. Казанские дамы прислали им табаку и папирос, а гимназисты, особенно 1-й гимназии, отдавали все свои деньги, у кого были — часы, некоторые — даже свои шубы. Гимназистки Мариинской гимназии (6-й класс) тоже жертвовали, но об этом узнала начальница и прочитала им строгую нотацию».

Высылаемые, в свою очередь, благодарили провожавших за сочувствие и материальную помощь, а некоторые бросали гектографированные листки, начинающиеся словами: «Прощай, Казань, прощай, университет». В этой листовке, написанной в тюрьме, и, очевидно, не без участия Владимира Ульянова, разъяснялись причины, по которым они, мечтавшие выйти из «храма науки» в жизнь «борцами за счастье и благо нашей измученной родины», организовали сходку. Это прежде всего — желание «спокойно и бесстрастно смотреть на гнет и страдания дорогой

родины» и заниматься «наукой для науки». В поисках выхода, говорилось далее в листовке, «мы сгруппировались в землячества, твердо веруя, что здесь, в товарищеском кругу, мы поддержим друг друга, здесь мы найдем также и выход нашим страстным стремлениям к развитию в нас убеждений и взглядов, твердых и честных, читая и беседуя друг с другом...». Но членство в землячествах благодаря «инспекции и клике ее шпионов, клеветов» жестоко каралось. Гнет нового устава становился несносным, но ни обращения к профессорам, ни мирные протесты 5 ноября во время торжественного акта не привели к улучшению обстановки. В заключение говорилось: «Наступившие ноябрьские события в Москве, факты нахальной и зверской расправы с нашими товарищами, студентами Московского университета, нанесли нам, как студентам, кровное оскорбление... Мы должны были протестовать, и наш протест вылился в активную форму — сходку... За наш протест нас исключают из университета и изгоняют из Казани!!!

Мы уезжаем из Казани с глубокой верой в правоту нашего дела!»

Изгонялись из города все исключенные. Еще в тюрьме каждый арестованный обязан был уведомить администрацию, куда именно он выедет на жительство. Иногородние, естественно, выбывали туда, где жили их родные. Что касается местных студентов, то они могли отправляться в любой город, но только не столичный и не университетский. В соответствии с этим требованием Евгений Чириков, например, у которого мать и сестры были в Казани, выехал в Нижний Новгород, где имелись друзья.

Владимир же не мог позволить себе поселиться в городе — ни в родном Симбирске, ни в Самаре, скажем, у Марка Тимофеевича Елизарова, близкого товарища Александра и Анны. Он выбрал хутор Кокушкино, где отбывала ссылку сестра: с ним ей будет легче и матери лучше, если он будет вместе с Аней.

Владимир был обязан покинуть Казань в тот же день, когда вышел из тюрьмы. В те немногие часы, которые оставались до отъезда, он собрал свои небогатые пожитки, состоявшие главным образом из книг и зимней одежды. Мороз на улице стоял лютой, и мать, наверное, впервые отдала сыну заветную отцовскую шубу на теплом меху, которая многие годы верой и правдой служила своему хозяину в поездках по сельским школам.

Владимир ехал в Кокушкино вместе с младшей сестренкой — она в это время была в городе в связи с приближавшимися рождественскими праздниками. Впоследствии Мария Ильинична так опишет картину того памятного морозного вечера, когда брат и она, «упакованные» в кибитке с бубенчиком, покидали Казань: «...За нами на городских санках катит какой-то полицейский чин. Я все время оглядываюсь на него с любопытством. Но вот и городская застава, мы выезжаем в поле, а полицейский повертывает обратно: он выполнил свою миссию, проводил брата до черты города, а там предоставил ему уже ехать одному».

Девочке, которой не исполнилось тогда еще и десяти лет, такой конвой показался любопытным и даже, может быть, несколько забавным. На самом же деле он еще раз демонстрировал жестокость властей. Ведь без суда и следствия они заставили семнадцатилетнего юношу в трескучий мороз, в темноте (как будто нельзя было отложить высылку до утра) всю ночь ехать по совершенно безлюдной ухабистой заснеженной дороге в деревню. И всякое могло случиться за 40 верст пути.

Надо думать, что у Владимира Ильича в отличие от сестренки настроение и думы были куда более серьезными и грустными: за ним закрылись двери университета... Удается ли возобновить учебу и если все-таки удастся, то когда и где? Ведь он выслан из Казани «без срока», и когда власти сообразуют снять с него кару, неизвестно. А если еще докопаются и до его участия в подпольном кружке, тогда уж и это наказание сочтут недостаточным... Отгоняя мрачные мысли, он думал о том, как полезнее использовать вынужденное затворничество в Кокушкине. Радовала лишь предстоящая встреча с Анной. Трудная дорога, к счастью, закончилась благополучно.

Так после первого революционного крещения и первого ареста началась первая ссылка Владимира Ильича.

ССЫЛКА

Прежде в Кокушкине Владимир Ильич бывал только летом. Расположенное на высоком берегу реки Ушни, местечко было в эту пору так красиво, что крестьянки соседних деревень нередко говорили кокушкинским нечто вроде: «Смотрю я на вашу деревеньку и думаю: что за чуда, така она махонька, да така развеселая». Правилась эти места и Ульяновым. Анна Ильинична писала в своих воспоминаниях о беззаботной детской поре: «Лучше и красивее Кокушкина, деревеньки действительно очень живописной, для нас ничего не было».

В 80-х годах частые недороды, вызванные засухой, и усилившийся с развитием капиталистических отношений процесс разложения общины ускорили обнищание основной массы здешних крестьян.

Анна Александровна Веретенникова, приехавшая зимой из Казани в Кокушкино, вскоре после того, как Владимир Ильич оказался в первой ссылке, свои дорожные впечатления выразила в стихотворной зарисовке «Невеселая картина»:

Еду: снежные равнины
Расстилаются кругом,
Невеселая картина
Здесь на севере родном.

На пригорке деревушка
Открывается глазам,
И убогие лачужки
Раскидались здесь и там.

Нищеты и разрушения
Вид кругом нея лежит,
И невольно размышления
Она грустные родит.

У ворот одной избенки,
Самой нищенской на вид,
Возле тощей коровенки
Человек пяток стоит.

«Ах, кормилица ты наша,—
 Воеет баба,— как нам быть?
 Где ребятушкам на кашу
 Молочка теперь добыть!»

«Полно плакать, божья воля,—
 Хмуру ей сказал отец,—
 Знать, такая наша доля,
 Обнищали мы вконец.

Если б хлебушко родился,
 Если б мог оброк собрать,
 Ни за что бы не решился
 Я Буренушку продать».

Жить на хуторе зимой, особенно лютой, с частыми буранами, было невесело. Все вокруг на многие версты было покрыто глубоким снегом, и казалось, что ты находишься в безжизненной и безбрежной белой пустыне. Постоянные метели и заносы прерывали и так затрудненную связь с городом. По узкой дороге едва можно было проехать на одной лошади, а пара лошадей запрягалась уже «гусем».

В Кокушкине было два деревянных дома, оставшихся после смерти доктора А. Д. Бланка его пятерым дочерям. На крутом берегу Ушни стоял «большой», или «старый», дом, через дорогу — флигель, а в полусотне саженой от него начинались первые крестьянские избышки маленькой деревни с мельницей.

В «большом» доме все было ветхо: испорченные печи не топились, крыша протекала. Поэтому Ульяновы зимовали во флигеле — бревенчатом, без фундамента, на деревянных столбушках, с тесовой двускатной крышей, верандой перед входом и мансардой. Высота комнат не превышала 3¹/₂ аршина. Стены оставались в первозданном виде — не штукатурились и не оклеивались обоями.

В южной комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать Ольги. В комнате Марии Александровны спала Маняша. Здесь же находилась русская печь с плитой, на которой готовили пищу. В средней, самой большой комнате, служившей залой, стояли бильярд и фортепиано. Дмитрий Ильич, живший во время приездов на хутор вместе с Владимиром Ильичем, так описывает их комнату: «Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашенный; на полу лежали половики деревенской работы.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы».

Хотя и этот флигель был мало приспособлен для жизни в зимнюю пору, но после того, как были законопачены щели, утеплены окна и двери, наладилась регулярная топка печей, обстановка для обитания стала более или менее сносной.

Находясь в Кокушкине, Владимир Ильич, естественно, с напряженным вниманием ждал вестей о том, как поступают власти с остальными участниками сходки после высылки его, 38 других универсантов, а также 17 ветеринаров из Казани. И переживал, что расправа продолжается.

9-го числа по требованию попечителя округа были исключены трое медиков: С. Б. Залкинд, К. И. Деюнович и Д. Е. Благовидов. В этот же день за участие в сходке были уволены еще 20 студентов, в том числе К. Г. Глядков и А. В. Старков.

10 и 21 декабря было исключено двое и уволено трое универсантов. Затем наступили рождественские каникулы, но «чиновничья машина» продолжала выискивать смутьянов и сразу же после каникул — еще более сильная вспышка репрессий: 12 января 1888 года было исключено и уволено сразу 78 студентов! Таким образом, общее число пострадавших достигло 169 человек. В том числе шестеро — не за участие в сходке, а только за принадлежность к землячествам.

Еще 8 декабря в «Волжском вестнике» появилось сообщение из Петербурга: «Студент юридического факультета первого семестра Казанского университета Константин Алексеев за нанесение оскорбления действительному инспектору студентов Казанского университета отдан в дисциплинарный батальон военного ведомства сроком на три года». Больше же в декабре ни одна казанская газета ни строкой не отозвалась на выступление студенчества.

Однако это краткое сообщение стало известно в Киеве, и в тот же день, 8 декабря, здесь вспыхнули студенческие волнения. Докладывая об этом в департамент полиции, губернатор подчеркнул, что возникновение «смуты» способствовало получению в городе сообщения телеграфного агентства «об оскорблении действием инспектора студентов Казанского университета. И хотя эта телеграмма, — продолжал киевский губернатор, — в местных газетах и не была напечатана, тем не менее содержание ее быстро распространилось между публикой».

Состоялась демонстрация и в Нижнем Новгороде, на вокзале, когда туда прибыли исключенные студенты. «Толпа начала петь хоровые песни, — доносили жандармы, — слышны были возгласы: «Служите нашему делу!» ... Несмотря на неотступные требования прекратить беспорядок, таковой продолжался до отхода поезда, причем малейшая попытка отстранить провожающих от поезда встречалась готовностью к насилию со стороны студентов».

Прокламации о волнениях учащейся молодежи в Москве, Казани и Петербурге появились почти во всех городах Поволжья. Известия о студенческих волнениях в России вызвали горячий отклик русских и польских студентов Парижского университета. Собравшись на митинг, они присоединились к протесту российских товарищей и призвали всех честных людей к солидарности с ними. Русские студенты и студентки Парижа 11 декабря обратились к студенчеству России со следующими словами:

«Полученные сообщения о событиях в России глубоко потрясли нас. Проникнутые глубоким негодованием по поводу свершившегося, русские студенты и студентки Парижского университета решили протестовать против подобных безобразий и с этой целью устроили митинг, на котором присутствовало до 150 представителей русской учащейся молодежи. По прочтении отчета о событиях в Москве и других городах был

произнесен ряд речей, в которых выражалось сочувствие товарищам, принявшим участие в волнениях, согласие с вполне справедливыми требованиями, заявленными ими относительно нового Устава, и глубокое прискорбие по поводу смерти товарищей, погибших за дело студентов».

Письма русских и польских студентов Парижского университета получили широкое распространение среди казанской молодежи. В ответном письме, датированном 1 января 1888 года, говорилось:

«Русским студентам и студенткам Парижского университета.
Товарищи!

Мы получили мотивированное постановление вашего митинга и решили ответить вам. Нас обрадовал ваш смелый голос в защиту попранных прав университета и свободы. Из дошедших до нас сочувственных отзывов по поводу попытки освободиться от невыносимого гнета знавшегося деспотизма — ваш голос является одним из смелых по языку и мысли. Нечего и говорить, что вы верно поняли сущность нашего движения. Сердце сердцу издалека весть подает...

Охватившее все высшие учебные заведения движение 1887 года отличается от прежних движений своим более общим, не чисто студенческим характером, что отразилось и на наших петициях, указывающих на общественные тенденции...

Мы уверены, что следующий наш протест — ждать его недолго — поставит себе еще более широкие задачи и, таким образом, требования студентов сольются с общими русскими требованиями. Русское общество и студенчество настолько созрели, что с негодованием смотрят на разнузданные, бесчестные выходы деспотического, силой подкупа и клеветы держащегося правительства.

Искренне благодарны вам, дорогие товарищи, за ваше сочувствие и надеемся встретить вас в освобожденной России.

Просим передать привет и благодарность польским студентам и студенткам, выразившим свое сочувствие московскому студенчеству.

Студенты Казанского университета».

Знал ли Владимир Ильич об откликах на Казанскую сходку в других городах и во Франции? Несомненно, знал. Письма не были секретом. Косвенно это подтверждают строки из письма Н. Федосеева, направленного в конце декабря 1887 года из Казани высланному в Пензу Н. Мотовилову: «Получены сочувственные письма из Парижа от русских и польских студентов. Прислали также о себе весть с Кары * несчастные каторжники». Оставшиеся в Казани товарищи, конечно, не могли не сообщить об этих письмах и Владимиру, ведь ответное послание в Париж было написано и от его, как студента, имени.

Думается, что Владимир интересовался откликами на волнения учащейся молодежи и в ультраправой прессе. Вот что писалось, например, 30 декабря в суворинском «Новом времени»: «Не может быть сомнения насчет того, что все подобные истории очень на руку людям, мечтающим о политической смуте в России, и было бы даже странно, если бы эти люди не сделали попытки так или иначе примазаться к университетским беспорядкам, чем бы ни были вызваны последние... Мы не удивились бы и тому, если бы заграничная, нигилистическая камарилья стала похваляться, что именно она подготовила и вызвала беспорядки в университетах».

* Карийская каторга — политическая каторга на реке Каре в Забайкалье.

Побасенкам, будто студенческие волнения являются делом рук каких-то «смутьянов», мало кто верил, но насколько они были распространены, видно из переписки между руководством учебного округа и Ф. М. Керенским. Окружной инспектор А. В. Тимофеев, проверив Симбирскую гимназию вскоре после сходки, пришел к выводу, что «если ее воспитанники, «едва переступившие за порог этого учебного заведения», участвуют в «беспорядках», то, значит, педагогическая корпорация не сумела дать «прочные нравственные начала своим ученикам...». Керенский категорически отверг эти обвинения и заявил, что не видит «хотя бы малейшего повода к ответственности за то безрассудство, с каким ошалевшие юноши, бессильные для отпора гибельных внушений, попали в «Панургово стадо». Резонно утверждая, что университетская молодежь мечется «повсюду по причинам, далеким от гимназий», он вместе с тем подчеркнул, что, насколько ему известно, из выпуска 1887 года в «беспорядках» участвовали только двое. «Из них Ульянов, смею думать, мог впасть в умоиступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу!»

Керенский, вольно или невольно, искажил правду. Во-первых, в Казанской сходке приняли участие пять выпускников 1887 года. Во-вторых, он кривил душой, полагая, что его воспитанники просто не устояли против внушений «злонамеренных людей»: кто-кто, а он наверняка знал о существовании нелегальных кружков в своей гимназии. Наконец, он не мог не понимать объективных причин брожения учащейся молодежи.

Размышляя о сходке, Владимир не раз спрашивал себя: успешно ли она прошла и стоила ли того, чтобы десятки юношей пожертвовали возможностью получить высшее образование, добровольно обрели себя на прозябание в глуши под бдительным полицейским надзором? Ответить однозначно было не так-то просто. Однако, подводя итоги сходки, можно было констатировать следующее. Покидая Казань, студенты заявили в прощальной листовке, что после зверской расправы в Москве с их товарищами нельзя было не выступить с протестом в активной форме — сходке. Причем ее требования носили ярко выраженный общедемократический характер. Ненависть к Потапову и инспекции была продемонстрирована «оскорблением действием». Власти не осмелились применить военно-полицейскую силу против студенчества. Большинство образованного общества города открыто показало ему сочувствие.

Не только экс-попечитель округа П. Д. Шестаков отметил «триумф исключенных», но и полицейский историк, характеризуя ход и исход Казанской сходки, подчеркивал: «Дело и здесь, как в Москве, окончилось полным торжеством взбунтовавшихся студентов и поражением университетской инспекции и вообще правительственной власти...» Хотя эти высказывания Владимир Ильич прочтет через несколько лет, но и тогда уже было ясно, что именно так отреагировала общественность на выступление молодежи.

Кроме того, с удовлетворением можно было отметить, что известие о Казанской сходке ускорило выступление киевского студенчества, всколыхнуло русскую и польскую молодежь в Париже, вызвало одобрительный отклик политкаторжан на далекой Каре и появление листовок в городах Поволжья. И теперь какая-то часть студентов после высылки из Казани пополнит революционное подполье своих родных мест.

Сейчас нам ясно, что сходка 4 декабря, как и все другие выступления студенчества той поры, происходившие еще в отрыве от рабочего движения и социал-демократии, не могла оказать «сколько-нибудь продолжительного сопротивления царским властям и отстоять свои требования», но она, несомненно, явилась «вершиной студенческого движения России 80-х годов».

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Расправа над участниками студенческих волнений в университетских городах была завершена к 15 января — установленному дню возобновления занятий. Но уже в «Волжском вестнике» за 3 января 1888 года Владимир прочел объявление, что «открытие лекций» в университетах Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и Новороссийском откладывается на неопределенное время, без объяснения причины этой отсрочки. И только 8 января в «Волжском вестнике» появилась перепечатка из «Правительственного вестника»: «Вследствие происшедших в нескольких университетах в конце минувшего года беспорядков, которые вызвали прекращение лекций в сих университетах, министерством народного просвещения производятся сношения с местными начальствами относительно времени и порядка возобновления прерванных занятий... О времени же открытия занятий в каждом из университетов последует заблаговременное объявление...»

Это извещение министерство адресовало прежде всего иногородним — «для предупреждения напрасного возвращения студентов из отпуска». Но этой «заботе», особенно в Казани, мало кто верил. В городе открыто говорили, что ректору Н. А. Кремлеву и декану медицинского факультета А. Я. Щербакову за попытки смягчить участь «декабристов» попечитель предложил уйти в отставку. Запугав профессоров, Масленников и Потапов усиленно обрабатывали тех студентов, которые на сходке вели себя относительно спокойно, но подали прошения о нежелании продолжать учение в университете. Их ставили перед дилеммой: либо «дерзкое» прошение будет взято назад, а взамен будет подано новое — о желании остаться в числе студентов, либо последует исключение по такой статье, что нельзя будет поступить ни в один из университетов.

Насколько же нелегкой была участь исключенных с «волчьими билетами», можно судить по донесению начальника Симбирского губернского жандармского управления в департамент полиции, составленному на основе наблюдения за 12 юношами, высланными на родину: «Положение их крайне неутешительное, на службу они не могут поступить, так как их нигде не примут, как исключенных; давать уроки, но без них имеется масса классиков-гимназистов, которые по рекомендации директора скорее могут быть допущены к подготовке детей в гимназии и другие учебные заведения. Приняться за сельские работы — это немислимо. Вот тут и явится озлобление и неминуемо большая часть примкнет к социальной партии». Владимир, наверное, не удивлялся, что некоторые

даже из довольно активных «декабристов» не выдержали нажима администрации и скрепя сердце пошли на замену прошений, чтобы остаться в университете.

Самому же Владимиру Ульянову, как, впрочем, и остальным 38 студентам из «первой партии» арестованных и исключенных, надеяться на скорое возвращение в университет не приходилось. Наоборот, надо было настраиваться на то, что ссылка в Кокушкине затянется, по крайней мере, до конца учебного года. Уместно в связи с этим вдуматься в строки из воспоминаний Н. К. Крупской о пребывании ее с Владимиром Ильичем в Шушенском: «Л. Толстой где-то писал, что едущий первую половину дороги обычно думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди». Так было, наверное, и в кокушкинской ссылке.

После рождественских каникул и новогоднего праздника мать отвезла Ольгу и Дмитрия в Казань к сестре Анне Александровне, а сама поспешила в Кокушкино: там хворали другие дети.

Рассказывая в письме петербургской подруге по Бестужевским курсам о своей жизни в Кокушкине, Анна Ильинична 24 января 1888 года писала: «Теперь обжились здесь немного, не зябнем, как в декабре, да и морозы не такие сильные, но зато метели здесь бедовые, особенно нынешний месяц».

Выписала «Русскую мысль», «Неделю» и еще казанскую ежедневную газету («Волжский вестник». — Ж. Т.); ждем всегда с нетерпением случаем из города, которые теперь, благодаря вьюгам, стали реже, — и, впрочем, не столько для газет, как для писем, т. к. читаю все очень много.

Мама порадовала меня недавно, привезла из Казани посмертное издание Надсона. Я его так люблю! Я нахожу в нем так много своих мыслей и чувств, а это так приятно! Одно из посмерт[ных] четверостиший особенно поразило меня:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?»

Надо не только жить, но и готовить себя к тому, чтобы приносить общественную пользу. Этот жизнеутверждающий принцип, несмотря на огромное семейное горе, все-таки остался главным для Ульяновых, оказавшихся в захолустном Кокушкине. И снова заработал «домашний университет».

У каждого имелась своя программа «накопления знаний», как выразилась Анна Ильинична. Сама она, кроме чтения периодики и беллетристики, не без помощи двоюродной сестры Любови Веретенниковой — опытной стенографистки — училась искусству скорописи; много уделяла внимания английскому, чтобы самой не забыть и помочь Владимиру и Ольге, всерьез засевавшим за его изучение. Еще в Симбирске зимой 1886 года благодаря Владимиру Анна овладела премудростями латыни, и теперь это облегчило ей изучение итальянского. Она надеялась, что сможет делать переводы итальянских авторов для печати. Продолжала заниматься и литературным творчеством: написала несколько

сказок и стихотворений, которые после одобрения домашних послала в детский журнал.

Ольга, помимо занятий английским, много читала, в том числе и книги на французском. В Казани она поступила в частную музыкальную школу Орлова-Соколовского. Вместе с Анной продолжала подготовку Маняши к поступлению в гимназию, шила, помогала по хозяйству.

С первых же дней вынужденной зимовки в Кокушкине Владимир очень серьезно занялся самообразованием. Нужно было штудировать юридические науки, поскольку он не оставлял надежды завершить высшее образование. Но большую часть времени он посвящал чтению текущей столичной и казанской периодики, а также «Современника» и других журналов 60-х годов (со статьями Добролюбова, Чернышевского и Писарева, стихами Некрасова), полные комплекты которых оказались в библиотеке покойного А. П. Пономарева — второго мужа тети Любови Александровны.

Нужно ли говорить, каким событием были оказии из города и с каким нетерпением они открывали заветный пещер (корзину местной работы), заполненный книгами, газетами и письмами, и с каким тщанием они готовились к загрузке пещера литературой и почтой для отправки его ранним утром в Казань! В последний перед отправкой вечер все, конечно, сидели за корреспонденцией. С одним из таких вечеров у Анны Ильиничны связано воспоминание: «Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен, мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще по обыкновению и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда не легко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспекторов и других властей предрержащих, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете, и подобное письмо принесет ухудшение его участи».

Владимир призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из пещера свое письмо, а позднее и уничтожил его.

Анна Ильинична не назвала фамилию «товарища по гимназии», но, конечно, это был Борис — сын В. И. Фармаковского, помощника И. Н. Ульянова в Симбирске, тот самый адресат, которому еще в марте 1882 года Владимир послал «письмо тотемами». Описывая студенческую сходку-демонстрацию в Казани, Владимир надеялся, во-первых, изложить события тех дней правдиво и значительно полнее, чем они освещались в печати, а во-вторых, получить от Бориса из Одессы столь же достоверные сведения о волнениях в Новороссийском университете, которые, по слухам, были более бурными, чем в других городах.

Предостережение более опытной в конспиративных делах старшей сестры было как нельзя кстати. Уже в начале января 1888 года появились признаки того, что охранка интересуется прошлой деятельностью как Анны, так и Владимира. В один из новогодних дней к флигелю, в котором жили Ульяновы, подъехал становой пристав и, отступив от традиционных разговоров о погоде, с озабоченным видом пригласил Анну Ильиничну следовать с ним в Казань к начальнику губернского жандармского управления. Нетрудно представить, как волновались Мария Александровна и Владимир, провожая Аню, с какой радостью они встретили ее через несколько дней и с каким напряженным вниманием слушали ее рассказ о пребывании в жандармерии.

Оказалось, что вызов на допрос был связан с делом 1 марта 1887 года. Жандармы интересовались фельдшером Нарвской части столицы Алексеем Алексеевичем Воеводиным и его взаимоотношениями с Александром Ульяновым. Анна пояснила, что брату очень нравилось его пение, он принимал участие в Воеводине как человеку бедном. Вот все, что было записано в протоколе ее допроса.

Владимиру она, конечно, рассказала больше. И о том, что Воеводин и студент лесного института Леонид Державин были главными запевалами на нелегальных вечерах, где они мастерски пели любимые Александром «Замучен тяжелой неволей», «Нелюдимо наше море», «Полосыньку», и о дружеском (а к Державину, по ее мнению, и «чисто братском») к ним отношении Александра, и о смелости Воеводина, вступавшего в открытые столкновения со своими начальниками-офицерами.

Однако Анна Ильинична все же не могла знать об истинных причинах, вызвавших повышенный интерес департамента полиции к А. Воеводину. Не знала она и о том, что в Самаре в это время жандармы допрашивали близких знакомых Саши и ее — М. Т. Елизарова и И. Н. Чеботарева, — и тоже о Воеводине. Оказалось, петербургская охранка, расследуя последние студенческие волнения, произвела 23 декабря 1887 года обыск в квартире Воеводина и нашла там десятки гектографированных воззваний о выступлении московской учащейся молодежи, револьвер, рецепт для изготовления взрывчатки, типографский шрифт, печать Санкт-Петербургского общества помощи политическим ссыльным и заключенным.

С помощью провокатора следствие установило, что Воеводин находился в дружеских отношениях с Александром и Анной Ульяновыми, Марком Елизаровым, Иваном Чеботаревым и другими лицами, проходившими по делу вторых «первомартовцев». Но главное, что сейчас занимало жандармов, — не был ли Воеводин тем таинственным лицом, которое 1 марта 1887 года помогало Александру Ульянову в печатании на переносном типографском станке «Программы террористической фракции «Народной воли». Заметим, что эта догадка была верной, но допросы А. И. Ульяновой и других знакомых А. А. Воеводина не помогли жандармам доказать его причастность к делу о покушении на царя.

Если допрос Анны Ульяновой не имел последствий, то жандармское досье на Владимира Ильича за прошедшие после ареста пятьдесят дней пополнились новыми агентурными данными, раскрывавшими его тесные связи с революционным подпольем Казани, более активную, чем это представлялось ранее, роль в подготовке и проведении сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года.

Департамент полиции 16 января 1888 года сообщил эти сведения начальнику Казанского губернского жандармского управления полковнику Гангардту, а тот в отношении от 25 января казанскому губернатору передал мнение департамента полиции, что Владимир Ульянов «принимал и, может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи, вследствие чего за ним необходимо учредить надлежащее негласное наблюдение». Сетую на то, что жандармское управление не располагает способами «для достижения этого без огласки, особенно при нахождении Ульянова в деревне», Гангардт попросил губернатора об установлении немедленного полицейского «строжайшего секретного наблюдения за вышеозначенным Ульяновым, причем необходимо иметь в виду не только его самого, но и лиц его посещающих, а равно необходимо всегда иметь точные и подробные сведения, с кем он ведет и будет вести переписку... (выделено мной. — Ж. Т.)».

Какие способы тайной слежки применяла полиция в Кокушкине, где каждый посторонний был на виду у хуторян, неясно. Но как бы то ни было, Ульяновы помнили о недреманном полицейском оке. Этим объясняется их стремление передавать корреспонденции с оказией, не распространяться о сокровенном, говорить намеками, употреблять имена или инициалы знакомых без фамилий, а также просьбы уничтожить письма по прочтении. В тех же случаях, когда переписка осуществлялась по казенной почте, Анна просила адресата: «На конвертах пишите с передачей маме, чтобы письмо не расклеивалось в Казани...»

На чем основывалось предположение департамента полиции, что, находясь в Кокушкине, Ульянов «продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодежи», нам, к сожалению, ответить трудно. Полиции удалось зафиксировать только один приезд в Кокушкино участника сходки — бывшего студента Петра Пчелина. Владимир Ильич зимой 1887/88 года несколько раз ездил в Казань, но с кем он там встречался, неизвестно. Разумеется, он поддерживал связь с единомышленниками через своих двоюродных братьев и сестер, а может быть, и с помощью врача Федора Ивановича Грацинского, которого Мария Александровна часто вызывала из Лаишева к детям, особенно к Маняше — у нее подозревали дифтерит. Вот как рассказывала о новом знакомом Анна в письме от 21 февраля 1888 года петербургской подруге Наде — жене молодого профессора М. А. Дьяконова: «За это время познакомились с нашим земским доктором — до сих пор нам делали визиты только здешние полицмены — и доктор этот оказался Ф. И. Грацинский, о котором мне говорил М. Ал. (М. А. Дьяконов. — Ж. Т.), но фамилию которого я забыла. Он попросил передать его поклон и М. Ал. ...и его адрес (Лапишев, земскому врачу), а также просил сообщить Ал. Л. и его адрес. Он доволен своей службой и земскими сослуживцами и, по его словам, у них там, в Пановке, настоящий распад цивилизации».

Это письмо тоже посылалось с оказией, иначе Анна Ильинична не рискнула бы называть фамилии лиц, с которыми находилась в хороших отношениях. Ведь за Н. А. и М. А. Дьяконовыми наверняка следила полиция, ибо они не раз принимали в Петербурге брата и сестру Ульяновых, а после казни Александра зашли проститься с Анной, отправлявшейся в ссылку. Как видим, Дьяконовы положительно отзывались о док-

торе Ф. И. Грацинском, проживавшем недалеко от Кокушкина. Федор Иванович на самом деле оказался очень порядочным человеком, если не побоялся не только попасть в число знакомых ссыльных Ульяновых, но и передавать через Анну Ильиничну поклоны М. А. Дьяконову. Сближению Ульяновых с Ф. И. Грацинским способствовало и давнее знакомство Марии Александровны с его отцом Иваном Федоровичем в Перми, где тот был директором гимназии и лечился у А. Д. Бланка. Посещения Ульяновых Ф. И. Грацинским наряду с наездами родственников скрашивали жизнь обитателей занесенного снегом флигеля.

СВОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Переписка с товарищами, общение с родственниками и знакомыми в какой-то мере позволяли кокушкинским ссыльным быть в курсе последних событий. Информацию о положении в стране и о международной жизни Владимир и Анна черпали главным образом из периодической печати, доставлявшейся по подписке. Прежде всего, конечно, читали «Волжский вестник». В январе пришло и бесплатное приложение для подписчиков к газете — «Календарь «Волжского вестника» на 1888 год. В эту книгу объемом более 35 печатных листов вошли обстоятельные статьи по истории России, Казани и ее городского хозяйства, деятельности земств, данные о развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли, транспорта.

Особый интерес для Владимира, конечно, представляла статья «Как живут рабочие в Волжско-Камском крае», являвшаяся изложением официального отчета фабричного инспектора Казанского округа А. В. Шидловского.

Многие дети 8—9 лет от роду работают, как и все взрослые, по 14,5 часа в сутки, причем чаще всего «бесплатно, при отцах и матерях, в качестве учеников». 72 процента из работающих детей не умеют читать. Помещения, в которых трудятся рабочие, тесны, темны, грязны. Вентиляции нет, а поэтому скопление вредных газов или пыли таково, что новичок там задыхается и почти ничего не видит. Большинство живет в общих для мужчин, женщин и детей казармах. «Это длинные, рубленые деревянные сараи, изредка каменные, с одним и редко двумя выходами, дощатым потолком и полами, которые нередко трудно отличать от земляных, благодаря толще покрывающей их грязи; вдоль стен, в два ряда, один над другим, тянутся нары, на коих рабочие и располагаются вповалку, один возле другого...»

Из 1113 промышленных заведений края, подлежащих действию закона о малолетних рабочих, только в четырех имелись школы. Семь фабрик из 100 имели бани. «Колыбельни, приюты, чайные, сберегательные кассы — ничего этого не существует. Медицинская помощь на фабриках и заводах почти совершенно отсутствует».

зурные рогатки не позволяли искренне обсуждать действительные причины описываемых явлений, даже то, что оказывалось на страницах «Вестника», оставляло гнетущее впечатление. Можно себе представить то щемящее чувство горечи за трудовой люд, которое испытывал молодой Ульянов в это время. Но это было деятельное сочувствие: Владимир Ильич не зря обронил в казанской тюрьме фразу о раз и навсегда выбранном им пути революционера.

Жизнь в такое мрачное время, да еще в захолустье, под неусыпным надзором полиции действовала угнетающе; особенно на старшую сестру. Нелегко было и Владимиру из-за невозможности активно вмешиваться в ход общественной жизни. Анна нет-нет да изливала свою душу в письмах к подругам, а он не мог позволить себе и такой роскоши. И когда становилось совсем невмоготу, он брался за физическую работу, отправлялся бродить по окрестностям или вставал на лыжи и шел с Митей на охоту. Возвращался обычно без трофеев — азартным охотником, как братья, он никогда не был. Как-то летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, Владимир сказал Анне: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». На что сестра шуточно заметила: «...Это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился».

Но прогулки и охота носили эпизодический характер. Давняя привычка к усиленным занятиям и огромная сила воли позволяли Владимиру Ильичу сосредоточиться на главном — самообразовании. Позднее он рассказывал В. В. Воровскому: «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский».

Благодаря Чернышевскому четче проявилась революционная фигура Белинского; с карандашом в руках были вновь прочитаны Добролюбовские статьи в «Современнике». Владимир Ильич навсегда запомнил, как талантливо Добролюбов из разбора гончаровского «Обломова» сделал «клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе», а из анализа тургеневского «Накануне» — «настоящую революционную прокламацию...». Перечитывая «Что делать?», Владимир в полной мере оценил величайшую заслугу Чернышевского в том, что «он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления...».

Очень важно было, что великие критики-демократы даже в подцензурных статьях, как подчеркивала Н. К. Крупская, давали юному Владимиру Ильичу «определенное направление мысли... руководство к действию, хотя в самых общих чертах, полунамекami, толкали на

искание путей и сил, могущих изменить действительность». Наконец, и это уже собственное признание Владимира Ильича, благодаря чтению Чернышевского «от доски до доски» во время кокушкинской зимы произошло его «первое знакомство с философским материализмом и возник интерес к «экономическим вопросам».

По-настоящему критически и творчески воспринимал Владимир все, что писалось в «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Неделе», «Русских ведомостях», «Волжском вестнике» и «Казанском биржевом листке», которые получал в Кокушкине. К славословию по поводу «освобождения» крестьян, проектам подъема благосостояния народа без ликвидации остатков крепостничества, любыми суждениям о мерах, способных укрепить крестьянскую общину, к другим подобным либерально-народническим фразам он относился уже с недоверием и нередко с открытым презрением. Зато с большим вниманием читал очерки тех публицистов, которые показывали реальную картину жизни русской деревни, а также статьи Н. И. Зиберы, А. И. Чупрова, И. И. Иванюкова и других прогрессивных политэкономов, знакомивших читателей с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, пытавшихся более или менее правдиво показать положение рабочего класса в России.

Из журналов по подписке Ульяновы получали только московскую «Русскую мысль». Наибольшую популярность журналу придавала публицистика Н. В. Шелгунова. Современники вспоминали: «Его «Очерки русской жизни»... читались с жадностью». «Русское общество, — писал О. В. Португалов, — в особенности студенчество в 80-х годах, зачитывалось «Очерками русской жизни», которые ежемесячно помещались в журнале «Русская мысль». Все с нетерпением ждали выхода очередной книжки, ждали, что-то скажет Шелгунов, блеснет ли снова светлый луч в темном царстве застоя и мещанства».

Для Владимира «Русская мысль» представляла особый интерес еще и потому, что в ней печатались некоторые его знакомые. Здесь, например, со статьями в защиту земской народной школы, женского высшего образования и против реакционных нововведений в гимназиях и университетах выступал муж двоюродной сестры М. Л. Песковский. Еще в Симбирске Ульяновы с пристальным вниманием и одобрением читали в этом журнале статью А. А. Красева, помощника Ильи Николаевича, «Что дает крестьянину начальная народная школа», в которой он неопровержимо доказал, что большинство крестьян предпочитают земскую школу церковноприходской.

Не могла не заинтересовать Владимира Ильича и попытка, предпринятая в первой книжке «Русской мысли», коснуться, насколько это позволяла цензура, последних волнений молодежи. Так, процитировав из катковского «Русского вестника» то место, где утверждается, что декабрьские студенческие «беспорядки» являются следствием «подстрекательства злонамеренных людей», обозреватель «Русской мысли» едко заметил: «Нет ничего легче, как сослаться «на подстрекательства», и человечество весьма к тому склонно еще со времен прародителей Адама и Евы. При этом почти всегда упускается из вида анализ тех явлений общественной жизни, при которых «подстрекательства» оказываются возможными и влиятельными».

Вместе с тем редакция «Русской мысли» не осмелилась раскрыть, что

именно она подразумевает под «общими условиями, неблагоприятными для правильного хода воспитания нашей молодежи», и ограничилась благими пожеланиями того, чтобы «отношение учебной администрации к студентам стало искреннее и сердечнее», чтобы профессора вновь получили возможность, как корпорация, постоянно и благотворно влиять на учащееся юношество».

Еще одним подписным изданием, которое Ульяновы получали в Кокушкине, была петербургская еженедельная газета «Неделя» с ежемесячным литературным приложением «Книжки Недели». Уместно напомнить, что в рукописном симбирском «Дневнике гимназиста» наряду с «Русской мыслью» рекомендовалось и это издание. В «Неделе» печатались С. Я. Надсон, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский и, что привлекало симбирян, Д. Д. Минаев. По заявлению самой редакции еженедельника, главнейшим принципом, которым она руководствовалась, было «убавлять зло, направляя все силы на подъем в русской жизни всего, что стремится к добру, к свету и правде». В условиях реакции второй половины 80-х годов «Неделя» превратилась в орган либерального народничества с характерной для него проповедью теории «малых дел» и толстовской философии непротивленчества. Однако в ней по-прежнему неплох был беллетристический отдел, печатались обличительные материалы, а также ценные статьи крупных педагогов, политэкономов, статистиков, других ученых.

При серьезной систематической умственной работе и время шло быстрее. Еще недавно казалось, что суровой и снежной зиме не будет конца. Но уже в марте прилетели грачи, ярко засветило солнце и наступила крутая, ранняя весна, а с нею возродились и все прелести пребывания в деревне. Бодрее стала себя чувствовать и Анна. Вспоминая эту пору пробуждения природы, она писала впоследствии: «Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...»

Это общение с природой обновляло физические и духовные силы. И Владимир и Анна испытывали потребность в дружеском общении с крестьянами. Интерес, сочувствие, добрые чувства к сельским труженикам шли от родителей, демократизм которых был неотъемлемой, органической частью существа каждого из них. Отдыхая здесь еще в безоблачную детскую пору, Владимир невольно наблюдал, как мать всегда охотно откликалась на все просьбы кокушкинских крестьян, бескорыстно оказывала им медицинскую помощь. Видел он, как внимателен к крестьянам был и отец и как любил он с ними беседовать на равных. Необходимость постоянного общения с крестьянами стала нормой жизни всей их семьи. У Александра и Анны в гимназические годы был даже постоянный любимый собеседник — охотник и рыбак из соседней деревни Карпей, которого за поэтический вид, колоритную речь, блиставшую остроумием и меткими сравнениями, Илья Николаевич называл «поэтом и философом». Этот глубокий демократизм был яркой чертой и Владимира. Его двоюродный брат Николай Веретенников потом вспоминал: «С самого раннего детства Володя был общителен с крестьянами; когда он приехал в ссылку, все крестьяне

тепло и хорошо относились к нему». Действительно, более дружеских отношений трудно себе представить: 10 апреля 1888 года Владимир (в день своего восемнадцатилетия!) и Ольга Ульяновы стали восприемниками девочки Агапии, родившейся в семье кокушкинского крестьянина Якима Георгиева. Будучи неверующим (но зная, что иначе при данных условиях он может быть непонятым), Владимир Ильич согласился поехать в церковь, находящуюся в другой деревне. Родители же новорожденной, со своей стороны, не побоялись пригласить в крестные ссыльного и его сестру.

Общение с крестьянами, знакомство с их жизнью и наивными мечтами о прирезке земельных наделов, о которых так много и зачастую так путано писалось в либеральной печати, — все это давало Владимиру обильную пищу для размышлений. Но чтобы сделать правильные выводы, понять значение аграрного вопроса в судьбе страны, предстояло проделать еще громадную теоретическую работу. Снова и снова перед ним встает вопрос о получении высшего образования, возможности работать в научных библиотеках, советоваться с единомышленниками. Если не примут ни в один из российских университетов, надо добиваться заграничного паспорта. Анна с волнением писала 20 апреля подруге в Петербург: «Очень беспокоит нас теперь судьба Володи, — отпустить его куда-нибудь маме будет, конечно, тяжело, а в деревне не удержать. Сергей Ал[ександрович] поедет за границу, — у меня была бы просьба к нему: не будет ли он так добр узнать кое-что о тамошней студенческой жизни (стоимость жизни, преимущество одного университета перед другим из тех, от которых он будет ближе и узнать о которых ему будет удобно). Я была бы ему очень благодарна.

Конечно, отпустить Володю туда беспокойно и страшно! Но как быть, если его никуда не примут или примут, выгонят через полгода, — учиться ему все-таки надо!

Разумнее бы, конечно, подождать года два, но это ему совсем не по характеру — скучает он без дела... Нынче Володя, вернувшись из города, сказал мне, что в Петербурге исключили недавно 40 человек, преимущественно юристов III и IV курса».

Не успел прийти ответ на это письмо из Петербурга, как Ольга, а затем и Владимир с матерью выехали в Казань, где в конце апреля — начале мая начались экзамены в музыкальной школе Орлова-Соколовского. Здесь, в городе, решено было добиться разрешения Владимиру продолжать учебу. Девятого мая 1888 года Владимир пишет на имя министра народного просвещения прошение о своем желании вновь поступить в Казанский университет. В тот же день Мария Александровна, понимая, что многое зависит от директора департамента полиции, посылает ему свое прошение об оказании «содействия», то есть, по существу, о том, чтобы он не препятствовал возвращению сына в университет.

В этот день, 9 мая, исполнился ровно год с того дня, когда Мария Александровна узнала о казни старшего сына в Шлиссельбургской крепости. И сколько новых невзгод, связанных уже с делами Анны и Владимира, пришлось ей пережить за это время.

С надеждой на лучшее будущее в мае вся семья Ульяновых собралась в Кокушкине.

ВЕРНОСТЬ УБЕЖДЕНИЯМ

С наступлением лета в Кокушкино приехали двоюродные братья Владимира, с которыми он и раньше здесь проводил каникулы, встречался в своем доме в Симбирске. Ближе всех ему был Николай Веретенников — почти сверстник, на 11 месяцев моложе его. Рос Николай без отца, который умер еще до его рождения. Но, как самый младший из восьми детей в семье, он был баловнем матери. Учился в гимназии средне, самообразованием и, главное, общественными вопросами глубоко не занимался, и поэтому для Владимира он был не более чем просто честным и добрым кузеном, гимназистом-старшеклассником.

В Казани, а может быть, и в Кокушкине Владимир виделся и со старшим братом Николаем Александром, который несколько лет назад преподавал в Симбирской гимназии латынь и греческий. Возможно, благодаря ему Владимир в младших классах одно время увлекался латынью, и как близкого родственника он часто видел двоюродного брата — учителя у себя дома. Но Александр Иванович еще в 1884 году возвратился в Казань, ибо страдал «параличом правой стороны тела вследствие мозгового кровотечения». Шло время, но последствия тяжелого недуга еще оставались, и теперь в свои 30 лет Александр Иванович Веретенников, преподаватель одной из казанских гимназий, выглядел пожилым человеком, к тому же душевно надломленным.

Более интересной личностью для Владимира был старший его на пять лет тезка — Владимир Веретенников, успешно завершивший после окончания физико-математического факультета Казанского университета кандидатскую диссертацию «О фигурах равновесия жидкости, свободной от действия тяжести». С ним было о чем побеседовать, ибо Владимир Иванович сотрудничал в статистическом бюро губернского земства и имел у себя его издания. А весной 1888 года в сборнике «Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении по сведениям, полученным от корреспондентов за 1887 год», была помещена обстоятельная статья и самого В. Веретенникова «Метеорология в применении к сельскому хозяйству».

В этом же сборнике в качестве корреспондента выступил и еще один двоюродный брат Владимира 25-летний Александр Александрович Ардашев, выпускник юридического факультета Казанского университета. Он дольше всех из своей семьи ежегодно находился в Кокушкине, где управлял всем «недвижимым имением». Но глубокий кризис, усугублявшийся частыми недородами, разорял не только крестьян, но и мелкопоместных помещиков, и у них не хватало хлеба от урожая до урожая. Зимой 1887/88 года мать Александра Ардашева была вынуждена заключить в Черемышевском волостном суде такую сделку: «Землевладелица деревни Кокушкино Л. А. Пономарева получает взаймы сроком до 20 октября 1888 года от помещика деревни Змиевой Г. В. Дыдыкина 160 пудов муки и 40 мер зерна».

Все двоюродные братья, несомненно, были людьми честными, но по своим политическим взглядам не шли дальше либеральных воззрений на злободневные вопросы общественной жизни. Однако любую просьбу Владимира и Анны достать и привезти понадобив-

шуюся им литературу или помочь в отправке корреспонденции они, конечно же, выполняли добросовестно. В каждый свой приезд в Кокушкино они привозили и последние городские новости.

Теперь в часы досуга в лице двоюродных братьев у Владимира Ильича появились товарищи для бесед, прогулок, игры в шахматы, бильярд, городки и купания. Даже старшие по возрасту нередко уступали ему в играх и, как подметила Анна Ильинична, «сильно паховали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи». Большую же часть дня, следуя своему правилу, Владимир занимался у себя в комнате, а в теплую погоду уходил на берег Ушни, где располагался под кустиками в тени.

Всех обитателей Кокушкина волновала трагическая судьба Анны Ивановны Веретенниковой, возвратившейся сюда безнадежно больной скоротечной чахоткой. Ей шел всего лишь 33-й год, но она давно завоевала репутацию одной из лучших русских женщин-врачей и тружениц науки, народной просветительницы и автора талантливых статей, опубликованных в центральной и поволжской печати. В свое время Илья Николаевич любил беседовать с Анной Ивановной о жизни крестьян и положении народной школы. Повзрослев, Анна, Александр, а затем и Владимир тоже с глубоким уважением относились к своей двоюродной сестре.

Врачи не смогли спасти свою коллегу. Она скончалась 26 июля на руках матери, недавно пережившей трагическую гибель сына (только что окончившего институт путей сообщения). Через день вместе с родными Владимир Ильич хоронил Анну Ивановну и глубоко скорбел о безвременной кончине общей любимицы. Эта утрата взволновала многих. 31 июля «Волжский вестник» откликнулся на смерть Веретенниковой весьма прочувствованным некрологом: «Анна Ивановна, живя в Казани, обладала значительной практикой среди беднейшего населения города Казани. Она не только лечила всех бедняков бесплатно, но, не обладая средствами, сама помогала им и материально. Очень часто она, сама больная, отдавала себя всю, свои средства и свои знания, на пользу бедных. Не ожидая оплаты своего труда, она нередко бывала просто сиделкой при больной. Тесными узами соединялась она с больными; следя от начала до конца за ходом болезни своей пациентки, она не оставляла последнюю и по ее выздоровлению; она заботилась не только о больных, но и о здоровых. Будучи по своей специальности окулистой, она, однако, не ограничивала сферы своей врачебной деятельности; бедняк не разбирал, что лечит добрый доктор, и шел к нему со всякими болезнями... не скоро забудет Анну Ивановну и бедное население г. Казани, которое она лечила, учила грамоте; не скоро забудут ее и те все, с которыми ей пришлось сталкиваться».

Само по себе жизненное подвижничество Анны Ивановны уже являлось впечатляющим примером служения народу. Несомненно, Владимир запомнил многое из того, что Анна Ивановна доверительно рассказывала родным и близким: о своей приятельнице, идейной учительнице, которая не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, за что подверглась, к общему горю всей деревни, допросу и аресту, о том, как однажды сама была арестована по подозрению в

пропаганде среди крестьян и как ей было отказано в защите докторской диссертации только потому, что она женщина. Владимир, не раз читавший статьи двоюродной сестры, в которых она защищала женские врачебные курсы, народную школу и критиковала чиновников-бюрократов, крепостников и сельских мироедов, теперь с гордостью отметил, что «Русское богатство», «Исторический вестник» и «Волжский вестник» тепло почтили память Веретенниковой как талантливую окулисту и хирурга, сельского врача, общественного деятеля и публициста.

Только на исходе лета смогла приехать из Петербурга в Кокушкино родная сестра Анны Ивановны Екатерина Ивановна Песковская, урожденная Веретенникова — поклониться дорогой могиле и навестить родных. Екатерина Ивановна была особенно близка Ульяновым. Еще в Симбирске она работала учительницей в женском приходском училище под непосредственным наблюдением Ильи Николаевича и часто бывала в доме Ульяновых на Московской улице. А в 1883 году Анна Ульянова и Екатерина Веретенникова вместе поступили на Бестужевские курсы в Петербурге. Там же Екатерина Ивановна вышла замуж за довольно известного прогрессивного публициста Матвея Леонтьевича Песковского, и в их квартире часто бывали Александр и Анна. Когда их арестовали, то М. Песковский настойчиво добивался того, чтобы родственников выдали ему на поруки. И только после того, как выяснилось, что это невозможно, Екатерина Ивановна сообщила о случившемся Марии Александровне в Симбирск. Песковские чем могли помогали ей в хлопотах за детей, а после трагической гибели Александра добились досрочного освобождения Анны из тюрьмы, и она с матерью прожила несколько дней у них до отправления в ссылку.

Приезд двоюродной сестры стал желанным событием для Анны и Владимира. Воспоминания, приятные и горькие, письма от подруг Анны, петербургские новости — все это внесло живую струю в размеренное течение кокушкинской жизни.

Незадолго до кончины Анны Ивановны полиция вручила Владимиру Ильичу ответ на его прошение: «Г. Министр изволил изложенное ходатайство отклонить». Так, без всяких объяснений, в министерстве народного просвещения зачеркнули надежды на продолжение образования. Впрочем, этого следовало ожидать. И дело здесь не только в том, что чиновники припомнили Ульянову сходку. Инспектор Потапов, как мы знаем, считал его «вполне способным к различного рода противозаконным и преступным демонстрациям». Попечитель учебного округа, сообщая в министерство о своем полном согласии с мнением Потапова о невозможности обратного приема Владимира Ульянова в Казанский университет, счел нужным приписать: «Проситель — родной брат Ульянова, подвергнутого смертной казни за участие в политическом преступлении... при выдающихся способностях и весьма хороших сведениях, он ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадежным признан пока быть не может».

После получения Владимиром Ильичем удручающего отказа из министерства народного просвещения 15 июля Мария Александровна направила директору департамента полиции П. Н. Дурново, который все еще молчал, новое, более краткое, но настойчивое прошение: «Желая по различным семейным обстоятельствам, чтобы сын мой Владимир

имел возможность окончить свое образование, находясь при мне, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить ему поступление в Казанский университет».

На этот раз довольно быстро — 12 августа — П. Н. Дурново сообщил Марии Александровне, что «принятие сына ее Владимира Ильича Ульянова обратно в Казанский университет представляется, по мнению департамента, преждевременным». Не разрешая Владимиру обратное поступление в университет, правительство тут же «позаботилось» и о том, чтобы лишить его возможности поступления на службу: 19 августа кабинет министров включил В. И. Ульянова в список лиц, коим «негласно закрыт доступ» на службу в любом государственном учреждении России...

Обстановка для Владимира складывалась крайне неблагоприятная. Но отказы из Петербурга не обескуражили Ульяновых, ни на йоту не поколебали их решимости довести начатое дело до конца. Узнав, что 26 августа в Казань прибыл министр народного просвещения И. Д. Делянов, Мария Александровна добилась приема и 31 августа лично вручила ему новое прошение, в котором с болью писала: «...Сын единственная опора моей старости и трех меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по М-тву народного образования...

Если... найдете неудобным позволить сыну моему Владимиру поступить вновь в Казанский университет, то разрешите ему поступление в один из Российских университетов: Московский, Киевский, Харьковский или Дерптский». Какая самоотверженность матери видна между строками этого прошения! Ведь в такое трудное время, когда старшая дочь томится в ссылке, Ольга и Дмитрий учатся в Казани, невзирая на опасения за судьбу Владимира, готова отпустить его в один из далеких и незнакомых городов, согласна жить на три семьи и метаться из одного края империи в другой.

Обращаясь к министру, Мария Александровна не обольщала себя особыми надеждами. И Делянов наложил на прошение Марии Александровны резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова».

Министр явно мстил Ульяновым за то, что в их прошениях не было раскаяния или хотя бы сожаления об участии Владимира в сходке. Ведь, например, по-холопски раскаявшегося Николая Алексеева Делянов еще в январе 1888 года разрешил принять в Казанский университет. Но от Ульяновых раскаяния так и не дождались. Владимир Ильич, отчаявшись получить право на возвращение в какой-либо российский университет, конечно с согласия матери, 6 сентября послал принципиально новое по содержанию прошение на имя министра внутренних дел: «Для добывания средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельную потребность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет». Разумеется, и это прошение было отклонено. Однако настойчивые усилия Ульяновых и других жертв реакции сыграли определенную роль. К осени 1888 года департамент полиции был вынужден издать циркуляр, разрешавший исключенным студентам вер-

нуться в университетские города, если там живут их родственники.

Первой приехала в Казань Мария Александровна с младшими детьми. На этот раз остановились было на квартире в доме Апехтиной на Грузинской улице, но в первый же день выяснилось, что она непригодна для жилья зимой. Ольга 2 сентября 1888 года сообщала Александре Щербо: «Пишу тебе это письмо «на досуге», сидя в пустой квартире, где нет никого и ничего кроме стола и стульев, принесенных дворником. Мы с мамой обошли всю Казань, остановились было на этой квартире, да оказалось, что она сырая, и мы на ней не останемся. Беда с этими квартирами!.. Сейчас вернулась мама — наняла квартиру: Первая гора, д. Орлова. Пришли мне письмо на новоселье: мы еще через два дня будем переезжать». А неделю спустя добавила подробности: «Квартира большая, светлая, только что отделанная; при ней порядочный садик — да только втроем (мы пока только трое в Казани) в ней довольно пусто и скучно». Однако в полном смысле слова скучать не приходилось: Ольга занималась в музыкальной школе, а Дмитрий учился в 4-м классе 1-й казанской классической гимназии.

В то время как родные в Казани осваивали новое жилье, в Кокушкино приехал из Самары Марк Тимофеевич Елизаров — один из самых желанных и преданных друзей семьи Ульяновых. В годы учения в Петербургском университете Марк Тимофеевич познакомился с Александром и Анной, вместе с ними принимал активное участие в симбирско-самарском землячестве, а потом и в Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года. После ареста Александра Ильича по делу 1 марта 1887 года в его записной книжке жандармы нашли фамилию Елизарова, и Марк Тимофеевич попал за близкие отношения с Ульяновым за решетку. Вскоре, правда, он был выпущен на свободу, но тут же выслан на родину, в деревню Бестужевку Самарской губернии. Трудной для Ульяновых весной 1887 года Марк Тимофеевич, как жених Анны Ильиничны, просил телеграммой директора департамента полиции назначить для невесты местом ссылки не Сибирь, а Симбирскую или Самарскую губернию. Этого же добивалась тогда и Мария Александровна.

Почти год Марк Тимофеевич жил у своего брата — крестьянина и какое-то время учительствовал в народной школе. Много занимался самообразованием, добивался разрешения жить в губернском городе, с тем чтобы устроиться там на службу в каком-нибудь учреждении. Но только летом 1888 года он получил право на проживание в городе и скромную, по существу писарскую, должность помощника секретаря Самарского ми-

1. Резолюция министерства народного просвещения с отказом в просьбе В. Ульянова возобновить занятия в Казанском университете.
2. Прошение В. Ульянова министру народного просвещения о разрешении держать экзамены экстерном при каком-либо высшем учебном заведении. ▶

Письмо к...

Ваше письмо от 15-го числа получено и прочтено. В нем вы излагаете свои мысли о состоянии дел в России и о необходимости реформ. Мы разделяем ваши взгляды и считаем, что реформы необходимы. Мы постараемся сделать все возможное, чтобы помочь вам в ваших начинаниях.

Ваш преданный друг
А. С. Пушкин

Ваш преданный друг
А. С. Пушкин

Ваше письмо от 15-го числа получено и прочтено. В нем вы излагаете свои мысли о состоянии дел в России и о необходимости реформ. Мы разделяем ваши взгляды и считаем, что реформы необходимы. Мы постараемся сделать все возможное, чтобы помочь вам в ваших начинаниях.

К. Д. Бекетов
1882 г.
Канцелярия
Министерства
Внутренних
Дел

Министерство
Внутренних
Дел
Канцелярия

1882 г.

рового съезда, дававшую ему хоть какой-то заработок. Теперь-то наконец Марк Тимофеевич смог съездить в Кокушкино, навестить любимую девушку и ее родных.

Владимир много слышал о Марке Тимофеевиче и знал, что брат Александр очень уважал этого незаурядного человека, выходца из простой крестьянской семьи, за его кристальную честность, демократизм, уравновешенность характера, жизнерадостность и вместе с тем большую общественную активность, за глубокое знание положения современной деревни. Понятно, что Владимир Ильич, уже проявлявший живой интерес к судьбам крестьянской общины, обменивался с Марком Тимофеевичем своими наблюдениями. В ходе бесед, очевидно, затрагивалось положение политических поднадзорных в Самаре, с которыми общался Марк Тимофеевич. Это товарищ Александра И. Н. Чеботарев, исключенный вместе с Владимиром студент-медик Викентий Савицкий и другие участники сходки 4 декабря 1887 года.

Во время пребывания Марка Тимофеевича в Кокушкине, конечно, обсуждался вопрос о предстоящем его браке с Анной. Для вступления в брак Анна Ильинична, как поднадзорная, должна была получить разрешение губернатора. Кроме того, предстояло добиться права на ее переезд в Самарскую губернию. Самой же трудной задачей оставалось возобновление Владимиром учебы в университете. Для решения всех этих проблем требовалось несколько месяцев.

Не исключено, что Владимир Ильич во время бесед с Марком Тимофеевичем поделился с ним сокровенным: о намерении послать в Астрахань письмо Н. Г. Чернышевскому. Ведь именно в эти сентябрьские дни Владимир, горячо восхищавшийся той непримиримостью и достоинством, с каким великий революционер переносил «свою неслыханно тяжелую судьбу», послал ему письмо в астраханскую ссылку. Опускать его в почтовый ящик было опасно во многих отношениях, и можно полагать, что Владимир попросил Марка Тимофеевича взять письмо и из Самары переправить его в Астрахань.

Содержание и судьба письма Владимира Ильича неизвестны. Однако несомненно, что он выразил чувства своего глубочайшего уважения к Николаю Гавриловичу как к человеку, мыслителю и писателю. На свое письмо он ответа не получил и был очень огорчен этим. Может быть, оно не дошло до Чернышевского? А может быть и дошло, но Николай Гаврилович был настолько осторожен, что не захотел усугублять своей перепиской и без того тяжелое положение брата казненного революционера...

В середине сентября Владимир с понятным волнением покинул место своей ссылки. Радость возвращения в город омрачалась тем, что Анна пока еще оставалась в Кокушкине. Правда, не одна, а с Маняшей. К счастью, уже в начале октября стало известно, что ходатайства Марии Александровны о разрешении старшей дочери (на основании врачебного свидетельства) приехать в город для лечения увенчались успехом: департамент полиции через губернатора сообщил об удовлетворении прошения матери. 12 октября Анна с Маняшей были уже вместе с родными. Анна 15-го числа делится этой приятной новостью с петербургской подругой: «...Я в Казани, куда меня пустили на 4 месяца лечиться от нервной болезни. Очень приятно, что зиму мож-

но провести вместе... наслаждаюсь теплом, чистотой и уютностью после нашего деревенского помещения. Я чувствую себя гораздо бодрее эту осень, чем раньше».

Примечательна нотка сожаления, высказанная в этом письме по поводу отъезда из Кокушкина: «В деревне увлеклась было одним делом, но начать его не привелось: выучилась у проходившей кружевницы плести кружева с целью обучить этому деревенских девушек, чтобы они могли зарабатывать что-нибудь в зимние месяцы, — но вот уехала...» Эти строки еще раз убеждают нас, что Ульяновы поддерживали дружеские отношения с крестьянами, а те, в свою очередь, не чурались ссыльных.

Ссылка не сломила ни Анну, ни Владимира. Они остались верны своим убеждениям, сохранили завидную работоспособность, целеустремленность, глубокий интерес к жизни, стремление подготовить себя к борьбе за ее коренное переустройство.

СЛОВА В КАЗАНИ

Квартира, которую мать сняла у жены чиновника Е. И. Орловой, находилась на знакомой уже Первой горе (Ульяновых, д. 58. Ныне — Дом-музей В. И. Ленина), в четырехстах метрах от дома Ростовой, в котором они квартировали на первых порах по приезде в Казань и где продолжали жить родственники Ардашевы. Новая квартира была примерно на таком же расстоянии и от дома Соловьевой, из которого Владимира увезли в полицейскую часть в памятную ночь на 5 декабря.

Хозяйка была предприимчивой женщиной. Сама жила в одноэтажном доме с окнами на улицу, а остальные три своих дома сдавала. С Ульяновых за квартиру с водой и дровами она получала около 40 рублей в месяц. Для Ульяновых это были большие деньги. Флигель, где они поселились, находился в глубине двора, метрах в двадцати от улицы, почти на краю большого оврага. Однако это жилье имело для Владимира свои достоинства: относительная тишина — сюда меньше проникал уличный шум — и сад, откуда по крутой лестнице можно было сойти на Овражную улицу, а по ней — в торговую часть города.

Владимир выбрал себе одну из кухонь, находившихся на нижнем этаже. И не случайно: она имела черный ход, была уединеннее и удобнее для серьезных занятий, чем комнаты верхнего этажа. Обстановка и здесь у него была скромной и рабочей. Железная, покрытая простеньким одеялом кровать. Над изголовьем — книжные полки. Возле единственного окна — столик. На нем керосиновая лампа, песочница вместо промокашки, перочистка и большая стеклянная чернильница, которой пользовался в Кокушкине еще дед, Александр Дмитриевич. В правой стороне комнаты — печка с лежанкой.

На второй этаж вела узкая крутая лестница. Там было четыре комнаты. В одной разместились мать с Ольгой и Маняшей, в соседней — Анна, в конце коридора — комнатка Дмитрия. Лучшая из всех служила одновременно гостиной и столовой, где трижды в день все соби-

рались за обеденным столом. Здесь же младшие дети готовили уроки, взрослые читали вслух, обсуждали журнальные новинки. Вновь зазвучал рояль, привезенный из Симбирска.

Владимир Ильич еще не потерял надежды получить юридическое образование и, очевидно, встречался с земляками-сокурсниками, учившимися уже второй год. У кого, как не у А. Писарева, В. Разумова, М. Забусова и В. Андреева, удобнее всего можно было выяснить учебные программы, просмотреть их конспекты, а в случае необходимости получить на время и специальную литературу? На первый курс вернулись принимавшие участие в сходке Ф. Стратонов и К. Глядков. Но обошлось им это дорого — ценой покаяния. Глядков, например, в прошении на имя министра народного просвещения просил Делянова обратить «милостивое внимание» на свое «искреннее раскаяние» в «необдуманном поступке» и не заставлять «из-за одного легкомысленного шага отказаться от заветного желания получить университетское образование». Владимиру было чуждо отступление от своих убеждений: он нигде и ни разу не выразил своего раскаяния. И ему этого не прощали. В ответ на прошение от 6 сентября о разрешении выехать за границу для поступления там в университет департамент полиции через губернатора уведомил Владимира Ульянова, что «находит выезд его за границу преждевременным».

Владимир старался не терять оптимизма, но очень уж невеселые складывались обстоятельства: доступ в российские университеты по-прежнему закрыт, за границу не пускают, а слежка продолжается. Старшая сестра с огорчением сообщила подруге: «Брат тоскует как-то вследствие своих неудач (его и за границу не пустили и вообще косятся очень на бедняжку, раздувают все страх как). Не знаю, что будет, — но я, впрочем, отучаю себя теперь смотреть в будущее: довольно настоящих забот... Продолжаю изучение итальянского языка... но все это накопление знаний, а прилагать их хочется».

Тосковала по настоящему делу и Ольга, но, как и у старшей сестры, у нее было немало будничных забот: помогала Маняше готовиться к поступлению в гимназию, продолжала заниматься в музыкальной школе, хотя и не собиралась заканчивать в ней полный курс. Подруге она писала: «Да, конечно, музыка чудная, прекрасная вещь, источник чистых наслаждений... Только помнишь ты, Саша, что мы перед моим отъездом из Симбирска (в 1887 г. — Ж. Т.) говорили о музыке, и я тогда сказала, что мне кажется, как-то совестно отдаться музыке, если можешь приносить какую-нибудь более существенную пользу. Ты тогда со мной вполне согласилась и, конечно, и теперь скажешь то же самое. Разумеется, это по отношению к обыкновенным смертным, а не к Моцартам или Бетховенам». Поэтому сразу же по приезде в Казань Ольга нашла частный урок — стала готовить одиннадцатилетнюю девочку к вступительным экзаменам в гимназию.

Но чем бы Ольга ни занималась, она ни на один день не оставляла вдумчивой работы над книгой. О серьезности ее вкуса видно из письма к А. Щербо от 28 декабря 1888 года: «Не читала ли ты «Пошехонской старины» в «Вестнике Европы»? Если нет, то прочитай: мне очень нравится». Ольга не поясняет, почему именно ей понравилось это новое произведение Салтыкова-Щедрина; учитывая, что журнальные новинки Ульяновы читали обычно дома вслух, а потом и обсуж-

дали их, надо полагать, что Ольга, как и вся семья, всем сердцем приняла антикрепостническую направленность произведения.

Главным поставщиком книг и журналов для домашнего чтения был Владимир, который доставал их в библиотеках и у знакомых. Он давно сменил форменную студенческую одежду (она достанется по наследству Дмитрию) на штатскую: скромное драповое пальто без ватной подкладки, темный пиджак с жилеткой и белую рубашку «фантазию» с мягким отложным воротничком, повязанным вместо галстука шнурком с кисточкой. С наступлением холодов — а они в ту зиму выдались на редкость лютыми (даже занятия в школах и гимназиях прекратились на две недели раньше рождественских каникул) — пальто он заменил шубой с темно-зеленым верхом; на голове носил связанную и сваленную матерью из шерсти шапочку. В таком виде он не бросался в глаза. А «негласный надзор полиции без срока» за ним велся. В октябрьском за 1888 год «Списке лиц, состоящих под надзором полиции» указывалась и причина: «вредное направление». Жандармы в донесении своему столичному шефу от 3 ноября отмечали: «проживает в квартире матери своей без определенных занятий». Но хранители «порядка» ошибались. Владимир Ильич продолжал много заниматься самообразованием по составленной им самим вполне определенной программе.

В часы досуга он с увлечением учил брата овладевать искусством шахматной игры. Владимир доставал заветные шахматы, с которыми было связано столько воспоминаний: этими фигурами отец учил играть его, на этой доске разворачивались горячие баталии с Сашей. Пользовались они с Митей теперь тем же учебником шахматной игры, по которому с Сашей в Симбирске разбирали образцовые партии.

Вспоминая ту зиму, Дмитрий Ильич писал: «Однажды... Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя на доску»... никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками», авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах». Иногда к Владимиру приходил двоюродный брат Александр Ардашев — партнер по шахматам еще Ильи Николаевича и Саши, и тогда-то происходило настоящее сражение. Ардашев уже давно закончил университет и имел в городе немало знакомых. Вместе с ним Владимир стал ходить в шахматный клуб, помещавшийся на Воскресенской улице.

В эту зиму Марк Тимофеевич — большой любитель мудрой игры — организовал партию по переписке между Владимиром и сильнейшим самарским шахматистом А. Н. Хардиным, который считался одним из лучших мастеров России. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. Владимир партию проиграл, но приобрел в лице Хардина знакомого, которым можно было гордиться: присяжный поверенный (адвокат) А. Н. Хардин был известен как один из самых демократически настроенных земцев страны. Письма Хардина доставляли Владимиру удовлетворение еще и потому, что они являлись своего рода демонстрацией гражданской смелости видного юриста, поддерживающего знакомство с братом Александра Ульянова. Замечу, что среди знакомых Ольги и Анны тоже нашлись порядочные люди,

которые более или менее регулярно писали им в Кокушкино и Казань.

Ольге, кроме Александры Щербо, слали свои задушевные послания Варвара Половцева, Нина Супротивная и некоторые другие подруги.

Если охранка и просматривала эту корреспонденцию, то ничего явно «политического» в ней не находила. Благодаря же письмам Ольга, да и все ее родные были в курсе симбирских событий и жизни некоторых знакомых. Любителей по долгу службы просматривать чужие письма больше, конечно, интересовала переписка Анны. А ей, кроме супругов Дьяконовых, из Петербурга писала Лидия Винберг, а приветы передавала Лидия Шевырева — родная сестра казенного вместе с Александром Петра Шевырева.

Владимир после того, как старшая сестра убедила его не посылать письма Б. Фармаковскому с откровенным рассказом о сходке, вряд ли с кем вел переписку, кроме М. Т. Елизарова и, может быть, И. Н. Чеботарева — друга Александра, проживавшего тоже в Самаре. Вести активную переписку не приходилось еще и потому, что большая часть знакомых по гимназии была рядом, в Казани. Возможно, история с письмом окончательно убедила молодого Владимира Ульянова, что без соблюдения строжайшей конспирации в России немыслима серьезная революционная работа. По-прежнему в этом деле примером являлся Саша. Ведь хватило же у него выдержки, чтобы в последнее каникулярное лето в Симбирске вести себя так, будто его, кроме изучения кольчатых червей, ничего более не интересует.

А полиция продолжала беспокоить Анну. В конце ноября полицейский чиновник явился в квартиру Ульяновых. Дело в том, что привлекаемый в качестве обвиняемого Петербургским губернским жандармским управлением фельдшер А. В. Богоявленский исчез. Разыскивая беглеца, жандармы сообщили казанскому губернатору, что он известен «состоящей под надзором полиции Анне Ильиной Ульяновой...». Губернатор поручил полицмейстеру допросить ссыльную, а она, как это видно из донесения от 2 декабря, о личности Богоявленского и его месте жительства «отозвалась неизвестностью». Инцидент этот не имел каких-либо последствий для Анны, но визит полицейского чиновника встревожил всю семью.

Этот очередной допрос вызвал и у Владимира тревожные раздумья. Ведь сравнительно недавно Анну возили из Кокушкина в Казань по поводу Воеводина. Теперь сбежал Богоявленский. А завтра — кто? Неужели каждое знакомство с любым другим политически «неблагонадежным» и впредь будет поводом для бесцеремонного вторжения полиции в их дом? Неужели жандармы всерьез думают, что изолированная более двадцати месяцев поднадзорная может у них под носом скрывать сбежавшего несколько недель назад Богоявленского? И разве она сказала бы о нем что-нибудь компрометирующее или наводящее на его след, если бы и знала? Ведь они уже не раз имели возможность убедиться в ее умении «держат язык за зубами». Все это, безусловно, понимают — и власти, и «блустители порядка» — и все-таки не дают им покоя своими оскорбительными визитами, вызывая новый

поток слухов, подвергая и так страдающих людей этой изощренной форме издевательства.

А опасаться повторений полицейских налетов теперь можно было и не только в связи с «подозрительными» знакомствами Анны. Думать так у Владимира были все основания. В Казани находились его товарищи, причастные к революционному подполью. Они в любую минуту могли «влететь» и дать повод жандармам нагряться в его дом. Владимир не имел права сбрасывать со счетов такую вероятность и, не желая быть виновником новых душевных травм самого дорогого для него человека, в первое время жизни в Казани, по словам старшей сестры, вел себя «довольно осторожно». Она же и поясняет почему: «...из внимания к матери». Внимание к матери — это то самое большее и самое необходимое, что он мог ей дать и в чем сам чувствовал потребность.

Огромным авторитетом и любовью мать пользовалась у Владимира всегда. Теперь же он особенно чутко прислушивался к ее словам. Анне Ильиничне запомнился характерный эпизод казанской поры. Владимир начал «покуривать». Мать, опасаясь за его здоровье, стала убеждать бросить курение. «Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, — писала Анна Ильинична, — она указала ему, что и лишних затрат — хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) — он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же — и навсегда — бросил курить». Довод о расходах, как сама потом призналась Мария Александровна, был приведен в качестве «последней зацепки».

Как ни трудно было Ульяновым сводить концы с концами, мать не только не жалела, но, наоборот, радовалась, когда Владимир шел с Ольгой или Дмитрием в театр послушать оперу. Дмитрию врезалось в память одно из таких посещений. Ставили «Дочь кардинала» французского композитора Ж.-Ф. Галеви. Места их были высоко на галерке. Из театра возвращались пешком, поужинали молоком и хлебом. Владимир находился в чрезвычайно приподнятом настроении. Под впечатлением музыки и блестящего исполнения арий Елиазара Ю. В. Закржевским, который, по мнению казанских критиков, «по силе игры и экспрессии едва ли имел в этой роли солидного соперника», он еще долго находился в этом праздничном состоянии духа и тихо, так как все в доме уже спали, припоминал места из арий главного героя. Постановка настолько запомнилась, что, когда в Мюнхене ему вновь довелось встречаться с этой же оперой Галеви, Ленин написал матери: «...Я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский), лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти».

Этой же зимой Владимир вместе с Ольгой слушал и оперу «Фауст» Ш. Гуно. Больше всего ему понравилась ария Валентина «Бог всемогущий, бог любви...», и дома он тоже ее потом напевал. Особенно хорошо выходило то место, в которое он невольно вкладывал частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

Дмитрия удивляла смена настроений у брата в ту пору: «...то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие фразы, углубленный в решение какой-то трудной, важной задачи».

ИЗУЧАЯ «КАПИТАЛ» К. МАРКСА

Возвращение в Казань для Владимира Ильича было не столько возвращением к городской цивилизации, сколько вновь открывшейся возможностью жизненно необходимого ему общения с демократической молодежью и участниками революционного движения. Соблюдая осторожность, которую никогда не отождествлял с трусостью, Владимир прежде всего восстанавливает связи по симбирско-самарскому землячеству и кружку «вредного направления».

Одним из легальных каналов поддержания отношений между «декабристами 1887 года» были редакции «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых сотрудничали старые знакомые Владимира Ильича А. Коринфский, Л. Троицкий, К. Сараханов. Кстати, последний из них вполне мог рассказать о забавном эпизоде, происшедшем в годовщину сходки. Д. Матвеев, Е. Чириков и еще несколько человек, собравшихся в Царицыне, вечером 4 декабря с телеграфной станции «Нобель», воспользовавшись отсутствием телеграфиста, отстучали такую вызывающую по смелости телеграмму: «Казань, Биржевой листок. Сараханову. Поздравляем с годовщиной, пьем за товарищей и общее дело».

Но Владимира не могли удовлетворить только старые связи, тем более что многие из революционно настроенных товарищей были вынуждены покинуть Казань. Естественно, что он ищет и налаживает новые знакомства среди местного подполья. Учитывая особое поднадзорное положение своей семьи и не желая подвергать родных опасности, Владимир почти не приводил знакомых домой, а уходил обычно на другие квартиры, где они собирались. Из фамилий, которые он упоминал в рассказах об этих встречах, Анне Ильиничне запомнились две: Марии Павловны Четверговой (урожденной Орловой), «пожилой народоволки», о которой брат, по ее словам, отзывался «с большой симпатией», и бывшего студента — автора знакомой нам уже «Оды русскому царю» Евгения Чирикова, одного из руководителей сходки.

Марии Павловне, вдове штабс-капитана, в то время было около 45 лет. Она имела богатый опыт нелегальной деятельности. Еще в начале 70-х годов вместе с Верой Фигнер ездила в Швейцарию с революционными целями. В 1875 году привлекалась к дознанию в Москве по обвинению в «пропаганде среди народа», а потом находилась под надзором полиции в Вятской губернии. С 1881 года Четвергова

проживала в Казани, где, по сведениям жандармов, «постоянно враждалась в кругу лиц политически скомпрометированных». Мария Павловна благодаря большому самообладанию и выдержанному характеру была искусным конспиратором и годами водила «за нос» полицию. И в то же время она сплотила вокруг себя интеллигенцию и учащуюся молодежь. «Влияние ее в таких кружках, — вспоминал современник, — было громадно. В ее присутствии было как-то неловко говорить о пустяках... Разговоры с ее приходом переходили на литературные и политические злобы дня».

Как познакомился Владимир Ильич с Четверговой? Скорее всего через ее брата Сергея Павловича Орлова — своего университетского преподавателя английского языка, который был весьма незаурядной личностью, глубоко увлекался философией. Нельзя не учитывать и того факта, что другой брат Четверговой, Семен Павлович, работал в 1883—1884 годах учителем истории и географии в народном училище, подведомственном И. Н. Ульянову.

Активным участником разговоров на «литературные и политические злобы» был двадцатипятилетний Евгений Николаевич Чириков. Он представлял собой одну из самых колоритных фигур, которые встречались Владимиру Ильичу в студенческую пору. Чириков был сыном отставного подпоручика из обедневших дворян Симбирской губернии, совсем не имевших земельных угодий. Родился он в Казани, здесь же окончил гимназию и стал сначала студентом юридического, а потом физико-математического факультета.

Евгений Чириков много занимался самообразованием и уже на студенческой скамье слыл за подающего надежды поэта, публициста и писателя-реалиста. В деятельности землячеств, в том числе и симбирского, принимал активное участие. Был одним из зачинщиков сходки 4 декабря и даже председательствовал на ней. Владимир вместе с ним был исключен из университета и находился в пересыльной тюрьме. После освобождения Чирикова выслали в Нижний Новгород. Оттуда он пытался поступить в Ярославский юридический лицей, но его не приняли, и вот с конца 1888 года он появился в Казани. Принимая участие в революционном движении, Чириков сочувствовал то народолюбцам, то марксизму.

Бывая у М. П. Четверговой, Владимир встречал там популярного в Казани литературного обозревателя «Волжского вестника» Александру Петровну Подосену. Свои обзоры столичных журналов, анализ творчества Г. И. Успенского, Н. Г. Помяловского, Н. В. Шелгунова, В. М. Гаршина и других прогрессивных писателей Подосенова строила так, чтобы побудить читателя глубже задуматься над окружающей действительностью. Но особый интерес для Владимира Ильича имели те заметки Подосеновой, в которых она советовала читателям познакомиться со статьей Н. Г. Чернышевского «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», появившейся под псевдонимом «Старый трансформист» в сентябрьской книжке «Русской мысли» за 1888 год.

Огромный интерес вызывали рассказы Подосеновой о материалах, которые цензура не пропустила к публикации. Например, статья «Горький упрек» Глеба Успенского, появившаяся в связи с публикацией в десятой книжке «Юридического вестника» за 1888 год письма К. Маркса. Это был ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом

г. Жуковского». Глеб Успенский был далек от подлинного понимания теории научного социализма, но письмо Маркса привлекло его глубиной анализа русской действительности и критикой взглядов Н. Михайловского и других идеологов народничества. Подосенова могла дословно передать слова заведующего редакцией «Волжского вестника» В. Н. Поляка (за которого она вышла замуж) из его письма к Глебу Успенскому: «Ваша статья «Горький упрек»... ходит здесь по рукам. Меня просят спросить Вас, — не позволите ли ее списать в нескольких экземплярах, так как желающих прочесть ее — масса». Безусловно, Владимир был в числе первых в этой «массе»; кто-кто, а он-то уж проштудировал нашумевшее письмо К. Маркса в «Юридическом вестнике» и с интересом следил за развернувшейся вокруг него полемикой. В это время в подпольных кружках Казани получают распространение «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. Идеи научного социализма стали настолько популярны в городе, что даже некоторые народники называли себя марксистами. С. И. Мицкевич вспоминал: «Все они неправильно понимали Маркса: одни признавали его экономическое учение, но не признавали историко-философских выводов из него; другие признавали и то и другое, но с эклектическими «поправками», совершенно извращавшими его учение; третьи готовы были целиком признавать его учение, но только для Западной Европы и Америки, а для России считали его неприложимым; четвертые признавали его приложимым и для России, но... только через некоторое время: дайте нам сначала пошатнуть самодержавие посредством террора, добиться от него хотя бы куцей конституции, а там, пожалуйста, ведите пропаганду среди рабочих, организуйте их в социал-демократическую партию».

Казань не зря считалась «гнездом» народничества: народническая идеология была господствующей среди интеллигенции, радикального студенчества, курсисток и гимназистов-старшеклассников, и в кружках происходили яростные дискуссии между сторонниками отживающего «русского социализма» и приверженцами марксистских и социал-демократических идей. На одной из таких многолюдных сходов, где вслух читались плехановские «Наши разногласия», присутствовал и пекарь Алексей Пешков. Если будущему автору «Моих университетов» нравились острые и задорные слова, которые легко и просто укладывались в убедительные мысли, то у некоторых присутствующих аргументация Георгия Плеханова вызывала возгласы возмущения:

- «— Ренегат!
- Медь звенящая!
- Это плевок в кровь, пролитую героями.
- После казни Генералова, Ульянова...»

Насколько позволяли цензурные условия, отзвуки этой полемики проникали на страницы легальной печати. Из местных авторов наибольшей известностью пользовался земский статистик П. Н. Скворцов, считавшийся «легальным марксистом». В своих статьях в «Юридическом вестнике» он указывал на факты, свидетельствующие о росте русского капитализма, проникновении его в сельское хозяйство. Кроме того, П. Скворцов выступал перед учащейся молодежью с критическим обзором книги В. В. «Судьбы капитализма в России». Но, наверное, еще в Казани Владимир заметил склонность П. Скворцова «к простому списы-

ванию Маркса». И уж никак нельзя было согласиться с утверждением П. Скворцова, будто «чем меньше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дороже они ее получили бы, тем быстрее шло бы развитие капитализма в России».

Надо полагать, что внимание Владимира Ильича привлекали те статьи и очерки казанских газет, в которых приводились конкретные материалы о бедственном положении рабочих и крестьян, о разложении крестьянской общины, неудачах переселенческого движения, рабочем движении в России и на Западе. Наиболее заметными среди этих статей были: «Наше крупное хозяйство» Н. Мамадышского, «Община и наделы в Волжско-Камском крае» Н. Н., «Фабрично-заводская промышленность Казани в прошлом 1887 году», «Ижевский завод» Н. Никифорова. С пристальным вниманием Владимир Ильич следил за теми публикациями «Волжского вестника» и «Казанского биржевого листка», в которых освещались случаи неповиновения крестьян начальству. Не мог он не заинтересоваться шумевшим процессом над 46 крестьянами-чувашиями из деревни Старые Урмары Цивильского уезда Казанской губернии, оказавшими сопротивление властям при разделе общинной земли.

Сообщение о предстоящем заседании военно-окружного суда по этому делу появилось 19 августа 1888 года в «Волжском вестнике». 7 сентября газета подчеркнула: «Зал суда переполнен публикой». Интерес к процессу подогревался и тем, что в числе защитников выступал известный в Казани прогрессивный публицист Н. В. Рейнгардт, а переводчиком был студент 1-го курса физико-математического факультета Никифор Михайлович Охотников — тот самый учитель, которого Владимир, будучи гимназистом, готовил полтора года к экзаменам на аттестат зрелости...

Словом, пресса помещала немало таких материалов, которые давали вдумчивому читателю представление об основных противоречиях российской действительности, обильную пищу для раздумий, «против чего именно надо бороться и как бороться». Успех в предстоящей длительной и упорной борьбе зависел от уровня теоретической подготовки, твердости социал-демократических убеждений, и Владимир со свойственными ему энергией и целеустремленностью взялся за изучение первого тома «Капитала» Карла Маркса.

Об этой книге и ее гениальном авторе он читал еще в 1883 году, когда в связи со смертью К. Маркса в газетах и журналах, которые выписывали Ульяновы, появились заметки и статьи о жизни, деятельности и творчестве основателя научного социализма. Как мы помним даже во втором томе «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой, который Владимир получил в награду при окончании четвертого класса, давалась рекомендация читать «Капитал» К. Маркса. Этот труд усердно штудировал летом 1886 года старший брат, а после его отъезда Владимир сам достал «Капитал» на немецком языке и даже пытался переводить на русский. Работа оказалась тогда не по силам, но интерес к главному труду Маркса сохранился навсегда.

Несомненно, что во время бесед в Кокушкине с Анной Владимир узнал от нее и то, что Александр подготовил к нелегальному изданию статью К. Маркса о религии, а в переводе этой статьи с немецкого на русский язык принимала участие и она сама. Словом, интерес к марк-

сизму, родившийся еще в Симбирске, укреплялся как во время учения в университете, так и в ссылке.

Достать «Капитал» для изучения после того, как он был изъят в 1885 году из публичных библиотек, было не так-то просто. Правда, в главной библиотеке университета имелись I и II тома «Капитала», и в принципе Владимир мог получить их через одного из двоюродных братьев Веретенниковых, служившего в университете. Но скорее всего Владимир взял «Капитал» у М. П. Четверговой, которая увлекалась серьезной социально-экономической литературой и имела ее. Уместно в связи с этим вчитать о ее месте воспоминаний Н. К. Крупской, где она рассказывает о посещении Владимиром Ильичем в Уфе (сразу же по возвращении из шушенской ссылки) старой казанской знакомой Четверговой, у которой был книжный магазин: «Владимир Ильич в первый же день пошел к ней, и какая-то особенная мягкость была у него в голосе и лице, когда он разговаривал с ней». И эти теплые чувства сохранились у него к Марии Павловне, очевидно, не только из-за симпатии к благородной натуре этой носительницы героических традиций народовольцев, но и за ее помощь в получении марксистской литературы.

Приступив к изучению первого тома «Капитала», Владимир, по собственному признанию, сразу же страстно увлекся этим замечательным образцом «неумолимой объективности в исследовании общественных явлений» и вместе с тем — «научным трактатом, в котором столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые... тормозят общественное развитие».

Карл Маркс дал ответы на проблемы, которые мучительно волновали Владимира. Но, как подчеркивала Н. К. Крупская, он изучил не только теорию марксизма, но и «все особенности русских конкретных условий, продумал, как приложить марксистскую революционную теорию к жизни». И это творческое овладение марксизмом сочеталось с осмыслением собственного опыта — зимой 1888 года — с опытом участия в Казанской сходке, реакции на нее различных слоев русского общества.

«Капитал» с его великими идеями революционной борьбы, строго научной логикой рассуждений и глубиной выводов всецело захватил Владимира. Он даже не замечал, как стремительно летит время. Когда старшая сестра, живо интересовавшаяся изучением «Капитала», спускалась к нему поговорить, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. «Помню его, как сейчас, — писала Анна Ильинична, — сидящим на усталанной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, изучавших также марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани». Прежде всего Владимир ищет сторонников в кружках, возникших под руководством Николая Евграфовича Федосеева.

В ФЕДОСЕЕВСКОМ КРУЖКЕ

Впервые о замечательном юноше, организовавшем в выпускном классе 1-й казанской классической гимназии кружок самообразования, Владимир, по-видимому, услышал от студента-ветеринара Николая Мотовилова еще накануне сходки 4 декабря 1887 года. Знал он — об этом широко говорилось в городе, — что Николай Федосеев за открытое сочувствие сходке уже 5 декабря был исключен из гимназии. Заочному знакомству Владимира с Федосеевым способствовало и то обстоятельство, что в той же гимназии в одном с ним классе учились два двоюродных брата — Николай Веретенников и Владимир Ардашев. Да и Дмитрий, хотя и шел тремя классами ниже, мог тоже что-то рассказывать о столкновениях Н. Федосеева с учителями-рутинерами.

С выходом из гимназии Николай Федосеев целиком отдался организации кружков из учащейся молодежи по изучению марксизма. Учитывая печальный опыт последних лет, когда жандармам удалось разгромить несколько революционных кружков, состоявших в основном из студентов, Федосеев разработал строго законспирированную систему кружковой работы. И. Х. Лалаянц вспоминал: «Организовывал он кружки обычно двух типов: начального и высшего. В первых он свою роль ограничивал устройством их, назначением руководителя, намечением программы занятий и общим наблюдением за ходом дела; вторыми он руководил лично сам... Основными темами были политическая экономия и история; из практических вопросов больше всего обращалось внимание на положение рабочего класса и крестьянства в России».

В качестве практических задач федосеевцы ставили такие:

- «1. Пропаганда среди рабочих, крестьян, интеллигенции и войск.
2. Организация сил:
  - а) для пропаганды;
  - б) борьбы.
3. Распространение путем печати своих воззрений.
4. Помощь политическим ссыльным.
5. Помощь своим членам».

Объединяться, даже встречаться кружковцы не могли. «Некоторые члены даже не знали о существовании других кружков, а некоторые если знали или догадывались, то были не осведомлены о том, кто в них входил. Фамилии без надобности не назывались» — так характеризовала Анна Ильинична установленные Федосеевым строгие меры конспирации.

При центральном кружке имелась библиотека, но опять-таки в целях безопасности выдачу литературы производили только двое — Николай Евграфович и Е. А. Петров. Отметки о выдаче они делали по номерам, то есть без указания фамилии получившего. Библиотека хранилась в разных местах, часто менялись места ее нахождения. Особо бережно скрывались гектографированные и литографированные издания, среди которых были «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Развитие научного социализма» (так называли тогда брошюру «Развитие социализма от утопии к науке») Ф. Энгельса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Письмо Белинского к Гоголю» и другие.

Николай Федосеев непоколебимо верил, что главной силой грядущего социалистического переворота станут народные массы. Исходя из этого, программа создаваемых им кружков ставила на первое место изучение положения рабочих и крестьян, а затем уж нужд интеллигенции. И на практике он стремился следовать этому принципу: искал связей с рабочими казенных заводов.

Но для широкой пропаганды среди трудового народа необходимо было подготовить кадры пропагандистов, и поэтому главное внимание Николай Евграфович уделяет все же работе среди учащейся молодежи. Это видно из письма, посланного в начале 1888 года Н. А. Мотовиллову в Пензу. Рассказывая о переменах, происшедших в Казани после сходки, за участие в которой Мотовилов и был выслан, Федосеев с удовлетворением отметил, что «наиболее важный переворот произошел среди студенческих землячеств, и поворот к лучшему. Землячества пополняются. Цели их значительно расширились, уже теперь не будут ограничиваться чисто студенческими делами. Одной из видных перемен в организациях студенчества — это введение кружковых чтений с целью саморазвития».

Это очень важное свидетельство того, что репрессии, которым подвергались «декабристы» 1887 года, не запугали студентов, и деятельность землячеств стала даже целеустремленной. Сам Федосеев не был студентом, но все-таки вступил в верхневолжское землячество, ядро которого составляли нижегородцы. Разбив землячество на кружки для чтения, Николай Евграфович обратился к Мотовиллову с просьбой прислать «программу для первоначального чтения с барышнями...».

Под «барышнями» подразумевались слушательницы повивального института при университете и земских фельдшерских курсов. Федосеев не случайно, как до него и Мотовилов, стремился создать кружки из этих девушек: в большинстве они происходили из разночинных и крестьянских семей; закончив учение, со свидетельствами акушерок и фельдшерниц поедут в сельскую глубинку и станут там самыми естественными по служебному положению пропагандистами среди трудового люда.

Итак, в первой половине 1888 года Н. Федосеев еще был занят комплектованием кружков из учащейся молодежи и организацией занятий в них. Затем наступил перерыв, вызванный летними каникулами, и лишь осенью снова возобновилась кружковая работа.

Казань того времени недаром называли «гнездом» народников — очень уж сильно еще было их влияние на интеллигенцию и молодежь. Распространение плехановской брошюры «Наши разногласия» помогло превращению некоторых народников в социал-демократов, но борьба между ними еще далеко не закончилась. И нужно было подготовиться к ней как теоретически, так и знаниями реального социально-экономического положения страны. Поэтому Федосеев и его ближайшие помощники собирают «Факты по рабочему вопросу», «Факты по рабочему и крестьянскому вопросам», изучают обзор «Наша фабрично-заводская промышленность за пятилетие с 80 по 84 гг.». Поистине героические усилия прилагают для пополнения библиотек марксистской литературой. Так, например, книга К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» была целиком переписана от руки, и эта тетрадь в черном клеенчатом переплете не один год переходила из рук в руки.

У кружковцев были установлены ежемесячные членские взносы от 10 до 70 копеек в пользу библиотеки для пополнения книжного фонда. Но их не хватало, и федосеевцы организовывали вечеринки с платой за вход.

Кстати, эта форма общения и сбора средств широко использовалась К. К. Сарахановым, А. В. Кибардиным, М. Е. Березиным и другими студентами, исключенными вместе с Владимиром Ильичем из университета. Достаточно сказать, что зимой 1888/89 года, по данным губернского жандармского управления, «сборища местной учащейся молодежи на вечеринках» происходили в 11 квартирах. Но бороться властям со «сборищами» было трудно, ибо вечеринки устраивались под какими-нибудь благовидными для полиции предлогами: именины кого-то из хозяев квартиры, праздник, помолвка, устройство домашнего спектакля или танцев и т. п.

Небезынтересно, что такие вечеринки с входной платой по 50 копеек устраивались и на Первой горе в доме Ростовой, у живших здесь К. К. Сараханова, бывшего политического ссыльного А. А. Дробыш-Дробышевского, и в квартире Л. А. Пономаревой, то есть у родственников Владимира Ильича, недалеко от дома, где жили теперь Ульяновы. Представляют интерес в связи с вечерами у Л. А. Пономаревой строки из письма Ольги Ильиничны от 28 декабря 1888 года к А. Щербо: «Мне предлагали участвовать в домашнем спектакле, который устраивают, главным образом, мои двоюродный брат и сестра (Ардашевы. — Ж. Т.), но я отказалась, потому что водевили не только глупы, но и скучны...»

Возможно, что не по возрасту требовательной к репертуару семнадцатилетней Ольге водевиль действительно показался неудачным или не привлекла предложенная ей роль, но не исключено, что она с умыслом (переписка по почте могла просматриваться жандармами) придала спектаклям более легковесный характер, чем они имели на деле. Во всяком случае, жандармы, хотя и с опозданием, узнали, что на них взималась 50-копеечная плата за вход, а эти сборы Н. Федосеев отправлял ссыльным. Одна из вечеринок с такой политической целью была проведена на Первой горе в доме Ростовой, в квартире Л. А. Пономаревой. А спустя десятилетия ее дочь Евдокия Александровна, двоюродная сестра Владимира Ильича, которая зимой 1888/89 года была ученицей земской фельдшерской школы, рассказывала: «... Мы устраивали нелегальные спектакли в пользу студентов и политических кружков... казначеем был у нас Володя Ульянов».

Среди тех, которые посещали подобные вечера, довольно многие были родом из Симбирска или бывали там у своих родственников и знакомых. Александра Лаврова, ученица повивального института, обвинявшаяся в принадлежности к федосеевскому кружку, училась в одно время с Ольгой Ульяновой в Симбирской женской гимназии. Подруга А. Лавровой по Симбирску и повивальному институту Пелагея Захарова была заключена в тюрьму одновременно с Федосеевым. Екатерина Санина, сестра друга и помощника Николая Евграфовича Алексея Санина, в то время, когда Владимир оканчивал в Симбирске гимназию, училась в тамошнем епархиальном училище. По приезду в Казань она поступила в повивальный институт и стала членом кружка Федосеева; привлекалась по его делу, а когда он сидел в тюрьме, помогала чем могла, переписывалась с ним и сохранила большую часть писем к ней Федосеева.

Бывший студент физико-математического факультета университета Петр Стронин, заведовавший библиотекой одного из федосеевских кружков, — выходец из Симбирской губернии. Его старший товарищ по симбирскому землячеству Михаил Березин, по мнению жандармов, «был одним из главных руководителей образовавшегося в Казани среди учащейся молодежи противоправительственного кружка и... имел тайную библиотеку, которой пользовались члены этого кружка, фамилии которых скрывались под номерами... Березин играл главную роль при устройстве 21 ноября 1888 года казанской учащейся молодежью вечеринки с платою за вход, из числа каковых денег некоторое количество было назначено в пользу политических ссыльных».

Из учащихся Казанской фельдшерской школы, бывавших на таких вечерах, фигурируют близкие друзья Н. Федосеева: Евгений Петров, подвергнувшийся с ним тюремному заключению, Владимир Швер и Михаил Григорьев. Все эти трое юношей имели тесные связи с Симбирским краем. Кстати, в 1888—1889 годах Михаил Мандельштам служил частным поверенным в Симбирске и, появляясь время от времени в родной Казани среди федосеевцев, был теперь тоже в какой-то мере симбирянином. Небезынтересно и то, что Евгений Чириков и Николай Никифоров, близкие знакомые Н. Федосеева, в это время навещались в Симбирск. Со всеми с ними, как мы знаем, Владимир познакомился еще до ссылки.

Ко времени вступления в федосеевский кружок Владимир теоретически был подготовлен не хуже самого Н. Федосеева. Анна Ильинична в связи с этим указывала: «Люди одного возраста, они в те, юные, годы были, так сказать, приблизительно равными величинами, и влияния одного на другого устанавливать не приходится». Но тем большей была потребность для обмена мнениями между единомышленниками, и Владимир ищет их в Казани.

Рассказывая о деятельности брата той поры, Анна Ильинична отмечала: «Вступил он и в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом, молодежи, вырабатывающей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного. Никакого более авторитетного руководителя в кружке этом не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу». О составе и занятиях кружка почти ничего не известно. Видимо, он не был разгромлен полностью — в жандармских архивах о нем нет никаких документов. Кружковцы тоже не написали воспоминаний об участии Владимира Ильича: одни из них не дожили до победы Октября, другие не могли припомнить конкретные подробности о юном Ульянове, фамилию которого они тогда не знали.

И все же современные исследователи, сопоставляя результаты жандармских наблюдений, следственные материалы, а также воспоминания федосеевцев, пытаются определить возможный состав кружка, в который входил Владимир Ильич. М. Мандельштам назвал М. Четвергову, Е. Чирикова, К. Сараханова, А. Подосенову, В. Поляка, Л. Малову-Поваренных, А. Кибардина и некоторых других. Владимир Ильич действительно знал этих видных участников освободительного движения Казани конца 80-х годов, интересовавшихся социалистической теорией. Но он общался и с В. Швером, и другими симбирянами, являвшимися тоже членами кружков Федосеева и арестованными вместе с ним. А арест — главная примета члена кружка, в котором состоял молодой Ульянов. 212 Ведь он сам, вспоминая начало своей революционной юности, писал:

«Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани». Потому и Анна Ильинична, лучше всех знавшая о нелегальных делах брата, имела все основания заявить, что отъезд из Казани позволил Владимиру Ильичу счастливо уйти от жандармов. К этому времени Ульянов был уже убежденным марксистом. Правда, следует помнить, что идеалистические утверждения народников Владимира Ильича никогда не увлекали. Недаром Анна Ильинична подчеркивала, что по этому пути он «никогда не плыл»...

ПЕРЕЕЗД В АЛАКАЕВКУ

Как ни конспирировал Владимир Ильич, но мать догадывалась, что его участвовавшие отлучки из дома по вечерам связаны с деятельностью революционной молодежи, и была уверена, что за сыном ведется постоянное полицейское наблюдение. Опасаясь нового ареста, она чувствовала, что теперь самым лучшим было бы хоть на какое-то время увезти его из Казани, тем более что надеяться на возвращение в местный университет не приходилось. Было решено на деньги, вырученные от продажи симбирского дома, приобрести небольшой хутор в Самарской губернии по совету и при содействии Марка Тимофеевича Елизарова, взявшего на себя по доверенности Ульяновых оформление покупки у неизвестного К. М. Сибирякова.

Это был богатый сибирский золотопромышленник, скупивший в середине 70-х годов у самарских помещиков имения для создания в них крупного рационального хозяйства. Как человек левых убеждений, он имел при этом в виду не столько материальную выгоду, сколько создание здесь народнических земледельческих колоний, члены которых обучали бы крестьянских детей и вели пропаганду среди народа. Но широко задуманное предприятие, как и следовало ожидать, не пошло и стало приносить убытки. Сибиряков понял утопичность своих планов и начал распродажу земельных участков и закупленных за границей сельскохозяйственных машин. В конце января 1889 года Марк Тимофеевич и приобрел у Сибирякова для Ульяновых в 50 верстах от Самары, близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарского уезда, участок земли, деревянный одноэтажный дом и мельницу, пообещав лично управлять этим хозяйством.

Переезд в Алакаевку открыл Владимиру Ильичу возможность более серьезно и углубленно, чем в Кокушкине, заняться самообразованием. Он решил готовиться к сдаче экстерном экзаменов за юридический факультет, продолжая штудировать марксистскую литературу. Обсуждая планы, Ульяновы не исключали и того, что зимой они будут жить в самой Самаре. Это было заманчиво: Самара открывала новые перспективы революционной работы. Из рассказов Марка Тимофеевича выходило, что там было несколько революционных кружков, составивших

ся из высланных из Петербурга, Казани и Москвы студентов, а также ветеранов народнического движения.

28 февраля Мария Александровна возбудила перед департаментом полиции ходатайство о разрешении дочери Анне ввиду ее расстроенного здоровья провести лето в Алакаевке, где она будет лечиться кумысом.

11 марта Петербург предписал казанскому и самарскому губернаторам удовлетворить эту просьбу М. А. Ульяновой. Но только через месяц Ульяновы смогли назначить дату отъезда — 5 мая. Приходилось ждать открытия навигации на Волге. Оттягивали срок отъезда и занятия младших. Дмитрий заканчивал четвертый класс в конце мая, а взрослым хотелось подольше позаниматься с ним перед экзаменами. Маняше же лучше было сдать вступительные экзамены в гимназию весной, сразу же после домашней подготовки, чтобы летом спокойно отдыхать.

Младшая из Ульяновых оправдала надежды родных: в конце апреля, показав прочные знания на испытаниях по русскому языку, арифметике, географии и закону божию, она была зачислена сразу во второй класс Мариинской женской гимназии.

Несколько сложнее были дела у Дмитрия, которому предстояло сдавать экзамены за все четыре года обучения. Поэтому в последние недели пребывания в Казани Владимир Ильич постоянно консультировал брата. И только после того, как стало ясно, что Дмитрий справится с этими труднейшими предметами, Владимир Ильич заверил мать, что можно не волноваться за исход экзаменов.

Перед отъездом из Казани Владимир Ильич попытался еще раз получить разрешение на выезд за границу: ведь на новом месте власти тем более откажутся заверить его политическую благонадежность. Для этого даже заручились врачебной справкой о необходимости лечения за рубежом. Профессор университета, специалист по внутренним болезням Н. И. Котовщиков и городской врач доктор медицины А. И. Смирнов, к которым обратился Владимир Ильич, выдали ему «Медицинское свидетельство». Оно удостоверяло катар желудка и рекомендовало лечение «щелочными водами и всего лучше водами Vichy (Франция)».

Эти воды, как наиболее целебные, широко рекламировались в казанских газетах, так что рекомендация врачей выглядела вполне естественной. Владимир Ильич, имея на руках желанное свидетельство, обратился к недавно назначенному казанскому губернатору Полторацкому с просьбой о выдаче паспорта на выезд за границу для лечения.

В конце апреля приготовления к отъезду были закончены. Квартиру сдали хозяйке, а рояль и часть вещей оставили у родных в Казани. Во вторник 2 мая всей семьей (кроме Дмитрия, оставшегося у Веретенниковых до конца экзаменов) отправились вниз по Волге, опять же на товаро-пассажирском пароходе общества «Кавказ и Меркурий», сэкономив 12 с лишним рублей на билетах и провозе багажа. Поездка этим пароходом также позволяла во время 3 — 5-часовой стоянки в Симбирске поклониться праху отца и сделать все необходимое на его могиле.

Утром 3 мая, около 10 часов, Ульяновы прибыли в Самару, где на пристани их с радостью встретил Марк Тимофеевич. После того как Анна Ильинична сделала у самарского уездного исправника отметку в своем проходном свидетельстве и багаж был отправлен с железнодорожного вокзала до станции Смышляевка, всей семьей устроились на ночлег

в гостинице. Утром следующего дня выехали поездом в Смышляевку, а оттуда на лошадах — до нового своего жилья. Через несколько дней самарский уездный исправник доносил губернатору: «... Анна Ульянова прибыла на хутор при д. Алакаевке, Богдановской волости, Самарского уезда 4 мая; вместе с нею прибыли мать ее, сестры Ольга и Мария и брат Владимир, а также студент Марк Тимофеевич Елизаров...»*

Алакаевка, именовавшаяся в документах деревней, а иногда и селцом, располагалась по обеим сторонам оврага — западной и восточной. В ней было 44 крестьянских двора с населением в 229 душ обоего пола. Школы не имелось, но кабак торговал исправно. На северной окраине деревни находилась усадьба местного чиновника — помещика С. Р. Данненберга, а на южной — усадьба Ульяновых. Протекавшая по дну оврага речушка Запрудная, вбравшая в себя по пути Елховый и Гремячий ручьи, была мелкой, но, перегороженная плотиной, образовывала пруд, на котором действовала небольшая мельница. Недалеко от пруда, на правой (западной) стороне оврага, и располагалась усадьба Ульяновых: ветхий одноэтажный деревянный дом под тесовой крышей и примыкавший к нему густой, запущенный сад, спускавшийся обрывом к ручью, за которым сразу начиналось поле. Дом был просторный. Помимо кухни, имелся коридор, деливший дом пополам. В первой левой комнате устроились мать с Маняшей, в смежной — Аня и Оля, самую большую отвели под столовую-гостиную, справа — Митина комната, а угловая, с окнами на юг и восток, — Владимира.

Как только немного обжили дом, Оля отпросилась у матери съездить на пару недель в гости к гимназическим подругам в Симбирск. Возвратившись в Алакаевку, она, как и старшие брат и сестра, упорно занялась самообразованием, мечтая о работе народной учительницы и поступлении в высшее учебное заведение.

Да, Алакаевка была хороша и для отдыха, и для самообразования. Но надежда матери на то, что здесь Владимир заинтересуется сельским хозяйством, не сбылась. Прежде всего потому, что Марк Тимофеевич, лишенный возможности служить в государственных учреждениях, уже несколько месяцев всецело отдавал себя хозяйственным делам в Алакаевке. Владимир Ильич постарался тоже вникнуть в них, но с первых же шагов понял, что управляющего из него не получится. Впоследствии он так объяснит это Надежде Константиновне: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные станвятся». Было ясно и то, что если даже Марку Тимофеевичу, крестьянскому сыну, с детства знакомому с хлебопашеством, и удастся наладить хозяйство, оно все равно не обеспечит даже прожиточного минимума большой семьи.

Между тем приближалось долгожданное радостное событие — бракосочетание Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича. Полностью доверяя во всем будущему зятю, Владимир Ильич теперь мог позволить себе оставить родных на его попечение, а сам был готов отправиться в любую глухомань, чтобы как-то пополнить семейный бюджет репетиторством. И уже 18 мая в «Самарской газете» появилось объявление, которое потом публиковалось еще девять раз:

* В действительности М. Т. Елизаров три года назад окончил университет и имел низшее ученое звание «действительный студент».

«Бывший студент
желает иметь урок. Согласен в отъезд.
Адрес: Вознесенская ул., д. Саушкиной,
Елизарову, для передачи В. У. письменно».

Однако — безрезультатно. Владимир Ильич и сам наведывался ради этого в город, но места найти не удалось.

В начале июня приехал из Казани Митя — уже пятиклассник. 14-го числа становой пристав А. В. Арефьев, осуществлявший надзор за Ульяновыми, прибыл из Красного. Яра в Алакаевку и ознакомил Владимира Ильича с предписанием самарского губернатора об отклонении департаментом полиции возбужденного еще в Казани ходатайства о выдаче заграничного паспорта. Отказ мотивировался тем, что лечиться минеральными водами можно и на Кавказе. Вскоре после получения этого отказа на семейном совете было решено окончательно покинуть Казань и переехать в Самару.

Хлопоты начались с перевода Дмитрия в Самарскую классическую гимназию. 22 июня Мария Александровна едет в Самару и подает прошение директору А. И. Соколову о принятии сына в пятый класс. Тот ничего определенного не пообещал, но в конфиденциальном письме к попечителю Казанского учебного округа проявил верноподданническое рвение: «Зная частью по слухам, частью из достоверных источников о превратном и предосудительном образе мыслей и жизни некоторых членов семейства покойного Ульянова и о весьма печальной, хотя и вполне заслуженной участи одного из них (Александра Ильича. — Ж. Т.), я со своей стороны, даже в случае надежной благонамеренности Дмитрия Ульянова, крайне затрудняюсь удовлетворить просьбу матери...» Попечитель П. Н. Масленников одобрил решение директора Самарской гимназии, и после визита к последнему в начале июля Марии Александровне стало ясно, что без аудиенции у Масленникова вряд ли можно надеяться на благополучный исход дела.

В сложившейся обстановке решили ускорить оформление брачного союза Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича. Ведь только после этого можно было надеяться, что власти позволят сестре сменить установленное ей место пятилетней ссылки — Кокушкино на Самару. Тогда, с началом учебного года у Мити и Маняши, можно будет жить всем вместе.

Согласно закону, Анна Ильинична должна была получить разрешение от губернатора на вступление в брак. Она, как полагалось, подала прошение уездному исправнику, а тот 24 июля послал рапорт губернатору. И только после того, как с его стороны не встретилось препятствий, исправник выдал свидетельство, на основании которого священник села Тростянка* 28 июля обвенчал молодых. В метрической книге были записаны анкетные данные об их поручителях. По невесте это были: «Самарского уезда деревни Бестужевки крестьянин Павел Тимофеев Елизаров и бывший студент, дворянин Владимир Ильин Ульянов».

Через два дня молодожены выехали в Самару, а также посетили Бес-

тужевку, где жили мать Марка Тимофеевича — Прасковья Илларионовна и семья брата Павла Тимофеевича. С переездом в Самару пришлось сменить холостяцкую квартиру Марка Тимофеевича в доме Саушкиной на четырехкомнатную в доме купца Шоринова, в самом начале Дворянской улицы (ныне — ул. Куйбышева, 7), близ берега реки Самарки.

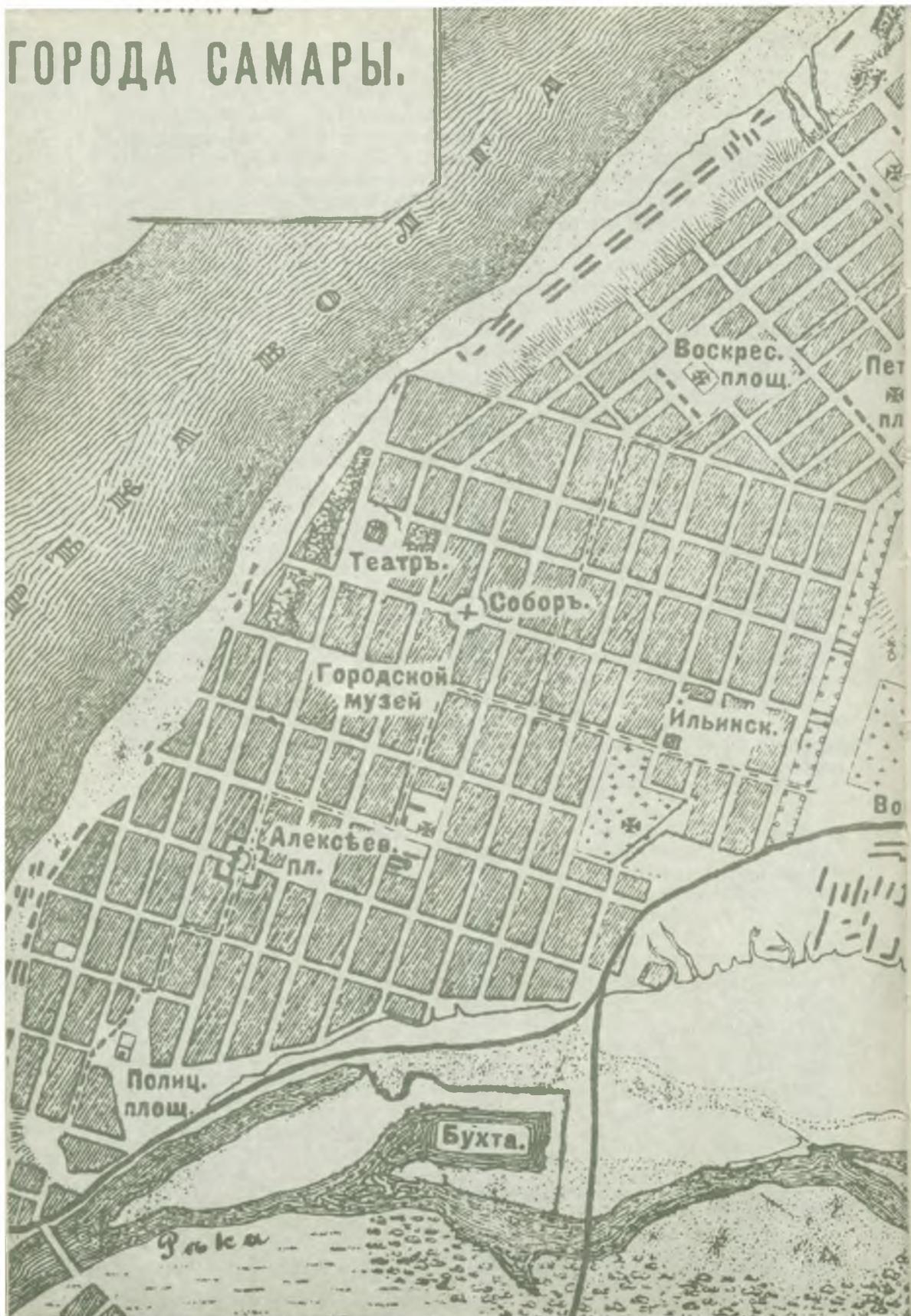
В конце первой декады августа в Самару прибыли и Владимир Ильич с матерью. Посоветовавшись, нашли, что и эта квартира будет тесной для семейства из девяти человек, включая няню и племянника Марка Тимофеевича гимназиста Евгения. Анне Ильиничне с мужем предстояло подыскать для всех более просторное жилье, а Владимиру Ильичу с матерью — ехать в Казань, чтобы завершить хлопоты о переводе Дмитрия и забрать домашние вещи.

И кто мог предполагать, что уже через несколько дней начнется полоса новых серьезных треволнений. 12 августа Мария Александровна попала на прием к попечителю Казанского учебного округа тайному советнику П. Н. Масленникову и разъяснила ему причины, по которым требуется перевод Дмитрия. Тот предложил Марии Александровне прийти за окончательным ответом... во вторник 15-го числа. Вернувшись в квартиру сестры А. А. Веретенниковой, Мария Александровна вспомнила, что вторник является «табельным праздником», и, следовательно, никакого приема посетителей у попечителя быть не может. Нетрудно представить, с каким возмущением и волнением она в этот же день принялась за очередное прошение на имя Масленникова. Упомянув в нем о злополучном «табельном празднике», она вынуждена была заявить: «Между тем я оставила дома, в деревне близ Самары, двоих меньших детей больными, что меня чрезвычайно беспокоит. Присутствие мое при них необходимо, что и заставляет меня спешить с отъездом».

Вещи были отправлены. Задерживаться еще на несколько дней не позволяли обстоятельства. Решив ожидать письменной резолюции попечителя в Самаре, Владимир Ильич с матерью окончательно покинули Казань.

План г. Самары. Конец XIX в.
Здание Самарского окружного суда.
Дом Рытикова, в котором семья Ульяновых жила с мая 1890-го по август 1893 г. Ныне Дом-музей В. И. Ленина.

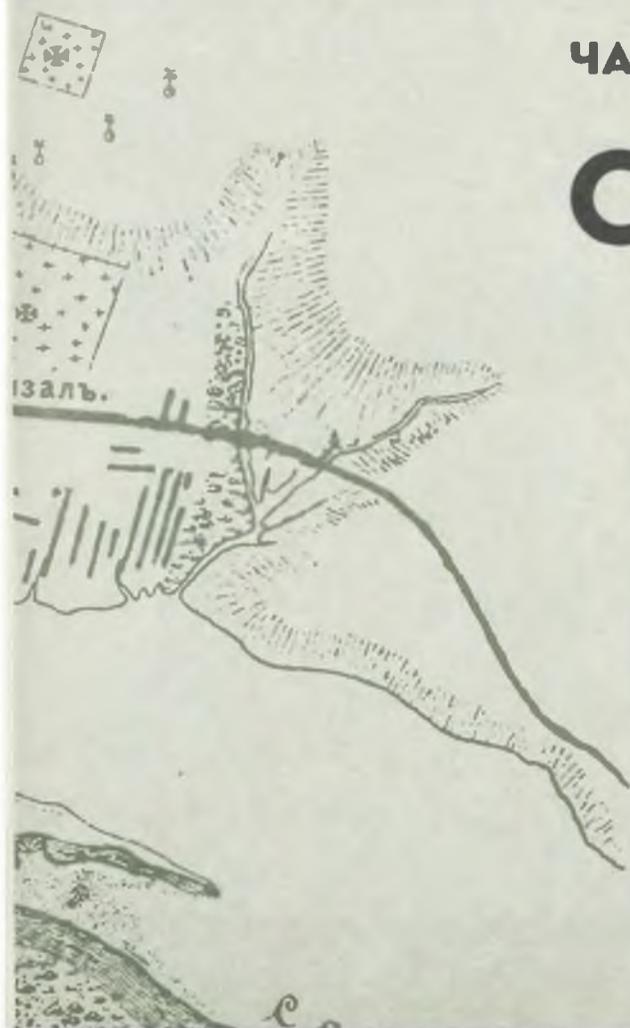
ГОРОДА САМАРЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Самара

ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

Распростившись с Казанью, Владимир Ильич и Мария Александровна без особой задержки добрались до Алакаевки, где еще находились младшие с Ольгой и няней. Здесь они узнали о новой неприятности. Оказывается, уездный исправник расценил отъезд Анны Елизаровой с мужем после свадьбы как самовольную отлучку своей поднадзорной. Доложив об этом 11 августа губернатору, исправник одновременно предписал приставу 2-го стана привлечь ссыльную «к ответственности по 63 ст. Устава о наказании», а самарского полицмейстера попросил разыскать и прислать к нему А. И. Елизарову «для отправки в д. Алакаевку...». Мытарства Анны Ильиничны продолжались. Нелегко было и Владимиру Ильичу бессильно наблюдать, как старшая сестра была возвращена на хутор и оштрафована мировым судьей 3-го участка на 20 рублей.

Младшие его брат и сестра продолжали хворать малярией, а врачей в Алакаевке не было. К тому же до начала учебного года остались считанные дни. Тогда Мария Александровна с Владимиром Ильичем взяли Митю и Маняшу и отправились в Самару. Директор гимназии по-прежнему тянул с зачислением Мити. Надо было что-то предпринимать, и 19 августа, за подписью Ульяновой, была послана телеграмма с оплаченным ответом попечителю Казанского учебного округа: «Покорнейше прошу телеграфировать результаты просьбы». А тот еще два дня выжидал, прежде чем соизволил сообщить о своем согласии.

Насколько грязной игрой со стороны директора гимназии и попечителя было это глумление над Марией Александровной, видно из письма Масленникова Соколову: «... в данном мною в настоящее время разрешении ученику Ульянову перейти из Казанской в вверенную вам гимназию, сверх секретных причин, имело большое значение то обстоятельство, что в Самаре надзор за поведением Ульянова и за отношением его к товарищам гораздо легче устроить, чем в Казани, большом университетском городе, имеющем много учебных заведений».

Поэтому, — продолжал Масленников, — не имея никаких законных достаточных оснований преградить молодому Ульянову вовсе путь к получению образования в учебных заведениях, я покорнейше прошу вас, приняв его в Самарскую гимназию, устроить над поведением его и над отношением его к товарищам возможно бдительное негласное наблюдение». Что касается «секретных причин», по которым Масленников разрешил перевод Дмитрия, то он указал на них в письме к министру на-

родного просвещения: «... связи, которые имела дочь Ульянова (Анна. — Ж. Т.), и знакомства ее исключенного из университета брата (Владимира. — Ж. Т.) заставляли желать выезда из университетского города семьи Ульяновой». Поистине, когда дело касалось этой семьи, масленниковы и соколовы действовали по принципу «тащить и не пущать».

Не все гладко получилось и с оформлением младшей сестренки в гимназию. Еще в Казани Маняша была принята во второй класс, но документы об этом пришли из Казанской гимназии только в конце августа, и то уже в ответ на запрос педагогического совета Самарской женской гимназии. После этого Владимир Ильич с матерью выехали в Алакаевку, а Митю и Маняшу оставили под опекой няни и Ольги, приехавшей в город числа 28 августа. У нее были тоже свои проблемы.

Несколько дней назад Ольга послала директору народных училищ Самарской губернии прошение о желании занять учительское место в приходском училище Самары. Учить, по примеру отца, детей бедноты уже давно она считала «действительной пользой». «Конечно, и учительница в школе не вполне самостоятельна, — писала она 1 сентября подруге А. Щербо в Симбирск, — но мне нравится в ее положении то, что она видит своих учеников... каждый день и, следовательно, кроме науки, может сказать им живое слово». К своему огорчению, Ольга по приезде в Самару узнала, что здесь директор не волен назначать учительниц в городские школы: их подбирает дума. И на деле для кандидаток в учителя «нужно нечто посущественнее золотой медали, а именно — протекция».

Между тем в Алакаевке возникла новая конфликтная, но вместе с тем и курьезная ситуация. Суть ее видна из рапорта, направленного уездным исправником Кузьминым 2 сентября губернатору: «Так как время проживания девице Елизаровой, ныне жене действительного студента Елизарова, в Самарском уезде прошло, а она продолжает жить на хуторе, то имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство дать мне знать, может ли быть дозволено и до какого именно срока, дальнейшее проживание Елизаровой на хуторе при деревне Алакаевке». Ульяновы, конечно, объяснили приставу, что Марк Тимофеевич уже послал, через губернатора же, прошение министру внутренних дел о разрешении прожить Анне Ильиничне вместе с ним в Самаре и одновременно о снятии с нее гласного надзора. Но пристав, как видим, решил заручиться письменным указанием губернатора. Вот так: то возвращают из Самары в Алакаевку и штрафуют, а теперь хотят чуть ли не насильно выдворить из деревни.

Наученные горьким опытом встреч с бюрократическими выкрутасами чиновников разных рангов, Мария Александровна, Владимир Ильич и Анна Ильинична едут в Самару, чтобы ускорить получение ответа на прошение Марка Тимофеевича. Так, впервые в городе, в доме Шорина, собралась вся семья Ульяновых. Узнав о прибытии Анны и Владимира Ульяновых в Самару, губернское жандармское управление известило об этом полицмейстера и предложило сообщить адреса поднадзорных. «Об учреждении надзора за Ульяновым и наблюдения за Елизаровой поручено приставу 2 части 7 сентября № 1422» — такую запись сделал полицмейстер на жандармском отношении. Но следить в городе за ними не пришлось: губернатор, по всей видимости, предложил

возвратиться в Алакаевку. Вместе с ней на хутор отправились Мария Александровна и Владимир Ильич...

11 сентября мать обратилась к самарскому губернатору с письмом, в котором с болью писала: «Дочь моя, Анна Ильинична Елизарова, бывшая Ульянова, провела лето, по разрешению г-на министра, в деревне Алакаевке для лечения кумысом. Курс лечения давно кончился, а помещение наше в д. Алакаевке пригодно только для летнего жилья и с наступлением осенних холодов и дождей становится совершенно невозможным даже для здорового, не только для больного грудью, как моя дочь.

Ввиду всего этого имею честь убедительнейше просить Ваше Превосходительство позволить дочери моей приехать на время в Самару. Дочь моя будет помещаться в одном доме со мной, и я ручаюсь, что она не только не выедет за пределы города, но будет вести самую замкнутую семейную жизнь.

В тревожном состоянии, в котором я нахожусь теперь, меня ободряет несколько мысль, что, Ваше Превосходительство, по человеческому чувству не откажете в просьбе матери».

Губернатор Свербеев своей властью мог выполнить эту просьбу, но не захотел. Эта бессердечность могла кого угодно привести в отчаяние, и кто знает, сколько раз она еще проявится в остающиеся три года гласного надзора над Анной... В такой напряженной атмосфере Ульяновы приняли неожиданное решение и сообщили в «Самарском вестнике объявлений»:

«Мельница водяная с 3 постав. при д. Алакаевке Самарск. уезда Богданов. волости, сдается в аренду. Она же продается вместе с землею в колич. 83 $\frac{1}{2}$ дес., хутором и садом. Об условиях спросить М. Т. Елизарова. Дворянская ул., д. Шоринова».

Это сугубо деловое объявление, появившееся в газете 20 сентября 1889 года, свидетельствует о том, что, прожив только четыре с половиной месяца в Алакаевке, Ульяновы решили отказаться от всяких попыток заняться сельским хозяйством.

Трудно дать исчерпывающее объяснение этому, но немаловажную роль, очевидно, сыграли наглый надзор полиции и различного рода придирки властей. Не случайно попечитель Казанского учебного округа доносил 30 сентября министру народного просвещения по поводу надзора за Ульяновыми и их соседями интеллигентами-колонистами: «Насколько можно заключить по доставленным мне сведениям, за упомянутыми выше хуторами (Алакаевским, Шарнеля и Константиновским. — Ж. Т.) имеется со стороны местной администрации достаточно деятельное наблюдение, и если оно не остается тайным для проживающих на хуторах лиц, то тем скорее может их побудить оставить эту местность, как это и сделала уже большая часть прежних поселенцев». Похоже, что наблюдение действительно было «достаточно деятельным», если Ульяновы поспешили «оставить эту местность».

20 сентября, наконец-то, самарский губернатор А. Д. Свербеев сообщил самарскому полицмейстеру о положительном ответе Петербурга на прошение Марка Тимофеевича: «Вследствие отношения Департамента полиции от 13 сего сентября за № 3128 предписываю Вам объявить

проживающему в Самаре действительному студенту Марку Елизарову, что состоящей под гласным надзором полиции жене его Anne Елизаровой, урожденной Ульяновой, Министерством внутренних дел признано возможным разрешить остаться на жительстве под надзором полиции в Самаре. Что же касается ходатайства его об освобождении жены от надзора полиции, то таковое Министерством внутренних дел оставлено без последствий...»

Как ждали Ульяновы и Елизаровы возможности жить Anne Ильиничне с семьей и как тщательно готовились к этому дню, если уже 21 сентября они все вместе спешно поселились на одной общей квартире! Наняли ее за 40 рублей в месяц на Полицейской площади, в одноэтажном деревянном доме Кулагина (ныне — ул. С. Разина, 10), близ реки Самарки. Одновременно стали искать заработок. В объявлениях от 19, 21 и 22 сентября в «Самарской газете» еще указывали свое местожительство в доме Шоринова, а с 5 октября — уже новый адрес: «Репетируют и дают уроки по всем предметам сред. уч. зав. Спросить М. Т. Елизарова. Полицейская площадь, д. Кулагина». (Это объявление повторялось 10, 17, 19, 24 октября.) Предлагая эти педагогические услуги, Марк Тимофеевич имел в виду как себя с женой, так и Владимира Ильича, который пока в одиночестве терпеливо поджидал клиентов на покупку дома в Алакаевке. Только когда совсем уж похолодало и вместе с тем стало ясно, что, несмотря на семикратные публикации в газете о сдаче в аренду или продаже алакаевской «недвижимости», подходящих желающих не находится, Владимир Ильич во вторник 10 октября выехал к родным в Самару.

К этому времени решение Ульяновых обосноваться в Самаре окрепло, и уже в день своего приезда Владимир Ильич вместе со всем семейством переселается в более удобную квартиру. Докладывая об этом попечителю Казанского учебного округа, директор классической гимназии писал: «10 октября г. Ульянова опять переменила квартиру и в настоящее время живет на Воскресенской улице в доме Каткова*, рядом с редакцией «Самарской газеты», около Волжской набережной. Причиной перехода на новую квартиру была будто бы сырость старой квартиры. В настоящее время квартира находится на верхнем этаже и вместительностью своей указывает на материальный достаток ее обитателей. В ней точно так же, как и на прежней квартире, помещается два семейства: г. Ульянова с детьми и зять ее Елизаров с женой». Не успела семья устроиться на новом месте, как уже 15 октября директор Соколов сам заявился с проверкой своих подопечных гимназистов Дмитрия Ульянова и Евгения Елизарова на дому...

Бытовые условия на новом месте были, конечно, лучше. Но, переехав в более благоустроенный район города и избавившись от сырости в квартире, к сожалению, нельзя было избавиться ни от скрытой полицейско-жандармской слежки, ни от открытого надзора. Последний особенно рьяно проводился исполняющим обязанности инспектора мужской гимназии, классным наставником 5-го класса П. П. Кочкиным. Это был сорокалетний чиновник, сочетавший в себе черты чеховского человека в футляре и типичного осведомителя. Прослужив более десятка лет в Симбирской губернии инспектором Алатырской прогимназии, он прекрасно знал директора народных училищ И. Н. Ульянова, но, будучи ретивым карьеристом, начисто «забыл» о заслугах выдающегося просвети-

*Ныне ул. Пионерская, д. 6.

теля и относился к его семье только как к политически «неблагонадежной», воспитавшей к тому же Александра Ульянова — одного из главных «вторых первомагистров». Конечно, Кочкин сам был лицом подневольным, обязанным по должности выполнять предписания своего директора, но мог бы «опекать» поднадзорное семейство не так уже назойливо, пристрастно и унижающе, как он это делал. Трижды в месяц, в вечерние часы, Кочкин появлялся в квартире Ульяновых-Елизаровых и без зазрения совести осматривал комнату Дмитрия и Евгения. Если кого-то из них не было дома, то инспектор допытывался, в том числе и у соседей, когда и куда именно ушел его подопечный, посещают ли гимназисты церковь, с кем дружат и какие книги читают.

Можно представить, как Владимир Ильич и все его родные презирали этого чиновника, с таким рвением исполнявшего функции сыщика. В результате директор гимназии, отчитываясь за октябрь 1889 года, вынужден был рапортовать в Казань: «В истекшем месяце г. и. о. инспектора не пришлось видеться и беседовать с матерью (Марией Александровной. — Ж. Т.): сама она не считала нужным при его посещениях выходить из своих покоев в ту комнату, где помещаются воспитанники, а г. Кочкин находил неудобным назойливо беспокоить мать, не имея ничего сообщить о сыне.

С старшим сыном (Владимиром Ильичем. — Ж. Т) г. Кочкин имел случай видеться в приемной, но они ничего друг другу не сказали, а обменялись одними поклонами и взглядами».

В ноябрьском рапорте, отметив, что старший сын «принял на себя труд» проверять познания своего брата Дмитрия «по некоторым предметам», директор разразился верноподданническим доносом, в связи с тем что Кочкин усмотрел на столе Ульянова один том сочинений Помяловского, «признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных»: «Это сочинение было взято воспитанником из домашней библиотеки. Но вина в этом прискорбном обстоятельстве всецело падает на старших членов семьи, которые так неосторожно, не подозревая, может быть, вред от чтения книг подобного характера, раскрывают полки своих библиотек для младших членов семьи. На эту тему проведена беседа с матерью».

Так начиналась жизнь в Самаре.

В ПАМЯТЬ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Чем бы ни занимался Владимир Ильич в первое алакаевское лето, не было, пожалуй, такого дня, когда бы он не размышлял о происходивших в стране и за рубежом событиях, о путях и способах борьбы с самодержавием. Но он постоянно помнил о довольно бдительной полицейско-жандармской слежке, которая велась за ним, сестрой Анной и ее мужем, и, чтобы не дать властям конкретных поводов к новым обвинениям в политической «неблагонадежности», не спешил завязывать знакомства с поднадзорными лицами.

Особая осторожность требовалась хотя бы потому, что при возобновлении попыток получить разрешение на учебу в университете или на выезд за границу теперь решающее значение будет иметь официальный отзыв самарского губернатора. Нельзя было не учитывать и недавних печальных событий: в июле казанская охранка напала на след марксистских кружков и взяла под стражу Н. Е. Федосеева и его помощников. Узнав об этом, Владимир Ильич признался старшей сестре, что сам «влетел бы, вероятно, также», потому что состоял в одном из таких кружков. Естественно, следовало опасаться, что самарская жандармерия, участвовавшая в расследовании этого дела, может добраться и до него. И только после того, как поступил отказ из Петербурга на прошение о выезде за границу, а следствие по федосеевскому делу не выявило улик против Ульянова, да и вообще никого из самарцев не привлекли к дознанию, Владимир Ильич мог вести себя более свободно. Но и теперь старался поддерживать связи только с надежными людьми.

Едва ли не первым новым знакомым Владимира Ильича стал старший брат Марка Тимофеевича Павел Тимофеевич Елизаров, с которым он вместе был поручителем Анны во время ее бракосочетания. «Это был так называемый «крепкий» крестьянин, — вспоминала Анна Ильинична, — разбогатевший арендой близлежащих удельных земель и передачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бесменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, — продолжала она, — что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каким бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины, в возможность привить крестьянам социализм».

Владимир Ильич не только слушал, но и сам, как говорится, на многое открывал глаза Павлу Тимофеевичу. Эти беседы не могли не оказать влияния на отношение «крепкого» крестьянина к нуждам обездоленного большинства сельского общества.

Приятным сюрпризом для Владимира Ильича стала встреча с Дмитрием Александровичем Гончаровым — соучеником старшего брата Александра по Симбирской гимназии и близким товарищем по общественным делам. Владимир Ильич знал, что Гончаров, будучи студентом-медиком Казанского университета, являлся одним из руководителей симбирского землячества. В этом качестве он поддерживал связи с Александром Ульяновым, В. М. Бурлаковым и другими симбирянами, учившимися в Петербурге. Драгоценным свидетельством этой связи было письмо Бурлакова, который в ответ на просьбу Гончарова рассказать об Александре Ильиче написал: «Серьезный, обыкновенно холодный, с умным выражением лица, он будто бы держит ум постоянно наготове и в разговорах, и в делах. Чувство у него если когда и проявля-

ется, то в крайних случаях — в жаркой беседе, отчасти на вечеринках. Если к этому добавить его силу воли, то он будет человеком ума и воли».

Владимира Ильича, конечно, радовало такое отношение гимназических друзей к старшему брату. Но Гончаров ему импонировал и сам по себе — как человек, труженик и общественный деятель. Честный и смелый, Дмитрий Александрович на протяжении ряда лет заведовал библиотекой и кассой симбирского землячества, пока в мае 1887 года не был исключен из университета и не выслан из Казани в Самарскую губернию.

В Алакаевке они встретились уже как земляки и бывшие студенты, состоящие под негласным надзором полиции и оба пока что безуспешно добивающиеся права на обратное поступление в университет. Гончарова исключили с 4-го курса. Он был старше Владимира Ильича на семь лет, уже был женат на Екатерине Трофимовне Сахаровой и воспитывал вместе с нею двухлетнюю дочь Наденьку. За два года работы в Тростянке и Старом Буяне земским фельдшером, а фактически — врачом на все руки, Дмитрий Александрович в мельчайших деталях изучил жизнь крестьян, знал о всех их нуждах, настроениях и сокровенных чаяниях и старался чем только мог облегчить их страдания.

Мария Ильинична, вспоминая алакаевско-самарскую пору жизни, подчеркивала, что Д. А. Гончаров «не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением». И не скрывал этого чувства в разговорах с друзьями, в частности с народнически настроенным членом земледельческой коммуны на хуторе Шарнеля А. А. Преображенским. «Во время одной из бесед с Гончаровым, — вспоминал Преображенский, — он сказал мне, что среди студентов он знает одного, который будет гением в области статистики, и назвал Владимира Ильича Ульянова. Я усомнился, можно ли создать что-либо гениальное по статистике, но Гончаров настаивал на своем мнении».

Под «гениальным в статистике», очевидно, подразумевались те необычайно логичные и смелые выводы, которые Владимир Ильич, вооруженный знанием марксизма, делал на основании статистических материалов о развитии капитализма в России, и прежде всего его указания на революционизирующие последствия быстрого роста товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и разложения крестьянской общины — на образование пролетариата в деревне и усиление классовый борьбы в ней.

Именно Дмитрий Александрович привел однажды Преображенского в самарскую квартиру Ульяновых и познакомил с Владимиром Ильичем. К этому времени Преображенский, по его словам, уже разочаровался в «прирожденной преданности крестьянства коммунистическим идеям» и относился к деревне без присущих народникам иллюзий и предрассудков. Вспоминая эту памятную встречу, Преображенский писал: «Владимир Ильич казался одинакового возраста со мной. Он даже выглядел солиднее меня и производил впечатление вполне зрелого человека несмотря на то, что я был старше его на восемь лет. У него была небольшая бородка, подстриженная клинышком, и усы. При первой моей встрече с Владимиром Ильичем присутствовал какой-то молодой человек, с бледным лицом, без усов, без бороды, который во

все время нашего разговора не произнес ни слова. Кто это был, не помню.

...Владимир Ильич, видимо, уже знал обо мне от Гончарова. При встрече мы заговорили о крестьянах, и я дал характеристику крестьянства, противоречащую народнической оценке. Владимир Ильич остался доволен моей характеристикой».

Зимой 1889 года Марк Тимофеевич познакомил Владимира Ильича со своим приятелем Вадимом Андреевичем Ионовым, который, по словам Анны Ильиничны, «был, пожалуй, самой видной фигурой среди самарской молодежи и пользовался влиянием». Ионов был старше Владимира Ильича на семь лет и раньше его стал участником освободительного движения. Еще в 1883 году, будучи студентом-третьекурсником столичного Лесного института, Вадим Андреевич, уличенный в связях с народолюбцами, был выслан в родную Сызрань. Впоследствии он перебрался в Самару и стал статистиком губернской земской управы. Эта должность позволяла ему часто бывать в деревне и собирать материалы о состоянии сельского хозяйства. Можно предстать, как был рад Владимир Ильич возможности воспользоваться этим кладезем земской статистики, причем из первых рук. Владимиру Ильичу нравилось и то, что Ионов был искусным конспиратором, имевшим давние связи с революционными кружками Петербурга. Через него можно было достать и подпольные издания. Словом, Вадим Андреевич оказался таким человеком, на которого можно было всегда положиться.

Таким же честным и убежденным революционером оказался Алексей Павлович Скляренко, с которым Владимир Ильич, вскоре после переезда в Самару, познакомился тоже через Марка Тимофеевича. И, выражаясь словами Анны Ильиничны, этот однолеток Владимира Ильича стал сразу «вполне своим» человеком. Этому способствовал высокий моральный облик Скляренко. Его биография была необычной.

Внебрачный сын военного врача Василия Ивановича Попова, Алексей родился в 1870 году в городе Верном (ныне Алма-Ата). Когда он был еще ребенком, умерла мать. Отец, принадлежавший к либеральному лагерю, ушел в отставку и переехал в село Тагай Симбирской губернии, где получил место земского врача. После смерти отца Алексей, учившийся в Самарской классической гимназии, перевез из Тагая его книги и журналы, которые стали основой нелегальной библиотеки руководимого им кружка народнического направления. С гимназическим начальством он не ладил. Особенно с инспектором-преподавателем латыни А. П. Пятницким. Тем самым, против которого боролись в Симбирской классической гимназии Александр Ульянов и его товарищи, пока не добились его удаления из Симбирска. И все-таки не без участия Пятницкого самарские жандармы в 1887 году сумели пронюхать, что кружок Алексея Попова занимался печатанием на гектографе и распространением нелегальных изданий. В ходе следствия было установлено, что Алексей Попов является «незаконнорожденным», а поэтому не имеет права на имя и фамилию отца. Он стал зваться по крестному отцу — Алексеем Павловичем Бальбуциновским, а позже принял фамилию матери — Скляренко.

После нескольких месяцев пребывания в самарской тюрьме Алексей Павлович отбывал заключение в знаменитых петербургских «Крестах», 228 откуда вышел на свободу только в июле 1889 года. По возвращении в

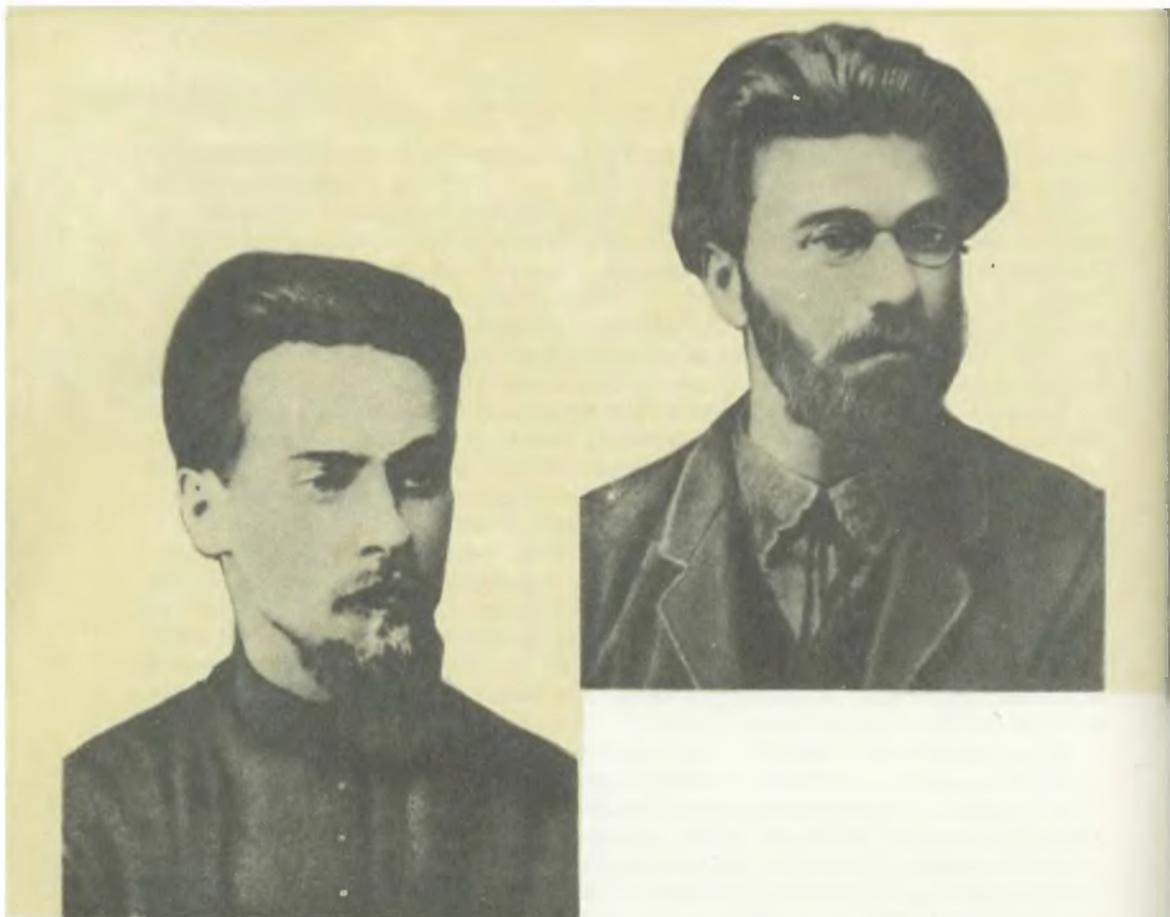
Самару он серьезно взялся за самообразование. Перечитал многие труды по русской экономической истории, философии, социологии; с завидным упорством штудировал исследования по экономике современной деревни, развитию кустарных промыслов. Одновременно Алексей Павлович руководил несколькими кружками учащейся молодежи и рабочих, организуя в них изучение злободневных экономических и политических вопросов в духе либерально-народнических идей небезызвестного «В. В.» — публициста В. П. Воронцова. Ко времени знакомства с Владимиром Ильичем Скляренко считал себя «вевистом» (от «В. В.»).

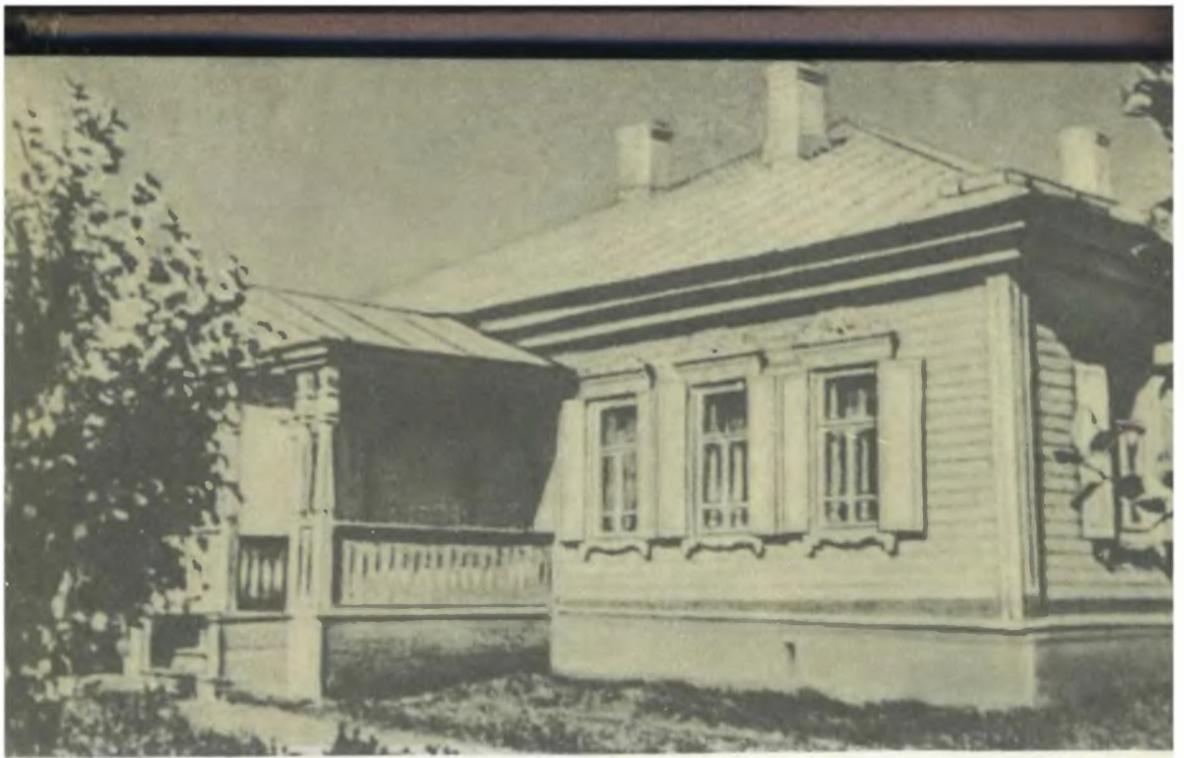
Внешне Алексей Павлович imponировал всем, кто с ним близко прикасался. Высокого роста, статный, сильный, гибкий, с прекрасным умным и выразительным лицом. Неизменная суковатая палка и темное пенсне придавали ему какую-то таинственность. В действительности же он был очень общительным, остроумным и вместе с тем по-светски выдержанным. Простые люди любили его за то, что он обращался с ними по-товарищески. Неотъемлемыми чертами богатой природы Алексея Павловича были талант организатора масс, страстного оратора и, как подчеркивала Анна Ильинична, «бесшабашная смелость». В личной жизни Скляренко был очень скромным. Одевался просто, жил в дешевых квартирах, но всегда был готов приютить у себя товарища, поделиться с ним последним.

Скляренко был знаком со всеми политическими поднадзорными города, ясно представлял, на что именно способен каждый из них в настоящее время, и поэтому мог помочь Владимиру Ильичу в сближении с нужными людьми. В числе первых, к кому Алексей Павлович направился с Владимиром Ильичем, был доктор Вениамин Осипович Португалов, обитавший на Саратовской (ныне — Фрунзе) улице, в нескольких минутах ходьбы от Струковского сада.

Дом Португаловых был широко известен в Самаре. Тысячи горожан обращались к опытному врачу, который никогда не отказывал в помощи. Многие чтили Вениамина Осиповича за благотворительную деятельность в пользу обездоленных. Интеллигентное общество ценило его как автора научных и критических статей. Неизвестно, рассказывал ли Скляренко Владимиру Ильичу до посещения дома Португаловых о политическом прошлом доктора: его членстве в нелегальном Харьковско-Киевском обществе 50-х годов и последовавших затем аресте и ссылке в Поволжье, его работе в Казанской воскресной школе в 1860 году или тюремном заключении, которому он подвергся в Самаре в 1874—1875 годах по делу о революционной пропаганде народников. Но, без сомнения, Владимир Ильич кое-что знал и сам о Вениамине Осиповиче, а с его сыном Иосифом, одним из руководителей сим-

1. А. П. Скляренко.
2. И. Х. Лалаянц.
3. Дом Ульяновых в Алакаевке.
4. Деревня Алакаевка.
5. Комната В. Ульянова в алакаевском доме. ▶

бирско-самарского землячества в Казани, был хорошо знаком и вместе с ним участвовал в декабрьской сходке.

Первое, что обращало внимание каждого посетителя португаловской квартиры, — это обилие книг, журналов, газет, а также портретов выдающихся деятелей науки, литературы, искусства, государственных и общественных деятелей. Хозяин был оригиналом. Все портреты, подвешенные в кабинете на шнурах, были сведены в три группы, с выразительными надписями жирным шрифтом-вязью над каждой из них: «Соль земли русской», «Гнилой Запад» и «Наши самобытники».

Многих поражало несоответствие между возрастом доктора, а ему шел уже 55-й год, и той энергией, отзывчивостью, разнообразием интересов, которые он проявлял. Высокая прямая фигура, борода почти до пояса — словом, вид патриарха, а глаза — живые, с молодежьим блеском, в голосе — ничего старческого. Приветливый и разговорчивый, Португалов обычно забрасывал каждого приезжего казанца вопросами о житье-бытье города, где он сам жил и слушал лекции знаменитого профессора Афанасия Щапова, а затем посвящал гостя в общественную жизнь Самары. При каждом удобном случае Португалов провозглашал девиз, который был краток, но многозначителен: «Свет и свободу для народа». И хотя доктор не имел при этом в виду революционной борьбы против существующего строя и на практике не шел дальше осуществления «малых, но полезных для общества дел», он все-таки был интересным собеседником, и Владимир Ильич поддерживал с ним дружеское общение. Сближению с Португаловым способствовало и то обстоятельство, что дочь его Софья, окончившая в 1886 году физико-математический факультет Бестужевских курсов, занималась в Самаре частными уроками, а также переводами беллетристики для публикации в поволжских газетах, к чему теперь готовилась и Анна.

Как-то, в первых числах декабря, Владимир Ильич навестил Скляренко и познакомился у него с только что выпущенным из самарской тюрьмы бывшим учителем Алексеем Александровичем Беляковым. Выходец из крестьянской семьи, двадцатилетний Беляков отбывал четырехмесячное заключение за пропаганду на селе и попытку создать подпольную типографию. Но репрессии не запугали его, и он вновь стал участником кружка Скляренко.

Воссоздавая впоследствии события общественной жизни той поры, Беляков прежде всего выделил попытку самарской молодежи почтить память Н. Г. Чернышевского, скончавшегося 17 октября 1889 года в Саратове. По примеру студенчества Москвы и Петербурга самарцы решили организовать панихиду. «...Либералам удалось привлечь часть молодежи к участию в панихиде, отслуженной в кладбищенской церкви. Характера демонстрации панихида не получила, но поп за пять рублей очень усердно молился за «новопреставленного боярина Николая», — писал в своих воспоминаниях Беляков. Однако за сорок с лишним лет, прошедших после описываемого события, память, как это нередко бывает, изменила мемуаристу. Организаторами панихиды в Самаре были не либералы, а горячие приверженцы автора романа «Что делать?».

Следует иметь в виду, что Святейший Синод правительствующего сената, стремясь не допустить «поминовений, панихид и заупокойных

литургий по врагам православной христовой церкви и трона», разослал по всем губернским духовным консисториям строгое запретительное предписание, особенно в отношении тех «врагов», которые умерли «без покаяния». Покойный Н. Г. Чернышевский, безусловно, относился к числу последних. Об этом ведали не только светские и церковные власти Самары, но и либералы. Они знали, что за участие в запретной акции жандармы по меньшей мере могут завести досье. И уже только поэтому вряд ли могли стать инициаторами панихиды.

Так было и в Самаре, где смелая идея устроить панихиду, посвященную памяти любимого Чернышевского и приуроченную ко дню его именин — 6 декабря, возникла среди деятелей революционного подполья. Мы уже никогда не выясним, кто именно и на каких условиях договорился со священником Всесвятской кладбищенской церкви протоиереем И. А. Боголюбским об этом чествовании: его организаторы не оставили воспоминаний. Что касается жандармов, то о происшествии им стало известно более чем через месяц. Сообщая в самарскую духовную консисторию о нарушении Боголюбским синодского запрета, начальник самарской жандармерии полковник А. М. Сердюков писал: «Онй священнослужитель Боголюбский 6-го дня декабря месяца 1889 года с лицами сомнительного благонастройства, состоящими под негласным надзором полиции бывшим студентом Казанского Императорского университета Владимиром Ульяновым, освобожденными из тюрем: Алексеем Поповым-Бальбуциновским, Алексеем Беляковым, доктором Вениамином Португаловым, при других поднадзорных и учащихся фельдшерской школы, реального училища имени императора Александра Благословенного, совершил поминовение по усопшему Чернышевскому Н. Г. и трижды благословил портрет оного в христовом храме».

Судя по этому донесению, жандармский полковник полагал, что священник был осведомлен, по какому именно Чернышевскому он «совершил поминовение», причем по просьбе лиц «сомнительного благонастройства». И жандарм имел основания для такого вывода. Действительно, Боголюбский, занимавший по совместительству должность духовного цензора, не мог не знать о запретительном предписании Святейшего Синода. Более того, как благочинный приходских церквей Самары, Боголюбский лично знал некоторых поднадзорных, например Португалова, и по долгу службы обязан был проинформировать начальство о заказанной панихиде.

Расправа над И. А. Боголюбским была скорой и суровой: «...за совершенное поминовение по врагу трона и православной христовой церкви Чернышевскому» самарская духовная консистория в январе 1890 года наложила «препятствие к награде его орденом святой Анны III степени, оформленной в 1889 г. по самарской епархии». Вслед за этим Боголюбского сняли с должности благочинного и перевели с доходной кладбищенской церкви в одну из захудалых приходских.

Кому и что именно сообщал глава самарской жандармерии о Владимире Ульянове и других политических поднадзорных, организовавших панихиду 6 декабря, — неизвестно. Но слухи об этом происшествии еще долго ходили по городу.

ЗАПРОС В ЛЕЙПЦИГ

С первых же дней жизни в Самаре Владимир Ильич возобновил борьбу за право на получение высшего образования. Мать помогала ему как могла. В сентябре она обратилась с письмом к казанскому профессору Н. И. Ильминскому, хорошо знавшему Илью Николаевича, с просьбой посодействовать сыну в возвращении в университет или допуске его к сдаче экзаменов экстерном. Однако Ильминский, хотя и имел влиятельные связи в Петербурге, не смог ничего сделать.

Тогда 28 октября Владимир Ильич сам обращается к министру народного просвещения графу И. Д. Делянову: «В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования.

Ввиду этого я крайне нуждаюсь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении». (Выделено мной. — Ж. Т.)

Поразительно, с каким достоинством и уверенностью в своих знаниях заявляет он в этом, принципиально новом прошении о собственных намерениях: речь идет уже не о возобновлении учения в университете или допуске к сдаче экстерном экзаменов за курс юридического факультета, а сразу — о готовности держать экзамен на кандидата юридических наук! Ведь для получения ученой степени надо сдать на «отлично» экзамены и написать диссертацию, которая должна получить одобрение профессоров. Ясно, что так мог писать человек, который уже глубоко проштудировал значительную часть университетских программ.

Конечно, шансов на положительный ответ было мало. И Владимир Ильич, наверное, вообще бы не надеялся, если бы знал, что министр Делянов почти одновременно с его прошением получил от попечителя Казанского учебного округа П. Н. Масленникова неблагоприятные сведения о нем и его родных. Оказывается, во время посещения Самары в августе попечитель пришел к выводу, что существование «подозрительных» интеллигентских поселений на землях К. М. Сибирякова и вопрос о семье Ульяновых «оказались в тесной связи». Докладывая об этом Делянову, Масленников сообщил об усилении самарским губернатором надзора «за образом жизни Ульяновых и за их отношением к другим, остающимся еще на хуторе, подозрительным личностям...».

Неудивительно, что министр, получив такое донесение из Казани, наложил на прошение Владимира Ульянова злобную резолюцию: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Д-т полиции уже, вероятно, знает, что он делает на своей стороне». Департамент полиции не располагал конкретными данными о нелегальной деятельности Владимира Ильича в Самарской губернии, и поэтому ответ от 4 декабря на запрос Делянова свелся к напоминанию о том, что Ульянов исключен из университета за участие в студенческих «беспорядках», а позже «замечался в сношениях с лицами, политически неб-

лагонадежными, из коих некоторые привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении».

Попечитель округа тоже уклонился от прямого обвинения Владимира Ильича в политической неблагонадежности. В своем ответе Делянову он ограничился подсказкой о наличии формального препятствия: «...в государственных комиссиях на бывшую степень кандидата экзаменов не должно производиться, а если таковые и могут быть в исключительных случаях допущены, то только для лиц, имеющих в университете не менее VIII зачетных полугодий, к каковым лицам Ульянов не принадлежит».

Что правда, то правда: Владимир Ильич учился в университете немногим более трех месяцев и поэтому не имел ни одного зачетного полугодия. Если проситель не имел формального права на сдачу экстерном экзаменов на кандидата юридических наук, то Делянов мог разрешить ему сдачу экзаменов хотя бы за юридический факультет. Но министр без каких-либо пояснений приказал ходатайство просителя отклонить.

Отказ, безусловно, огорчил Владимира Ильича, но не поколебал его делового настроения: именно в эти декабрьские дни он углубляет программы «своего университета», в котором главное место отводилось теории научного коммунизма. Примечательно то определенное сходство в подходах к изучению марксизма, которое проявлялось у Владимира Ильича и его старшего брата.

Еще во время летних каникул 1886 года, проведенных в Симбирске в одной комнате с Владимиром, Александр завершил изучение первого тома «Капитала» К. Маркса. Сразу по возвращении в Петербург он заявил своему близкому товарищу — студенту Оресту Говорухину, что этот том — «самая интересная книга из всех, которые он до сих пор прочитал», и решил «основательно познакомиться со всеми сочинениями Маркса и Энгельса, начиная с самых первых». Верный своему слову, Александр вскоре достал чрезвычайно редкий «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года и вместе с Говорухиным сделал перевод Марксовой статьи «К критике гегелевской философии права. Введение», чтобы издать ее в нелегальной типографии. В редактировании перевода с немецкого с увлечением участвовала и Анна. Затем Александр наметил изучение и перевод брошюры К. Маркса «К критике политической экономии». Но слишком скупо ему было отмерено времени на теоретические размышления, и Александру не удалось окончательно перейти на позиции марксизма. После мучительных раздумий он примкнул к заговору против царя, инициаторами которого были О. Говорухин и П. Шевырев...

С «Капиталом» и другими трудами основоположников научного социализма на русском языке Владимир Ильич уже был знаком. Но чтобы досконально изучить революционную теорию, постичь ее в историческом развитии, заметить все нюансы, понять авторов до конца, молодой человек, которому не исполнилось еще и двадцати лет, ставит задачу проштудировать марксистскую литературу на немецком языке.

27 декабря 1889 года он посылает во всемирно известную лейпцигскую книготорговую фирму Ф. А. Брокгауза письмо на немецком языке. Строго говоря, это не письмо, а двойная открытка (с оплаченным ответом), на лицевой стороне которой написан адрес фирмы, а на внутрен-

ней — запрос о стоимости и условиях доставки литературы из Лейпцига по адресу: «В г. Самару. Владимиру Ильичу Ульянову. Воскресенская улица, дом Каткова». В запрос о стоимости книг он включил:

№ 1. Г. Роскошный. Бедная Россия. 1888.

№ 2. Маколей. История Англии. Издание Таухница.

№ 3. Сочинения К. Каутского.

№ 4. Карл Маркс. Капитал. Т. 1. 2-е издание.— К критике политической экономии. Берлин, 1859.

№ 5. Сочинения Г. Брандеса.

№ 6. Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии» и другие его сочинения.

Кроме того, Владимир Ильич просил сообщить, получает ли фирма Брокгауз «списки тех книг, ввоз которых в Россию запрещен русской цензурой», а также прислать ему «каталог книг по политической экономии и философии».

Трудно даже предположить, что знал Владимир Ильич о «Бедной России» и насколько нужна была ему эта книга. Но вряд ли так важно было ему выяснять стоимость пятитомной «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» либерального буржуазного историка Томаса Маколея, изданной в 1849—1861 годах и давно имевшейся и в симбирской Карамзинской общественной библиотеке, и в самарской Александровской, или интересоваться стоимостью сочинений датского литературного критика-позитивиста Георга Брандеса, которые тоже можно было найти в библиотеках и магазинах России, на русском языке. Скорее всего эти три автора были включены в запрос только для того, чтобы ими заслонить в общем списке труды К. Каутского по популяризации марксизма, а главное, редкие издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Первый том «Капитала» на русском языке издания 1872 года Владимир Ильич всегда имел под рукой, ибо эта книга была у Марка Тимофеевича. Следовательно, запрос Владимира Ильича в отношении 2-го издания первого тома «Капитала», выпущенного в 1872 году на немецком языке в Берлине, продиктован прежде всего желанием познакомиться с главным трудом К. Маркса на его родном языке. Но дело не только в этом. Первый русский перевод «Капитала» Г. Лопатин и Н. Даниельсон делали с немецкого издания 1867 года. Второе немецкое издание вышло с исправлениями и дополнениями К. Маркса. В послесловии, в частности, он ввел описание своего диалектического метода, данное петербургским профессором И. И. Кауфманом на страницах «Вестника Европы». В русском же переводе этого издания в 1889 году еще не было.

Интересуясь в своем запросе от 27 декабря 1889 года брошюрой К. Маркса «К критике политической экономии», первый выпуск которой вышел в Берлине еще в 1859 году, причем небольшим, тысячным тиражом, Владимир Ильич знал, что за истекшие 30 лет на русском языке она так и не появилась. Этим и объясняется его стремление познакомиться со ставшим уже библиографической редкостью произведением, в котором Маркс сформулировал сущность исторического материализма.

Не случайно в запросе фигурируют и сочинения Карла Каутского. 236 Некоторые из них, особенно книга «Экономическое учение Карла

Маркса», пользовались довольно большой популярностью среди передовой интеллигенции и учащейся молодежи России.

Судя по записям сотрудника фирмы Брокгауз, ответ из Лейпцига на письмо Владимира Ильича был дан уже через несколько дней. Когда и в какой мере выполнялся необычный заказ из далекой России — неизвестно, но все говорит за то, что самые нужные из упомянутых в запросе трудов Владимир Ильич имел уже в Самаре. Приобрел Владимир Ильич и брошюру К. Маркса «К критике политической экономии» 1859 года издания и перевел из нее отрывки с изложением гениальных идей материализма в социологии.

Тщательно прорабатывает он и «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского на немецком языке. Вслед за братом, но вполне самостоятельно, примется за перевод этой книги и Ольга Ильинична. Так закладывался фундамент тех теоретических познаний, которые будут приводить в восхищение самарских, а потом и петербургских марксистов.

«РУССКИЙ ЧИКАГО»

Этой зимой началось настоящее знакомство Владимира Ильича с Самарой. Впечатление о внешнем облике ее складывалось благоприятное. Губернский центр тянулся вдоль левого берега Волги, у юго-восточной части Самарской луки, как бы вдаваясь клином между Волгой и ее левым притоком Самаркой. Спускаясь более круто к волжскому берегу, город большей своей частью живописно раскинулся на ровной покатости, направленной к долине Самарки. Этот просторный треугольник, две стороны которого ограничены реками, простирался на площади около 1000 десятин (четыре с половиной версты вдоль Волги и три — с запада на восток, от пристани до железнодорожного вокзала). Приятно удивляла удачная планировка Самары. Город делился восемнадцатью улицами, протягивающимися с севера на юг (почти вдоль Волги), расположенными на расстоянии 60 сажен одна от другой, и семнадцатью поперечными улицами, идущими с запада на восток через каждые 120 сажен, образующими четкую сетку из 140 прямоугольных кварталов. Все улицы были прямые и довольно широкие, не было ни одного кривого и узкого переулочка. Бросалось в глаза и еще одно достоинство Самары: спуски к Волге были намного короче и удобнее, чем, скажем, в Симбирске.

Да и климат здесь был теплее, чем в других местностях той же географической широты — с северо-запада Самару защищали Жигулевы горы.

Владимир Ильич знал из гимназического учебника, а затем и из справочной литературы, что Самара до 1851 года была уездным городом Симбирской губернии с населением около 15 тысяч душ обоего пола и что к своему 300-летию, пышно отмечавшемуся в 1886 году, число ее жителей увеличилось почти в шесть раз. Молодой губернский центр за его стремительный рост и наличие больших скотобоен в печати нередко

стали называть «русским Чикаго», предрекая ему роль торгово-экономической столицы Поволжья.

Быстрому подъему Самары способствовал ряд объективных факторов. После падения крепостного права сюда устремилась армия наемных работников, трудами которой распахивались огромные массивы земли под выращивание едва ли не лучшей в России твердой пшеницы — «белотурки» с большим содержанием клейковины. Значительное развитие получили также пастбищное скотоводство и переработка его продуктов. Открылся простор для деятельности энергичных предпринимателей.

Благодаря своему выгодному географическому положению Самара превратилась в крупнейший транспортный узел, связывающий центр Европейской России со средним Поволжьем, Южным Уралом и Средней Азией. В городе были лучшие пристани Поволжья, расположенные на главной реке (лесная, буксирная и пассажирские), а также на Самарке, напротив Сенного острова. На малой реке ледоход проходил на несколько дней раньше, чем на Волге. Зимовавшие на Самарке пароходы и баржи в апрельское полноводье подходили вплотную к хлебным амбарам и салотопням, и грузчики по дощатым мосткам быстро заполняли суда кулями с зерном, бочками с салом и солониной. А как только заканчивался волжский ледоход, пароходы тут же выходили на широкую гладь матушки-реки и достигали Казани до наибольшего внешнего разлива, когда еще нет сильного встречного течения, а затем устремлялись дальше к Рыбинску. И несмотря на то, что Симбирск и Казань располагались ближе к верховью Волги, хлеботорговцы этих и других городов с завистью наблюдали за резво проплывающими сухогрузами конкурентов, но ничего поделать не могли: две недели уходили на ожидание из затонов своих транспортов и загрузку их хлебом, причем на пристанях, удаленных от города. В итоге самарские купцы, первыми появляясь в Рыбинске, диктовали цены на товар, да к тому же успевали за навигацию сделать на один-два рейса больше, чем их конкуренты из других мест среднего Поволжья.

Наряду с развитием пароходства неоценимое влияние на экономическую жизнь Самары оказало появление железных дорог. В 1875 году стальной путь от Москвы подошел к правому берегу Волги у села Батраки. Через два года поезда стали ходить от Самары до Оренбурга, а в 1880 году железнодорожный мост (Александровский) связал оба берега Волги, и миллионы пудов самарской «белотурки», продукты скотоводства мощным потоком потекли на рынки обеих столиц и за границу.

Главное место в экономической жизни Самары занимала хлебо- и скотопромышленность; с каждым годом набирала обороты лесная промышленность. Фабрично-заводское производство не получило заметного развития в Самаре. Крупнейшим предприятием являлся земледельческо-механический завод «Товарищества Бенке и К^с». Занимался он в основном постройкой и ремонтом «водяных и паровых крупчатых и раструсных мельниц, а также приготовлением земледельческих машин и орудий», «постройкой и ремонтом винокуренных, пивоваренных, маслособойных и лесопильных заводов, паровых машин, турбин всех систем», а с 1885 года — и сооружением буксирных пароходов. Имелись два

Подъем экономики и торговли, быстрый рост банков привели к появлению в Самаре купцов-миллионеров и так называемых «среднячков» — обладателей сотысячных капиталов. Они скупали имения родовитых дворян, возводили в городе роскошные особняки. Толстосумы верховодили и в городской думе, определяя статьи ее бюджета, который, кстати, за три десятилетия вырос почти в 25 раз!

С купеческим размахом было воздвигнуто в 1888 году изящное каменное здание городского театра на 1300 мест. Автор проекта, известный архитектор М. Н. Чичагов, предусмотрел оборудование театра новейшими вентиляционными, акустическими и противопожарными устройствами. Но вместо 85 тысяч, которые предусматривала первоначальная смета, купцы-подрядчики урвали из городской кассы 175 тысяч рублей.

Гордостью Самары был противопожарный водопровод, один из самых мощных и технически оснащенных в России. Это сложное инженерное сооружение стоило 454 тысячи рублей. Не пожалела денег купеческая Самара на устройство Соборной площади, которая по своей величине (12 десятин) не имела равных в других губернских центрах. Посередине площади было воздвигнуто громадное здание кафедрального собора, вмещавшего две с половиною тысячи верующих. Со всех концов города был виден пятиаршинный золоченый крест (весом в 57 пудов), венчавший колокольню высотой в 37 сажен.

Существенным событием стало обустройство и другой, Алексеевской площади. Находившиеся здесь неказистые деревянные торговые ряды были снесены, а на их месте разбит сквер, в центре которого в 1888 году на высоком пьедестале был установлен памятник Александру II, изображенному в походной шинели внакидку и в фуражке.

Соборная и Алексеевская площади были озеленены и оборудованы для прогулок «чистой» публики. Местом же общих, массовых гуляний являлся Струковский сад. Еще в 40-х годах он был конфискован у погрязшего в махинациях управляющего «соляной частью» Струкова и отдан городу. Расположенный на возвышенном и живописном волжском берегу сад был увеличен за счет соседнего частного участка, а затем толково распланирован. Появились цветочные клумбы, оранжереи, питомник скорораствующих деревьев и кустарников, скамейки, каменная лестница у парадного входа, несколько изящных террас и беседок, «вокзал» с великолепными видами на Волгу, а вся территория сада обнесена деревянною на каменных столбах резною решеткою. В летнее время Струковский сад с его тенистыми аллеями становился любимым убежищем изнывающих от жары обывателей, и они любовно называли его «легкими Самары».

Но, как и в американском Чикаго, окраины Самары представляли собой трущобы. В городе не было канализации. Кабак или трактир имелись почти в каждом квартале, зато во всем городе не было ни одного народного клуба. Даже центральная Дворянская улица освещалась редкими керосиновыми фонарями, хотя местный купец-изобретатель А. П. Графов брался быстро установить на ней электрическое освещение. Далеко не все улицы были вымощены, а тротуары нередко состояли из битых камней и поломанных досок.

«Одно из величайших бедствий в Самаре, — писал врач В. Португалов, — это пыль... Пыль эта состоит из кварца, песка, составляющего ос-

нову почвы Самары от косы (в устье Самарки. — Ж. Т.) до Молоканского сада (на северной окраине. — Ж. Т.), затем к песку примешивается известь от мягкого известняка, коим вымощены улицы... из навоза, вечно гниющего на улицах города, и из всякого домашнего сора».

Знакомясь с городом, Владимир Ильич, естественно, интересовался его культурой и общественной жизнью. И не мог не отметить, что в этом отношении Самара, не имевшая ни одного высшего учебного заведения, сильно проигрывала Казани. Как, впрочем, и по уровню среднего образования. Менее содержательными были и самарские газеты. Выбор литературы в книжных магазинах и библиотеке — скудное. Не было в Самаре ни научных обществ, ни музыкальной школы, ни шахматного клуба.

В административном отношении Самара делилась на три части. Первая, самая старая из них (южная), вбирала в себя с 1-го по 31-й квартал и простиралась от устья Самарки до Алексеевской площади. Многие в жизни первой части было связано с хранением и переработкой продуктов хлебной и скотопромышленности, а также торговлей ими. Здесь и проживали в основном купцы и приказчики, грузчики, матросы и мастеровые. В этом бойком и демократическом районе, в домах Шоринова, Каткова и Кулагина, и квартировали первое время Ульяновы и Елизаровы.

Вторая часть (32 — 83-й кварталы) являлась ядром города. Здесь размещались губернские учреждения и ведомства, мужская и женская гимназии, духовная семинария, центральный Троицкий рынок, лучшие гостиницы, рестораны, магазины, церкви, дома чиновников и наиболее преуспевающих купцов, почта, библиотека, дворянский и коммерческий клубы, редакции «Самарской газеты» и «Самарского вестника объявлений», вокзал Оренбургской железной дороги.

Самой обширной по размерам была третья (северная) часть (84 — 140-й кварталы). В этом сравнительно новом районе находилась губернская земская больница, кафедральный собор, Струковский сад, несколько промышленных заведений, женский монастырь, кумысные лечебницы и дачи. Народ здесь обитал разный, в последние годы стали строиться и зажиточные обыватели.

Для Владимира Ильича знание административного деления города было крайне необходимо, ибо слежка за поднадзорными осуществлялась чинами полицейских частей сугубо по территориальному принципу. Уже хотя бы поэтому надо было знать «своего» полицейского пристава, его штатных помощников и служителей как по фамилиям, так и в лицо...

В ПЕРВУЮ САМАРСКУЮ ЗИМУ

Еще осенью 1888 года, в Кокушкино, началось заочное шахматное знакомство Владимира Ильича с видным самарским адвокатом Андреем Николаевичем Хардиным. Естественно, что с переездом в Самару Владимир Ильич захотел сразиться с Андреем Николаевичем, да и другими

шахматистами. Марк Тимофеевич Елизаров, сам страстный любитель древней и мудрой игры, охотно исполнил это желание, и зимой 1889 года Владимир Ильич стал одним из активнейших участников шахматной жизни города.

Дмитрий Ильич, с детства увлекавшийся любимой игрой семьи, воссоздал картину одного из турниров с участием брата. «Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы, — писал он. — В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, а один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то».

Владимир Ильич любил бывать у Андрея Николаевича, который квартировал в центре города, в том же доме купца Воцакина на Саратовской улице (ныне — ул. Фрунзе, 65), где находилась классическая гимназия. Хардин был не только прекрасным партнером, у которого многому можно было поучиться, но и интересным собеседником. В это время ему шел 49 год, но он выглядел моложе своих лет и живо интересовался всеми злободневными вопросами, волновавшими молодежь. Гонения, которым Хардин подвергался «за оказание явного неуважения губернатору» и связь с революционным подпольем в 70-х годах, заставили его воздерживаться от внешних проявлений своей оппозиции существующему в России строю. Но он навсегда остался честным человеком, лояльно относившимся к политическим поднадзорным. Не побоялся он открыто принимать у себя и родного брата казненного Александра Ульянова.

Кое-что о своем прошлом Хардин рассказывал Владимиру Ильичу, а тот — своим родным. Этим и объясняются их высказывания об Андрее Николаевиче. Анна Ильинична, например, вспоминала, что «после убийства Александра II, когда в адресах всех земств новому царю выражалось одно лишь раболепие», Хардин «рискнул в осторожных, понятно, выражениях указать, как на главную задачу нового царствования, на необходимость увеличения крестьянских наделов» и был «за эту дерзость» немедленно смещен с должности председателя Самарской земской управы. Рассказами брата, очевидно, навеяны и воспоминания Дмитрия Ильича о Хардине: «Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В течение приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориним, показал себя первоклассным игроком».

Вслед за Владимиром Ильичем сблизилась с семьей Хардина и Ольга Ильинична, которая стала поддерживать дружеские отношения с дочерью Андрея Николаевича Надеждой и ее кузинами — детьми врача Владимира Николаевича Хардина.

Шахматные вечера устраивались также и на квартире Николая Степановича Долгова — одного из ветеранов местного подполья. В молодости, после окончания гимназии, он учился в Петербурге —

сначала в университете, а затем в Технологическом институте, и в Москве — в Петрово-Разумовской земледельческой академии, но нигде так и не окончил курса. Помешали репрессии, которым Долгов подвергался за участие в студенческом движении, и арест по делу С. Г. Нечаева, в результате чего он больше года находился в Петропавловской крепости, а потом отбывал ссылку в Архангельской губернии. В 1873 году Николай Степанович был переведен в Самару. Одно время он заведовал конторой имения К. М. Сибирякова в сельце Сколково (родине А. И. Хардина). В 1879 году сразу же после покушения Александра Соловьева на жизнь царя подвергся аресту, но вскоре был освобожден. Последние годы служил конторщиком в управлении Оренбургской железной дороги.

В то время, когда Владимир Ильич познакомился с Долговым, старый народник не принимал активного участия в каких-либо подпольных акциях. Но, как человек честный и отзывчивый, он приветливо принимал у себя каждого нового политического ссыльного и оказывал ему сильную помощь и поддержку. Это гостеприимство не могло не беспокоить самарских жандармов, да и благонамеренных домохозяев. Поэтому Николаю Степановичу с малолетним сыном Петей чуть ли не ежегодно приходилось искать новое жилье. Когда Владимир Ильич впервые зашел к Долгову, тот квартировал в доме Воронцова, на углу Садовой и Оренбургской улиц (ныне — ул. Чкаловская, 258/41).

Бывал он у ветерана не только для того, чтобы сразиться в шахматы. Сын Николая Степановича, П. Н. Долгов, потом вспоминал: «...шахматисты собирались обычно вечером, часов в семь или восемь... Владимир Ильич приходил ранее других, беседуя с отцом, сажал меня на колени...» О чем они беседовали до прихода остальных игроков, мальчик не мог запомнить, но, наверное, в такой обстановке, один на один, хозяин дома мог откровенно рассказывать молодому революционеру о наиболее ярких эпизодах борьбы шестидесятников и семидесятников за освобождение народа, о своих единомышленниках в различных городах Поволжья и Петербурге (там у Долгова были родственники) и давать объективную характеристику деятелям самарского подполья.

Хардин и Долгов были сильными партнерами, и Владимиру Ильичу пришлось приложить немало усилий, чтобы приглушить в себе вспыхнувший азарт шахматного бойца. Как ни увлекательны шахматы, он старался относиться к ним как к развлечению и, когда игра становилась помехой делу, оставлял ее. Помогали воспитанная еще в детстве воля и умение держать себя в руках.

Рождественские и новогодние праздники 1890 года купеческая и чиновничья Самара проводила шумно и весело. В дворянском и коммерческом собраниях проходили балы, маскарады, любительские спектакли, концерты с участием хора и оркестра студентов в пользу малообеспеченных товарищей из Казанского и Московского университетов, в городском театре с успехом шла оперетка «Все мы жаждем любви», на катке играл духовой оркестр, в ресторанах устраивались грандиозные застолья.

Ульяновы устроили елку для Маняши, Мити и Жени, а сами взрослые уже не первый год — после потери отца и Саши — праздники проводили очень скромно, в семейном кругу. Первый день нового года пришелся на понедельник, когда у ребят продолжались каникулы. Утро

1 января выдалось холодным — термометр показывал около 20 градусов мороза, а на улице было довольно ветрено. Поэтому Маняша, Митя и Женя больше развлекались «сидячими» играми и читали. А для взрослых этот день мало чем отличался от будней, был рабочим.

Трудно определенно сказать, подрабатывал ли в это время кто-нибудь из Ульяновых и Елизаровых частными уроками, но учеников, как и осенью, они по-прежнему настойчиво искали. Уже 4 января в «Самарской газете» вновь появилось знакомое нам объявление:

**Репетируют
и дают уроки по всем предметам средних
учебных заведений. Спросить Елизарова
Воскресенская ул., дом Каткова.**

Что касается своих домашних учеников, то над Маняшей шефствовала Ольга, а Митю и Женю репетировали Марк Тимофеевич — по физике и математике и Владимир Ильич — по древним языкам, самым сложным в школьном курсе. Учиться в Самарской гимназии было нелегко.

В дополнение к обычным для всех классических гимназий недостаткам — господству зубрежки и муштры, засилью древних языков, отрыву изучаемого материала от потребностей реальной жизни — Самарская имела проблемы иного характера, особенно неприспособленность учебного помещения, снимаемого с 1861 года у купца Вожакина. За почти три десятилетия, прошедшие со дня основания гимназии, значительно возросло число ее воспитанников, а она по-прежнему ютилась в частном доме. Узкий и мрачный вход, полутемные шинельная и библиотека, тесный зал, где учеников собирали на ежедневную молитву и где нередко кому-то из мальчиков становилось дурно от спертого воздуха. Немудрено, что после занятий в такой обстановке Митя и Женя нуждались в помощи и поддержке своих родных. Наблюдая, в каких условиях приходится заниматься брату, и сочувствуя ему, Владимир Ильич не мог не вспоминать просторных, светлых и удобных помещений Симбирской гимназии.

Вопрос о необходимости постройки своего учебного здания для единственного в губернии мужского среднего учебного заведения не раз поднимался в самарском обществе. Но правительство не выделяло средств, а городская дума и земства тоже не находили их, хотя тратили сотни тысяч на строительство театра, грандиозного собора, памятника Александру II.

В Самаре действовало всего лишь 16 приходских училищ, причем почти половина из них ютилась в частных домах. Во всех училищах занималось 1666 мальчиков и девочек — немногим больше, чем их было в 1887 году в Симбирске, а ведь по числу жителей Самара превосходила его в два с половиной раза. О скарденности самарских «отцов города», побивших рекорд в урезывании средств на школы среди соседних поволжских городов, сообщала «Самарская газета» 17 августа 1889 года: если в Саратове в расчете на каждого жителя выделялось на нужды начального образования по 80 копеек, а в Симбирске — по 70, то в Казани и Са-

маре — только по 65 копеек в год. В какой-то мере первоначальному обучению детей Самары могли помочь воскресные школы, в которых, кстати, хотели безвозмездно учительствовать Ольга Ульянова, Софья Португалова, Надежда Хардина, некоторые преподаватели гимназий. Однако правительство препятствовало этой общественной инициативе.

Позорным проявлением реакции являлись правительственные гонения на высшее женское образование. Девушек и прежде не принимали в университеты и институты, и, по существу, единственным университетом для них были петербургские Высшие (Бестужевские) женские курсы. Но с 1887 года прием и туда был прекращен. Только спустя два года под давлением передовой общественности правительство возобновило прием на Бестужевские курсы, но обставило его частоколом таких условий и ограничений, которые становились непреодолимой преградой для большинства желающих учиться.

В самом деле, во «временном положении о высших женских курсах», опубликованном летом 1889 года и в «Самарской газете», особо подчеркивалось, что туда принимаются только «имеющие свидетельство, удостоверяющее о безбедном существовании», и представившие письменное согласие родителей или опекунов. Необходимо было и свидетельство о политической благонадежности. Слушательницы обязывались жить в общежитии курсов, уплачивая по 300 рублей за 10 учебных месяцев.

Кроме платы за общежитие, полагалось ежегодно вносить и 100 рублей за обучение.

Как ни обременительны были эти условия, Ульяновы обрадовались открывшейся для Ольги возможности получить высшее образование, хотя мать и опасалась отпускать дочь, которой не исполнилось еще 18 лет, одну в далекий Петербург и решила отложить ее отъезд до следующей осени.

Но уже 29 марта 1890 года Ольга Ильинична обратилась с прошением к самарскому губернатору о выдаче ей «свидетельства о благонадежности» для представления в высшее учебное заведение. Владимиру Ильичу было близко и понятно нетерпение сестры, и он с тревогой ожидал ответа властей, опасаясь, что на резолюцию может повлиять политическая репутация Александра, Анны и его самого...

2 апреля Ульяновы потеряли дорогого для себя человека — няню Варвару Григорьевну, которая, начиная с Володи, нянчила всех детей в семье. Давно подросли ее питомцы, но она оставалась настоящим членом семьи. Вместе со всеми переживала и оплакивала кончину Ильи Николаевича, гибель Саши, ссылку Ани, а затем арест и ссылку Володи. В свою очередь, дети, став взрослыми, продолжали относиться к ней с большим уважением и сердечностью. Надо ли говорить, что во всех хозяйственных делах няня была незаменимой помощницей матери. Заболела Варвара Григорьевна за несколько дней до 1 апреля — дня именин Марии Александровны и Маняши и, может быть, впервые за многие годы не смогла их порадовать своим пирогом. А на следующий день, как свидетельствует метрическая запись, она «умерла от старости, 72 лет». Похоронили ее Ульяновы 4 апреля на Всесвятском кладбище, том самом, где в декабре Владимир Ильич присутствовал в церкви

на панихиде в память Н. Г. Чернышевского. Теплые воспоминания о простой, честной и доброй крестьянке, от которой, по свидетельству Н. К. Крупской, еще мальчиком много слышал о деревне и «которую он очень любил», Владимир Ильич сохранит навсегда.

Как и предполагал Владимир Ильич, прошение сестры немало покочевало по канцеляриям, пока она дождалась вразумительного ответа. Самарский губернатор А. Д. Свербеев уклонился от решения, казалось бы, совершенно ясного вопроса и, решив застраховать себя, подключил к нему Петербург. Уведомляя департамент полиции о ходатайстве Ольги Ульяновой, он подчеркнул, что она находится во вверенном ему крае «всего несколько месяцев, ни в чем предосудительном и в политической неблагонадежности замечена не была, но живет вместе с сестрой Анной Елизаровой, состоящей под гласным надзором, и братом Владимиром Ульяновым, состоящим под негласным надзором полиции...». Департамент полиции не нашел формальной возможности чинить препятствие приезду Ольги Ульяновой в столицу и в ответном отношении самарскому губернатору распорядился так: «Выдать свидетельство, что ни к каким делам не привлекалась». В результате 27 апреля, почти через месяц, сестра Владимира Ильича получила «Свидетельство», но такое, в котором речательства в ее политической благонадежности, по существу-то, и не содержалось... Однако и этот обтекаемый документ открывал ей возможность для поступления в высшее учебное заведение, чему Владимир Ильич не мог не порадоваться.

Когда наступила пора отправки всех необходимых документов на Бестужевские курсы, выяснилось, что Ольга не оставила мечты стать врачом, а так как в России это было невозможно, то она по-прежнему готовилась к поступлению на медицинский факультет Гельсингфорского университета. Этим объяснялась ее упорная работа по овладению шведским языком (на котором там читались лекции), начавшаяся еще в Казани и продолжавшаяся в Самаре. Насколько страстной была эта мечта, видно из письма Ольги Ильиничны к симбирской подруге А. Щербо от 6 апреля 1889 года: «...когда я подумаю о том, что можно достигнуть, то чувствую, как будто у меня крылья вырастают».

С того времени прошел ровно год, и мать втайне надеялась, что Ольга станет бестужевкой. Увы, получив «Свидетельство» от губернатора, она тут же сама сняла копии на шведском языке со своего гимназического аттестата и других документов, чтобы отправить их в Гельсингфорский университет.

Владимир Ильич, судя по тем доверительным отношениям, которые с детства сложились между ним и его сестрой и подругой Ольгой, разделял ее намерения. Где-то в душе он, может быть, даже по-доброму завидовал тому, что у нее теперь имеется возможность выбора места учения. И глубоко переживал, что сам все никак не добьется права сдачи экстерном в любом из российских университетов. Мать он старался не тревожить своими грустными думами, но она сама понимала, что наступил момент, когда она должна предпринять какие-то решительные действия с устройством будущего и Ольги, и Владимира. Так родилась идея о поездке в Петербург. Но в оставшиеся дни до начала волжской навигации решено было найти более подходящую квартиру.

БРЕШЬ ПРОБИТА

Близость дома Каткова к Волге с наступлением весеннего тепла была чревата новой вспышкой малярии в семье. Поэтому и пришлось искать жилье подальше от реки. Новую квартиру, уже четвертую за последние девять месяцев, сняли в самом начале мая. На этот раз — в 3-й части, на восточной окраине города, в 98-м квартале, на углу Почтовой и Сокольничьей, в верхнем этаже деревянного дома купца И. А. Рытикова (ныне — ул. Ленинская, 135).

Максим Горький, хорошо знавший этот район Самары, описал его в одном из фельетонов довольно мрачно: «Улицы широки и прямы, но не мощены, грязны, изрыты колесами, дождями, свиньями, загрязнены обывателями, выносящими на них все негодное к употреблению... Дома — серые, сутулые, подслеповатые, сырые, пропитанные многой скорбью их жителей, изнывающих в заботах о куске хлеба...» Атмосферу этого района отравляло расположенное внутри его, между Сокольничьей и Уральской улицами, большое овчинное производство Сидоровой. «Зловоние, распространяемое этим заводом, — писала «Самарская газета» 9 августа 1890 года, — так велико, что мимо него нельзя ни пройти, ни проехать, не зажавши носа». Многочисленные протесты жителей, требовавших привлечь Сидорову к ответственности за антисанитарию, ни к чему не привели, так как, отмечалось в газете, близкий ее родственник, — «человек влиятельный, ибо состоит гласным городской думы...». Хорошо еще, что возле дома Рытикова имелись узенькие деревянные тротуары и стояли столбы с керосиновыми фонарями. Но для полноты картины замечу, что на первом этаже Рытиков торговал вином «на вынос». Немногими же достоинствами нового жилья являлись отдельный от хозяина вход — со стороны Сокольничьей улицы да близость к железнодорожному вокзалу, с которого уходили поезда в Смышляевку. Главное же, что вынуждало многих селиться здесь, — это относительная дешевизна жилья в этом районе.

И все-таки этот переезд необычен для Ульяновых. Ведь, живя в Казани, они каждый раз, уезжая на лето в Кокушкино, сдавали квартиру хозяину, чтобы не платить за нее хотя бы два-три месяца. Так они будут поступать и потом, живя в Москве. На сей же раз, буквально накануне переезда на лето в Алакаевку, снимается квартира, за которую надо отдавать чуть ли не половину всей пенсии, получаемой Марией Александровной на себя и младших детей. Чтобы решиться на это, нужно было иметь довольно веские причины. Какие именно?

Во-первых, наметился сдвиг к лучшему в положении Марка Тимофеевича. После ряда безуспешных попыток ему удалось устроиться помощником делопроизводителя Самарского управления государственных имуществ. Место это было более чем скромным для человека с университетским образованием, но, как говорится, лиха беда начало. Главное, он теперь имел твердый заработок. Жить он должен был в губернском городе и, следовательно, снимать здесь квартиру. Новое положение давало Марку Тимофеевичу и надежду на то, что ему в конце концов удастся выхлопотать для Анны Ильиничны досрочное освобождение от гласного надзора и право находиться по своему усмотрению то в Самаре, то в Алакаевке.

С другой стороны, постоянное жилье в городе было немалым удобством для всей семьи. Ведь ежегодный отказ весной от квартиры и наем новой осенью, после возвращения из Алакаевки, порождали бы массу хлопот с перевозкой туда и обратно рояля, мебели, одежды и других вещей, что тоже стоило денег. К тому же при наличии в городе постоянной квартиры больше шансов найти уроки для заработка. Создавались благоприятные условия для пользования библиотеками и чтения юридической, социально-экономической и художественной литературы, свежих газет и журналов.

Вот почему, начиная с этого года, Ульяновы живут в Алакаевке только часть лета, а квартира в доме Рытикова станет для них на три с лишним года постоянным местом жительства.

Самую большую комнату отвели под гостиную-столовую. Справа от прихожей, в светлой комнате с двумя окнами во двор, разместились Мария Александровна с Ольгой и Маняшей. Две соседние комнатки заняли Анна Ильинична и Марк Тимофеевич. Далее, в комнатке с одним окном, выходящим на Почтовую улицу, поселился Владимир Ильич. Последнюю по коридору получили Митя и Женя Елизаров.

Едва устроившись на новой квартире, Мария Александровна решает отправиться в Петербург, чтобы добиться встречи с министром народного просвещения по делу о предоставлении сыну возможности закончить высшее образование, а заодно и уточнить условия поступления Ольги в высшее учебное заведение. Чем вызвана столь поспешная поездка? Какую-то роль сыграло то обстоятельство, что в ночь на 4 мая в Астрахани (во время ревизии) скончался от апоплексического удара попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников — тот самый начальник, который уже третий год препятствовал возвращению Владимира Ильича в Казанский университет. Узнав об этом из газет, Мария Александровна и сочла нужным поспешить в столицу, чтобы попытаться решить дело сына до назначения нового (неизвестно, каков он будет) попечителя округа.

Эта поездка приходилась на майские дни — дни памяти Саши, ставшие три года назад навсегда траурными для семьи. Мог ли Владимир Ильич в такое скорбное время, особенно для матери, отправить ее одну в далекое путешествие для решения его дел? По моему твердому убеждению, нет. Кроме того, по пути можно было навестить в Симбирске могилу отца, а в Казани — встретиться с родственниками и знакомыми. Владимиру Ильичу, остро переживавшему невозможность продолжать учебу в университете, уже утомленному за зиму интенсивными занятиями по программе юридического факультета и политическим самообразованием, такая поездка по любимой Волге была очень кстати. Наконец, Петербург давно манил его к себе как центр освободительного движения, где в марксистских кружках велась разработка злободневных теоретических вопросов*.

Владимир Ильич сделал все возможное, чтобы эта поездка прошла незамеченной для «стражей порядка». Благодаря искусной конспирации

* До недавнего времени в литературе бытовало мнение, что в мае 1890 года Владимир Ильич с группой товарищей совершал путешествие на лодке по Волге и Усе вокруг Самарской луки. Однако это мнение, основанное на ряде поздних воспоминаний, неверно. Подробнее смотри: Т р о ф и м о в Ж. А. Самарские университеты. М., 1988, с. 71—73.

ему удалось провести их «за нос», о чем свидетельствует жандармско-полицейская переписка весны 1890 года.

Начальник Самарского губернского жандармского управления полковник Сердюков 14 мая уведомил самарского полицмейстера, что «Владимир Ульянов еще 9 сего мая выехал из Самары», и, недовольный тем, что полиция до сих пор не донесла об отлучке важного поднадзорного, потребовал произвести негласное дознание «для выяснения нового местожительства Ульянова...» «Негласно» — значит, тайно для лица, о котором производится дознание. Полиция должна была выяснить детали не у родных Владимира Ильича, а у дворника, хозяина или «благонамеренных» соседей. Поэтому донесение пристава 3-й части от 18 мая полицмейстеру не отличается уверенностью: «Владимир Ульянов живет в доме Рытикова, что по Сокольничьей * улице, Ульянов *дней шесть* тому назад выехал в С.-Петербург». (Выделено мной.— Ж. Т.).

Откуда пристав мог почерпнуть такие неопределенные сведения? Разумеется, не от своих подчиненных, так как если бы они сами уследили за Ульяновым, то своевременно сообщили бы своему начальнику об отъезде важного поднадзорного. Только Ульяновы или Елизаровы могли сказать (когда 18 мая к ним обратились с вопросом дворник или хозяин), что Владимир Ильич поехал в Петербург сопровождать мать. Но в интересах безопасности о времени отъезда сообщили неопределенно: «дней шесть тому назад», сознательно преуменьшив на несколько дней время его отсутствия. На самом же деле Владимир Ильич к этому времени уже находился в пути домой.

Понимая, что они прозевали поездку Ульянова, самарские власти действовали очень неуверенно. Полицейстер еще 19 мая донес губернатору о случившемся, а тот целых четыре дня раздумывал, как поступить, и только 23-го числа, словно для очистки совести, сообщил о В. Ульянове петербургскому градоначальнику. А генерал-лейтенант П. А. Грессер, который в 1887 году занимался делом Александра Ульянова, в свою очередь, почти месяц молчал и, наконец, 25 июня, когда Владимир Ульянов давно уже возвратился из поездки, ответил, что тот «по настоящее время в С.-Петербург не прибывал».

Ответ петербургского градоначальника основывался лишь на том, что Владимир Ильич не отмечался в гостиницах или полицейских частях. Но он ведь вполне мог жить вместе с матерью у Песковских, а столичная охранка этого не заметила, ибо донесение из Самары поступило с большим опозданием.

О пребывании Владимира Ильича в Петербурге нам совершенно ничего не известно. Что касается Марии Александровны, то документы свидетельствуют о ее решительных и энергичных действиях. 12 мая она обращается к директору департамента полиции с просьбой разрешить сыну Владимиру поступить в один из университетов или держать экстерном государственные экзамены. А 17 мая она лично вручила министру народного просвещения графу Делянову прошение, в котором говорилось: «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы для высшего образования. Не будучи в состоянии переносить этой нравственной боли, я и утруждаю Ваше Сиятельство покорнейшею просьбой разрешить сыну моему поступить в какой-либо

из русских университетов или, в крайнем случае, допустить его держать выпускной государственный экзамен по юридическому факультету, т. е. на степень кандидата. Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго уже лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позволяет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет, значит, ни к чему приложить своих сил. Такое бесцельное существование, без всякого дела, не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, — почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве».

Драматический тон, которым было окрашено это прошение, на этот раз возымел действие. Министерство, словно устыдившись трехлетнего преследования студента Владимира Ульянова, пообещало удовлетворить ходатайство матери.

Во время пребывания в столице Мария Александровна выяснила, что для учения в Гельсингфорсском университете необходимо знать не только шведский, но и финский язык. Следовательно, Ольга будет поступать на Бестужевские курсы. Уточнив детали оформления документов и условия проживания на курсах, Владимир Ильич с матерью возвращаются в 20-х числах домой — на поезде через Москву до Нижнего Новгорода и затем по Волге в Самару.

Дома их встретили неожиданные неприятности. Еще в начале мая Анна Ильинична, нуждавшаяся в лечении кумысом, обратилась к губернатору с просьбой разрешить ей выехать на лето в Алакаевку. Тот сделал запрос в департамент полиции и одновременно предложил полицмейстеру собрать сведения о поведении гласноподнадзорной. Полицеймейстер перепоручил это задание приставу 1-й части, но так как Ульяновы уже жили в доме Рытикова, тот переслал запрос приставу 3-й части. Последний 20 мая донес полицмейстеру, что «...Елизарова за время проживания в 3-й части ни в чем предосудительном замечена не была». Но и после этого губернатор не дал разрешения на отъезд в Алакаевку, ожидая ответа на свой запрос из Петербурга.

Пока продолжались эти бюрократические игры, Ульяновы вынуждены были ожидать в Самаре их исхода. Анна Ильинична пошла на прием к вице-губернатору, и тот заявил, что с его стороны нет препятствий к ее отъезду, но требуется некоторое время для выправления бумаг. Дальнейший ход событий виден из объяснений, взятых у Анны Ильиничны приставом 2-го стана Самарского уезда А. В. Арэфьевым: «Прождав до 6-го июня его (вице-губернатора. — Ж. Т.) письменного разрешения и не получая его, я решила, что таковое пошлетя

1. Вид на г. Самару с реки Волги.
2. Прощение о разрешении держать экзамены экстерном при Петербургском университете.
3. Пристань на Волге. ►

15 ИЮН 90

Ваше письмо, в котором
упомянуто обещание выдать
из казенных средств сумму
в 1000 руб. и т.д. и т.д.
в распоряжение Ваше

Ее Величеству
Екатерине Александровне
Императрице

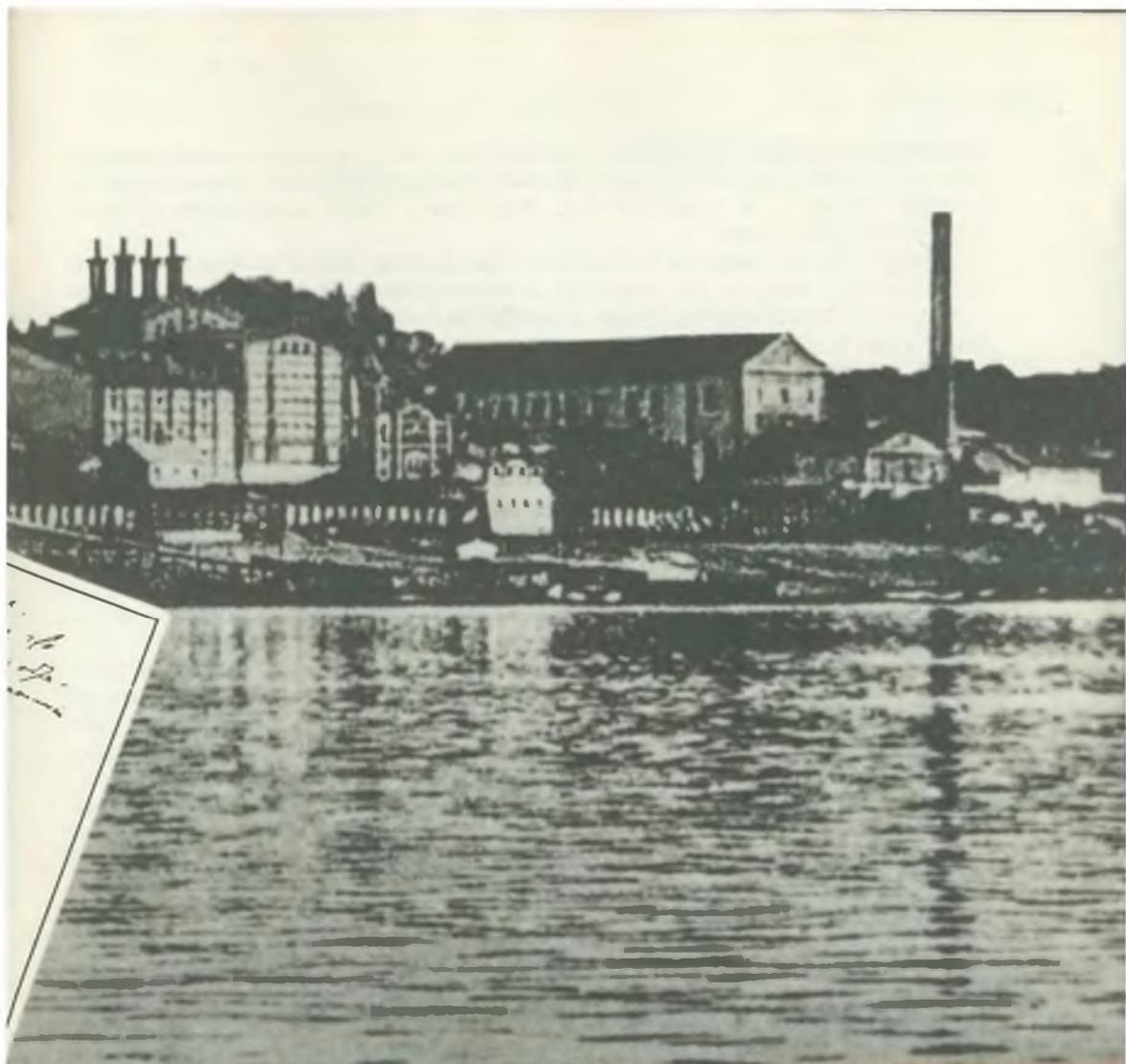
в распоряжение Ваше
и Ваше Ваше
и Ваше Ваше
и Ваше Ваше

Промение

Так как Ваше Величество имеет
по себе разрешение свои держати в казенных
складках окончателски по предметам техни-
ческого характера зачислены в император-
ской комиссии при Высшем из университетов,
управляемых званием 1884 года, то и в том
подробнее просим Ваше Величество рас-
ширить свои права с тем содержанием в импе-
раторской комиссии при Императорском
С.-Петербургском университете.

Дворянин Влад-
имир Успенский

Самара 12 мая 1890 года.
Генерал-лейтенант и Александровский
генерал - Потемкин.

1871

прямо к господину приставу, — вследствие чего, а также вынужденная расстроенным здоровьем, требовавшим моего немедленного отъезда из города Самары, — я и выбыла в д. Алакаевку, где и живу безотлучно с 6-го июня сего года».

Можно представить, как возмущал Владимира Ильича этот гнетущий полицейский надзор над сестрой, не совершившей никакого государственного преступления. Марк Тимофеевич, конечно не без его ведома, обратился в департамент полиции с просьбой о беспрепятственных переездах для жены в Алакаевку и обратно в город, но оттуда ответили, что она «каждый раз должна испрашивать в министерстве внутренних дел разрешение на отлучку в Алакаевку». За последний же переезд в деревню земский начальник 6-го участка Самарского уезда оштрафовал ее на 25 рублей.

В разгар этой истории Владимир Ильич получил из самарского полицейского управления уведомление департамента министерства народного просвещения о том, что министр Делянов разрешил ему «держаться в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены в испытательной комиссии при одном из университетов, управляемых уставом 1884 года».

Казалось, наконец-то брешь пробита, остается лишь определить университет, где сдавать экзамены. Владимир Ильич остановился на Петербургском, хотя это и вызывало тяжелые мысли. В то же время Ольга поступит на Бестужевские курсы, так что они будут рядом. 12 июня Владимир Ильич пишет прошение министру народного просвещения, в котором твердо заявляет о своем желании «держаться в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены» в испытательной комиссии при Петербургском университете. На этом прошении появились две резолюции, свидетельствовавшие о колебаниях руководства министерства просвещения по вопросу о том, где же позволить В. Ульянову сдавать экзамены. Первая из них гласила: «Пусть лучше держит в Казани». Но кто-то вспомнил о его революционных связях в этом городе, и вторая резолюция предлагала заявителю обратиться со своей просьбой к председателю испытательной комиссии Петербургского университета.

Параллельно с этой перепиской шла другая — по линии министерства внутренних дел. В связи с запросом департамента полиции самарские жандармы и полицейские подытоживают результаты своих наблюдений за В. Ульяновым. Суть их выразилась в том, что он «вел знакомство с лицами сомнительной благонадежности», да и сам является человеком «подозрительным в политическом отношении, требует наблюдений». Поскольку Владимир Ильич все же не был замечен в каких-либо конкретных противозаконных поступках, то департамент полиции счел возможным сообщить Марии Александровне, в ответ на ее прошение, что не возражает против окончания Владимиром Ульяновым «прерванного образования в одном из университетов империи» и что ему следует обратиться с прошением в один из университетов, а «в случае запроса со стороны последнего департаментом полиции будет дан соответствующий отзыв».

Вот теперь можно было считать вопрос о сдаче экстерном экзаменов, по существу, решенным и отправиться в деревню, где уже находилась вся семья.

ЗЕЛЕНый КАБИНЕТ

Этим летом в алакаевском доме Ульяновых сложилась особенно благоприятная обстановка для самообразования и творческой работы. Ольга, хотя и поступала на физико-математический факультет Бестужевских курсов, параллельно готовила себя и к возможному в ближайшем будущем переходу на медицинские курсы, все еще лелея мечту о профессии земского врача. В то же время она по-прежнему проявляла живейший интерес к проблемам начальной школы и при случае пошла бы туда преподавать. Продолжала она и переводы со шведского и английского языков, надеясь поместить их в печати, а полученными гонорарами снизить расходы матери на свое содержание в Петербурге.

Старшая сестра Владимира Ильича, серьезно занимавшаяся переводами с итальянского и французского еще в Кокушкине и Казани, за зиму жизни в Самаре подготовила к печати две работы. Первая из них, статья «Школа декадентов во французской литературе», появилась 25 апреля в казанском «Волжском вестнике». Из предисловия к статье видно, что Анна Ильинична была хорошо осведомлена о новейших литературных течениях и считала необходимым высказать свое отрицательное мнение о входящем в моду декадентстве.

Вторая работа, несравненно большая по объему, — это перевод нашумевшего в Европе романа прогрессивной итальянской писательницы Нееры (псевдоним Анны Цукари) «Завтра», с которым русский читатель еще не был знаком. Перевод начал печататься в «Самарской газете» 22 июля 1890 года, но неравномерно, с интервалами по нескольку дней.

У каждого из Ульяновых в саду было любимое место для занятий. Ольга обычно устраивалась возле высокого старого клена. Анне пришлось по душе березовая аллея. В северо-западном углу сада, в конце старой липовой аллеи, где сходящиеся друг к другу верхушки деревьев образовывали нечто вроде купола, Владимир Ильич устроил себе настоящий рабочий кабинет, вкопав в землю деревянный столик и скамью.

Приходил он сюда обычно около девяти часов утра с книгами и тетрадями и работал до двух часов дня. Невдалеке от столика очень скоро появилась дорожка, по которой Владимир Ильич ходил, обдумывая властно захватившие его ум и душу строки из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. А Марксову «Нищету философии» на французском он читал вместе с Ольгой. По его совету сестра начала переводить с немецкого брошюру К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». В утренние, самые напряженные часы умственной работы Владимир Ильич отрывался и для занятий с Маняшей немецким и французским языками.

Жизнь в деревне давала широкую возможность общения с природой, и самым большим удовольствием и отдыхом для него было хождение по лесной глухомани и купание в пруду. Не оставлял он и давней привычки заниматься гимнастикой. Невдалеке от рабочего столика в саду он устроил рэк, то есть турник, из хорошо оструганной кленовой палки-перекладины, укрепленной на двух столбах. Дмитрий Ильич потом так рассказывал об этом:

«Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезть на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась...».

В послеобеденные часы Владимир Ильич часто снова сидел в своем зеленом кабинете, но уже за беллетристикой, иногда вместе с Ольгой — читали Глеба Успенского, других популярных авторов. А после ужина (балакирь молока на всех и серый пшеничный хлеб) усаживались с книгами все вместе, на крыльце, за столом с керосиновой лампой. Анна Ильинична так описала в стихах эту типичную картину:

Ночь давно уж, все-то дремлет, Все кругом молчит. Мрак ночной поля объемлет, И деревня спит. Под покровом темной тучки Спряталась луна. Нет и звездочек, порой лишь Чуть блеснет одна.	В хуторке лишь, на крыльчке, Светит огонек, И за чтением серьезный Собрался кружок. Все сидят, уткнувшись в книги, Строго все молчат, Хоть Манюшины глазенки Больно спать хотят.
---	---

В часы досуга в доме звучала музыка. Она всегда была неотъемлемой частью их духовной жизни. Владимир Ильич любил слушать игру матери и Ольги на рояле и петь под их аккомпанемент. Иногда пел вместе с Ольгой дуэтом, например, «Нелюдимо наше море» на слова поэта-земляка Н. М. Языкова. Пел воодушевленно, вкладывая в слова оптимистической концовки песни как бы свой глубокий смысл:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

Любил он и «Свадьбу» Даргомыжского («Нас венчали не в церкви»). Была в его репертуаре и песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». «У Владимира Ильича, — вспоминал Дмитрий, — я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаля, высокий подъем, призыв!»

Однажды Ольга закончила свою игру на рояле исполнением «Марсельезы», гимна французских борцов против монархической тирании. Митя подбежал и попросил повторить. Впоследствии он вспоминал этот момент: «Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски».

Вот в таком настроении Владимир Ильич напутствовал Ольгу, провозжая ее в конце июля на волжской пристани Самары в Петербург. Он и старшая сестра не могли не предупредить ее, что столичная охранка обязательно будет интересоваться ею, как сестрой казненного революционера, поэтому необходима осторожность в заведении знакомств и в переписке. Прежде всего ей следовало положиться на двоюродную сестру Екатерину и ее мужа Матвея Леонтьевича Песковского, которые после ареста Александра и Анны помогали их матери в самое тяжкое для нее время. Анна Ильинична посоветовала Ольге познакомиться со своими подругами-бестужевками В. Г. Колодезниковой и Л. В. Винберг.

Разлука родных с Ольгой обещала быть долгой, почти на год. Ведь у нее был такой же твердый характер, как и у Александра, который не считал себя вправе обременять семейный бюджет довольно значительными дорожными расходами ради нескольких дней свидания на зимних каникулах. И только Владимир Ильич мог, в полном смысле слова, сказать Ольге: «До скорого свидания», потому что в 20-х числах августа он тоже отправится в Петербург. Надо было самому уточнить все о предстоящих уже весной экзаменах в университете да запастись недостающими учебниками и пособиями. Что-то можно было приобрести во время кратковременной остановки в Казани, где на юридическом факультете занимались бывшие соученики по Симбирской гимназии. Но главное — литографированные тексты лекций профессоров Петербургского университета, по материалам которых и производились экзамены экстернов. Их можно было достать только в столице.

УДАЧНАЯ ПОЕЗДКА

На примере майской поездки Владимир Ильич убедился, что при соблюдении конспирации можно ускользнуть из Самары незаметно для «стражей порядка». И на сей раз он постарался, чтобы отъезд остался для них неизвестным, хотя бы на некоторое время. 19 августа Владимир Ильич выехал из Алакаевки так, как будто отправляется в самую обычную поездку в Самару, а через несколько дней, неприметно для соседей, отплыл пароходом вверх по Волге.

Самарские жандармы не зафиксировали этого, а их казанские коллеги, не получившие предостерегающего уведомления, узнали сами о приезде негласноподнадзорного. 27 августа полицмейстер сообщил рапортом своему губернатору: «Вчерашнего числа прибыл в г. Казань и остановился в номерах сибирских быв. студент Казанского университета Владимир Ильин Ульянов, исключенный из числа студентов за участие в беспорядках, происшедших в здании университета 4 декабря 1887 года. Вследствие чего, учредив за означенным Ульяновым негласный полицейский надзор, имею честь донести об этом Вашему Превосходительству».

Где бывал Владимир Ильич в августе и с кем встречался, из полицейских документов не видно. Но жандармов заинтересовал тот факт, что

почти в одно время с Владимиром Ульяновым в «Сибирских номерах» поселился другой негласноподнадзорный Самарской губернии, крестьянин Андрей Аладьин — один из членов земледельческой народнической коммуны, существовавшей в имении К. М. Сибирякова незадолго до приезда Ульяновых в Алакаевку. Однако охранке не удалось установить какой-либо конкретной связи между этими двумя поднадзорными.

4-го числа казанский полицмейстер донес губернатору, что В. И. Ульянов «1 сего сентября выехал из Казани обратно, в г. Симбирск», а затем сообщил об этом также начальнику Казанского губернского жандармского управления (ГЖУ) и симбирскому полицмейстеру. Владимир Ильич, как видим, регистрируясь в «Сибирских номерах», заявил портье, что прибыл не из Самары, а из Симбирска. И он не очень погрешил против истины, так как пароход делал остановку в Симбирске, что дало ему возможность побывать на родной земле. Но, покидая Казань, опять-таки из конспиративных соображений, назвал Симбирск местом своего жительства.

Маневр удался как нельзя лучше, и властям Симбирска и Самары было над чем поломать головы: Владимир Ульянов выбыл из Казани, а в их краях не появился и через полмесяца. Из завязавшейся оживленной переписки между самарскими жандармами, полицейскими и губернатором видно, что упущения в слежке за поднадзорным уездным полицейским приставам Соколову и Богатыреву не прошли даром: им были сделаны строгие «внушения с предупреждением», а сельские урядники Ролдугин и Власов «за недостаточно внимательное наблюдение за лицами, состоящими под надзором полиции», были подвергнуты «аресту на два дня каждый». Но этими карающими мерами дела уже не исправить, и самарской полиции ничего не оставалось, как обратиться с расспросами к... Анне Ильиничне. Только после этого, уже 5 октября, пристав 3-й части Самары смог доложить полицмейстеру, что «быв. студент Казанского университета Владимир Ильин Ульянов, по объяснению Елизаровой, находится в С.-Петербурге, где должен пробыть не менее трех месяцев».

Полицейстер доложил об этом губернатору и начальнику ГЖУ, а те — своим коллегам в столицу. Однако петербургский градоначальник генерал-лейтенант П. А. Грессер, словно наказывая молчанием провинциалов, уже второй раз прозевавших отъезд важного поднадзорного в столицу, только 31 октября соизволил оповестить самарского губернатора, что «Владимир Ильин Ульянов выбыл 24 числа текущего месяца из Петербурга обратно в г. Самару».

Это уведомление поступило в Самару 4 ноября, то есть дней через пять-шесть после того, как Владимир Ильич сюда уже приплыл волжским пароходом. Вот так получилось, что во время этой поездки, а затем и в течение 50-дневного пребывания в столице, он, по существу, оказался вне поля зрения ищеек всех рангов. Этому способствовали и родные Ильича, в том числе находившаяся в Петербурге Ольга Ильинична. Казалось бы, она должна была в письмах к домашним в Самару сообщать, где остановился Владимир Ильич, чем занимается, когда собирается отбыть назад. Но она, тоже строго конспирируя, в письме к старшей сестре Анне от 26 сентября, когда брат давно уже находился в Петербурге упомянула о нем лишь в таком отвлекающем контексте: «Познакомилась я

у В-6 с В. В. В., он говорит что писал Марку об экзаменах в юридическую комиссию и, кажется, не советовал Володе ехать».

Если бы это письмо и попало в руки жандармов, то они, возможно, и смогли установить, что «В-6» — это хорошо знакомая Анне Ульяновой по Петербургу семья Винбергов, а под литерами «В. В. В.» подразумевается В. В. Водовозов — сын известной детской писательницы Е. Н. Водовозовой, близкий знакомый Александра, Анны Ульяновых и М. Т. Елизарова, недавно прибывший из архангельской ссылки для сдачи экстерном экзаменов в университет на степень кандидата юридических наук. Все это представляло интерес для жандармов, но в данный момент они были озабочены поисками местонахождения Владимира Ульянова, а он, судя по письму его сестры Ольги, в столицу еще и не выезжал.

Только месяц спустя, 26 октября, когда Владимир Ильич уже возвращался в Самару, Ольга Ильинична в очередном письме к сестре Анне упомянула о брате: «Володя, теперь уже верно приехавший, вам расскажет... о чем бы интересно сообщить». А чуть ниже добавила: «Скажи Володе, что я получила свои кофточки и «Завтра» и благодарю его. Пошлю ему книжку, которую *он здесь оставил*, дня через два». (Выделено мной. — Ж. Т.).

До сих пор неизвестно, где в Петербурге проживал Владимир Ильич в этот приезд. Наречие «здесь» в процитированном письме позволяет полагать, что Владимир Ильич останавливался у кого-то из двоюродных родственников: у Веретенниковых или у В. Ардашева. Скорее всего именно у них он мог оставить вещи, которые Ольга Ильинична получила после его отъезда.

Что касается романа «Завтра», перевод которого продолжал печататься в «Самарской газете», то имеется в виду полный экземпляр рукописи. Владимир Ильич привез его для того, чтобы Ольга Ильинична пристроила «Завтра» в журнале «Русское богатство» или другой столичный орган.

В конце октября Владимир Ильич был уже дома, в Самаре. Но жандармы не заметили его возвращения, и только в середине ноября им стало известно, что пропавший поднадзорный отыскался. У Владимира Ильича были все основания быть довольным этой поездкой в Петербург. Уточнено все, что нужно, о предстоящих экзаменах в юридической комиссии, приобретены некоторые учебники и пособия. Он своими глазами убедился, что Ольга живет в сносных условиях, вошла в ритм учебных занятий на Бестужевских курсах, приобрела знакомых. И, что очень важно, договорился с сестрой о том, какие книги (по составленному им «реестрику») и где именно следует доставать, а затем и пересылать ему в Самару.

Из писем Ольги Ильиничны видно, что Владимир Ильич во время пребывания в столице завязал деловые отношения со своим двоюродным братом Владимиром Александровичем Ардашевым, недавно перешедшим из Казанского университета на юридический факультет Петербургского. Примечательно, что Владимир Ильич счел возможным оставить своему кузену книгу К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» на немецком языке издания 1887 года. Ольга Ильинична скептически отнеслась к тому, что В. Ардашев сумеет одолеть столь серьезную книгу, да еще не на родном языке, и в декабре писала в связи с этим Владимиру Ильичу: «Я тебе говорила, что он Каутского читать не станет, а ты ему

дал, а я от него не добьюсь». Надо думать, что Ольга Ильинична имела основания для своих суждений относительно возможностей или желания двоюродного брата переводить столь сложный труд, но для нас более важным является сам факт передачи ему Владимиром Ильичем книги Каутского: он и во время кратковременного пребывания в Петербурге пропагандировал основы экономического учения К. Маркса.

Письма родных из Самары в Петербург не сохранились, за исключением одного письма Маняши от 7 ноября 1890 года. В нем двенадцатилетняя сестренка сообщила о своих гимназических делах, о появлении в их комнате клетки с чижиком, которого подарил Марк Тимофеевич, о намерении сходить с Аней в зверинец, недавно приехавший в город. В конце же письма — сведения, касающиеся всей семьи: «Мы подписываемся в библиотеке на 4 книги, и ходят в нее обыкновенно Марк или Аня».

Имелась в виду Александровская публичная библиотека, в которой Ульяновы и Елизаровы брали книги. Почему в начале ноября в библиотеку ходили «обыкновенно Марк или Аня»? Наверное, это были те дни, к которым относится указание Дмитрия Ильича, что в доме Рытикова «Владимир Ильич болен тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года».

Подтверждением тому, что его болезнь была в «легкой форме» и особенно не помешала его занятиям, является Ольгино письмо старшей сестре из Петербурга от 11 декабря. Высказав подозрение, что не все письма доходят до родных, она заявила: «... я вовсе не так уж редко пишу вам, а теперь из Володиного письма заключаю, что мама одного моего письма не получила: в него была вложена маленькая записочка Володе, где В. В. (Бартенев. — Ж. Т.) отметил, какие книги дает и на какой срок одну из них. Неужели это письмо пропало? — Странно; но Володя пишет: пришли мне реестр. Уж, видно, придется еще раз составить этот реестр, а для этого опять обращаться к В. В.»

Как видно, Владимир Ильич в начале декабря работал над присланной из Петербурга юридической литературой и уточнял у сестры контрольные сроки возвращения тех или иных книг. Его реестры, к сожалению, не сохранились. Но из тех отрывков, что дошли до нас в записи Ольги Ильиничны, видно, насколько обширным и разнообразным был круг их литературных интересов.

Невозможно точно определить, что именно Ольга Ильинична внесла в эти списки лично для себя, а что — для Владимира Ильича и других родных. Но, учитывая ее стремление стать врачом, а также программу обучения на Бестужевских курсах, можно выделить естественнонаучную литературу, которую Ольга Ильинична наметила для своего чтения. Среди них значились: «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, «Общая физиология души» А. И. Герцена, «Факторы органической эволюции» К. А. Тимирязева, «Основные понятия химии» А. М. Бутлерова, «Небесные светила», «История неба» и «Воздушные путешествия» К. Фламариона, «Общепонятная астрономия», «Гром и молния» и «Популярные беседы о научных предметах» Д. Араго, «Происхождение человека» Ч. Дарвина, «Антропология. Первобытная культура» Э. Тейлора, «Основания биологии» Г. Спенсера, «Лекции по зоологии» П. Бера, «Наследственность» и «Психология внимания» А. Рибо, «Гениальность и помешательство» Ч. Ламброзо и другие труды известных русских и западноевропейских авторов.

Судя по конспектам, письмам и запросам Ольги Ильиничны, можно сказать, что из книг по истории и философии она читала «Боярскую думу Древней Руси» В. О. Ключевского, «Историю Греции», двухтомную «Историю Пелопонесской войны» Фукидида, «Историю цивилизации в Англии» и «Влияние женщин на успехи знания» Т. Бокля, «Историю умственного развития в Европе» Ф. Гизо, «Генрих IV» Ж. Мишле, «Историю 18 и 19 веков» Ф. Шлоссера, «Подчинение женщин», «Рассуждения и исследования» и «Автобиографию» Д. Милля, «Мир, как воля и представление» А. Шопенгауэра, а также сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. Байрона.

Учитывая тот большой интерес, который проявляла передовая общественность к 100-летию Великой французской революции 1789—1793 годов, можно предположить, что Ольга Ильинична взяла на заметку книги о ней не только для себя. Это были на русском языке: первый том «История французской революции» публициста и философа Т. Карлейля, «История французской революции» немецкого либерально-буржуазного историка Л. Гейсера, а также одноименные труды на языке оригинала французских историков «Z. V.» и Ж. Минье. В расчете на всех взрослых членов семьи были и такие книги, как «Последние произведения Л. Т[олстого]» С. С. Громеки, «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова, «Байрон» и «Новые веяния» Г. Брандеса, «Эмилия» Ж.-Ж. Руссо (на французском языке), «Общественное движение при Александре I» А. Н. Пыпина и «Пессимизм в XIX веке» Е. Каро.

Но в реестрах есть и немало такой литературы, которая предназначалась именно для Владимира Ильича или преимущественно для него: «История русского права» и «Вече и князь. Русское государственное устройство во времена князей Рюриковичей» В. И. Сергеевича, «История русской жизни с древнейших времен» И. Е. Забелина, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Эти труды входили в обязательный список, по которому готовились экстерны к сдаче экзаменов за юридический факультет университета. А вот ряд книг понравился Владимиру Ильичу уже в связи с самостоятельным углубленным изучением крестьянского вопроса: «Землевладение и землеведение» А. И. Васильчикова, «Народная терминология и понятие о земельной общине» Ф. А. Щербины, «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» М. М. Ковалевского, «Казенные крестьяне при Екатерине II» В. И. Семевского, «Очерк истории сельской общины на севере России» П. А. Соколовского, «Сборник статистических сведений по Московской губернии» П. А. Орлова, «Экономическая ответственность предпринимателей» В. Г. Яроцкого.

Явно для занятий по собственной программе Владимира Ильича предназначались и «Судьбы капитализма» В. В. (В. П. Воронцова), «Что такое прогресс?», «Прудон и Белинский», «Теория Дарвина и общественная наука», «Что такое счастье?», «Герои и толпа» и другие статьи Н. К. Михайловского, «Синтез учений экономической политики» И. И. Иванюкова, «Очерки по некоторым вопросам политической экономии» (на английском языке) и «Основания политической экономии» Д. Милля, «Опыт о богатстве народов» А. Смита, «Наука и работники» Ф. Лассалья, «Давид Рикардо и Карл Маркс» Н. И. Зиберы. В записях Ольги Ильиничны фигурируют «Капитал» и «Нищета философии» К. Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса, «Экономичес-

кое учение Карла Маркса» К. Каутского, но это скорее всего для себя, ибо брат давно уже изучил их.

Этот перечень литературы из реестров Ольги Ильиничны можно было бы продолжить, но и приведенное выше красноречиво свидетельствует о далеко идущих планах обогащения своей памяти знанием тех богатств, которые выработало человечество.

ВЕСЕННЯЯ СЕССИЯ

Во время последнего пребывания в Петербурге Владимир Ильич уточнил, что все экзамены придется сдавать в мае будущего года. По старому, заведенному еще в гимназические времена правилу он начал подготовку с самого сложного предмета — уголовного права и уголовного судопроизводства. Готовился по учебникам профессора И. Я. Фойницкого: «Курс уголовного права. Часть особенная», «Курс уголовного судопроизводства» и «Учение о наказании в связи с тюремоведением». Какую-то из этих книг Владимир Ильич взял в Петербурге у В. В. Бартенева, и, как это видно из письма Ольги Ильиничны, пришедшего в Самару под Новый год, ее нужно было возвратить владельцу через две-три недели. В этом же письме сестра сообщила важную новость: «На твоё счастье экзамены разложены на весну и на осень; но думаю, что ты будешь часть экзаменов сдавать весной, так что приедешь сюда в начале мая».

Сдача экзаменов в два приема, хотя и отдаляла срок получения диплома, зато облегчала задачу. На весну выносились: энциклопедия и философия права, история русского права, русское государственное право, политическая экономия и статистика, римское право (общая часть), а также сочинение по одному из этих предметов. Иными словами, в мае Владимиру Ильичу предстояло сдать экзамены за два курса университета. В дополнение к этому он решает представить весной еще и письменное сочинение по уголовному праву, хотя экзамен по этому предмету будет приниматься осенью.

В первом же послании Ольге он отправляет уже отработанную книгу Н. С. Таганцева для возврата ее в букинистический магазин и просит приобрести «Курс русского уголовного права» того же автора, а также одну из работ правоведа Н. М. Коркунова. Одновременно Владимир Ильич просит сестру уточнить сроки подачи документов в испытательную комиссию университета.

Ольга, как всегда, быстро и аккуратно постаралась сделать все, что было возможно, но таганцевский «Курс» уже был распродан, а литографированные лекции Коркунова по уголовному праву еще не вышли в свет. «Относительно подачи прошения и пр., — сообщила она 20 января 1891 года, — будет публикация в газетах в свое время». И, намекая на то, что у нее, помимо учебных, есть и другие интересующие его новости, она добавила: «Интересно бы поговорить по всяким «вопросам», да как-то не клеится в письме. Постараюсь как-нибудь в другой раз, а там, может, ты к концу апреля будешь здесь».

Ольге самой предстояло весной держать экзамены за первый курс, которые она мечтала сдать уже к началу мая. Однако она успевала заниматься переводами с английского и шведского, подрабатывала у какого-то доктора в качестве помощницы, штудировала серьезную литературу, ходила по редакциям с рукописями старшей сестры и ее мужа, играла популярного Бетховена для подруг-бестужевок, подбирала книги для Владимира и ноты для Маняши, интересовалась общественной жизнью Самары и все еще мечтала (тем более что прошел слух о скором открытии в Петербурге медицинских курсов) о получении специальности врача...

Владимир Ильич не ограничивался только подготовкой к экзаменам. Он упорно продолжал углубленное изучение обширной социально-экономической литературы, внимательно следил за газетами и журналами, вникал во все злободневные вопросы общественной жизни. Но шахматами уже, конечно, так не увлекался, как, скажем, в первую самарскую зиму.

Предположение Ольги о скором появлении в печати подробностей о порядке сдачи экзаменов в испытательных комиссиях подтвердилось. А в февральском номере «Журнала министерства народного просвещения» появились «Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической». Одновременно эти «Правила» в виде брошюры на 27 страницах появились в книжных магазинах Самары. Владимир Ильич, конечно, приобрел их и изучил каждую строчку.

В «Правилах» указывалось, что испытательные комиссии создаются министерским приказом в каждом университете и состоят из председателя и пяти членов. Для производства испытаний экзаменов-юристов председатель создает пять экзаменационных комитетов, из числа университетских преподавателей и приглашенных специалистов: по римскому праву, по гражданскому праву и процессу, по уголовному праву и процессу, по церковному и международному праву, по финансовому и полицейскому праву.

К середине марта Владимир Ильич завершил теоретическую часть подготовки к экзаменам, а также курсовое сочинение по уголовному праву. Сфотографировавшись в фотоателье И. А. Шарыгина, он получил свои визитные фотокарточки, необходимые для представления в комиссию вместе с прошением.

Ольга была в курсе приготовлений брата к отъезду в Петербург и 16 марта писала матери с нескрываемой радостью: «Вероятно, Володя скоро уже приедет сюда. Поджидаю его». А через пять дней уже настойчиво — нетерпеливо: «...советую Володе нашему немедленно ехать сюда, так как экзамены начинаются 4-го апреля и может выйти очень неудобно для него, если он приедет позже, чем бы надо. Так как то письмо было написано мною в субботу, то, следовательно, вчера вы его получили и вчера же или сегодня утром Володя мог выехать сюда. Во всяком случае, думаю видеть его в субботу (24 марта. — Ж. Т.), а вместе с тем узнать побольше о всех вас».

Эти расчеты оправдались: утром 21-го числа Владимир Ильич выехал поездом из Самары в Москву, а в субботу вечером, 24-го, он в приподнятом настроении сошел на перрон Николаевского вокзала Петербурга, где его с восторгом встретила любимая сестра. Он

привез ей гостинцы от родных, ее фотоальбом, карточки отца и матери, «Полный курс физики с кратким обзором метеорологических явлений» А. Гано — словом, все, что она просила в последних письмах. И конечно, поведал о домашних новостях и событиях в жизни Самары.

26 марта Владимир Ильич подал прошение на имя председателя испытательной юридической комиссии при университете о допущении его держать, «в качестве экстерна, окончательные по предметам юридического факультета экзамены» и приложил все необходимые документы. Адрес на прошении не указан, и поэтому можно полагать, что первые дни он гостил у Песковских или у кого-то из своих двоюродных братьев — Владимира Ардашева или Александра Веретенникова, приехавших из Казани учиться в университете и Институте инженеров транспорта. Наверное, они и помогли подыскать подходящее жилье — недорогое и недалеко от библиотек университета и Академии наук — в квартире 47 дома № 12 по Тучковой набережной (ныне — Адмирала Макарова, 20).

29-го числа Ольга побывала у брата и в первом же письме к матери сообщила все новости из его жизни: «Комната, которую он снял, мне нравится; особенно хорошо для него, мне кажется, то, что в квартире его тихо, так что ему удобно будет заниматься. Он, вероятно, уже писал тебе, что прошение его было принято (да и сейчас еще секретарь принимает прошения) и что хотя срок на подготовку к экзаменам сокращен, но требования, по-видимому, не особенно велики, так что он надеется, что успеет подготовиться. Вероятно, писал также, что обедать ходит в нормальную столовую. Больше, кажется, ничего о нем сказать не могу. Передала ему третьего дня твою записку и книжку, которую прислал Марк».

Владимир Ильич, конечно же, и сам отправил домой полное оптимизма письмо, чтобы мать меньше волновалась о нем. Ее беспокоил не только исход экзаменов: она знала, что после недавно перенесенного тифа и нескольких месяцев напряженнейшей работы он, в дополнение ко всему больной гастритом, был на пределе своих физических сил.

Зато он был готов к предстоящим испытаниям. За оставшуюся неделю до экзаменов (по семи предметам, за каких-нибудь двадцать дней) он собирался еще просмотреть некоторые курсы лекций, читавшихся столичными профессорами, да проверить свою готовность по предметным программам.

Владимир Ильич заметил, что в этом году к экзаменам было допущено еще несколько «бывших студентов». Правительство дало им возможность завершить высшее образование, в надежде на то, что после приобретения дипломов они «облагоразуются» и станут лояльными чиновниками. Для экзаменов всех групп экстернов был отведен малый конференц-зал Академии наук (Университетская набережная, 5). Первый экзамен — по истории русского права и государственному праву — Владимир Ильич сдавал 4 или 5 апреля комитету, состоящему из весьма известных ученых во главе с деканом юридического факультета профессором Василием Ивановичем Сергеевичем. Ему не было еще и 60 лет, а он уже почти два десятилетия руководил кафедрой государственного права столичного университета, и его тру-

ды, созданные не без влияния сравнительно-исторического метода Конта, Милля и Льюиса, давно стали настольными книгами юристов России. Идя на экзамен, Владимир Ильич был знаком, по крайней мере, с двумя книгами Сергеевича: «Вече и князь» и «Лекции и исследования по истории русского права».

И поэтому знал, что Сергеевич, не в пример многим народникам, отвергал теорию самобытности исторического развития России и находил в ней немало общего с историей других европейских государств. На экзамене этот маститый либерально-буржуазный профессор создавал непринужденную обстановку и к бывшим участникам студенческих беспорядков относился довольно лояльно.

Под статью Сергеевичу был 45-летний профессор Федор Федорович Мартенс — доктор международного права, президент европейского института международного права, один из авторитетнейших третейских судей в международных спорах, автор капитального труда «Современное международное право цивилизованных народов». Самым молодым экзаменатором комитета был Николай Михайлович Коркунов — автор «Лекций по общей теории права», по которым и готовился Владимир Ильич. Знаком он был и с коркуновским «Сравнительным очерком государственного права иностранных государств», а также его статьями, публиковавшимися в «Юридической летописи». И хотя Н. М. Коркунов еще не был ни доктором наук, ни профессором, его слово на экзамене было очень весомым.

Отчитываться перед такими знатоками было не так-то просто. Этим объясняется, что некоторые экстерны так и не явились на экзамены. Другие же мечтали получить заветную «удочку» (оценки выставлялись по трехбалльной системе: весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Владимир Ильич, тщательно проштудировавший всю литературу, был готов к любым самым каверзным вопросам.

В билете, который достался ему, первым был вопрос по истории русского права: «Несвободные». Кому-то он может показаться не таким уж трудным, так как о различных формах и степенях зависимости холопов говорилось и в гимназических учебниках. Но в юридической комиссии следовало рассказать не только о времени появления и источниках пополнения челяди (пленение, покупка, рождение «от челяди», самопродажа, продажа за долги), но и об отражении их подневольного положения в законодательстве, начиная от «Русской правды» XI века и до Судебника 1497 года, а также о слиянии различных категорий несвободных (дворовой челяди, смердов, рядовичей, обельных холопов, закупов) и об образовании из них крепостных крестьян. И конечно, каждый экстерн должен был показать знание новейшей юридической литературы по этой проблеме. По государственному праву на долю Владимира Ильича достался вопрос «Сословные учреждения». В ходе подготовки к экзаменам он, безусловно, пользовался трехтомником А. Д. Градовского «Начало русского государственного права» и его лекцией «О сословных учреждениях и местном самоуправлении». На основании этих трудов, а также «Жалованной грамоты городам» и «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II и следовало говорить о привилегированных сословиях (дворянстве и

духовенстве), податных (гильдейском купечестве, мещанстве и крестьянстве) и их учреждениях.

Впрочем, о подлинных тяготах низших сословий Владимир Ильич знал еще из горьких рассказов отца. С лихвой хватало и собственных наблюдений за жизнью городской бедноты Симбирска, Казани, Самары и крестьян Кокушкина и Алакаевки. Материал для раздумий поставляла и демократическая публицистика — начиная со статей Чернышевского в «Современнике» и кончая новейшими очерками Г. И. Успенского и Н. В. Шелгунова. На экзамене Владимир Ильич не имел реальной возможности излагать свое резко отрицательное отношение к самому факту существования сословных учреждений и вынужден был рассказывать о них в соответствии с программой курса и официальной интерпретацией этого вопроса. Но наступит желанное время, и он даст настоящий ответ, подписав 10 (23) ноября 1917 года «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»...

По обоим предметам комитет оценил познания Владимира Ульянова высшим баллом — «весьма удовлетворительно». Таких оценок удостоились немногие, большинство же довольствовалось «удочками», а некоторые испытали горечь, получив «неуд».

Первой разделила радость успехов брата Ольга Ильинична и, стараясь рассеять опасения матери, в полушутливой форме, но с нескрываемой гордостью сообщала 8 апреля домой в Самару:

«Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя олицетворенное благообразие, а, во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним гулять по набережной Невы — смотрели на ледоход; затем он отправился к П[есков]ским.

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, — следовательно, прогуливается».

Из конспиративных соображений Ольга Ильинична не пишет о многом, весьма важном, что еще происходило в эти апрельские дни в жизни брата. Например, что он встречался с преподавателем Технологического института Л. Ю. Явейном, лично знакомым с Ф. Энгельсом и В. Либкнехтом, и получил от него «Анти-Дюринг» Энгельса, номера органа германской социал-демократии «Новое время», другую литературу. Умолчала она и о том, что сама интересуется политической литературой и что среди бестужевок пытается создать кружок по изучению марксистской теории; или, что одной из первых поставила свою подпись на приветственном адресе курсисток больному Н. В. Шелгунову, в котором они горячо благодарили писателя-демократа за его произведения, возбуждающие общественную мысль и звучащие «как неустанное искание истины во имя любви к Родине, ко всему человечеству». Владимир Ильич сам питал теплые чувства к личности и творчеству Н. В. Шелгунова и был, безусловно, доволен тем, что сестра приняла участие в публичном выражении симпатий к опальному публицисту.

СМЕРТЬ ОЛИ

Пятидневное «окно» после второго экзамена дало Владимиру Ильичу желанную передышку, а главное, подарило радость встреч с Олей. Он всегда ощущал необходимость в общении с ней и скучал, если несколько дней ее не видел. Прогулки и беседы с Олей, которая всегда понимала его с полуслова, дали новый импульс его деловому настрою. Торопясь поскорее разделаться с экзаменами, чтобы как можно раньше поехать домой, сестра досрочно сдала богословие, а 1 апреля получила высший балл и по аналитической геометрии. Владимир Ильич был доволен ее успехами, но они не были неожиданностью: такие результаты для них обоих являлись нормой. Можно было не сомневаться, что и следующую, самый трудный, по ее мнению, экзамен — химию — она сдаст так же великолепно. Но, по правде сказать, Владимира Ильича больше радовали уже не оценки Оли. Он с удовлетворением и гордостью в душе отмечал, как высоко интеллектуально выросла она за последнее время благодаря своим блестящим способностям и неизменному трудолюбию, какую силу приобрела ее жажда к знаниям и полезной практической деятельности. Этого поразительного развития ее личности и всестороннего обаяния не могли не замечать и окружающие.

За время жизни в Петербурге курсистка Ольга Ульянова, не предлагая специальных усилий, а просто в силу естественных проявлений своей одаренной и цельной натуры, завоевала большой авторитет среди сокурсниц, которые считали ее «неутомимым деятелем», человеком «выдающегося ума, развитым, высокообразованным, талантливым». Они восхищались ее игрой на рояле, с благодарностью принимали ее помощь в учебе, ценили ее работу на общественных началах в читальне курсов, изумлялись ее лингвистическим способностям: ведь она хорошо владела английским, французским, немецким, латинским и шведским языками. А то, что она читала лучшие сочинения по политэкономии, социологии и просто, по-товарищески делилась прочитанным с подругами, вызывало их самое искреннее уважение.

Но Владимир Ильич ценил в сестре и нечто большее: ее страстную ненависть к самодержавному деспотизму, стремление глубоко овладеть теорией научного социализма и вести пропаганду этой теории, решимость посвятить всю себя делу освобождения народа. Он знал, что в предстоящей революционной борьбе Ольга будет его верным товарищем.

Очередной экзамен после перерыва Владимиру Ильичу предстояло сдавать 10 апреля, в день своего совершеннолетия — ему исполнился 21 год. Этот вечер он, конечно, проведет с Олей, и это даст ему частичку семейного тепла. Можно будет опять погулять по городу, вместе помечтать о скором путешествии по Волге, о долгожданной встрече с мамой и всей семьей... Но это будет вечером, а с утра — экзамен по политической экономии и статистике. Принимают профессора В. И. Сергеевич, П. И. Георгиевский и Ю. Э. Янсон.

По первому предмету достался вопрос «Заработная плата». Отвечая на него, Владимир Ильич мысленно обращался главным образом

к самому молодому члену комитета, 34-летнему Павлу Ивановичу Георгиевскому, доктору политической экономии, автору курса лекций, изданного год назад специально для готовящихся к испытаниям в государственной комиссии.

Насколько сложным считался вопрос о заработной плате, можно судить хотя бы по тому, что в учебном пособии Георгиевского ему целиком отводилось пять глав. Подробно освещая эту «наиболее жгучую» социальную проблему, волнующую фабричных и сельских рабочих, профессор в своей книге показал преимущества и недостатки различных видов заработной платы (натуральной, денежной и смешанной) и главных ее форм — повременной (почасовой, поденной, помесечной), задельной (сдельной) и долевого (как пайщика).

Курс лекций Георгиевского позволял говорить о праве трудящихся на организацию своих союзов и организованной борьбе с предпринимателями за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы, о необходимости государственного вмешательства — с помощью фабричных законов, регулирующих отношения работодателей с наемными рабочими, ограничивающих применение детского труда.

По статистике Владимиру Ильичу пришлось отвечать на вопрос о роли бельгийского ученого Ламбера Кетле (1796—1874) — математика, физика, астронома и социолога — в становлении научной статистики. Предметом особого интереса ученого была социальная статистика, и его заслугой в этой области считалось установление определенных закономерностей в некоторых массовых общественных явлениях (рождаемости, смертности, преступности и т. п.), изучение которых поддается математическим методам.

Профессор Юлий Эдуардович Янсон (1835—1893), по «Теории статистики» которого Владимир Ильич в основном и готовился и которому сейчас сдавал экзамен, в своей книге подвергал критике разработанную Кетле классификацию причин (постоянных и случайных), якобы влияющих на социальные явления. Янсон в принципе отвергал существование в природе каких бы то ни было случайностей («...случайность — это наше субъективное представление или о явлении, законов происхождения которого, связи которого с предшествующими мы не знаем, или о силе, свойств и действий которой мы не в состоянии объяснить...»). Ученому, по мнению Янсона, следует сосредоточиться не на разработке таких умозрительных классификаций, а на уяснении тех причин, которые действительно оказывают воздействие на социальные явления.

Но Владимир Ильич был знаком еще и с книгой «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Н. И. Зибера (1885), в которой также содержалась подробная критика взглядов Кетле. Поэтому его характеристика учения бельгийского социолога-позитивиста была настолько полновесной, что и ответ по статистике был оценен высшим баллом.

Таким образом, половина трудной дистанции была пройдена успешно. Сестра, несмотря на наступившее общее недомогание, 13 апреля сдала на пятерку экзамен по химии и тоже вышла, как говорится, на финишную прямую.

266 Очередным у Владимира Ильича был экзамен по энциклопедии права и истории философии права. Первая его часть не представляла

особого труда, ибо курс энциклопедии права он все-таки прослушал в Казанском университете, на лекциях профессора Н. П. Загоскина. Во время же подготовки к этому экзамену он проштудировал и литографированный курс «Лекций по истории философии права», прочитанных в Петербургском университете профессором С. А. Бершадским, другую, обязательную литературу. Поэтому накануне экзамена, в понедельник 15 апреля, он мог себе позволить прервать занятия и выйти в город. В этот день передовой Петербург провожал в последний путь Николая Васильевича Шелгунова. Видел ли Владимир Ильич многолюдное шествие, в котором участвовали и рабочие, — неизвестно. Но о самих похоронах, принявших характер политической демонстрации против царизма, он был хорошо осведомлен и запомнил их навсегда.

16 или 17 апреля он вновь пришел в малый конференц-зал, чтобы отчитаться перед В. И. Сергеевичем и профессором Сергеем Александровичем Бершадским по энциклопедии права и истории философии права. В его билете был всего лишь один вопрос: «Сочинение Платона «Законы», вопрос конкретный и сложный.

С жизнью и творчеством Платона Владимир Ильич был знаком еще с гимназической скамьи. Приходилось делать переводы из платоновских «Апологии Сократа» и «Криптона» с греческого на русский. «Государство» и «Законы» Платона он изучал в Казанском университете и освежил свои знания этой весной. О том, что его «знакомство» с Платоном оказалось прочным, свидетельствует очередной высший балл в ведомости напротив фамилии В. Ульянова, поставленный таким строгим экзаменатором, как Бершадский.

И вот, наконец, наступило 24-е число — день последнего экзамена — по истории римского права. Принимали тот же В. И. Сергеевич и 34-летний профессор Василий Владимирович Ефимов, брошюрой которого «Лекции по истории римского права» пользовался Владимир Ильич в ходе подготовки к сессии. В билете стоял тоже один вопрос: «*Edicta magistratuum*» (эдикты магистратов).

Опираясь на лекции Ефимова, Владимир Ильич должен был очертить круг деятельности древнеримских магистратов (консулов, преторов, цензоров и др.) по руководству войском, управлению провинциями, отправлению правосудия, а также дать характеристику издаваемых ими эдиктов (указов), которые являлись дополнениями к действовавшему законодательству. И за этот ответ, в числе немногих, Владимир Ульянов был удостоен оценки «весьма удовлетворительно».

Как было не радоваться тому, что все пять экзаменов по семи предметам сданы отлично. В тот же день он пошел поделиться новостями с сестрой и провести ее. Зайдя к Ольге в общежитие Бестужевских курсов, он, к великому огорчению, увидел, что ее общее недомогание перешло в серьезную болезнь. Она, словно помня, как когда-то Александр, да и Владимир стойко, почти на ногах перенесли тиф, тоже пыталась перебороть лихорадочные приступы и сбить высокую температуру подручными средствами. Но тщетно. Болезнь оказалась брюшным тифом в тяжелой форме. Владимир Ильич поместил сестру в Александровскую больницу, на набережной Фонтанки, и ис-

пользовал всякую возможность, чтобы побывать у нее и помочь чем-нибудь.

Увы, болезнь на исходе апреля приняла угрожающий характер, и он вынужден был послать матери телеграмму: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход». К несчастью, тиф осложнился рожистым воспалением, и в начале мая Владимир Ильич уже с большой тревогой телеграфировал домой: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра». Мать незамедлительно приехала в Петербург. Но спасти Олю так и не удалось. Переутомленный организм не выдержал тяжелой болезни.

Умерла любимая сестра Оля... Больше нет самого близкого с детства, доброго и нежного, умного и сильного, веселого и надежного товарища и, как мечталось, — будущего верного помощника и единомышленника в предстоящей борьбе. Как в это поверить и как пережить? Чем измерить горе матери и как облегчить его? Новый тяжелый удар на кровотокающую рану мог совсем подкосить ее, и Владимир Ильич, подавляя свою нестерпимую душевную боль, старался стать ей крепкой опорой. Чтобы мать постоянно чувствовала его рядом, он поселился вместе с ней в меблированных комнатах Гречковой на Лиговской улице в доме № 41/83 (ныне гостиница «Октябрьская»).

Это страшное горе, по трагическому совпадению, обрушилось на Марию Александровну и Владимира Ильича в траурный для их семьи день, 8 мая, в четырехлетнюю годовщину казни Саши. А через два дня, в сырой и холодный день 10 мая, они похоронили свою Олю на Литературных мостках Волкова кладбища. В последний путь Ольгу провожали ее двоюродные сестры В. А. Залежская и Е. И. Песковская с мужем, многосторонне естествоведки. Владимир Ильич вел под руку мать, с другой стороны ее поддерживала подруга Ольги по курсам З. П. Невзорова (впоследствии жена Г. М. Кржижановского). Много лет спустя Зинаида Павловна вспоминала: «Она (Мария Александровна. — Ж. Т.) шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой головой, и лишь изредка из-под опущенных глаз скатывались крупные слезинки. У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И все это на коротких отрезках времени! Слишком много для одного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы».

Еще неделю, самую тяжелую после похорон, рядом с матерью все время был Владимир Ильич. Сделав все необходимое для того, чтобы привести дорогую могилу в порядок, они взяли из общежития курсов небогатые Олины пожитки и 17 мая отправились в свой нелегкий пятидневный путь домой — поездом на Москву и Нижний Новгород, а оттуда пароходом в Самару. Вот каким оказалось это долгожданное для Владимира Ильича путешествие по Волге.

МЕЖДУ ЭКЗАМЕНАЦИОННЫМИ
СЕССИЯМИ

На сей раз охранное отделение Петербурга четко зафиксировало отъезд Владимира Ульянова, и уже 21 мая 1891 года столичный градоначальник (все тот же генерал-лейтенант П. А. Грессер) послал в Самару губернатору и начальнику губернского жандармского управления уведомление, заключив его архикраткой справкой о поднадзорном: «В поведении и образе жизни его в С.-Петербурге ничего предосудительного замечено не было».

Однако это уведомление поступило в Самару уже после того, как Владимир Ильич с матерью прибыл домой. Таким образом, местная охранка просмотрела и этот его приезд. Более того, начальник ГЖУ полковник Сердюков 28 мая — в тот самый день, когда Владимир Ильич со всей семьей уже направился в Алакаевку, послал письменный запрос самарскому полицмейстеру с просьбой уведомить его о времени прибытия Владимира Ульянова в Самару, «о месте его жительства и роде занятий».

Судя по дальнейшей переписке между полицией и жандармами, Владимир Ильич все три летних месяца провел в Алакаевке и в Самаре ни разу не появлялся. Наверное, так оно и было, ибо в то время, когда мать еще так тяжело переживала безутешное горе, он не мог ее оставить даже на несколько дней.

А вот поездку старшей сестры 10 июня в город на два дня полиция узрела, и, по представлению уездного исправника М. Кузьмина, за эту «самовольную отлучку» Елизарова была подвергнута (в третий раз за два года) «земским начальником 6-го участка Самарского уезда денежному штрафу на 25 руб.».

Но это была только досадная неприятность на фоне общего тяжелого состояния, в котором пребывала семья после смерти Ольги. Даже Митю и Маняшу, освободившихся от учебных занятий, не радовало алакаевское приволье. Владимир Ильич понимал, как важна сейчас его роль старшего мужчины в семье. Подавляя постоянную острую боль невосполнимой утраты, он должен быть не просто опорой — железным стержнем потрясенной горем семьи. Самое главное — это забота о матери, страдания которой безмерны, хотя и при этом новом жестоком ударе она проявляла изумительное мужество. Только одно может поддерживать ее силы — это близость к ней остальных детей, постоянная чуткая помощь во всем. Поэтому Владимир Ильич без колебаний отказывается от намерения переехать после окончания университета в Петербург и решает на год-два остаться в Самаре. Являя собой пример большой силы воли и самообладания, он принял за привычные дела и подготовку к предстоящим осенью экзаменам.

Это лето оказалось на редкость жарким и сухим. Поволжью угрожали очередной неурожай и голод. Можно было видеть, как кое-кто из простого люда обливал друг друга водой, веря, что этот обряд вызовет настоящий дождь. В самой Самаре предпринимались грандиозные по своему размаху меры такого же рода. 14 июня, по сообщению «Самарской газеты», «было совершено второе молебствие о ниспослании дождя... В 7 ча-

сов утра во всех церквях города, за исключением собора, начались божественные литургии, по окончании которых хоругви и иконы из каждой церкви, во главе с причтом, двинулись к кафедральному собору». Затем после божественной литургии, которую в главном соборе совершил сам епископ Самарский и Сызранский, начался многотысячный крестный ход по улицам города.

Однако все подобные меры оказались тщетными: дождя не было, поля погибали от засухи. Неудержимо стали расти цены на хлеб. 19 июня газета сообщила о страшном неурожае в Симбирской губернии, где, за исключением Сызранского уезда, не собрали семян даже для озимых посевов. В следующем номере появилась заметка о том, что «страшная жара с горячими ветрами окончательно уничтожила хлебные растения» в Николаевском уезде своей, Самарской губернии. Такие же сигналы бедствий поступали и из других уездов. При чтении казанского «Волжского вестника», который Владимир Ильич и Анна Ильинична просматривали регулярно, вырисовывалась совсем удручающая картина: засуха, оказывается, охватила не только Поволжье, но и Приуралье, Тамбовскую, Курскую, Рязанскую и некоторые другие губернии центра и северной Европейской России.

Знакомясь с «Волжским вестником» за первую половину июля, Ульяновы обнаружили и приятную для себя новость: в номерах за 3-е и 5-е числа был напечатан перевод новеллы «Семейная драма», сделанный Анной Ильиничной из сборника рассказов «Воспоминания капитана д'Арче» Джованни Верга — одного из известнейших итальянских беллетристов.

Между прочим, Анна Ильинична выступала в «Волжском вестнике» и в качестве критика: осенью прошлого года была опубликована ее статья о творчестве Е. Н. Чирикова, знакомого Владимира Ильича по Казани.

В целом же Анна Ильинична была не удовлетворена результатами своих ежедневных и напряженных литературных занятий: после публикации романа «Завтра» редакция «Самарской газеты» восемь месяцев не помещала ее переводов. Да и «Волжский вестник» за это время дал всего две ее публикации. А ведь в положении политической ссыльной небольшие газетные гонорары для Анны Ильиничны являлись единственным заработком.

Смерть сестры пошатнула и без того слабое здоровье Анны Ильиничны, и Марк Тимофеевич обратился в министерство внутренних дел с настоятельной просьбой разрешить жене, «ввиду ее расстроенного здоровья, поездку в Казань для совета с врачами... на один месяц». Департамент полиции, взвесив все «за» и «против», счел возможным удовлетворить прошение М. Т. Елизарова, предоставив право его жене самой выбрать время поездки.

В начале августа Владимир Ильич со старшей сестрой проводили в Самару мать с Митей и Маняшей, у которых 16-го числа начинался учебный год в гимназиях. Оставшись вдвоем, они отдались умственной работе, а в часы досуга отводили душу в сокровенных разговорах, строили планы на ближайшее будущее.

Почувствовав себя лучше, Анна Ильинична решила отложить поездку к казанским врачам до весны будущего года, о чем официально и заявила интересовавшемуся ее планами уездному исправнику Кузьмину.

31 августа — в последний день разрешаемого губернскими властями летнего пребывания на хуторе — она выехала в Самару.

Что касается Владимира Ильича, то он так неприметно покинул Алакаевку, что уездная полиция не «засекла» его исчезновения, как и городская — прибытия в Самару. Только недели через две начальнику ГЖУ стало известно, что Ульянов выехал в губернский центр, и 16-го числа он обратился в полицию с запросом о местонахождении поднадзорного. Оттуда ответили, что В. И. Ульянов «действительно в первых числах сего сентября» приезжал для свидания с родными, но, «пробывши в Самаре не более двух дней, обратно выбыл в д. Алакаевку...».

На самом же деле 1 или 2 сентября Владимир Ильич отбыл пароходом в Нижний Новгород, чтобы пересесть там на московский поезд. Причем он отправился не один, а вместе с Юлией Григорьевной Шухт и ее малолетними дочерьми Таней, Юлей и Женей — семьей политического поднадзорного Аполлона Александровича Шухта, одного из знакомых последнего года жизни в Самаре.

Сам факт, что Владимир Ильич взялся сопровождать семью Шухтов до Петербурга (в Царском Селе жила мать Аполлона Александровича), уже говорит о дружеских отношениях между ними. И это не случайно. Судьба А. А. Шухта была достойна глубокого уважения и в чем-то напоминала Владимиру Ильичу судьбу симбирского доктора со славным революционным прошлым А. А. Кадыяна. Аполлон Александрович тоже был сыном генерала и имел все для того, чтобы сделать блестящую карьеру. Однако свободолюбивый юноша за революционную пропаганду в народовольческом духе среди юнкеров столичного Михайловского артиллерийского училища был исключен из этого учебного заведения и разжалован в рядовые. В 1884 году, уже за пропаганду среди солдат, Шухт вновь был репрессирован. Позже он жил в Москве, а затем, уже с женой, поселился в Самаре, где устроился на скромное место писца в отделении Государственного банка.

В 1887 году Аполлон Александрович в третий раз подвергся аресту за противоправительственную деятельность, после чего был сослан на три года в Западную Сибирь. Жена с детьми последовала туда же добровольно. По окончании срока ссылки Шухт с семьей возвратился в Самару, где зимой 1890 года и произошло его знакомство с Владимиром Ильичем. Владимиру Ильичу не могло не нравиться достоинство, с которым Аполлон Александрович перенес многолетние суровые испытания и продолжал оставаться противником царизма. В свою очередь, Шухт, несмотря на то, что был старше Владимира Ильича на целых десять лет, при первых же беседах почувствовал его превосходство в знании революционной теории, признавал, что он по праву является

1. Здание Александровской библиотеки в Самаре.
2. Здание Петербургского университета.
3. Диплом первой степени, выданный В. И. Ульянову. 1892 г. ►

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, Владимиръ ^{Ульяновъ} ~~Ивановъ~~ Ульяновъ, вѣроисповѣданія Православнаго, родившійся 10 Апрѣля 1870 г., съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической испытательной комиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ университетѣ въ Апрѣль, Май, Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрьѣ мѣсяцахъ 1891 года.

По представленіи сочиненія и послѣ письменнаго отвѣта, признанныхъ весьма удовлетворительными, оказалъ на устныхъ испытаніяхъ слѣдующіе успѣхи: по **Догмѣ римскаго права, Исторіи римскаго права, Гражданскому праву и судопроизводству, Торговому праву и судопроизводству, Уголовному праву и судопроизводству, Исторіи русскаго права, Церковному праву, Государственному праву, Международному праву, Полицейскому праву, Политической Экономіи и Статистикѣ, Финансовому праву, Энциклопедіи права и Исторіи философіи права** — весьма удовлетворительныя.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владимиръ Ульяновъ, въ засѣданіи Юридической испытательной комиссіи 15 Ноября 1891 г., удостоенъ диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 82 устава и въ У п. **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденнаго въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ Владимиру Ульянову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. Городъ С.-Петербургъ. *Амвоул 14* дня 1892 года.

Прислѣдуетъ С. Петербургскаго учебнаго округа

Прислѣдуетъ Предвѣстнаго
испытанія главъ политическаго

Прислѣдуетъ Канцеляріи *В. Сергеевскаго*

В. Сергеевскій

лидером местного подполья и, когда Владимир Ильич вновь направился в Петербург, без колебаний предложил ему в случае надобности остановиться у своей матери в Царском Селе. Сам Аполлон Александрович еще не имел права посещения столицы, поэтому он воспользовался согласием Владимира Ильича сопровождать его семью до Петербурга.

Путешествие прошло вполне благополучно. Петербургская охранка ничего не знала о прибытии поднадзорного Ульянова до тех пор, пока он сам не прописался 7 сентября по адресу: Екатерингофский проспект (ныне — Римского-Корсакова), дом 3, квартира 8. В этот же день он побывал в читальном зале библиотеки Академии наук (Университетская набережная, 7) и в «Альбоме для посторонних посетителей и читателей» записал свою фамилию, домашний адрес и предметы занятий: «Политическая экономия и статистика».

Экзамены по этим дисциплинам, как мы знаем, он сдал еще в апреле, и если продолжал теперь брать социально-экономическую литературу, то уже в интересах личной программы самообразования.

С ДИПЛОМОМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

На осеннюю сессию в университет собралось 134 экзаменуемых — намного больше, чем весной (тогда было 87), и их разбили на шесть групп. В одной из них, в период с 10 по 15 сентября, Владимиру Ильичу предстояло сдать письменный экзамен из области римского, гражданского или уголовного права. По каждому из этих предметов имелось несколько тем, окончательный же вариант определял председатель комиссии профессор В. И. Сергеевич и объявлял о своем выборе перед самым началом экзамена. Проходил он в дообеденное время в зале Совета университета, на сочинение отводилось пять часов. Владимир Ильич в числе семи испытуемых писал сочинение по уголовному праву, темы для которого подбирал один из самых грозных, с точки зрения студентов, профессоров — И. Я. Фойницкий (1847—1913). На какую именно тему писал Владимир Ильич, не установлено, но результат известен: работа была оценена высшим баллом.

На подготовку к устному экзамену по уголовному праву и судопроизводству имелось не менее пяти дней, ибо в расписании группы значились дни с 16 по 21 сентября. Это был, пожалуй, самый трудный предмет, без овладения всеми тонкостями которого невозможна практическая деятельность юриста. На экзамене требовалось знание общих положений уголовного права и процесса, причем на основании сравнительного изучения уголовного законодательства России и других государств.

Трудно было сдавать этот экзамен всем экстернам, ибо и здесь нужно было знать курсы лекций профессоров-экзаменаторов («Русское уголовное право» В. И. Сергеевича, «Курс уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкого). Но у Владимира Ильича — активного участника студенческих волнений, находящегося под негласным полицейским надзором, брата казненного революционера и гласноподнадзорной сес-

тры — были особые трудности и неприятные моменты при подготовке к очередному экзамену. Ведь в программе содержались такие каверзные лично для него вопросы, как «Полицейский надзор», «Политические преступления. Посвяительство на членов Императорской фамилии и священную особу государя Императора. Бунт против власти верховной», «Преступные общества»... Экзаменационная лотерея упростила задачу, преподнеся ему сугубо «уголовный» вопрос — «Кража документов», по которому можно было спокойно ответить ссылаясь на соответствующие статьи уголовного законодательства и далекими от него и его семьи примерами.

Второй вопрос билета, по уголовному судопроизводству, представлял для Владимира Ильича уже профессиональный интерес: «Защита в уголовном процессе». Он давал возможность показать глубину своих знаний о месте и роли адвоката в ходе судебного разбирательства, правах, обязанностях и ответственности за свои действия, характер отношений с подсудимыми, участие в прениях сторон на процессе, в апелляционном производстве и т. п. Комитет в составе профессоров Сергеевича, Фойницкого и Василия Александровича Лебедева — известного знатока финансового права — удостоил ответ В. Ульянова по обоим вопросам билета высшим баллом.

Следующий экзамен — по римскому праву — предстоял между 24 сентября и 3 октября. В дни перерыва между экзаменами Владимир Ильич имел возможность навестить людей, которые его интересовали уже не по учебным делам. Он вновь встречается с преподавателем Технологического института Людвигом Юльевичем Явейном, у которого весной брал марксистскую литературу, и получает от него новые номера берлинского «Нового времени» и еженедельника «Архив социального законодательства и статистики» — тоже на немецком языке. На квартире Явейна Владимир Ильич завязывает знакомство с другими столичными марксистами.

Посетил Владимир Ильич Сергея Федоровича Ольденбурга, проживавшего на 6-й линии Васильевского острова. Этот молодой доцент-востоковед неоднократно встречался с братом Сашей на заседаниях университетского студенческого научно-литературного общества, немного знал и сестру Ольгу. Разговор шел в основном об Александре. Впоследствии Ольденбург рассказывал о Владимире Ильиче: «Помню его мрачным и молчаливым, смерть брата он переживал трудно... Вопросы его касались, главным образом, научной работы, и это одно из самых сильных воспоминаний об этой встрече... За всеми вопросами Владимира Ильича чувствовался живой, непосредственный интерес и, если бы я не знал, что он занят активной борьбой, я подумал бы, что он решил посвятить себя науке».

Экзамен по римскому праву принимали уже знакомые профессора В. И. Сергеевич и В. В. Ефимов, а также Николай Львович Дювернуа — известный специалист римского права. Трудность экзамена состояла в том, что испытуемый должен был показать знание «институтов вещного, обязательного, семейственного и наследственного права» по подлинным документам эпохи Юстиниана — «институциям» (всеобъемлющим систематическим сборникам римского права). Владимиру Ильичу достался один из сложных вопросов: «Дарение. Недозволенные действия. Время». Он рассказывал о существовании дарения и отношениях, из него

вытекающих, о недозволенных действиях, о влиянии времени на происхождение и прекращение прав, о давности и ее видах, о порядке осуществления прав на дарение и видах судебной защиты этих прав. Оценка за ответ — «весьма удовлетворительно».

Гражданское право и судопроизводство, а также торговое право и судопроизводство, которые Владимир Ильич сдавал между 4 и 11 октября, относились к числу главных предметов. Если римское право полезно юристу для понимания истории современного законодательства, то вопросы гражданского и торгового права занимают добрую половину его повседневной деятельности. Экзамены по этим предметам принимали профессор В. И. Сергеевич, Н. Л. Дювернуа и Василий Иванович Адамович. Гражданское право сдавалось по книге Н. Дювернуа «Из курса лекций по гражданскому праву», а судопроизводство — по «Пособию к лекциям русского гражданского судопроизводства» В. Адамовича. При подготовке по торговому праву студенты обычно штудировали «Конспект лекций по торговому праву» того же Адамовича.

По гражданскому праву и судопроизводству Владимиру Ильичу выпало отвечать на вопросы: «Исполнение судебных решений. Купля-продажа. Поставки». Отвечая на них, следовало показать не только знание теоретических работ, но и начитанность в русском гражданском кодексе (законах, распоряжениях, уставах), а также знакомство с судебной практикой. Аналогичные требования предъявлялись к испытуемому по торговому праву и судопроизводству. Владимиру Ильичу достался, казалось бы, узкий вопрос: «Торговые книги», но при раскрытии его надо было показать особенности торгового судопроизводства, в том числе конкурсного и вексельного, и знание всех «торговых бумаг». И оба эти экзамена Владимир Ильич сдал на «весьма удовлетворительно».

Нетрудно представить, какие чувства испытывал Владимир Ильич, когда готовился к экзамену по полицейскому праву. Он, конечно, просмотрел «Репетиториум полицейского права» И. Е. Андреевского — того самого, который в бытность ректором университета после ареста Александра и его товарищей произнес в актовом зале верноподданническую речь, вызвавшую возмущение передового студенчества всей России. Но Владимир Ильич и без этого обязательного пособия неплохо знал организацию полицейских учреждений, их участие в «охране общественного порядка», «регулировании передвижения населения», контроле за печатью, книжной торговлей, работой театров, библиотек, аптек и больниц, их содействие в «охране здоровья», «народного просвещения» и «предупреждении голода», а также влияние на многие другие стороны российской жизни... Поэтому ответ Владимира Ильича на вопрос о «науке полиции и ее содержании» оказался достаточно полным, и члены комитета В. И. Сергеевич, В. А. Лебедев и Сергей Владимирович Ведров — 36-летний профессор полицейского права — имели основания для выставления высшего балла.

В эти дни, между 12 и 19 октября, Владимир Ильич сдал этому же комитету экзамен по финансовому праву — предмету, немаловажному для практической работы любого юриста. Вопрос достался объемный: «Бюджет». Здесь требовалось рассказать о главных источниках и видах государственных доходов (от государственных имуществ, земель, лесов, горных промыслов, монетного дела, почтово-телеграфного ведомства, гербовых, судебных и иных пошлин, прямых и косвенных налогов и др.) и

главных статьях расходов. О сложности этого вопроса красноречиво говорит тот факт, что экзаменаторы давали его и другим экстернам, но те не смогли ответить больше чем на «удовлетворительно». Экзамен вообще был трудным: из 29 человек, сдававших вместе с Владимиром Ильичем, 22 получили удовлетворительные отметки.

Теперь Владимиру Ильичу осталось сдать последние два экзамена — по церковному праву и международному праву, которые начинались с 23 октября. Эти предметы считались второстепенными, и можно было уже не сомневаться в конечном успехе. Чем ближе к концу экзаменов, тем все больше занимали Владимира Ильича мысли о предстоящей юридической практике и об активизации своего участия в освободительном движении. Трудно сказать, какие именно конкретные обстоятельства побудили его направиться на набережную Фонтанки, 16, в департамент полиции по вопросу о временном выезде за границу. Раньше он обращался с подобными просьбами, мотивируя желанием продолжить там высшее образование, а потом — необходимостью лечения желудка минеральными водами. Теперь его положение изменилось, да и мать оставить в Самаре надолго он не собирался. Под каким предлогом он просился на этот раз за границу, неизвестно. Вице-директор департамента полиции вновь отклонил просьбу В. Ульянова.

Наступило 23 октября, и стало известно, что экзамены из-за болезни двух профессоров откладываются на более поздние сроки. Группа Владимира Ильича сдавала между 2 и 9 ноября, в вечерние часы. По церковному праву основным экзаменатором был доктор богословия и профессору университетской кафедры церковного права Михаил Иванович Горчаков, принимавший вместе с председателем В. И. Сергеевичем и Ф. Ф. Мартенсом.

Требования к испытуемым предъявлялись обширные. Надо было иметь «обстоятельные сведения об источниках и памятниках церковного законодательства и русской православной церкви, в частности, об устройстве церкви в первые века христианства и в период вселенских соборов и о дальнейшем историческом ее развитии», а также понятие о юридическом положении и управлении православной церковью в Российской империи; иметь представление об устройстве римско-католической, армянско-григорианской и лютеранской церковей. В. Ульянов отвечал на сугубо юридический вопрос: «Об истории русского церковного законодательства». Ему надлежало рассказать об истории и составе «Кормчей книги», уставе о церковных судах Ярослава Мудрого, постановлении собора 1666—1667 годов, низложившего Никона, духовном регламенте Петра I, а также некоторых церковных дисциплинарных правилах, вошедших в Полное собрание законов Российской империи. Много из того, что Владимир Ильич говорил по этому вопросу, он изучал в гимназии и Казанском университете. Этот старый, хотя и нелюбимый багаж теперь пригодился, и он опять получил высшую оценку.

Наконец, наступил заключительный экзамен — по международному праву. Главным лицом в комиссии на этот раз был Ф. Ф. Мартенс, по двухтомнику которого «Современное международное право цивилизованных народов» и готовились испытуемые. Сама программа курса для Владимира Ильича представляла определенный интерес. Она включала в

себя знание «важнейших политических трактатов, обусловивших политическую систему современной Европы»; сведения о международных юридических отношениях государств, договоры и конвенции, посольское и консульское право, отношение к иностранным подданным, об отношениях государств, как во время мира, так и в период войны. Ему достался актуальный вопрос: «Право нейтралитета». Здесь надо было говорить о так называемом вооруженном нейтралитете, приводя пример России, которая провозглашала его в 1780 и 1800 годах во время ведения морской войны Англией, а также — о постоянном нейтралитете Швейцарии и вечном нейтралитете Люксембурга. Следовало упомянуть и об обязанностях нейтральных стран — отказе от военной помощи воюющим державам, от военной контрабанды, блокады и т. п. Из 30 человек лишь Владимир Ильич и еще шестеро получили высшие баллы.

Как говорится, и невооруженным глазом нельзя не заметить выдающихся результатов Владимира Ильича по итогам весенней и осенней экзаменационных сессий. За «домашнее сочинение», кроме него, еще семеро испытуемых получили «весьма удовлетворительно», а за письменный экзамен — шестеро. Из 33 человек, которые вместе с Владимиром Ульяновым вошли в итоговую экзаменационную ведомость, шестеро получили «неуды» и, следовательно, провалили сдачу. Из оставшихся 27 экстернов 18 получили дипломы 2-й степени, а 9 — 1-й. Но только один Владимир Ильич сдал все 14 экзаменов по 18 предметам на высшую отметку. Он набрал значительно больше баллов, чем это требовалось для получения диплома 1-й степени: согласно «Правилам» для этого достаточно было, чтобы познания испытуемого по римскому праву, гражданскому праву и уголовному праву были признаны комиссией «весьма удовлетворительно», а из общего числа отметок «весьма удовлетворительно» должно быть, по крайней мере, половина.

Диплом 1-й степени считался очень престижным для начинающего специалиста. Примечательно, что Владимир Ульянов оказался не только первым по успехам в своем университетском выпуске, но вообще самым молодым юристом России. Это не могло не изумлять, и Анна Ильинична подчеркивала в своих воспоминаниях: «Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых или полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом (с которым учился в 1887 году в Казанском университете. — *Ж. Т.*). Кроме прекрасных способностей, Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность».

Университетские дипломы изготавливались типографским способом, на каждого выпускника в отдельности. Для этого требовался месяц, а то и больше. Владимир Ильич торопился домой, и, оставив у секретаря испытательной комиссии свой адрес, он 11 ноября выехал поездом в Москву, сделал там пересадку и 14-го числа был уже в Самаре, где его с нетерпением ждали родные. Но не одни они... Как только начальник местного губернского жандармского управления получил от петербургского градоначальника извещение о том, что обратно в Самару выбыл Владимир Ульянов, то тут же предложил полицмейстеру возобновить за ним негласный надзор.

ГОЛОД. В СПОРАХ С ОППОНЕНТАМИ

После того как университетские экзамены остались позади, Владимир Ильич наконец-то освободился от чрезвычайно трудоемкого изучения обязательной литературы, в значительной мере далекой от злободневных вопросов реальной действительности. Теперь можно было сосредоточиться на дальнейшем изучении научного социализма, критическом анализе писаний лидеров либерального народничества и статистических исследований по экономическому развитию страны, организационном сплочении единомышленников в Самаре и упрочении связей с революционным подпольем других городов.

Обстановка в стране в связи со страшным голодом в 17 губерниях, особенно в Поволжье, резко накалилась. Правительство, сначала относившееся к бедствиям миллионов людей «с торгашеской прижимистостью, а потом с торгашескою же трусостью», вынуждено было предпринять наконец экстренные меры: ввело запрет на вывоз ржи, ржаной муки и отрубей за границу, выделило около 32 миллионов рублей для раздачи сельским обществам на продовольственные нужды и приобретение семян для посева, увеличило объем общественных работ, чтобы дать какой-нибудь заработок бедноте. В качестве временной меры крестьянам разрешили пасти скот в казенных и удельных лесах, собирать там валежник, хворост, ветви и листья...

Пошел царизм и на образование в пострадавших губерниях под председательством губернаторов «особых продовольственных совещаний из представителей казенного и земского управлений», а Святейший Синод приказал учредить в епархиальных городах «особые комитеты» из духовных и светских лиц для сбора пожертвований, распределения их между голодающими и организации бесплатных столовых при архиерейских домах, монастырях и церквях. Духовенству предложено было ежедневно произносить перед прихожанами «особые молитвы» в связи с постигшим народ бедствием.

Основную часть ссуды правительство выделило для Поволжья: Симбирской губернии — 5 миллионов рублей, Самарской и Казанской — по 4, Пензенской — 3, Нижегородской — 2,8, Саратовской — 2,5. Но те два-три рубля, которые приходились на крестьянина, не могли спасти его от голодной смерти, а тем более сохранить корову, лошадь и другую живность. По примеру Льва Толстого, оказывавшего помощь голодающим в Тульской губернии, других известных деятелей, самарское общество тоже создавало столовые, питательные и медицинские пункты, проводило вечера с лотереями и чтениями, доход от которых шел в пользу «младшего брата — мужичка». Но и частная благотворительность лишь на короткое время и только отчасти смягчала катастрофу. Десятки тысяч самарских крестьян забивали скот, заколачивали окна и двери своих избышек, складывали пожитки на телеги и ехали к Оренбургу или к Волге, в надежде найти там спасение от голода и болезней.

К моменту возвращения Владимира Ильича из Петербурга в Самару разговоры о постигшем бедствии шли повсюду. Писали о голоде, его

причинах и последствиях все газеты и журналы страны. И какие только меры не предлагались для предотвращения бедствий в будущем и «улучшения благосостояния народа». Составил в октябре этого года обстоятельную записку для Самарского уездного земского собрания и брат мужа Анны Ильиничны Павел Тимофеевич Елизаров. Записка эта получила распространение и отклик в казанском «Волжском вестнике». Естественно, что Владимир Ильич не только читал, но и обсуждал ее с самим автором.

Что могло привлекать в рассуждениях П. Т. Елизарова? Прежде всего ясное понимание того, что тяжелое положение крестьян порождено не только засухой. «Население дошло до такой нищеты, — подчеркивал Павел Тимофеевич, — что весь инвентарь крестьянина, отличающий его от пролетария, есть не что иное, как особого рода кредит, так как громадное большинство крестьян столько задолжало казне, земству, в банки, доморощенным кредиторам, что продажею своего инвентаря и даже домов никоим образом не расплатится за долги. Чтобы освободиться от этих всевозможных долгов и недоимок, крестьяне распродают все более и более самое необходимое для их обихода — живой инвентарь. Скотоводство быстро падает, а это, в свою очередь, влияет на урожайность, и, таким образом, ухудшается без надежды на всякий поворот к лучшему экономическое положение крестьян».

Показав безысходность положения крестьянства, а также начавшееся расслоение его на «два противоположных класса — имущих и неимущих», П. Т. Елизаров предсказал возможность и более тяжкого исхода: «Уже теперь отовсюду доносятся до нас слухи о массе случаев, подавляющих ум и раздирающих душу своим ужасом: там разнесли пекарни и булочные, здесь сожгли усадьбу и т. д., и это еще в начале года, но то ли будет к концу его? А если да подобный год повторится?!»

Желая предотвратить новый неурожай, «последствием которого могут быть такие бедствия, какие не в состоянии представить себе и самая пылкая фантазия», Павел Тимофеевич особо выделил меры, которые не терпят отлагательства: помочь крестьянам в сохранении скота и посевах яровых. Излагая меры, которые должно предпринять земство, он на первое место ставит создание земских хлебных складов и элеваторов, ибо правительственная помощь ложится тяжелым бременем на крестьян. «Народ получает в ссуду в некоторых местах 5-й сорт муки, который не много отличается от отрубей, и по такой высокой цене, что за пуд этого суррогата хлеба должен будет возвратить по 2 или даже по 3 пуда хорошего зерна. Это слишком большой процент! Население едва ли осилит расплатиться с этим долгом...» — с нескрываемым раздражением заявил П. Т. Елизаров и предложил земству еще три меры для упрочения положения крестьян: 1) открыть свой склад земледельческих орудий для снабжения ими в кредит хлебопашцев, 2) снабдить их лучшими семенами и 3) «употребить все усилия к побуждению крестьян вести свое хозяйство более рациональным способом». Один из читателей «Записки» подчеркнул в ней карандашом предлагаемые автором меры помощи обнищавшим крестьянам, а на полях сделал помету: «А земство-то откуда будет получать средства? С тех же крестьян?»

Этот же резонный вопрос, причем еще до наступления голода, Владимир Ильич наверняка задавал Павлу Тимофеевичу во время бесед с ним в Бестужевке или Самаре, когда тот приезжал к сыну Евгению. Но то,

что было извинительно простому крестьянину, было уже непростительно для образованных людей, причислявших себя к борцам за свободу, равенство и братство. Весьма и весьма скептически относился Владимир Ильич и к участию большинства политических ссыльных Самары в комитетах по оказанию помощи голодающим. Он не был против помощи как таковой, она, безусловно, была необходима. Но он резко выступал против отождествления благотворительности чуть ли не с революционной деятельностью, а также против сотрудничества в тех комитетах, где восседали явные реакционеры или дельцы, наживавшиеся на поставках земству гнилой муки. Он считал необходимым разъяснить народу, что голод является следствием не столько засухи, сколько грабительских условий реформы 1861 года, отрезавшей у бывших крепостных их земельные наделы, взвалившей на их плечи непосильные платежи и повинности. При этом он подчеркивал, что нищета и голод являются вместе с тем и следствием развития капиталистических отношений в деревне, одновременно опровергая злобные вымыслы народников, что марксисты якобы радуются голодовке, надеясь на противоправительственные выступления крестьян.

Не раз пришлось вести Владимиру Ильичу дискуссии по вопросам благотворительности с Василием Васильевичем Водовозовым, получившим той осенью вместе с женой Верой Петровной разрешение на переезд из города Шенкурска Архангельской губернии, где он отбывал ссылку, в Самару. С Водовозовым он познакомился через сестру Ольгу в Петербурге, еще в прошлом году, когда приезжал туда по университетским делам. Позже, по возвращении в Самару, Владимир Ильич получал от Водовозова, тоже юриста по образованию, учебную литературу.

В семье Ульяновых не раз называлась фамилия Водовозова, когда вспоминали о последних днях жизни Саши. Дело в том, что Александр Ильич взял у Водовозова «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года для того, чтобы сделать перевод с немецкого на русский статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение», а затем отпечатать ее в подпольной типографии. Но так уж получилось, что из-за ареста Александр Ильич не смог возвратить «Немецко-французский ежегодник» Водовозову. На одном из последних свиданий в тюрьме с матерью он просил ее разыскать две одолженные им редкие книги и вернуть их владельцу. Мария Александровна, а затем и Анна, после выхода на волю, делали все, чтобы выполнить предсмертную просьбу Саши. Одну книгу они нашли у его близкого знакомого самарца И. Н. Чеботарева, но очень редкого «Немецко-французского ежегодника», к сожалению, не оказалось не только у столичных, но и зарубежных букинистов.

Водовозов, который был заядлым библиофилом, однажды, уже в Самаре, в разговоре с Анной Ильиничной вспомнил о пропавшем «Ежегоднике», причем так, что вольно или невольно бросил тень на Александра Ильича, ибо предупредил его, что книга очень редкая. «Помню, что Володя очень возмутился, — вспоминала Анна Ильинична, — когда я передала ему об этом разговоре. «Пусть он прямо скажет, чего он хочет; пусть скажет, сколько стоит книга, мы вернем ему». И досадливо передернул плечами, когда я указала, что Водовозов говорит не о деньгах, а вносит, как бы сказать, этим фактом поправку в нравственную характеристику Саши».

Но в целом Водовозов сохранил добрую память об Александре Ильиче как о подающем большие надежды ученом и бесстрашном революционере, и этим объясняется, что первое время после появления в Самаре он, по свидетельству Дмитрия Ильича, «частенько заходил» к ним, но «больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски», уточняла Мария Ильинична.

«У этого Водовозова была большая библиотека, — продолжал Дмитрий Ильич, — так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах... По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг».

Столкновения Владимира Ильича с Водовозовым и другими политическими ссыльными, принимавшими участие в работе комитета по оказанию помощи голодающим, имели серьезный характер. Водовозов и его помощники старались убедить сомневающихся в целесообразности своей деятельности, говоря, что предполагается использовать эту работу для революционной пропаганды. Однако Владимир Ильич «не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету, — вспоминал потом Водовозов. — Споря против наших взглядов, он доказывал, что наши столовые будут своего рода «пропагандой действия» за примирение с существующим строем, породившим голод, — в этом отношении он оказался, конечно, прав. На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета». И, как признал Водовозов, безуспешно: А. И. Ливанов, Н. С. Долгов, И. М. Красноперов и ряд других влиятельных ветеранов-народников вышли из его комитета.

Были у Владимира Ильича дискуссии с Водовозовым и по другим вопросам, в частности о деятельности германских социал-демократов. В то время, по словам Анны Ильиничны, «мы все благоговели перед германской социал-демократией. Помню, как торжествовал Владимир Ильич в 1890 году, когда закончился срок исключительного закона (закона, введенного канцлером Бисмарком против социалистов в 1878 году. — Ж. Т.), и с какой живой радостью следили мы за сказочным ростом этой партии. Сочинения Каутского и Бебеля были нашими настольными книгами; мы изловчились найти адреса, по которым доходил бы теоретический орган германских социал-демократов «*Нейе цейт*»...».

Но если Владимир Ильич рассматривал парламентскую деятельность социал-демократов лишь как часть их борьбы за освобождение трудящихся, то Водовозов явно недооценивал значение нелегальной работы партии. Это различие во взглядах отчетливо проявилось во время дискуссии на собрании, устроенном Водовозовым в своей квартире, в доме Сычуровой (ныне — Ленинская, 87), в связи с приездом в декабре из Саратова народника Н. Д. Россова и нескольких его друзей.

кими суждениями — выступил с небольшим, но насыщенным цифрами и фактами докладом о германской социал-демократии, после которого у слушателей должно было сложиться впечатление, что вот так, шаг за шагом, одними избирательными бюллетенями социалисты завоюют власть.

Владимир Ильич в остроумной форме развеял конституционные иллюзии докладчика, изложил присутствующим марксистскую теорию классовых противоречий и, конечно, напомнил о различии условий для политической деятельности в конституционной Германии и самодержавной России. Впрочем, эти разъяснения относились не столько к Водовозову, который именно за распространение нелегальной литературы побывал в тюрьме и ссылке и был хорошо знаком с теорией научного социализма, сколько к другим, менее подготовленным участникам дискуссии.

Той же осенью у Владимира Ильича появился еще один оппонент, но с более солидным, чем у Водовозова, революционным прошлым и более радикальными политическими взглядами. Это — Мария Петровна Яснева *, милостивая тридцатилетняя женщина, с педагогическим образованием, арестованная в 1889 году в Орле за членство в группе якобинцев П. Г. Зайчневского и высланная после выхода из тюрьмы под надзор полиции в Самару.

В числе адресов товарищей, на помощь которых она могла рассчитывать, Мария Петровна имела адрес Н. С. Долгова. Он и сообщил ей, что в городе живут Ульяновы, и «в симпатичных красках» изобразил всю семью, особо выделив при этом Владимира Ильича как необыкновенного демократа. «На мой вопрос, — вспоминала Яснева, — в чем заключается демократизм Владимира Ульянова, Долгов ответил: «Да так, во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, — ну словом, во всем».

Когда же Долгов привел ее к Ульяновым, то она сама убедилась и в скромности их квартиры, и в их радушии, и в простоте Владимира Ильича, обычный костюм которого составляли блуза или ситцевая косоворотка, подпоясанная шнурком. Вспоминая первое путешествие с ним по городу от дома Ульяновых на Дворянскую улицу, где она снимала квартиру у Кириллова (ныне — Куйбышева, 65), Мария Петровна пишет, что Владимир Ильич подробно расспрашивал, как и зачем она очутилась в Самаре, а когда узнал, что она якобинка, то очень заинтересовался этим.

«Вообще, припоминая Владимира Ильича в Самаре, — продолжала Яснева, — я прихожу к заключению, что он изучал не только Маркса, но, пользуясь всяким случаем, всяким знакомством, впитывал в себя опыт прошлого революционного движения. Владимир Ильич не только проводил меня до дому, но и зашел ко мне, и мы в этот первый вечер долго еще спорили с ним. От якобинцев перешли к Чернышевскому, от Чернышевского к Марксу. Помню, что я городила какую-то ужасную нелепость насчет научного социализма и никак не хотела отказаться от своего мнения, а Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня...»

* Впоследствии по мужу — Голубева.

Но Яснева и при последующих встречах упорно отстаивала свойственную якобинцам идею о возможности и необходимости «захвата власти». Владимир Ильич слушал внимательно, но, по ее словам, «никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться», если народ состоит из классов с различными интересами. Каждый из спорящих старался обратить собеседника в свою «веру», но Владимир Ильич, который, выражаясь словами Ясневой, «как настоящий стратег, с большим вниманием и интересом относился к каждому новому человеку, расценивая его как солдата, с точки зрения пригодности для будущего боя», и на этот раз надеялся, что Мария Петровна непременно станет в ряды марксистов. В конце концов так оно и будет.

ПОМОЩНИК ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО

Передышка между окончанием экзаменов и определением на службу для Владимира Ильича оказалась кратковременной. Уже в первых числах декабря он получил по почте «Свидетельство» из испытательной комиссии при Петербургском университете, удостоверявшее, что он «признан имеющим право на диплом первой степени, каковой ему будет вручен по изготовлении...».

В принципе вопрос «кем быть?» был решен Владимиром Ильичем еще четыре года назад, при поступлении на юридический факультет Казанского университета: адвокатом, официально именовавшимся «присяжным поверенным». Ведь дорога на государственную службу ему как брату казненного революционера и активному участнику студенческих волнений была закрыта. Однако даже диплом 1-й степени еще не давал права на самостоятельную работу. Согласно закону полагалось пройти пятилетнюю стажировку в качестве помощника присяжного поверенного.

Присяжные поверенные и их помощники считались состоящими при окружных судах, но не как чиновники, а на правах особой корпорации. Они не получали жалованья, чинов и орденов и не пользовались другими привилегиями, установленными для находившихся на «коронной службе» — судей, прокуроров, следователей, нотариусов и судебных приставов. Присяжный поверенный — это, по существу, глава частной адвокатской конторы, в которую он подбирал по своему усмотрению помощников и секретаря, но с обязательным их утверждением постановлением окружного суда.

Корпорация адвокатов в Самаре была немногочисленной: 11–12 присяжных поверенных и 5–6 их помощников. В числе полноправных адвокатов были небезынтесные для Владимира Ильича люди. Скажем, Григорий Александрович Клеменц — старший брат известного революционера-землевольца Дмитрия Клеменца, находившегося в сибирской ссылке. Или Петр Павлович Подбельский, брат которого, Папий, в 1881 году влепил пощечину министру народного просвещения на тор-

жественном акте Петербургского университета, а с другим братом, Николаем, Владимир Ильич состоял в кружке «вредного направления» в Казани. Наконец, Карл Карлович Позерн, который вместе с Н. С. Долговым привлекался по нечаевскому делу, да и теперь, по мнению жандармов, относился к числу лиц, «политическая благонадежность коих крайне сомнительна».

И все же Владимир Ильич попросился помощником не к ним, а к Андрею Николаевичу Хардину, своему хорошему знакомому и давнему партнеру по шахматам. Это был самый опытный адвокат, энциклопедически образованный, у которого многому можно было поучиться. Хардину, в свою очередь, очень импонировал Ульянов, и он, взяв у Владимира Ильича «Свидетельство», пообещал сразу же после рождественских каникул и новогоднего праздника дать делу ход. Человек слова, он 4 января 1892 года направил в окружной суд рапорт с просьбой зачислить В. И. Ульянова своим помощником.

В конце месяца Владимир Ильич получил из управления Петербургского учебного округа университетский диплом. По вине писаря или типографского наборщика отчество в дипломе напечатали не «Ильин», а «Иванов». Владимир Ильич черными чернилами исправил досадную опечатку и сдал диплом в канцелярию Самарского окружного суда. Вскоре, 30 января, общее собрание отделений суда приняло «к сведению» рапорт А. Н. Хардина, и В. И. Ульянов официально стал считаться его помощником.

Таким образом, Владимир Ильич приобрел право заниматься адвокатской практикой. Но пока только по уголовным делам: для того чтобы получить доступ и к гражданским, нужно было обратиться с прошением в окружной суд и получить специальное свидетельство. Однако Владимир Ильич почти месяц медлил с этим прошением. Почему? Прежде всего потому, что знакомился с теми уголовными делами, которые ему предложил А. Н. Хардин, а также с обстановкой, в которой придется вести защиту своих первых подсудимых. Только 28 февраля он представил в суд прошение, в котором согласно требованиям закона сам удостоверял, что для получения им «права быть поверенным нет ни одного из препятствий, означенных в статье 246 устава гражданского судопроизводства».

Но, кроме требований закона, в жизни негласного поднадзорного действовали конфиденциальные предписания начальства, и секретарь суда сделал на прошении помету: «Ульянов состоит помощником присяжного поверенного при г. Хардине с 30-го января сего 1892 года. — Сведений о нравственных качествах Ульянова в деле не имеется». Под «нравственными качествами» подразумевалась прежде всего политическая благонадежность, а судить о ней имел право либо университет, либо департамент полиции, о чем и сказал Владимиру Ильичу сам председатель Самарского окружного суда Владимир Иванович Анненков.

Владимир Ильич, если не лично, то, по крайней мере, заочно, знал этого шестидесятилетнего штатского генерала. Да и кто в Самаре не знал его — сына декабриста И. А. Анненкова и его знаменитой жены, француженки Полины Гебль (ставшей после замужества Прасковьей Егоровной Анненковой), последовавшей добровольно в Сибирь за сосланным на каторгу женихом. Одни знали Владимира Ивановича как

председателя окружного суда, уже полтора десятка лет занимавшего этот важный пост. Другие уважали его как безукоризненно честного человека, который, несмотря на великанский рост, почти геркулесову физическую силу и суровое выражение лица, на самом деле был добрым и отзывчивым, прекрасным семьянином. Многим сослуживцам было известно также, что Владимир Иванович испытал на себе гнет жандармско-полицейского надзора, и если сумел подняться по чиновничьей лестнице от писца до председателя окружного суда, то только благодаря своему исключительному трудолюбию.

В. И. Анненков лояльно относился к политическим поднадзорным, но без предъявления удостоверения о «благонадежности» даже председатель окружного суда не мог помочь в выдаче свидетельства на право ведения гражданских дел. А получить удостоверение оказалось не так-то просто: Петербургский университет не может выдать его потому, что Владимир Ильич не состоял там студентом, а только сдавал экстерном экзамены. А из департамента полиции, как показал опыт, ответа можно ждать долго... Однако Владимир Ильич не стал сидеть сложа руки и ждать ответа из Петербурга: он взялся сразу за ведение двух уголовных дел, которые распределялись судом между присяжными поверенными в качестве обязательных, но безгонорарных.

Первое из них — по обвинению 32-летнего сельского портного Василия Федоровича Муленкова. Ему вменялось в вину то, что 12 апреля прошлого года, будучи в нетрезвом состоянии, в бакалейной лавочке села Шиланский Ключ, «матерно обругал бога, пресвятую богородицу и пресвятую троицу», а также оскорбил «государя императора и его наследника». Лавочник М. Борисов, давно имевший зуб на Муленкова, донес о случившемся полицейскому уряднику, тот — становому приставу, пристав — уездному исправнику... Расследованием же занялся жандармский подполковник М. А. Эшенбах, тот самый, который руководил слезкой за... самим помощником присяжного поверенного Владимиром Ульяновым.

Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что Муленков без умысла совершил хулиганский поступок и должен был бы понести административное наказание. Но закон рассматривал проступок такого рода как преступление, каравшееся тюремным заключением на срок до 1 года и 4 месяцев. Задача Владимира Ильича, которого Муленков выбрал в качестве защитника, сводилась к тому, чтобы как можно убедительнее доказать произвольность поступка подзащитного, вскрыть противоречивый и вместе с тем предвзятый характер показаний лавочника-доносчика.

О ходе судебного процесса, проходившего 5 марта, без присяжных заседателей и при закрытых дверях, почти ничего не известно, ибо подробных стенограмм заседаний по делам такого рода не велось. Владимир Ульянов, несмотря на усилия прокурора А. Д. Рудковского, настаивавшего на максимальном сроке наказания Муленкова, добился некоторого облегчения участи своего подзащитного: его приговорили к 1 году тюрьмы.

Для подготовки к следующей защите — крестьянина Михаила Опарина, 34 лет, и отставного рядового Тимофея Ивановича Сахарова, 43 лет, обвинявшихся в краже 146 рублей из сундука кулака Мурзина в селе Березовый Гай Самарского уезда, Владимир Ильич имел всего лишь

пять дней. За это время он изучил материалы следствия, побеседовал наедине с Сахаровым в тюремном замке, установил обстоятельства, смягчающие вину обоих обвиняемых, и подготовился к выступлению на процессе.

Судебное заседание состоялось 11 марта, на этот раз — с участием присяжных заседателей. Оправдать кражу, да тем более групповую и с применением «технических средств», — невозможно. Но убедительно и эмоционально показать, что подсудимые во время голода прошлого года совершенно обнищали и во многом именно отчаянное положение довело их до кражи денег у богатея, на которого они батрачили с утра до вечера, — можно и необходимо. Владимиру Ильичу удалось серьезно воздействовать на умы и души присяжных заседателей, и в вердикте появилось смягчающее заключение: «Виновны, но заслуживают снисхождения». Суд, учтя предложение защитника, снизил на одну степень меру наказания по сравнению с той, которую предлагал прокурор, причем до «низшей меры», и приговорил Опарина и Сахарова только к отдаче на год в исправительно-арестантские отделения.

На судебные процессы с участием присяжных заседателей публика допускалась беспрепятственно. Поэтому можно предположить, что на этой второй защите Владимира Ильича присутствовал кто-то из родных.

Затем между сессиями окружного суда наступил перерыв на несколько недель, и Владимир Ильич начинает наверстывать упущенное в своей программе чтения, больше обычного уделяет внимания семье, и особенно матери. К той глубокой и нежной любви, которую он питал к матери с детства, после смерти отца прибавилось постоянное острое чувство сострадания ее тяжким переживаниям. И с каждым новым горем, обрушивавшимся на ее седую голову, — потерей Саши и Оли, эта боль за душевные муки матери и беспокойство за ее здоровье безмерно усиливались. Вместе с тем росло и крепло осознанное чувство признательности: только благодаря неустанным заботам и постоянной материальной поддержке матери он смог получить высшее образование, регулярно заниматься самообразованием, а теперь и адвокатской практикой: пока еще не получая вознаграждения за свой труд.

Как бы ни был занят Владимир Ильич, он все бросал, когда по учебным делам к нему обращалась младшая сестренка — любимица Маняша, да и в часы досуга с удовольствием уделял ей время. Все чаще и больше он вникал в дела Дмитрия — и не только в гимназические, но и в его духовные запросы, в круг его друзей. И это естественно. Ведь Дмитрию Ильичу шел 18-й год. Он уже вступил в пору увлечения произведениями революционных демократов, осо-

1. Свидетельство на право ведения судебных дел в 1892 г.
2. Самара в конце XIX в.
3. Фотокопии судебных дел, по которым вел защиту В. И. Ульянов в Самарском окружном суде.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

на 1892 годъ.

Согласно состоявшемуся *двадцатомъ третьяго Июля* 1892 года постановленію Общаго Собранія отдѣленій Самарскаго Окружнаго Суда, выдано сіе свидѣтельство сию Судомъ *Помощнику Крижаскину По-тужиницу, цюрлякину, Вилушицу Шильгу Ульямову* въ томъ, что ему, *Ульямову*, на основаніи 406 ст. Учреж. Суд. Уст. изд. по прод. 1886 года и 1104, 1110 и 111 ст. т. II. ч. I. Учреж. Общ. Суд. мѣстъ, изд. 1876 года, разрѣшается, ходатайство-вать по чужимъ судебнымъ дѣламъ въ Самарскомъ Окружномъ Судѣ въ теченіи *всего* _____ 1892 года.

Июля _____ „27“ дня 1892 года.

№ 7 Предсѣдатель Самарскаго
Окружнаго Суда

А. Миринин

У сего

№ 1 Помощникъ Секретаря

О. Е. Кавалер

№ 1879

бенно Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского, вдумчивого изучения социально-экономической литературы, которую уже сам брал в библиотеках А. П. Скляренко и В. В. Водовозова. Владимир Ильич любил слушать, как Дмитрий с товарищами пел хором ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой».

Но самым близким товарищем и собеседником Владимира Ильича оставалась старшая сестра. Она наряду с усиленными литературными занятиями штудировала социально-экономические, в том числе и марксистские, труды и вместе с мужем поддерживала связь с радикальной молодежью Самары.

Кстати, в связи с приближением конца пятилетнего срока гласного надзора над Анной Ильиничной полиция уделяла ей особое внимание. В эти мартовские дни пристав 3-й части, отвечая на запрос полицмейстера о ее поведении, отмечал в рапорте: «...Елизарова хотя и не была замечена в чем-либо предосудительном, но ведет постоянное знакомство с лицами неблагонадежными в политическом отношении, и прекращение гласного надзора, по моему мнению, еще преждевременно».

Тем не менее этот злобный отзыв не достиг результата, и 8 апреля 1892 года распоряжением департамента полиции Анна Ильинична была переведена в разряд негласноподнадзорных, но еще на год без права проживания в университетских городах, а также в Твери и Нижнем Новгороде.

И все-таки тот апрельский день, когда стало известно, что основные тягостные ограничения гласного надзора потеряли силу, был радостным для всей семьи. Теперь Анна Ильинична была вольна, не испрашивая позволения у держиморд разных рангов, в любой день поехать в Алакаевку или обратно в Самару. Полиция потеряла официальное право контроля над ее перепиской. Прекратятся внезапные и наглые визиты урядников, околоточных надзирателей, приставов и исправников. Словом, это была такая новость, которая пришлось кстати ко дню рождения Владимира Ильича.

Прошло уже полтора месяца с тех пор, как Владимир Ильич обратился с прошением о своем желании вести гражданские дела, а ответа все еще не было. 15 апреля, как бы напоминая о необходимости продвижения дела, он представляет в канцелярию окружного суда квитанцию губернского казначейства о взносе 78 рублей, необходимых для получения свидетельства «на право ходатайства по чужим делам».

А на следующий день Владимир Ильич выступает в окружном суде в качестве адвоката по двум уголовным делам. Вначале он защищает крестьян-бедняков И. И. Уждина, К. Ф. Зайцева и И. В. Красильникова, обвинявшихся в том, что в сентябре прошлого года они вскрыли амбар хutorянина Ф. Кривякова, чтобы похитить зерно. Выступать против доказанной кражи невозможно. Владимир Ильич мог лишь рельефно показать, что только голод 1891 года вынудил подсудимых пойти на преступление, для того чтобы накормить детей. Как свидетельствует протокол, он «ходатайствовал о понижении наказания», и суд приговорил обвиняемых к меньшей, чем требовал прокурор, мере — лишению всех прав состояния и к арестантским ротам сроком на 3 года.

290 По следующему делу проходил уже знакомый нам Муленков,

которого Владимир Ильич защищал 5 марта. Теперь же портной обвинялся в четырех мелких кражах, совершенных еще два года назад. Защитнику Ульянову на основании показаний свидетелей и самого обвиняемого удалось убедить суд в неосновательности претензий к Муленкову по трем кражам. Что же касается похищения 2 рублей и 60 копеек у того же самого А. Борисова, в лавке которого он «богохульствовал», то опровергнуть это обвинение не удалось, и суд с участием присяжных заседателей приговорил Муленкова к 8 месяцам лишения свободы. С учетом же того, что он уже приговорен за «богохульство» к году тюремного заключения, суд ограничился этой более высокой мерой наказания. Несомненная победа защиты содействовала росту популярности молодого адвоката.

Через день, 18 апреля, состоялось его новое выступление в суде — в качестве защитника по делу 29-летнего запасного рядового Е. И. Тишкина и крестьянина И. Ф. Зорина, 22 лет, обвинявшихся в конокрадстве. Суть дела заключалась в том, что полицейские сыщики, встретив этих молодых, плохо одетых и полуголодных парней, решили их «прощупать». В одном из трактиров они угостили Тишкина и Зорина спиртным и уговорили их угнать лошадь: пообещав вознаграждение. Те, не подозревая, что это гнусная провокация, привели в условленное место лошадь, где их уже поджидала полиция.

Владимир Ильич подчеркнул все эти обстоятельства и просил о снисхождении к беднякам, которых полицейские подтолкнули на преступление, но суд отказался принять во внимание чистосердечное признание обвиняемых и доводы адвоката и приговорил Тишкина к 3,5 года лишения свободы, а Зорина — к 9 месяцам. Неудача защиты объясняется во многом тем, что Тишкин имел уже несколько судимостей, а также стремлением суда в связи с участвовавшими в Самаре случаями угона лошадей преподать урок другим похитителям.

С этого дня вновь наступает перерыв в юридической практике Владимира Ильича.

УКРОЩЕНИЕ КУПЦА-САМОДУРА

Дружеские отношения Владимира Ильича с Марком Тимофеевичем крепили с каждым прожитым вместе днем. Он с удовлетворением отмечал, что зять, и раньше интересовавшийся социально-экономической литературой, становится его верным единомышленником. Работа делопроизводителем у либерально настроенного земского начальника А. И. Самойлова позволяла Марку Тимофеевичу разъезжать по уезду и вникать в насущные проблемы крестьянской жизни. Своими наблюдениями о положении в деревне он постоянно делился дома с родными. Для Владимира Ильича были очень важны связи Марка Тимофеевича с членами сызранского кружка марксистского направления, возглавляемого бывшим студентом Московской Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Алексеем Ивановичем Ерамасовым.

Владимир Ильич познакомился с ним через Марка Тимофеевича еще весной 1890 года, вскоре после того, как Ерамасова за участие в студенческих волнениях выслали из Москвы в родную Сызрань. Студент-петровец был немногословен и внешне выглядел по-крестьянски простовато. Когда же Владимир Ильич разговорился с ним у себя дома, то с удовлетворением убедился, что Алексей питает глубокий интерес к общественным наукам и знаком с социально-экономической литературой, как на русском, так и на немецком языке. Ерамасов, которому после отца-купца досталось значительное состояние, был настроен весьма решительно в народовольческом духе и готов был пожертвовать борьбе против царизма все наследство. За эту готовность отказаться во имя общего дела от материальных благ и полуаскетический образ жизни за ним укрепилась подпольная кличка «Монах».

Немаловажным было и то, что Алексей и его родной брат Сергей — выпускник Петербургского технологического института, работавший архитектором в Сызрани, — имели друзей в подпольных кружках обеих столиц и через них доставали запрещенную литературу. Словом, Владимир Ильич сумел разглядеть в Ерамасове честного и преданного делу революции работника.

Алексей Иванович, в свою очередь, проникся безграничным доверием к Владимиру Ильичу и относился с глубоким уважением ко всей его семье. Вспоминая о начале своего знакомства с Владимиром Ильичем, он писал: «Я испытал какое-то особое чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма: о В. В. и Николае-оне (Н. Ф. Даниельсоне. — Ж. Т.) и пр.». Помимо этих, ставших действительно обычными, тем, Владимир Ильич излагал и марксистские взгляды, да так убедительно, что Ерамасов вскоре перешел на его позиции и вместе с Ионовым стал обращать в новую веру ссыльного студента В. М. Андреева, учителя М. С. Татарина и других своих сызранских знакомых. А после переезда в январе 1892 года Ионова в Саратов Ерамасов стал руководить кружком марксистского направления. Литературой его снабжали А. П. Скляренко, М. И. Семенов, М. Т. Елизаров. Алексей Иванович сообщает в своих воспоминаниях о переводе Владимиром Ильичем «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, который был, к сожалению, утрачен: «Перевод этот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском: и уничтожила тетрадь»...

За три года жизни в Самаре Владимир Ильич неоднократно бывал в Сызрани и, наверное, встречался там с Ерамасовым. Так, во второй половине мая 1892 года он вместе с Марком Тимофеевичем отправился через Сызрань к родным зятя в Бестужевку. Возможно, что на обратном пути он предполагал увидеться и с Алексеем Ивановичем. Путь из Самары был такой: пароходом вниз по Волге до Батраков (ныне — город Октябрьский, близ Сызрани), затем — переправа на левый берег, а оттуда, уже на лошадях, в деревню.

Но случилось непредвиденное.

Когда они оказались уже недалеко от Батраков, то попросили капи-

тана дать свисток, чтобы подозвать лодку для переправы на левый берег. Подошла парусная лодка, но так как на нее вместе с Владимиром Ильичем и Марком Тимофеевичем сел и крестьянин, которому нужно было попасть в Батраки, то они подплыли сначала вместе с ним к правому. Ссадив его, они начали подниматься вверх по течению, чтобы затем в удобном месте переправиться на левый берег. Дальнейшие события в описании современника разворачивались так: «Тут, на беду, они должны были проехать перед окнами дома перевозчика (купца Арефьева.— Ж. Т.)... Арефьев, пребывавший в то время в компании гостей на балконе своего дома, предложил проезжавшим сойти с лодки и присоединиться к ним, внушительно добавив при этом, что они все равно не уйдут. Е [лизаров] поблагодарил за приглашение, и лодка стала продолжать путь. В это время раздается властный голос А. Н. Арефьева: «Алексей, взять лодку!» Перевозный паровичок моментально нагнал суденышко, бежавшее под парусом. Лодка была перехвачена с носа парохода и едва не попала под колеса...»

Арефьевские матросы, работая баграми, подтянули лодку и предложили пассажирам перебраться на пароходик. Владимир Ильич разъяснил служащим, что за такое принуждение им грозит тюрьма, но капитан настаивал на своем. Пришлось подчиниться. Владимир Ильич записал фамилии служащих и лодочников, а когда приплыли к пристани, направился к пировавшему Арефьеву и спросил, на каком основании он изловил их. Ответ купца — «на основании таксы, утвержденной министром» — не мог удовлетворить, и он хотел сразу же отправиться к земскому начальнику. Марк Тимофеевич, знавший местные порядки, убедил Владимира Ильича не спешить, а сам обратился к Арефьеву: «Дадите лодку?» Тот ответил: «Вам дам», подчеркивая слово «вам» и тем давая понять, что если он и дает лодку, то делает этим любезность, одолжение и никоим образом не исполняет обязанности, то есть «сам я хочу — везу, а хочу — нет, но другим везти не позволю».

Купец думал, что «своенравные» путники уедут и на том все кончится: не станут же они приезжать сюда за сотни верст без всякой выгоды для себя только ради того, чтобы привлечь его к ответственности за самоуправство. Так уже было не раз, и он давно уверовал в свою безнаказанность. Еще 15 лет назад симбирское земство имело в Батраках (Сызранский уезд входил в Симбирскую губернию) свой перевоз, который содержался арендатором. Здесь же, по соседству в 1878 году самовольно устроил переправу и Арефьев на своем более мощном и быстром пароходике. Сначала цены у него были ниже земских, а перевоз осуществлялся быстрее, и он довел земского арендатора до упадка.

В конфликт вмешался симбирский губернатор, предложивший полиции ликвидировать арефьевскую переправу. Но тот успел уже приобрести участок земли на левом берегу Волги и вообще так закрепился, что не только не выполнял требований полиции, но еще и сам обжаловал постановления сызранского съезда мировых судей в правительствующем сенате. Высшее судебное учреждение империи ответило, что «устройство и содержание перевозов и переправ на земских путях сообщения» не может быть «предметом коммерческого предприятия, состоящего вне всякого правительственного надзора», и поэтому оставило жалобу купца «без последствий».

После этого симбирское губернское земство имело все основания через суд взыскать с А. Н. Арефьева размер тех убытков-дотаций, которые несло несколько лет, поддерживая общественную «весельную переправу» через Волгу. Однако, прикинув расходы на ведение судебного дела, оно решило перевоз в Батраках сохранить, но, смирившись, записало: «иск же мещанину Арефьеву, в смысле возмещения земству убытков, комиссия считает безнадежным, почему и предлагает его не начинать».

В последующие пять лет симбирское земство продолжало бороться с Арефьевым, но, увы, безуспешно, и тот держал свою переправу, применяя бессовестные приемы. Например, такой. Подставное лицо купца зазывает на пароходик желающих, обещая перевезти чуть ли не даром, а потом, «отплыв от берега, начинает с пассажиров взимать плату, какую захочет».

В конце концов симбирские власти, резонно полагая, что Батракским перевозом больше всего пользуются жители Самарской губернии, обратились к самарскому губернатору и самарскому губернскому земству с предложением передать общественную переправу в их ведение, но те не приняли этот дар. И симбирское земство, по существу, махнуло рукой на переправу. Между тем Арефьев разбогател, перешел из мещанского сословия в купеческое и окончательно завладел перевозом между Батраками и деревней Якобьевкой на левом берегу Волги. Став монополистом, он устанавливал цены, какие ему заблагорассудится. Время от времени жалобы доходили до министра внутренних дел, как, например, в 1886 году, когда Арефьев отделался небольшим денежным штрафом, и продолжал как ни в чем не бывало куражиться над пассажирами.

«Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, — писал Дмитрий Ильич, — что купец действует незаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы».

На этот же раз купец-самодур просчитался: Владимир Ильич, с его обостренным чувством ненависти ко всем проявлениям несправедливости и произвола, не любивший к тому же откладывать дела в долгий ящик, направил земскому начальнику 2-го участка Сызранского уезда А. Д. Ребровскому жалобу с просьбой о привлечении Арефьева и его подручных к уголовной ответственности.

В эти же майские дни Владимир Ильич узнал в окружном суде, что вопрос о выдаче ему свидетельства на право вести гражданские дела не сдвинулся с места. 1 июня он направил прошение директору департамента полиции с просьбой известить председателя Самарского окружного суда о неимении со стороны департамента препятствий к выдаче ему свидетельства на право быть поверенным. Из Петербурга, против обыкновения, довольно быстро ответили, что «соответствующий отзыв будет дан на запрос надлежащего судебного начальства». Владимиру Ильичу ничего не оставалось, как вновь просить председателя окружного суда сделать такого рода запрос директору департамента полиции... Пока же придется заниматься только уголовными делами.

делу крестьянина М. С. Бамбурова, обвинявшегося в краже носильных вещей. Кража была мелкой: из квартиры отставного коллежского регистратора он похитил «3 горбушки хлеба», мешок и потертый форменный сюртук, а у одного крестьянина — поношенную рубашку. Бамбуров чистосердечно признался, что сделал это «по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работы». Владимиру Ильичу удалось убедить присяжных заседателей в необходимости смягчения меры наказания, предлагавшейся прокурором. Но и это согласно закону означало для Бамбурова год пребывания в арестантском отделении.

Через четыре дня, 9 июня, Владимир Ильич защищает в суде группу крестьян деревни Раковки Самарского уезда — П. Г. Чинова, С. В. Лаврова, Ф. И. Куклева и его 13-летнего сына Николая, обвинявшихся в краже зерна и «разных вещей» из амбаров сельских богатеев. Вскрыв бездоказательность ряда обвинений, Владимир Ильич добился того, что каждый из подзащитных в чем-то был оправдан, а мальчик был вообще признан невиновным и вышел на свободу.

После этого дела наступил трехмесячный перерыв в адвокатской деятельности Владимира Ильича, зато началась его собственная судебная тяжба с купцом Арефьевым. Кто-то из знакомых Владимира Ильича или Марка Тимофеевича послал заметку о случае на Батракском перевозе в казанский «Волжский вестник», и эта история получила широкую огласку во всем Поволжье. В газете имя Арефьева было названо и указано, что погоня его пароходика за лодкой «грозила неминуемой катастрофой» пассажирам, поэтому замять преступное самоуправство стало невозможно.

Вскоре Владимир Ильич получил и повестку, извещавшую, что разбор возбужденного им дела назначен на 15 июня в камере земского начальника, находившейся в Сызрани. Отправляясь туда, Владимир Ильич, очевидно, еще раз заглянул в соответствующие статьи уголовного законодательства и в «Положение» о земских начальниках. Сам Арефьев в камеру Ребровского не явился, а прислал поверенного Н. А. Ильина. Присутствовал также штурман пароходика А. Семенов.

Даже по краткому газетному репортажу видно, что заседание проходило довольно бурно. Наемный адвокат Арефьева «всяческими способами и изворотами старался выгородить своего клиента. То он доказывал, что матросы сами изловили лодку по своему почину... То утверждал, что приказал не Александр Николаевич, а брат его, Сергей Николаевич, то ссылался на распоряжение полиции, которая будто бы сама велела излавливать, то... и не перечтешь всех тех способов защиты, из которых каждый новый побивал все предыдущие». Ясно, что на эти «извороты» адвокат Ильин вынужден был идти под методичным натиском Владимира Ильича, искусно использовавшего и показания свидетелей обвинения, и ответы штурмана, который сначала взял всю вину на себя, а затем бесхитростно пояснил, что «хозяин всегда так велит...».

Когда Ильин понял тщетность своих попыток обелить самоуправство купца, то принялся убеждать, что Арефьев имел право это сделать, так как ему принадлежит монополия перевоза в данной местности, и просил Ребровского отложить разбирательство до представления документов, подтверждающих эту монополию. «Хотя У[льянов] и возражал, — говорится далее в газетном репортаже, — что все документы не идут к делу, так как суть дела не изменится, потому что самовольная защита

и своих действительных прав признается за самоуправство, но г. земский начальник все-таки уважил ходатайство защитника и разбор дела отложил».

Владимир Ильич понимал, как подчеркивал Дмитрий Ильич, что «Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело». Понимал он и положение Ребровского, всего лишь пару лет назад сменившего профессию врача на административно-судебную должность и поэтому не ведавшего о всех тонкостях юридического крючкотворства и оказавшегося просто неготовым к внезапному извороту Ильина, пообещавшего представить документы купца на монополию перевоза. Вместе с тем земский начальник должен был помнить о законе, обязывавшем его стараться, чтобы стороны по тяжбе, поступившей к нему, «прекратили дело миром». Отсрочка вызывала чувство досады, но Владимир Ильич имел основания для удовлетворения первым этапом разбирательства: ему удалось доказать сам факт самоуправства, за которое купца неотвратимо ждет тюремное наказание.

ХОЛЕРА. В ОТВЕТ НА НАПАДКИ МИХАЙЛОВСКОГО

С наступлением лета к Самаре стало приближаться новое грозное бедствие — холера: в Саратов она пришла с юга 18 июня, а через четыре дня появились первые больные и в Самаре. 30 июня в срочно созданных бараках «временной больницы» находилось 29 больных холерой, 47 — «холериной» и 10 — «подозрительных». За неделю из больницы выписалось 5 человек, а на кладбище в закрытых гробах, без отпевания в церквях и без «скопления народа», были отправлены первые 11 жертв эпидемии. В следующие две недели умирало до 50 человек в день. 12 июля «Самарская газета» писала: «Благодаря холере между городскими обывателями царит настоящая паника. Многие бегут не только из города, но и из соседних дачных местностей куда-нибудь подальше от города: на Сергиевские минеральные воды, даже в Москву и Петербург».

Но бежать в столицы, не говоря уже о поволжских и уральских губерниях, было бесполезно: там тоже свирепствовала «азиатская холера». Правительство рассылало циркуляры по организации карантина, устройству временных бараков, созданию мобильных медицинских отрядов. Врачи публиковали в газетах советы по предупреждению заболевания и лечению заразившихся.

Проведение в жизнь «указаний науки» нередко осуществлялось чисто полицейскими мерами. «Стоило врачам в Самаре и Саратове, — вспоминал современник, — указать на то, что квас надо варить из кипяченой воды, — как все квасные посудины на пристанях внезапно, точно бурей, были опрокинуты полицией, и тысячи бурлаков вынуждены были пить грязную воду прямо из волжских затонов, как будто она была кипя-

чая, и всюду, где строился холерный барак, — перед населением вставал призрак принудительного, при содействии полиции, водворения в это учреждение даже сомнительных больных и заболевших другой болезнью...» Неудивительно, что после появления в газетах сообщений о бунтах, во время которых народ сжигал холерные бараки, а кое-где и нападал на врачей и фельдшеров, и в Самаре стали опасаться подобных волнений.

В прошлые годы обычно уже в мае Ульяновы перебирались в Алакаевку, а в это холерное лето Владимир Ильич задержался в городе до конца июля. 27-го числа он наконец-то получил в окружном суде «Свидетельство» на право ходатайства по чужим судебным делам в течение 1892 года, и, наверное, в этот же день отправился в Алакаевку. Пристав 3-й части Самары упустил это и в докладе полицмейстеру задним числом проставил другую дату убытия поднадзорного — 25 июля. Слежка за Владимиром Ильичем продолжалась. Широкая же общественность из «Самарских губернских ведомостей» от 5 августа и «Самарской газеты» от 9 августа узнала, что помощник присяжного поверенного Владимир Ильич Ульянов получил «свидетельство на право ведения чужих судебных дел в Самарском окружном суде в течение 1892 года», то есть стал полноправным адвокатом.

Этим летом Владимир Ильич, как обычно, много читал, в том числе труды ведущих идеологов либерального народничества — В. П. Воронцова, С. Н. Южакова и особенно — Н. К. Михайловского. Со многими статьями и очерками Михайловского в «Отечественных записках», «Северном вестнике» и «Русских ведомостях» Владимир Ильич был знаком. Что же касается его произведений, печатавшихся в «Русской мысли», которую Ульяновы давно выписывали, то Владимир Ильич их не просто читал, а штудировал и делал выписки. Это особенно относится к статьям Михайловского «Литература и жизнь», которые с марта 1891 года почти ежемесячно появлялись в журнале. Много привлекало в них: живые воспоминания о писателях и публицистах, с которыми Михайловскому довелось встречаться, поучительный анализ творчества братьев Курочкиных, Д. Писарева, Н. Добролюбова, Д. Минаева, Г. Елисеева, Н. Некрасова, Г. Успенского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Шелгунова, Л. Толстого, А. Чехова.

В 1914 году Владимир Ильич напишет: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью».

Примерно с такими, довольно доброжелательными чувствами принял Владимир Ильич за чтение появившейся в июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год очередной статьи Михайловского из цикла «Литература и жизнь». Заголовка она не имела, но автор перечислил все пять вопросов, которые рассматриваются в ней: «Книга о книгах». — Воспоминание о маленьком человеке. — Н. И. Зибер. — Письмо К. Маркса. — Кающиеся дворяне.

При разборе «Книги о книгах» — объемистого рекомендательного каталога, изданного в Москве под руководством известного политэконома и статистика профессора И. И. Янжула «в пользу голодающих», критик Михайловский справедливо отметил такие серьезные недостатки каталога, как отсутствие в нем философских трудов Л. Фейербаха, Л. Толстого, Ф. Лассаля, литературы «о международном обществе рабочих».

Несомненно, что Владимир Ильич с интересом прочел в статье рассказ о трагической судьбе «маленького человека» — девушки, которая после окончания в Петербурге фельдшерских курсов поехала весной 1891 года в Самарскую губернию для оказания помощи голодающим, но вскоре заразилась тифом и умерла. Вспомнил же Михайловский о ней для того, чтобы упрекнуть составителей «Книги о книгах» за «слишком презрительное или слишком боязливое» отношение к тому, «что живо и живьем пахнет» и, в частности, за пропуски в каталоге дискуссионных статей о К. Марксе, в том числе и его, Михайловского, статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского», напечатанной в «Отечественных записках» за 1877 год.

В этом пропуске, замечает Михайловский, не было ничего удивительного, если бы не одно обстоятельство: «Случилось так, что статья эта, написанная в защиту Маркса, но с оговорками, вызвала вмешательство самого Маркса в наш русский спор: его возражение на мою статью или объяснение по поводу ее, уже после его смерти, было напечатано в «Юридическом вестнике» (за 1888 г.) под заглавием «Письмо Карла Маркса».

Владимир Ильич читал еще в Казани это очень важное для каждого революционера письмо К. Маркса, как и статью Михайловского в «Отечественных записках», и немало размышлял над ними. Как же теперь, спустя 15 лет после появления своей статьи в некрасовском журнале, Михайловский смотрит на те «оговорки», с которыми он раньше «защищал Маркса» от нападок Жуковского, а главное, как сейчас он относится к «русскому спору» о судьбах капитализма в России?

Прежде чем перейти к этой проблеме, Михайловский изложил суть шестой главы «Капитала», где К. Маркс скрупулезно раскрывал процесс первоначального накопления капитала. Минуя подробности, Михайловский подводил читателя к выводу, что развитие капитализма в Европе сопровождалось ужасами нищеты, унижения, гнета, обрушившимися на крестьян и ремесленников после того, как они лишились земли, средств существования и орудий труда. Искренне желая, чтобы в России эти ужасы не повторились, Михайловский стремится убедить читателя в возможности миновать капиталистический путь развития, ибо у нас еще сохранились общинное землевладение, кустарная промышленность, артели и другие виды «принадлежности земли или орудий производства работнику».

Игнорируя очевидные факты быстрого разложения крестьянской общины и развития капиталистических отношений в экономике пореформенной России, Михайловский безапелляционно заявляет, будто мы находимся «еще в самом начале» этого процесса и поэтому «должны сознательно» избежать «чреватого бедствиями» капиталистического периода, возникшего в истории Европы «стихийно».

За эти типично субъективистские рассуждения можно было только пожалеть маститого публициста. Но после этого Михайловский пошел на явное извращение взглядов российских сторонников научного социализма: «...положение русского ученика Маркса представляется мне крайне трудным и двусмысленным. Идеал его есть коллективная организация принадлежности рабочему земли и орудий производства, и, в то же время, он должен приветствовать разлучение труда и собственности, обезземеление крестьян, рождение пролетариата и вообще распадение связи между работником и условиями производства, потому что все это — отдельные акты необходимого, но, в конце концов, благодетельного процесса».

Вот так, не приводя ни одного примера утверждений «русских учеников Маркса» о том, что в России «должен быть» капитализм, «потому что он был на Западе», и повторяя банальные побасенки пошляков народнического толка о желании социал-демократов «обезземелить народ», Михайловский заявляет: «Задача наша не в том, чтобы вырастить непременно «самобытную» цивилизацию, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. По-видимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем».

Как он жестоко ошибался! В Самаре (где жил племянник Михайловского и где он сам побывал всего лишь месяц назад, совершая поездку по Волге) молодой адвокат Владимир Ульянов законспектирует эти и другие строчки из его статьи в «Русской мысли», прокомментирует их сначала для себя, а затем решительно примется за обстоятельнейшую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Да, Владимир Ильич сразу же расценил эту журнальную статью как первое программное выступление народников против российских учеников Маркса. Учитывая громадный авторитет Михайловского, которого редакция «Русской мысли» именовала «самым талантливым нашим критиком-публицистом», а автор книги «Основы народничества» Юзов (Каблиц И. П.) громогласно назвал «...одним из вреднейших марксистов», Владимир Ильич твердо решил развенчать самоуверенного публициста-субъективиста, на самом деле ничего общего не имевшего с социал-демократами.

Набросав возражения по поводу статьи, Владимир Ильич поделился ими с Алексеем Скляренко и членами его кружка. Матвей Семенов в связи с этим вспоминал: «В июньской книжке «Русской мысли» за 1892 год появилась первая статья Н. К. Михайловского с обвинениями марксистов в проповеди необходимости «отделения производителей (крестьян) от средств производства». В. И. Ленин немедленно реагировал на эту выходку столпа либерального народничества соответствующим докладом в нашем кружке».

Эта статья Михайловского обсуждалась на собраниях у А. И. Ливанова и других ветеранов-народников, которые узнали о взглядах Владимира Ильича, и на головы «марксят» и «гегельянцев», по свидетельству того же Семенова, посыпались всяческие наветы: «Марксистов обвиняли прежде всего в нереволюционности их учения, в искусственности

пересадки этого учения из Западной Европы в Россию, где для его развития и применения на практике якобы нет подходящих условий. Говорили, что марксисты стоят за развитие капитализма, т. е. за усиление эксплуатации рабочих, за пролетаризацию крестьянства и т. п.»

Не могло пройти мимо внимания Владимира Ильича и выступление в «Самарской газете» скрывавшегося под инициалами «Н. И. С-ъ» одного из поклонников «столпа либерального народничества». Похвалив Михайловского за его многолетнюю борьбу с мракобесами, окопавшимися в «Московских ведомостях» и «Гражданине», он поставил в заслугу своему кумиру и его нападки против сторонников К. Маркса.

Слепо следуя за Михайловским, самарец утверждал, что марксисты якобы поддерживают «обезземеление наших крестьян, переход мелкой промышленности, орудий труда в руки крупного землевладения, а также мелкой кустарной промышленности в руки крупных акционерных предприятий». Далее «Н. И. С-ъ» пишет: «Это, — говорят увлекшиеся доктриной К. Маркса, — необходимая стадия в развитии каждого человеческого общества, процесс, хотя и болезненный и мучительный, но естественно необходимый; после него, когда он рухнет, что необходимо должно случиться, экономический строй нашей жизни обоснуется тогда на справедливых началах».

И как доволен «Н. И. С-ъ», что в России «авторитетному учению» К. Маркса «не дано было ходу, и одним из разрушителей его был Н. К. Михайловский». Вот так, ни больше ни меньше: и широкое распространение марксизма в России предотвратил, и продолжает борьбу против его сторонников.

Что именно противопоставлял Владимир Ильич всем этим надуманным выпадам против российских марксистов тогда, в 1892 году, видно по тем страницам ленинского труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), которые написаны по поводу приведенного выше совета Михайловского «брать хорошее отовсюду».

Владимир Ильич «разговаривает» с Михайловским жестко, без скидок на его авторитет: «И в самом деле, как это просто! Хорошее «брать» отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм «взять» принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм «взять» свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинает с утопии — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: «взять» хорошее оттуда-то да еще оттуда. Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений».

Владимир Ильич не просто противопоставлял Михайловскому те или иные положения Маркса. Уже тогда творчески развивая марксизм, применяя его к современной российской действительности с ее бурным экономическим подъемом, с выходом на политическую арену нового класса — пролетариата, изменениями в деревне, он показывал, что русским марксистам присущ совершенно иной, диалектический подход к судьбам своей страны. «Видя, что вся пореформенная история России состоит в разорении массы и в обогащении меньшинства, наблюдая

гигантскую экспроприацию мелких производителей наряду с повсеместным техническим прогрессом, замечая, что эти полярные течения возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство, — они не могли не заключить, что имеют дело с буржуазной (капиталистической) организацией общественного хозяйства, *необходимо* порождающей экспроприацию и угнетение масс. Их практическая программа прямо уже определялась этим убеждением: она сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой».

Правомерно ли полагать, что Владимир Ильич еще в Самаре примерно так излагал взгляды русских марксистов? Ответ на этот вопрос дала Анна Ильинична, которая, вспоминая о самарском периоде жизни Владимира Ильича, указывала: «...он написал частью разбор сочинений народников, который вошел потом в его работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

ЗАЩИТНИК И ОБВИНИТЕЛЬ

Слежка за Владимиром Ильичем велась постоянно, но «стражи порядка» словно не признавали его новое общественное положение. Так, самарский уездный исправник в рапорте губернатору от 5 октября 1892 года писал: «Имею честь донести Вашему превосходительству, что состоящий под негласным надзором полиции быв. студент Казанского университета Владимир Ильин Ульянов 8 сентября из д. Алакаевки, Самарского у., выбыл в г. Самару».

А «бывший студент» в качестве защитника продолжает выступать в окружном суде. 15 сентября Владимир Ильич пришел на заседание суда по делу мещанина Н. И. Гусева, обвинявшегося в систематическом избиении своей жены. Защиту его должен был осуществлять адвокат К. Позерн, но ввиду занятости последнего суд перепоручил дело В. Ульянову. Когда в ходе процесса выяснилось, что Гусев систематически и беспричинно истязал свою молодую жену, Владимир Ильич не стал просить суд о снисхождении. Секретарь так и записал в протоколе: «Частная повинительница просит наказать подсудимого по закону. Защитник ничего не сказал». Суд наказал Гусева довольно строго — годом содержания в исправительном арестантском отделении.

Через день, 17 сентября, Владимир Ильич выступает на заседании суда в качестве защитника по делу рабочего, прусского подданного Вильгельма Садлоха, и 13-летнего солдатского сына Степана Репина, обвинявшихся в краже вещей у купца Коршунова. Обвинение их выражено одной фразой: «Из сундука выбрали разные вещи на сумму около 9 рублей». Владимир Ильич сумел найти изъяны в материалах следствия, и после его выступления в защиту мальчика присяжные

заседатели вынесли оправдательный вердикт: «Нет, не виновен». Садлох же был осужден на год заключения в исправительном арестантском отделении.

В наступивший 40-дневный перерыв в адвокатских делах Владимир Ильич продолжает свою теоретическую работу по разоблачению писаний идеологов либерального народничества, которую прервала повестка, приглашавшая его прибыть в Сызрань 25 сентября для дальнейшего разбирательства по обвинению Арефьева в самоуправстве на Батрацком перевозе.

Отсрочка дела длилась уже три месяца. В это лето, когда свирепствовала холера и люди избегали путешествий на пароходах и поездах, Арефьев мог снова не явиться на разбирательство, заручившись справкой о болезни. И если бы приговор состоялся без него, то он потерял бы свою силу.

С приближением дня разбирательства дела в доме Ульяновых несколько раз поднимался вопрос о целесообразности новой поездки Владимира Ильича. Несомненно, обсуждалась при этом и личность земского начальника. Мария Александровна знала семью Ребровских. Двое братьев нынешнего земского начальника, Дмитрий и Михаил, были учениками Ильи Николаевича по Пензе, а в 80-х годах содействовали развитию народного образования в Симбирской губернии — словом, принадлежали к либеральной части общества, и можно было полагать, что третий Ребровский доведет дело в соответствии с законом. Но ведь он был лишь винтиком в сложном бюрократическом механизме властей, и кто знает, что еще придумают подручные Арефьева.

Марию Александровну беспокоило, что поезд отходил из Самары очень поздно, и Владимиру Ильичу предстояла бессонная ночь. Поэтому мать, по свидетельству Дмитрия Ильича, всячески отговаривала его, но безуспешно:

«— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать».

Владимир Ильич своевременно прибыл в камеру земского начальника, но на заседание на этот раз не явился даже частный поверенный купца. Положение А. Д. Ребровского было сложным, но он учитывал, что за ходом дела следят многие в Поволжье, и согласился с настояниями потерпевшего-обвинителя безотлагательно завершить разбирательство. При вынесении приговора Ребровский руководствовался статьей 142 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», предусматривавшей до 3 месяцев ареста. Если учесть, что по «Уставу» даже «за нанесение обиды действием» виновные подлежат аресту «не свыше одного месяца», то 30 суток ареста, данные Ребровским Арефьеву, — наказание суровое.

Так полагал и автор репортажа «Финал Арефьевского дела», появившегося 3 октября в «Самарской газете»: «Таким образом деяния Арефьева получили достойную оценку в приговоре земского начальника, и, вероятно, когда Арефьев познакомится с сладостью ареста, то у него пропадет всякая охота излавливать на своем пароходе переезжаю-

щих Волгу. Только такими мерами и возможно доказать Арефьеву и ему подобным, что личность неприкосновенна и что право, даже и действительное, а не только созданное пылкой фантазией, следует защищать не самоуправно, а в указанном законом порядке».

Последний вывод относился уже явно к Владимиру Ильичу, который своей непреклонной борьбой по укрощению купца-самодура всколыхнул общественное мнение. В Сызрани еще долго говорили о позорном аресте Арефьева. Дмитрий Ильич справедливо подчеркивал, что брат дал еще и наглядный пример лодочникам, как надо бороться за свои права.

Когда Владимир Ильич, со свойственными ему задором и юмором, обрисовал в картинках родным и друзьям сценку заключительного заседания в камере земского начальника, их, конечно, обрадовало столь успешное завершение этого судебного дела. Трудная и почетная победа над зарвавшимся Арефьевым сказалась и на росте авторитета Владимира Ильича как юриста.

По счастливому совпадению в это время наметились и сдвиги к лучшему в литературной деятельности старшей сестры. После почти полуторагодичного перерыва «Волжский вестник» принял у Анны Ильичны для публикации переводы с итальянского антивоенной новеллы «Борьба приходов» Дж. Верги и антиклерикального рассказа «Джулия» У. Валькареджи, а редакция «Самарской газеты» стала готовить ее перевод, тоже с итальянского, рассказа «Трупик», проникнутого идеями гуманизма.

Общее облегчение для всех самарцев наступило с приходом осени — прекратилась холера. За это страшное лето, к 27 сентября, эпидемия унесла в Самарской губернии 17,5 тысячи жизней. Но с наступлением заморозков началась новая эпидемия, на сей раз — небывалая вспышка тифа...

Все ужасные напасти — голод, холера и тиф — сильнее всего поражали пролетариев города и деревни, и именно это обусловило многие уголовные преступления, особенно мелкие кражи, которыми Владимиру Ильичу и пришлось заниматься в первые полгода своей адвокатской практики. В каждом из дел о голодных кражах он добивался большего или меньшего, но все-таки успеха. Однако поколебать жестко-неумолимого принципа, согласно которому даже за украденную краюху хлеба бедняк карался лишением свободы, он не мог. Между тем Владимиру Ильичу продолжали поручать главным образом такие дела о мелких кражах, которые попадали в суд с настолько очевидными уликами против обвиняемых, что не позволяли защитнику развернуть в полной мере свои профессиональные способности.

Как бы там ни было, но по возвращении в Самару после победы над Арефьевым Владимир Ильич не спешил с возобновлением адвокатской деятельности: очередное, десятое по счету уголовное дело, в котором он участвовал, слушалось в суде только 26 октября. Защитником его избрали сами обвиняемые — трое мастеровых-мещан в возрасте от 18 до 22 лет: Василий Алашеев, Алексей Карташев и Дмитрий Перушкин. Они обвинялись в хищении у купца Данилина 20 стальных рельсов и у купчихи Бахаревой чугунного колеса от молотилки. На скамью подсудимых попали также приказчики Андрей Червяков и Василий Абрамов — подстрекатели преступления и покупатели краденого для них

«железного» товара. Одного из последних — Червякова — защищал частный поверенный А. М. Михайлов, известный умением сорвать куш с подзащитных.

Это создавало непривычную обстановку для Владимира Ильича: он имел дело не только с председательствующим и представителем государственного обвинения, но и адвокатом Михайловым, который был не столько союзником, сколько противником. И все же Владимир Ильич добился определенного успеха и в этом деле: Алашеев и Карташев хотя и были признаны присяжными заседателями виновными, но суд приговорил их к минимальному наказанию — направлению на год в исправительно-арестантские отделения, а Перушкин был оправдан по обвинению в хищении колеса и лишен свободы лишь на 8 месяцев.

В ноябре Владимиру Ильичу пришлось вести два дела. О первом из них «Самарская газета» написала очень сжато: «18 ноября в Самарском окружном суде слушалось дело по обвинению уже лишенного всех прав состояния отставного рядового из мещан г. Костромы... Василия Петровича Красноселова, 67 лет, в краже... Обвинял товарищ прокурора г. Прохоров, защищал Красноселова пом. присяжного поверенного г. Ульянов». Между тем процесс этот окажется одним из самых памятных для окружного суда.

Подсудимый, неграмотный кузнец, обвинялся в похищении из незапертой квартиры торговца Сурошникова 113 рублей. Следствие поверило навету торговца, утверждавшего, что старик неоднократно покупал у него капусту, «так что больше делать кражу некому». В пользу «пострадавшего» сочли и второй «аргумент» истца: поскольку 100-рублевый билет был найден полицией у Красноселова «в сапоге за чулком», то «нечего тут и думать, что деньги украл он». К числу «улик» следствие отнесло и заявление начальника городской тюрьмы о том, что Красноселов при недавнем освобождении из заключения «ни копейки денег не имел». Вот таким голословным «уликам» поверил и прокурор Мясников, а составленный им обвинительный акт был утвержден уголовным департаментом Саратовской судебной палаты. Казалось, что приговор уже предопределен. Но Владимир Ильич, взявшийся за защиту Красноселова по его просьбе, вскрыл на заседании суда явные нарушения следствием процессуального кодекса: отказ обвиняемому в ходатайстве о вызове новых свидетелей — служащих тюрьмы, где он сидел раньше и заработал свои деньги, а также непроведение очной ставки между Красноселовым и Сурошниковым. Однако присяжные заседатели признали кузнеца виновным, и Ульянов вынужден был лишь ходатайствовать о смягчении наказания своему подзащитному, после чего суд приговорил того к отдаче в исправительно-арестантские отделения на 2 года и 9 месяцев.

Но Владимир Ильич не сдался. Он помог Красноселову обжаловать приговор, и указом уголовно-кассационного департамента сената решение Самарского окружного суда было отменено, а кузнец вышел на свободу! Насколько редким в практике был случай отмены решения суда подобного ранга, красноречиво говорит такой факт: из 31 жалобы и протеста, поступивших за год на приговоры Самарского окружного суда в сенат, 29 оставлены без последствий.

Но об этой победе Владимир Ильич узнает через два месяца. На следующий же день после суда над кузнецом он защищает крестьянина

Филиппа Лаптева, обвинявшегося в оскорблении своего отца. Владимир Ильич сумел найти в материалах следствия факты, свидетельствующие о том, что Лаптев-отец сам во многом виноват, и суд смог бы в этом убедиться, если бы согласился вызвать названных сыном свидетелей. Аргументация Владимира Ильича подействовала, и рассмотрение дела было отложено. А вскоре отец и сын окончили его сами примирением.

Последним уголовным делом, которым Владимир Ильич занимался в 1892 году, был процесс над отставным прапорщиком А. Н. Языковым, начальником железнодорожной станции Безенчук, и отставным рядовым, стрелочником той же станции И. И. Кузнецовым, обвинявшимися в неправильных действиях или неисполнении обязанностей, в результате чего погиб 9-летний мальчик Андрей Коротин. Суть этой драматической истории вкратце такова. Утром 8 мая 1891 года на железнодорожную дрезину, на которой рабочий П. Наурсков вез питьевую воду, подсади покатаваться мальчики. Поднявшийся ветер погнал со станции под уклон пять пустых вагонов, которые, по халатности стрелочника Кузнецова, не были застопорены «башмаками». В результате наезда вагонов на дрезину мальчик получил смертельное ранение. Суд состоялся 17 декабря. Прокурор В. П. Богданович подвел ответственность Языкова и Кузнецова за случившееся под 2-ю часть статьи 1085 Уложения о наказаниях, предусматривающую тюремное заключение. Владимир Ильич, защищавший Языкова, настаивал, а суд согласился с его доводами, что Языков подлежит наказанию по более мягкой 3-й части статьи 1085, то есть за «недостаточный надзор» за действиями стрелочника. И так, вместо тюрьмы Языков подвергся штрафу в 100 рублей.

Вот так, почти по каждому из 13 уголовных дел, в которых участвовал Владимир Ильич в 1892 году, он, по справедливому замечанию писателя-юриста В. Шалагинова, что-то выигрывал: либо у самого обвинения — против обвинительного акта, либо у представителя обвинения — против его требований о размере наказаний.

Владимир Ильич мог быть вполне доволен результатами своей адвокатской практики, если бы не одно чрезвычайно важное «но», присущее всему царскому правосудию, против которого еще предстояла суровая и решительная борьба: «Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на жительство в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги... и откуда легко удрать за границу...»

«ПАЛАТА № 6»

В схватке с распоясавшимся купцом Владимиру Ильичу в известной мере повезло, потому что дело вершилось таким земским начальником, как А. Д. Ребровский, который был новичком в своей должности, к тому же человеком с высшим образованием, воспитанным в интеллигентной

дворянской семье. В целом же институт земских начальников, созданный законом от 12 июля 1889 года в угоду ярым крепостникам, комплектовался, как правило, из небогатых, но властолюбивых дворян, охотников до званий, чинов и орденов. Считалось, что человека на эту «хлебную» должность подбирает земство, но фактически на нее попадало лицо, угодное губернатору. Земский начальник получил власть, очень похожую на былую «отеческую власть» помещика-крепостника. Во вверенном ему участке он мог приостановить любое решение сельского схода и волостного суда, карать крестьянина денежным штрафом или заключением в арестный дом, то есть действовал почти бесконтрольно. Этому произволу способствовало и введение 12 июня 1890 года «Положения о губернских и уездных земских учреждениях».

В Самарской губернии эти реакционные узаконения вступили в силу с 1 января 1891 года. Владимир Ильич с пристальным вниманием следил за претворением их в жизнь, брал на заметку конкретные факты беззакония, чтобы при удобном случае предать их гласности. И когда, в сентябре 1892 года, В. В. Водовозов переезжал из Самары в Петербург, Владимир Ильич пообещал ему присылать обличительные материалы для помещения их в столичной печати.

До нас дошло одно такое письмо, от 24 ноября 1892 года, в котором Владимир Ильич, оговорив, что не считает возможным откладывать отправку информации до более серьезного случая, делится тем, что ему стало известно после отъезда Водовозова из Самары: «Здесь ходят разговоры о земском начальнике Бугурусланского (?) уезда местном помещике и дворянине Аксакове (начальнике 10-го участка Бугурусланского уезда С. А. Аксакове. — Ж. Т.). В прошлый неурожайный год он взялся поставить хлеб управе. Управа поручила ему же выдать хлеб крестьянам, и хлеб был выдан — качества совершенно невозможного, гнилой, с червями. Протесты крестьян были оставлены без последствий. Дело получило законный ход, к прокурору, — начато было следствие. Говорят теперь, что дело это замято.

Может быть, — и Вы еще слышали об этом происшествии?

Тут все еще нуждается в подтверждении: слухи самые противоречивые (другие говорят, следствие производится), и источники их не проверены. Намерен постараться разузнать дело».

Пообещав написать о других «небезынтересных случаях» из практики земских начальников Самарской губернии, Владимир Ильич показал, как сказывается институт земских начальников на выборе гласного из крестьян в Самарское уездное земское собрание. В одном из сел крестьяне, не раз избравшие своего земляка И. П. Беспалова гласным, хотели и в очередной раз видеть его своим представителем в земстве. Однако присутствовавший на сходе земский начальник И. А. Чернышов заявил, что Беспалова выбирать не следует, так как он выступал против общественных запашек, а из-за этого-де крестьяне и голодали прошлый год. «Присутствовавший на сходе Беспалов попробовал смиренно возразить свирепому начальнику, — продолжал с иронией Владимир Ильич, — что как раз против общественных запашек он никогда и не говорил, но это замечание совсем возмутило Чернышова. Он стал кричать, что не потерпит ослушников, что на них у него есть управа ((арест по ст[атье] 61? пол[ожения] о з[емских] н[ачальни-

ках])) и чтобы подкрепить угрозу арестом тут-же приказал десятским приготовить подводы (на случай ареста и увоза «крикунов»).

Беспалов выбран не был.

Новое земство, по всей видимости, будет жалкой комедией с действительным хозяйничаньем земских начальников и с неуклюжей внешностью самоуправления». Поясняя это «хозяйничанье», Владимир Ильич в примечании дописал: «Интересно отметить, как сразу сказалось положение начальников: они были «приглашаемы» в уездное земск[ое] собрание (Самарское) — последнее (1892 г.) да и раньше — где и обращались к собранию с речами, предложениями, настояниями и т. д., не будучи гласными. Если принять во внимание председательство в у[ездном] з[емском] с[обрании] у[ездного] предв[одителя] двор[янского] (=предводителя з[емских] нач[альников]), то едва ли можно отрицать важность подобных «приглашений».

Владимир Ильич наверняка обращал внимание на те статьи в «Самарской газете» и других органах печати за 1892 год, в которых приводились примеры самодурства и самоуправства «власть имущих». Сам недавно испытывавший на себе самоуправство купца Арефьева, знавший о грязных уловках попечителя Казанского учебного округа и директора Самарской гимназии, к которым те прибегали, чтобы преградить путь к получению среднего образования брату Дмитрию, о пришибеевских придирках, которым подвергалась со стороны полиции сестра Анна, немало слышавший от Марка Тимофеевича и его родных о проделках администрации на селе, вращавшийся в окружном суде, куда стекались дела о противоправных действиях должностных лиц, — он имел свое, неизмеримо более полное представление о неправде в русской жизни. Знал и глубоко переживал, что основная масса людей смирилась с ужасной и унижительной для человека жизнью. Может быть, поэтому Владимир Ильич очень любил Чехова, который в своих произведениях так мастерски выставлял напоказ все гнусности российской действительности, побуждая тем самым вдумчивого читателя к активному протесту против них.

И каким сюрпризом для Владимира Ильича стала ноябрьская книжка «Русской мысли», в которой оказалась новая повесть Антона Павловича — «Палата № 6». Сюрпризом в том отношении, что Чехов до этого никогда раньше не печатался в «Русской мысли». Владимир Ильич в один присест прочитал невыносимо грустную историю о том, как Иван Дмитриевич Громов, в общем-то нормальный человек, честный, с университетским образованием, угодил-таки в сумасшедший дом, а его лечащий врач Рагин — тоже неглупый, но пьющий человек, из-за гнусных интриг своего подчиненного-врача оказался в той же палате № 6, что и Громов.

Талантливо написанная повесть любимого автора произвела на Владимира Ильича потрясающее впечатление. На следующий день он признался старшей сестре: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Эти слова приоткрыли Анне Ильичичне завесу над душевным состоянием брата: «...для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной

Чехов». При этом она имела в виду и стремление Владимира Ильича поскорее поселиться в революционном центре страны — Петербурге.

Думается, что многие страницы из чеховской повести подвели Владимира Ильича к такому же глубокому выводу, какой сделал тогда же известный писатель Н. С. Лесков: «В палате № 6» изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия...» В самом деле, разве негодование Громова, узника палаты № 6, по поводу того, что «в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразия ее насыщено, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами; нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось», — не являлось характеристикой общественной жизни любого российского города? А разве слова о том, что «между палатой и теплым, уютным кабинетом нет никакой разницы», что «между домом мещанки Беловой и палатой № 6 нет никакой разницы», не являются оценками общероссийской действительности?

Владимира Ильича потому так и взбудоражила эта повесть, что благодаря писателю-реалисту образ палаты-тюрьмы предстал перед ним как символ самодержавно-помещичьей власти — злейшего врага угнетенного большинства населения страны, виновника его темноты и невежества. Вместе с тем гениальное чеховское произведение не расслабило, а, наоборот, укрепило и закалило решимость Владимира Ильича, его волю и активность в схватке с темным царством.

В МАРКСИСТСКОМ КРУЖКЕ. ПЕРЕПИСКА С Н. Е. ФЕДОСЕЕВЫМ

Еще в 1892 году, в ходе дискуссий, развернувшихся в Самаре после появления в «Русской мысли» нашумевшей статьи Н. К. Михайловского, местное подполье размежевалось на сторонников народнической точки зрения об «особом пути» России и «учеников Маркса». По-настоящему марксистским стал кружок Алексея Скляренко, который и возглавил Владимир Ильич.

«Наш кружок, — вспоминал М. И. Семенов, — был весьма немногочислен: в него входили, кроме Владимира Ильича, А. П. Скляренко и пишущего эти строки также ученица фельдшерской школы Мария Ивановна Лебедева и Иван Александрович Кузнецов — помощник железнодорожного машиниста. Кроме этого постоянного круга лиц, собрания кружка нередко посещал учитель села Царевщины Алексей Александрович Беляков. Однако Беляков не был нашим единомышленником — он крепко держался народнических взглядов».

Квартира, которую Скляренко снимал вместе со своим ближайшим другом Марией Ивановной Лебедевой на Садовой в мезонине деревянного дома (ныне д. 151), состояла из двух комнаток, прихожей и кухни

и имела выход по деревянной лесенке во двор. Алексей Павлович и на сей раз выбрал себе жилище подальше от улицы, чтобы затруднить наблюдение шпиков. Даже окна вечером с этой целью занавешивались плотной темно-синей материей.

Мария Ивановна была родом из Сибири и приехала учиться в фельдшерскую школу по идейным соображениям — после окончания ее она мечтала о служении народу, невзирая на серьезную болезнь легких. Это была тихая, спокойная и немногословная девушка, одетая обычно в скромное темное платье. В кружке она заведовала выдачей книг и переписывала рукописи Алексея Павловича, почерк которого был очень неразборчив. Владимир Ильич был весьма дружен с Лебедевой и иногда подолгу беседовал с ней, помогая осваивать марксистскую теорию, хотя ученица и была двумя годами старше своего учителя. Марию Ивановну охотно принимали в доме Ульяновых. Несмотря на свою застенчивость, она пользовалась авторитетом в кружке, образовавшемся в фельдшерской школе, и благодаря Лебедевой участницей собраний у Складенко стала ее соученица Анна Морицевна Лукашевич.

Иван Александрович Кузнецов был ровесником Владимира Ильича. С 17 лет он уже трудился на железнодорожной станции Самара, много занимался самообразованием. Вначале, как и сам Складенко, он был настроен народнически, но потом под влиянием Владимира Ильича стал марксистом и руководителем рабочего кружка в железнодорожных мастерских.

Владимир Ильич помогал кружковцам в овладении работами К. Маркса и Ф. Энгельса («Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Положение рабочего класса в Англии»), регулярно выступал перед ними с рефератами по новейшим трудам столпов народничества, делился сведениями о деятельности социал-демократов в России и за рубежом, растолковывал методику сбора статистических сведений по экономике города и деревни. Но он не только учил, но и сам жадно впитывал рассказы товарищей о настроениях рабочих, учащейся молодежи, работе кружков самообразования. Что касается Алексея Складенко, то он делился с Владимиром Ильичем новинками нелегальной литературы, впечатлениями о поездках по деревням, передавал ему свои связи с революционерами поволжских городов.

Осенью 1892 года Алексей Павлович получил две рукописи Н. Е. Федосеева, привезенные его близкой подругой Марией Германовной Гопфенгауз. После прочтения он передал их Владимиру Ильичу и предложил ему наладить переписку с Федосеевым, который после выхода из петербургских «Крестов», поселился во Владимире. Понятно, как был рад Владимир Ильич известиям о Николае Евграфовиче, судьбой которого, как и других известных ему членов казанских марксистских кружков, он постоянно интересовался. Радовал, что этот стойкий революционер, просидевший более двух с половиной лет в тюрьмах Казани и Петербурга, не раскаявшийся, не упавший духом, даже в тюремных застенках продолжавший заниматься теоретической разработкой насущных социальных проблем, теперь на свободе.

Фамилия приехавшей из Владимира Марии Германовны Гопфенгауз в революционной среде была известной. Ее сестра Софья (в за-

мужестве Хренкова) в 1886 году помогала в конспиративных делах Александру Ульянову. Брат Николай за активное участие в студенческих волнениях 1887 года был исключен из Московского университета, а потом несколько раз подвергался арестам за принадлежность к революционным кружкам. Мария Германовна после окончания гимназии в Барнауле поступила учиться на петербургские женские («Надеждинские») курсы и стала членом нелегального кружка. Именно ей политический «Красный Крест» поручил стать «невестой» находившегося в тюрьме Федосеева — поддерживать его материально и морально. Когда же в начале 1892 года Федосеев вышел из тюрьмы и отправился во Владимир, поехала туда и Мария Германовна. Словно любящая старшая сестра, она взяла на себя все домашние заботы, помогала Федосееву в поддержании связей с единомышленниками. С наступлением лета Николай Евграфович отправился в деревню, где нашел место репетитора, и под этим легальным прикрытием бывал в Орехове-Зуеве — уже с целью пропаганды. Тем временем Мария Германовна выехала в Самару, чтобы подготовить намеченный на сентябрь переезд сюда и Федосеева.

Свобода для Николая Евграфовича продлилась недолго. К несчастью, охранка провела о его деятельности в Орехове-Зуеве, и 10 сентября он был заключен во владимирскую тюрьму. Получив вест о случившемся, Мария Германовна хотела немедленно выехать к Федосееву, но тот, зная, что она уже имеет место гувернантки и жилье, отговорил ее от поездки. В ноябре Гопфенгауз все же едет во Владимир, добивается свидания с «женихом», делится с ним впечатлениями о Скляренко и его друзьях, а по возвращении в Самару налаживает связь Федосеева с Ульяновым.

Переписка Владимира Ильича с Николаем Евграфовичем велась с соблюдением строжайшей конспирации: ульяновские письма Мария Германовна переписывала, а подлинники уничтожала. Только за три месяца 1893 года Федосеев отправил из тюрьмы в Самару 19 писем, а получил оттуда 36. Кроме того, Николай Евграфович послал в Самару две посылки со своими рукописями.

Из сохранившегося письма Федосеева в Самару, от 8 ноября 1892 года, видно, что хотя он и «замурован в каменный гроб», однако не падает духом и работает по 10—12 часов в сутки. Зная, что закон не допускает для «политиков» знакомства с газетами и журналами, Николай Евграфович просит Гопфенгауз сообщить ему: «содержание очерка А. М. о попытках увеличения заработной платы в России», об экспорте русского хлеба за границу, публикуемые в статистических сборниках материалы, причем не столько цифры, сколько заключения. В ближайшее же время он обещал вернуть в Самару «Освобождение крестьян» Н. Семенова.

Последнюю книгу, как и фундаментальный труд «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» А. Скребицкого и «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина, Федосеев использовал в начатых давно собственных исследованиях. Через Марию Германовну, а также в посылках он слал Скляренко свои работы «О купчих крестьянских землях до 1861 года» и «Пореформенный быт в произведениях художественной литературы».

Одну из федосеевских работ прочитал и Дмитрий Ильич. «Помнит-

ся, — писал он, — в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов... В то время... когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в народе, нелепые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса... во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части».

Вместе с тем Федосеев провел и ту мысль, что «наши помещики не скоро собрались бы освободить своих крестьян, если бы сами крестьяне не выразили настойчивого требования свободы; они еще во время Пугачевщины кровавым, но безуспешным бунтом заявили свое требование уничтожения крепостного права; с тех пор волнения их не прекращались... медлить стало опасно».

Владимир Ильич очень внимательно прочел федосеевские рукописи и сделал пометки в тех местах, где те или иные положения освещались автором с недостаточной полнотой. В целом же он очень одобрительно отнесся к его анализу причин отмены крепостного права и написал развернутые и глубоко аргументированные замечания; при этом исходил из того, что реформа 1861 года — «продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те пути, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя».

Свои замечания Владимир Ильич послал через М. Г. Гопфенгауз Николаю Евграфовичу, продолжавшему томиться во владимирской тюрьме. С некоторыми из них, например о происхождении общины, о роли буржуазии в уничтожении крепостного права, Федосеев не вполне согласился. Однако большую часть замечаний Владимира Ильича он принял и, возможно под их впечатлением, дал чересчур резкую оценку своей работе: «И эта моя работа, я сознаю это теперь сам, вздорная благодаря бессистемности, неясности основных положений и массе неинтересных мелочных доводов». Однако критический самоанализ Николая Евграфовича завершился твердым намерением взяться за более основательную переделку работы, с тем, чтобы вообще не касаться вопросов происхождения крепостного права и общинного землевладения, а начать прямо «с последней эпохи существования крепостного хозяйства». Появилась и мысль написать новый очерк — об «умственном движении в эпоху крепостного хозяйства».

Все говорит о том, что развернутые отзывы Владимира Ильича на труды Н. Е. Федосеева сами по себе явились серьезными «литературными работами экономического характера». Это высказывание принадлежит Исааку Христофоровичу Лалаянцу, который одно время, будучи студентом Казанского ветеринарного института, жил вместе с Н. Е. Федосеевым.

По федосеевскому делу Лалаянц привлекался в качестве свидетеля, но жандармы все-таки настояли на его высылке из Казани. Вместе 311

с П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, ранее тоже состоявшим в кружке Федосеева, они создали марксистский кружок в Нижнем Новгороде и вели пропаганду среди рабочих Сормовского завода. Осенью 1892 года Лалаянц вернулся в Казань, но уже в январе следующего года за революционную пропаганду был арестован и выслан в Самару. Устроившись наскоро с комнатой, Исаак Христофорович направился по данным ему в Казани адресам. Сначала побывал у Португаловых, а на следующий день отправился к Николаю Степановичу Долгову, который тоже принял его очень приветливо.

«Тут кто-то постучался, — вспоминал Исаак Христофорович, — вошел молодой человек лет 22–23, невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный, с русыми, заметно рыжеватыми, особенно на усах и бороде, волосами. Передо мной стоял человек с необыкновенно умной и глубоко симпатичной физиономией, как-то сразу располагающей к себе. Это был Ульянов Владимир Ильич». Вспоминая о впечатлении, которое произвел на него Владимир Ильич после первой же откровенной беседы, Лалаянц продолжал: «В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждений и определений — с другой».

Владимиру Ильичу тоже пришлось по душе новый знакомый: внушала уважение его четырехлетняя революционная деятельность, непоколебимая решимость бороться с самодержавием и страстная приверженность к марксизму. Сближало их и то, что Исаак Христофорович переводил с немецкого на русский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, хорошо знал «Капитал» К. Маркса, а также издания плехановской группы «Освобождение труда».

Убедившись, что Лалаянцу вполне можно доверять, Владимир Ильич ввел его в свои дела, познакомил с родными, а затем и со Скляренко, который поделился с ним соображениями о конспиративной работе и показал свою библиотеку. Лалаянц был удивлен, увидев редчайшие издания. «Правда, многие из них были только на немецком языке, — вспоминал он, — как-то: «Нищета философии» Маркса, 2-е издание, «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, довольно много книжек журнала «Die Neue Zeit», стенографические отчеты заседаний германского рейхстага и пр. — книги, которыми пользовался Владимир Ильич и, как мне известно, могли пользоваться и другие, конечно, очень близкие к нему лица. Да и женевских изданий группы «Освобождение труда» было несколько больше, чем в Казани. Затем, как оказалось, существовала в Самаре очень богатая и интересная по составу полулегальная библиотека, состоявшая из книг и журналов, в свое время вышедших вполне легально, но впоследствии изъятых из обращения».

Общность взглядов на важнейшие вопросы — о развитии народного хозяйства России, о характере крестьянских движений до и после отмены крепостного права, о положении крупной промышленности и сельского хозяйства, рабочего класса России и стран Западной

Европы, о теории классово́й борьбы, философии истории Маркса и Энгельса, истории революционного движения, — проявившаяся во время их обсуждения между Владимиром Ильичем, Скляренко и Лалаянцем, способствовала тесному сближению, образованию тройки, которую иные называли «кружком». Но в понимании некоторых частных обнаруживалось и несогласие, что порождало, по словам Лалаянца, «жесточайшие споры, пока путем детального разбора темы не удавалось достигнуть полного единомыслия. Почти всегда в таких случаях бывал прав, конечно, В[ладимир] И[льич]».

Это неудивительно. Взять, например, Скляренко. Он не раз привлекался жандармами к делам политического характера, побывал и в «Крестах». К моменту приезда Лалаянца этот симпатичный, остроумный, общительный человек, стойкий революционер и сложившийся марксист пользовался огромной популярностью среди демократической молодежи и доверием рабочих, особенно железнодорожников. Но в противоположность Владимиру Ильичу Алексей Павлович, по мнению Лалаянца, «не отличался усидчивостью, стремлением к терпеливым и упорным теоретическим занятиям, требующим уединения и настойчивости. Он был главным образом практик и притом с пропагандистско-агитаторским уклоном, ему всегда нужно было общество, нужна была аудитория, внимательно и с интересом прислушивающаяся к его словам и где он чувствовал бы свою руководящую роль».

В основных чертах эта дружеская характеристика применима и к самому Исааку Христофоровичу. Внешне он отличался от рослого и статного Скляренко. По-южному смуглый, высокий, но сутуловатый, с черными бородкой и усами, в очках, 23-летний Лалаянец выглядел значительно старше своих сверстников — членов «тройки». Что же касается революционных черт, то он был тоже больше практиком, с пропагандистско-агитаторским уклоном. Тем не менее, как и Скляренко, постоянно пополнял свой теоретический багаж, писал рефераты и выступал с ними.

Собирался кружок по-разному, где придется, но для серьезного обсуждения чаще всего у Скляренко. Иногда отправлялись за город, например в Аннаевское кумысолечебное заведение (в трех верстах выше города), где на крутом берегу Волги имелся прекрасный парк, или к пароходным пристаням, где Алексей Павлович, прозванный друзьями за пристрастие к «Жигулевскому» «доктором пивопития», находил спокойный уголок в павильоне. Здесь удобно было, не привлекая внимания, побеседовать, да и понаблюдать за хлебным маклером, крючником, матросом с парохода, мелким торговцем или служащим, ломовым извозчиком, мастеровым, хулиганом-«горчишником» и другой разношерстной публикой. Несколько раз друзья собирались в Струковском саду, чтобы посмотреть на народные гулянья или взять на пристани лодку для прогулки по Волге. Но Владимир Ильич участвовал в подобных походах не часто, хотя бы потому, что с наступлением лета он большую часть времени находился в Алакаевке. Скляренко и Лалаянец наведывались и туда и были желанными гостями.

«НОВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ»

Еще осенью прошлого года, тщательно проштудировав вышедшую в 1891 году в Москве объемистую книгу В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», Владимир Ильич выступил с рефератом о ней в кружке А. П. Скляренко. Книга эта выделялась из массы земских статистических трудов тем, что ее автор, чиновник-землеустроитель Таврической губернии, отодвигал «на задний план цифирный материал», а все внимание уделял полноте и выпуклости описания, причем не столько техническим сторонам, «сколько политико-экономическому исследованию» крестьянского хозяйства. Владимир Ильич рассматривал книгу Постникова как «одно из выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет», но не получившее развернутой оценки в печати. Тогда он решил восполнить этот пробел и написать для столичного журнала статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» и изложить собственные взгляды на земскую статистику и экономическое развитие деревни.

Напомнив в первой главе своей статьи главные выводы книги Постникова о росте производительности крестьянского труда с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин и о расслоении крестьянства, Владимир Ильич переходит к анализу во второй главе взглядов Постникова на «эти новые хозяйственные движения» в крестьянской жизни.

Владимир Ильич цитирует те места книги, где автор протестует против дилетантских попыток рисовать благополучие отдельных деревень «средними цифрами», и подчеркивает, что о крестьянском достатке «можно судить лишь по совокупности многих данных, *расчлняя население на группы*».

Предвидя возражения, что почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству, констатируется факт дифференциации в деревне, Владимир Ильич замечает, что если другие авторы «не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным», то Постников протестует против «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции».

Явно соглашаясь с этим мнением Постникова, бьющим прямо по Воронцову и другим идеологам либерального народничества, Владимир Ильич решает показать, кто из них прав, на материале рецензируемой книги. Кроме этого основного вопроса, он ставит и ряд других, тесно связанных с ним и нарастающих по своему значению: «...насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?»

314 Прежде чем перейти к разрешению этих проблем, Владимир Ильич дает справку о земской статистике. Первоначально она проводила

переписи пообщинные, потом — подворные, а уж затем перешла к группировке крестьян по имущественным различиям: по числу десятин посева и рабочего скота, по количеству наделной земли на двор и т. д. Причем он считает принятую Постниковым группировку крестьян по числу десятин посева «не только удачной, но наилучшей».

И только теперь, уточнив свое отношение к книге Постникова и основным методам земской статистики, Владимир Ильич дает свою обработку массы данных, разбросанных в рецензируемом исследовании: опуская второстепенные таблицы, он объединяет другие, мало-выразительные, в общую таблицу, более рельефную и значимую, и, главное, сопровождает цифровые выкладки более глубоким, чем у Постникова, марксистским объяснением.

Постников, например, утверждал, что зажиточная группа крестьян «не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей». По этому поводу Владимир Ильич делает существенное замечание: «...возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть *вопне* объяснено увеличением состава семей». Далее, пользуясь таблицей самого Постникова, он подчеркивает, что «количество наделной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоего пола и работников». Эта закономерность относится и к аренде: «...чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая таким образом беднейшие группы необходимой для них земельной площади».

Если Постников не видел «ничего греховного» в том, что зажиточные крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю, ибо был убежден в отсутствии здесь проявления каких-то «кулацких элементов», то Владимир Ильич думал иначе: «Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплуатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере, далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму». Чуть ниже, проанализировав данные о распределении скота и инвентаря у различных категорий крестьян, Владимир Ильич делает важный вывод о том, что «громданная группа крестьян лишена возможности вести *самостоятельное* хозяйство».

В третьей главе статьи Владимир Ильич приводит аргументированное утверждение Постникова, что в крупных зажиточных хозяйствах и более высокая производительность труда, а затем дает пояснение, свидетельствующее о глубоком

1. Первая страница рукописи «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни».
2. Здание Самарского железнодорожного вокзала.
3. Дом Кулагина, в котором семья Ульяновых жила в октябре 1889 г. (ныне — ул. Степана Разина, д. 10).
4. Пассажирский пароход на Волге. ►

Новости корейтвенной жизни
в крестьянской Грузии.

По поводу книги В. В. Пустынского
«Южно-русские крестьянские хозяйства»

I

Вспомогая в предисловии к книге В. В. Пустынского —
«Южно-русские крестьянские хозяйства» (Москва, 1891 г. Вып.
XXVII + 391) представляется мне себя чрезвычайно подроб-
ное и обстоятельное описание крестьянского хозяй-
ства в губерниях Мавриканской, Кутаисской и Екаверин-
ской, преимущественно же в материковых (ср.
восточной) уездах Мавриканской губернии. Описание
основано, во 1-ю — на данных описания — на данных

исследованиям, проведенным в этих уездах
и на основании наблюдений автора

и по плану, составленному

автором по заданию Комитета

r
a,
om-

reub

знании им всей экономической литературы: «Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами...» Когда же Постников утверждает, что более выгодное ведение большого хозяйства стало уже законом, которым в «значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства», Владимир Ильич квалифицирует эту верную мысль как высказанную несколько преждевременно: «...чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить большую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить». Когда же Постников позже все же доказывает применимость этого закона ко всей России, Владимир Ильич с удовлетворением отмечает удачу автора.

Затем, опираясь на материалы книги, он четко проводит мысль, что с развитием в России товарных отношений денежными средствами обладает не только зажиточный крестьянин, но и крестьянин полуразоренный, приобретающий недостающий ему хлеб (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) «случайными заработками».

Это, казалось бы, частное замечание было направлено против народнических публицистов, утверждавших, что разорение миллионов крестьян ведет к сокращению внутреннего рынка и тем самым делает невозможным развитие капитализма в России. Но оно касалось и Постникова, который недооценил того непреложного факта, что крестьяне-бедняки вынуждены продавать свою рабочую силу, а зажиточные, ведущие коммерческое хозяйство, — покупать ее. Владимир Ильич резонно упрекает его: «Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результаты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян».

В четвертой главе Владимир Ильич подвергает Постникова критике за недооценку важности «розни» между различными группами крестьян: «Аренда надельной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство, — это уже не только рознь, это — прямая эксплуатация».

Так как автор книги не выяснил размеры и причины экономической «розни» среди крестьянства, за эту задачу взялся Владимир Ильич и решил ее. Пользуясь данными, рассеянными по книге Постникова, он на примере Таврической губернии дал четкую характеристику трех основных групп крестьянства. К первой, низшей, самой бедной, относится 40 процентов населения. Подавляющее большинство этих бедняков почти не имеет рабочего скота, пахотных орудий и поэтому зачастую бросает свои наделы либо сдает их в аренду. Средняя группа крестьян (с посевами от 10 до 25 десятин), составляющая тоже 40 процентов населения, живет доходом от своего хозяйства. Но она вынуждена для обработки земли прибегать к супряге*, аренде чужих

* Супряга — простейшая форма кооперации в дореволюционной деревне, объединение двух или нескольких хозяйств для совместной обработки земли.

наделов, что делает ее положение непрочным, шатким, особенно из-за возрастающего давления зажиточных крестьян. Обращаясь к последней, высшей группе (с посевами свыше 25 десятин на двор), обнимающей 20 процентов населения, Владимир Ильич снова подчеркивает, что она ведет коммерческое хозяйство, «основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда».

Подводя итог своему политико-экономическому обзору различных групп крестьянских хозяйств (необходимость которого Постников признавал, но сам сделать не смог), Владимир Ильич выразил надежду, что земская статистика «не замедлит» заняться этим во всероссийском масштабе.

В заключительной главе Владимир Ильич останавливается на верном утверждении автора книги, что дифференциация крестьянского населения в последние десятилетия «стала проявляться очень резко и, по-видимому, прогрессивно возрастает», а голод 1891 года дает новый толчок этому процессу. Но когда Постников отправляется на розыски причин этого явления, он, по словам Владимира Ильича, иногда, хотя и ненадолго, «совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве». В дальнейшем же он к коренным причинам упадка многих крестьянских хозяйств относит измельчание наделов, ограниченность размеров крестьянского землепользования и вообще перенаселенность земледелия.

Владимир Ильич возражает против такого объяснения причин разложения деревни: «...вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение...» В то же время он охотно цитирует верные мысли Постникова: «Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам... борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья». Эти суждения буржуазного экономиста относительно непрерывной и ожесточенной борьбы в деревне, сопровождающейся образованием сельской буржуазии и сельского пролетариата, объективно наносили сильнейший удар по взглядам либеральных народников, уповавших на крепость устоев крестьянской общины и утопическую возможность для России избежать развития капитализма.

Завершив рассмотрение «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни», Владимир Ильич отказался рассматривать ту часть книги, где Постников излагал «практические мероприятия, должностующие разрешить «аграрный вопрос», ибо здесь оказалось «более всего противоречий и недомолвок...».

Судьба статьи сложилась драматично. После того как с ней познакомились товарищи по марксистскому кружку, Владимир Ильич послал рукопись в либеральный московский журнал «Русская мысль», но редакция отклонила ее, «как неподходящую к направлению журнала». После переезда в Петербург Владимир Ильич в письме в Самару П. П. Маслову (политическому поднадзорному) попросил его пере-

слать эту статью Н. Е. Федосееву и предупредить, что ее нужно вернуть автору сразу же по прочтении. В 1894 году рукопись была изъята жандармами у знакомого Владимира Ильича С. И. Мицкевича и пролежала в архиве Московской судебной палаты почти три десятилетия... Только в 1923 году она увидела свет.

К счастью, Владимир Ильич имел под руками второй экземпляр рукописи и выписки из книги Постникова и воспользовался ими при написании реферата «По поводу так называемого вопроса о рынках», а затем и фундаментального труда «Развитие капитализма в России».

ДЕЛО ГРАФОВА. «МЕЛЬНИЦА»

Наряду с напряженной теоретической работой и руководством марксистским кружком Владимир Ильич продолжал свою адвокатскую практику, которая, впрочем, складывалась не всегда так, как этого бы хотелось. Миновал 1892 год, а он так ни разу и не использовал своего права на ведение гражданских дел, а ведь только они и могли компенсировать обязательный денежный взнос и дать хоть какой-нибудь заработок. Правда, в декабре Андрей Николаевич Хардин передоверил было своему помощнику ведение запутанного и сложного дела владельца фруктовых садов И. С. Чекмарева, но, так как рассмотрение в суде затянулось, снова сам взялся за него. Примечательны заключительные слова нотариально заверенной доверенности, которую адвокат дал Владимиру Ильичу: «Всему, что Вы по этой доверенности законно сделаете, я Вам верю, спорить и прекословить не буду...»

4 января Хардин выдал Владимиру Ильичу очередную доверенность на ведение гражданского дела приказчика Л. Брискера, обвинявшегося со своим компаньоном Б. Шимковичем в присвоении 12 с лишним тысяч рублей, принадлежавших купцу А. И. Константинову. Но для того чтобы иметь право вести такое дело, Владимир Ильич вносит в губернское казначейство 75 рублей и только после этого получает необходимое «Свидетельство» на весь 1893 год.

13-го числа он выступает в суде с защитой Брискера. Интересы другого ответчика представлял адвокат Григорий Александрович Клеменц. Суть дела сводилась к следующему. Константинов утверждал, что ответчики получили у него 62 тысячи рублей на заготовку шпал, а отчитались за израсходование только 50 тысяч. Остальные 12 тысяч он и просил суд взыскать с Брискера и Шимковича.

Ульянов и Клеменц считали этот иск не только преждевременным, но и недоказанным, а потому и не подлежащим удовлетворению. Однако суд не внял их аргументации и принял решение об удовлетворении иска Константинова. Тогда адвокаты приказчиков подали апелляцию в Саратовскую судебную палату, и та отменила приговор Самарского окружного суда, а в мае того же года подтвердила правоту В. Ульянова и Г. Клеменца.

леева Владимир Ильич 19 января взялся за ведение судебного дела последнего о присоединении усадьбы и получении имущества покойной сестры А. К. Мороченковой-Головиной. Несмотря на все ухищрения опытного адвоката А. Лялина, пытавшегося укрепить это наследство за С. И. Мороченковым, Самарский окружной суд согласился с доводами Владимира Ильича и решил дело в пользу его доверителей.

Казалось бы, столь успешный дебют Владимира Ильича станет хорошим стимулом для активизации престижной юридической практики. Но — наоборот, Владимир Ильич стал меньше заниматься судебными тяжбами. В феврале он не ведет ни одного дела, а 12 марта появляется на заседании суда лишь для доведения до успешного исхода старого дела, об отставном рядовом В. П. Красноселове. Да и в последующие пять месяцев он выступает в суде всего лишь по двум делам о мелких кражах: 24 апреля — с защитой мещанина В. Г. Юдина и 12 мая — мещанина В. Т. Крылова, обвинявшегося в похищении поношенного белья, стоимостью в... 10 копеек. Владимиру Ильичу и в этом курьезном деле удалось добиться оправдания подсудимого. Это было последнее уголовное дело, которым он занимался в Самаре.

Трудно сказать, как сам Владимир Ильич оценивал итоги своей судебной деятельности. Видимо, прав исследователь В. Шалагинов, заявляя, что «успехи за адвокатским столиком не увлекали и не могли увлечь революционера по духу и мысли. Занимаясь адвокатской практикой, Ленин не служил царскому строю. Он насмерть бился с ним и за стеной суда, и в суде». Как бы то ни было, в середине мая Владимир Ильич по существу, простился с окружным судом.

В субботу 15 мая в «Самарской газете» появилось объявление Ульяновых и Елизаровых: «Продается небольшой участок земли с водяной мельницей, с хутором и садом, в 50 верстах от Самары. Почтовая, д. Рытилова». Да, уже во время сдачи Дмитрием экзаменов на аттестат зрелости, а Маняши — за 5-й класс гимназии на домашнем совете было принято решение окончательно расстаться с самарским краем и перебраться в Москву. Причин для этого было несколько, но речь о них пойдет позже.

В течение месяца подходящего покупателя не нашлось, и вся семья в последний раз отправилась в Алакаевку. Дмитрий же после завершения экзаменов сначала отправился с группой товарищей-гимназистов на лодке в увлекательное «кругосветное» путешествие вокруг Самарской луки. «Были дали из Самары вниз по Волге до села Переволоки на правом берегу Волги, — рассказывал он впоследствии, — там брали у крестьян подводу и перевозили лодку к верховьям реки Усы. По этой небольшой речушке спускались до ее устья, т. е. впадения Усы в Волгу, примерно напротив Ставрополя, и дальше плыли по Волге опять вниз по течению обратно в Самару».

Отдых в Алакаевке, как всегда, у всех сочетался с работой. По традиции, уже с утра Владимир Ильич занимался в своем «зеленом кабинете». На сей раз он штудировал «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» Николая-она (Н. Ф. Даниельсона), составленные из статей, печатавшихся ранее в журнале «Слово». М. А. Сильвин, с которым Владимир Ильич уже осенью в Петербурге будет состоять в одном марксистском кружке, вспоминал: «Ни один автор того времени — ни Фролов, ни Кривенко, ни сам Михайловский —

своей критикой марксизма и нападкамии на его адептов не доставил нам столько хлопот, не вызывал столько задора и не требовал такой полемической изворотливости в спорах с противниками, как Николай -он своими «Очерками». Целый монблан статистических выкладок, большая эрудиция, навык оперировать экономическими понятиями, наконец, обаяние первого переводчика Маркса — сделали его наиболее серьезным противником».

Но Владимира Ильича не смутил высокий авторитет Даниельсона, и он нашел существенные изъяны в его статистических выкладках, с помощью которых доказывалось, что хлебное производство в России «находится в абсолютном застое». Разобрался он и с теоретическими построениями и рекомендациями маститого народника, обнажив их псевдонаучность. Этими замечаниями Владимир Ильич делился в письме к Н. Е. Федосееву, в беседах с приезжавшими к нему А. Скляренко и И. Лалаянцем, со старым знакомым Алексеем Андреевичем Преображенским, продолжавшим жить на соседнем хуторе Шарнеля.

Вместе с Преображенским Владимир Ильич составил опросный бланк для подворного статистического обследования села Неяловка Тростянской волости Самарского уезда, который затем размножил за свой счет в типографии. Вопрос о развитии капитализма в деревне, особенно о ее пролетаризации, по-прежнему нуждался в глубоком исследовании. Этим же вопросом интересовались и А. Скляренко, И. Лалаянц, В. Ионов. Одну из статистических таблиц, составленную Скляренко по плану Владимира Ильича, скопировал и сохранил Дмитрий Ильич.

Вспоминая эту пору, А. Преображенский писал: «Наш хутор Шарнеля служил местом паломничества крестьян-сектантов, ищущих правды и спрашивающих, как жить по-божьи. Один из них, крестьянин Амос из села Старого Буяна... знал наизусть всю Библию, другой, Кисликов из села Гвардейцы, оно же Преображенское, тоже хорошо знал Библию. Владимир Ильич встречался с ними обоими у меня. Кисликов давал ему читать свои стихи». Это был рассказ в стихах о жизни человека, одолевшего грамоту в 30-летнем возрасте. Дмитрий Яковлевич Кисликов бывал и в Алакаевке, заходил к Ульяновым. Владимир Ильич живо интересовался этим крестьянином-самородком, очень смело высказывавшим оригинальные мысли о многом, с чем ему приходилось встречаться в жизни. Примечательно, что именно о Кисликове он спрашивал в 1905 году в письме к А. Преображенскому: «Жив ли тот радикал-крестьянин, которого Вы водили ко мне? Чем он стал теперь?» А Дмитрий Яковлевич в годы первой русской революции вел среди крестьян пропаганду, близкую по духу к социал-демократической.

В часы досуга Владимир Ильич просматривал новинки художественной литературы, вникал в переводческую деятельность сестры Анны, которая продолжала время от времени печататься в «Самарской газете». Последнее время она увлеклась творчеством известного итальянского писателя Ф. де Роберти. 4 апреля газета опубликовала в ее переводе «Прощальные письма», а 2 и 4 июня — рассказ «Схоро-

ненная любовь». Любопытное примечание сделала Анна Ильинична к последнему рассказу, где речь шла о трагизме совместной жизни мужа и жены, не любящих друг друга. «И знаете, на что походит тогда ваше положение, — писал де Роберти. — На положение двух каторжников, скованных одною цепью, из коих каждый не может шагу ступить без другого...» И переводчица заметила по поводу этих слов: «Выражение заимствовано, вероятно, из «Крейцеровой сонаты» Толстого», тем самым как бы напоминая читателям «Самарской газеты» о полузапрещенной повести гениального русского писателя.

В июльских номерах «Самарской газеты» несколько раз появлялось еще одно объявление Ульяновых и Елизаровых: «Продается рояль, мебель и цветы, от 3 до 7 ч. вечера, угол Почтовой и Сокольничьей, д. Рытикова на верху». Однако покупателей на это имущество тоже долго не находилось. А вот приобрести недвижимое имение изъявил желание сосед по Алакаевке, выходец из Финляндии С. Р. Данненберг. Владимир Ильич от имени матери составил соответствующий договор, но сделка эта не состоялась.

Трудности с распродажей недвижимого и движимого имущества задерживали переезд в Москву. А ехать надо было бы в первых числах августа, чтобы успеть устроиться там с жильем, оформить поступление Дмитрия на медицинский факультет университета, а Маняши — в шестой класс женской гимназии.

Отъезд осложнялся еще по одной причине. В июле стояла такая жара, какой не было уже четверть века, и в Самаре опять вспыхнула холера. августа наконец разразилась гроза, и к 5-му числу ртутный столбик упал до 10 градусов по Цельсию. Появилась надежда, что самое страшное осталось позади. Но в городе все еще было тревожно, эпидемия продолжалась: как сообщила 12 августа «Самарская газета», за сутки в холерную больницу поступило 15 человек, а умерло трое. Поэтому самарцы, находившиеся в деревне, не торопились возвращаться в город. Из газет было видно, что и в Москве положение очень неблагоприятное: с 1 по 10 августа холерой заболело 380 человек и умерло 179.

В такой напряженной обстановке, когда каждый день был на счету и все помыслы Владимира Ильича были сосредоточены на предстоящем отъезде из Самары, он вдруг берется за гражданское дело Графова и в середине августа выступает его защитником в окружном суде.

Что побудило Владимира Ильича в столь ответственную пору взяться за это дело? В чем оно заключалось? Из журнала публичных заседаний Самарского окружного суда видно лишь то, что это гражданское дело слушалось по иску конкурсного управления несостоятельного торгового дома «И. Д. Зварыкин и сыновья» к Алексею Петровичу Графову. Самого же дела в архивах обнаружить не удалось. Однако на страницах «Самарской газеты» Владимир Ильич неоднократно встречал фамилию Графова: то как арендатора зварыкинской мельницы — одной из крупнейших в Поволжье, то как владельца построенного по его собственным чертежам судна, на котором были оборудованы паровая мукомольная мельница и просообдирка, то как инициа-

тора электрического освещения Дворянской улицы. Но, пожалуй, самым крупным изобретением Графова, о котором сообщила «Самарская газета» 1 августа 1890 года, было создание им «цилиндрических разсево» для мельниц, позволявших значительно удешевить мукомольное производство и получать помол 14 сортов. Это изобретение, по словам корреспондента, позволяло России освободиться от покупки «заграничных сит» и улучшить свои конкурентные позиции на зарубежных рынках.

Словом, личность Графова, изобретателя-самоучки, переоборудовавшего многие мельницы не только в Самаре, но и в Симбирске, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Астрахани, Бузулуке, Ельце, заслуживала внимания и уже поэтому должна была представлять интерес для Владимира Ильича. С другой стороны, он из «Самарской газеты», да и из рассказов знакомых знал и о том, что торговый дом «И. Д. Зварыкин и сыновья» приобрел печальную славу как злостный банкрот, разоривший сотни доверчивых кредиторов, особенно крестьян.

Занимаясь разысканиями по делу Графова, я проштудировал изданную в Москве в 1890 году очень редкую рекламную брошюру «Отзывы мельнично-строительной конторы первого изобретателя универсальных плоских разрезов и строителя мельниц Алексея Петровича Графова». На одном из отзывов о работе самарской мельницы Зварыкиных, переоборудованной Графовым, а затем и взятой им в аренду, стояла подпись бухгалтера этой мельницы А. Г. Буянова. Эта, казалось бы, совсем незначительная деталь вдруг высветила совершенно новую грань «дела Графова».

Ведь из воспоминаний М. И. Семенова (М. Блана) известно, что А. Г. Буянов и его жена Е. И. Козманова — оба политические поднадзорные — организовали кружок демократической интеллигенции и учащейся молодежи, вошедший в историю революционной Самары 90-х годов под кратким и выразительным названием... «Мельница». Теперь стало ясно, где подпольный кружок нашел себе приют.

Бухгалтер Буянов и Козманова с сыном Филадельфом и дочерью Зинаидой (тоже состоявшими под надзором полиции) жили во флигеле на территории зварыкинской мельницы, находившейся на северной окраине города. Фактическим же хозяином всего этого владения был его арендатор А. П. Графов. Идейным руководителем подпольного кружка на мельнице сначала был В. А. Ионов, а потом А. П. Складенко. И это знал Владимир Ильич. Складенко перевез в квартиру Буянова — Козмановой свою библиотеку легальных изданий, а затем и собрание подпольной литературы. Книгами этой библиотеки пользовался Владимир Ильич, а на одной из них — «Южно-русское крестьянское хозяйство» В. Е. Постникова (той самой, по поводу которой был написан известный нам реферат!) — имеются его многочисленные пометки.

Есть основание считать, что Владимир Ильич выиграл в суде дело Графова, потому что потом в письме матери из Петербурга в Москву он напишет, что рассчитывает получить за него «рублей 70». Однако решающее значение для юриста Ульянова, конечно, имела нравственная сторона любого гражданского дела.

ДАР ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Строки из письма, посланного Владимиром Ильичем товарищу из Шушенского 26 января 1899 года, приоткрывают завесу над теми трудностями, с которыми он сталкивался в Самаре при работе над многочисленными печатными изданиями: «Если не очень стесняться в средствах для выписки книг, — делился он личным опытом, — то можно, я думаю, и в глуши работать, — я сужу, по крайней мере, по себе, сравнивая свою жизнь в Самаре лет 7 тому назад, когда я читал почти исключительно чужие книги, и теперь, когда я начал заводить привычку выписывать книги».

Да, в Самаре, когда приходилось жить главным образом на пенсию матери, Владимир Ильич действительно был стеснен в средствах и не мог приобрести всю необходимую литературу. Брал он книги и журналы у А. П. Скляренко, В. В. Водовозова, а также А. Н. Хардина, прибегая иногда и к его абонементу в библиотеке Благородного собрания. Но чаще и больше всего Владимир Ильич пользовался городской общественной библиотекой, официально именовавшейся в честь Александра II «Александровской публичной библиотекой».

Размещалась она на втором этаже трехэтажного каменного дома купца Христензена на Дворянской улице (ныне — ул. Куйбышева, 95) и, помимо хранилища с 59 шкафами, имела читальный зал и зал-музей, посвященный царствованию Александра II. Верхний этаж дома сдавался под квартиры, а в нижнем бойко торговал принадлежавший хозяину «Сарептский магазин», наполненный «всевозможными русскими и иностранными товарами». Само же помещение библиотеки было очень тесным для хранения возрастающих с каждым годом фондов. Небольшим был и читальный зал, работавший очень интенсивно — 355 дней в году и обычно с 9 утра до 9 вечера. Только в неприсутственные дни он открывался на два часа позже. Ежедневно в нем бывало от 70 до 200 человек. Счастливики сидели на стульях, остальные — на витринах, подоконниках и карнизах. Такую «живописную» картину через несколько лет наблюдал здесь и Максим Горький.

«Публичной библиотекой, — вспоминал М. И. Семенов, — заведовали две сестры Богомолы (Юлия и Софья Даниловны. — Ж. Т.), очень культурные общественные работницы, заметно выделявшиеся на фоне тусклой жизни губернского города... Здесь находила приют бездомная городская беднота, поднадзорные и даже лица, находившиеся на нелегальном положении. Некоторые заходили сюда погреться во время зимних морозов, а подпольщики назначали здесь деловые свидания, обменивались нелегальной литературой и т. д. Бывал здесь и Ленин». Сестры Богомолы вместе с отцом, бывшим самарским уездным землемером, принимавшим теперь заказы на межевые работы и составление планов, имели жилье в том же доме Христензена, имевшем вход со двора. Обеим было уже за тридцать. Эти скромные идейные девушки отдавали все свое время любимому делу, удивляя посетителей легкостью, с какой ориентировались среди книжного богатства. Небольшого роста, подвижные, приветливые, они были знакомы всем частым посетителям. Сами же они наперечет знали постоян-

ных читателей из демократической молодежи и, как полагали жандармы, содействовали обращению запрещенных изданий среди хороших знакомых и лиц, рекомендованных последними.

Выдача книг на дом производилась ежедневно, за исключением неприсутственных дней, с 11 утра до часу дня и от 16 до 18 часов. Согласно правилам библиотеки на один абонемент за годовую плату в 7 рублей можно было получить на дом две книги на двухнедельный срок. Для Ульяновых и Елизаровых эта норма была явно недостаточной, и они пользовались особым абонементом, который за 10-рублевую плату в год предоставлял им возможность брать на дом 4 книги или журнала с правом пользоваться ими месяц.

К великому сожалению, неизвестно, что брали Ульяновы и Елизаровы в 1889—1892 годах, но и по сохранившемуся абонементу Анны Ильиничны, в котором зарегистрирована литература, взятая на дом с января по 21 августа 1893 года, видно, насколько многообразен и глубокий был круг их читательских интересов.

На первом месте в этом списке стоят 22 тома самых популярных «толстых» журналов:

- 1) «Русское богатство» за 1892 год, книги (№) 11 и 12; за 1893 год, книги 1, 3, 4 и 5.
- 2) «Вестник Европы» за 1893 год, книги 1, 2, 3, 4 и 6.
- 3) «Русская мысль» за 1892 год, книга 12; за 1893 год, книги 1, 2, 3, 4, 6 и 7.
- 4) «Северный вестник» за 1893 год, книги 1, 4, 5 и 6.

Здесь публиковались новинки отечественной и зарубежной беллетристики и поэзии, воспоминания о виднейших деятелях русской культуры, статьи по философии, политической экономике, статистике, обозрения жизни России и зарубежных государств, сообщения о научных открытиях и хроника театральной жизни, обзоры крупнейших журналов и рецензии на новые произведения художественной и научной литературы. Владимир Ильич, безусловно, внимательно прочитывал все статьи, касающиеся актуальных вопросов современности, и делал выписки, чтобы использовать их в своих рефератах, а потом и книгах. Мы уже знаем, что он в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» цитировал из июньской книжки «Русской мысли» за 1892 год статью «Литература и жизнь» Н. К. Михайловского и подверг ее острой критике.

К этому можно добавить, что в произведениях, вошедших в первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина, цитируются две статьи из первого и третьего номеров «Вестника Европы» за 1893 год, тех самых, которые брались в Александровской публичной библиотеке на абонемент Анны Ильиничны. Выписки из журналов Владимир Ильич использовал очень оперативно. Реферат «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» был написан им весной 1893 года, и в нем уже подвергается критике статья Л. З. Слонимского «Крестьянские наделы и их исследователи» — из только что появившейся мартовской книжки «Вестника Европы».

Из художественной литературы на имя Анны Ильиничны были взяты III том сочинений Глеба Успенского и IV том — Чарльза Дикенса да несколько книг на английском языке, а из разряда художественной критики — книга М. В. Авдеева «Наше общество 1820—

1870 годов в героях и героинях литературы». Однако это отнюдь не означает, что в семье ничего больше не читали из беллетристики. Во-первых, в каждом из 22 номеров «толстых» журналов, которые были взяты в январе — августе, произведения художников слова занимали большую часть. Кроме того, стихи, рассказы, повести и романы чуть ли не ежедневно печатались в «Самарской газете», «Волжском вестнике» и «Русских ведомостях». Не будем забывать, что, имея только один абонемент в Александровской библиотеке, Ульяновы и Елизаровы не могли получить больше четырех книг в месяц, и поэтому брали только то, что было необходимо в первую очередь Владимиру Ильичу и другим взрослым членам семьи. Дмитрий и Маняша пользовались гимназическими библиотеками и брали книги у знакомых.

Книги по истории — сочинения В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, «Очерки истории Московского государства» Н. И. Костомарова, «История нового времени» К. Фишера, «История крестьянства» Я. Г. Гуревича, «Происхождение общественного строя современной Франции» И. Тэна, «Афанасий Прокофьевич Щапов. Жизнь и сочинения» Н. Я. Аристова — предназначались всем взрослым членам семейства. Такая литература, кстати, всегда интересовала и Марию Александровну. А вот книгу «Русский огород» Р. И. Шредера, очевидно, в первую очередь взяли для нее.

Что касается таких исторических и экономических исследований, как «Городское самоуправление в России до 1870 года» И. И. Дитяткина, «Артели в России» А. А. Исаева, двухтомная «История французской революции» Ф. О. Минье, «История местного управления в России», «Представители власти в России после Петра I» С. В. Андреева, «Иван Посошков, как экономист» А. Г. Брикнера, «История философии» Д. Г. Льюиса, то они скорее всего понадобились Владимиру Ильичу.

Еще более категорично об этом можно утверждать относительно статистических исследований, таких, как «Сборник сведений по России за 1884—1885 годы», «Статистическое обозрение России», пять томов «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности», «Свод материалов по кустарной промышленности», «Сборник материалов поземельных обществ» и «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» Н. П. Семенова.

По поводу последнего исследования нельзя не отметить любопытного факта. Из письма Н. Е. Федосеева в Самару к М. Г. Гопфенгаузу видно, что этот семеновский труд ему посылался из Самары во владимирскую тюрьму, а после прочтения — обратно. И вряд ли простым совпадением является то, что одна и та же книга побывала в руках Владимира Ильича и Федосеева. Если же это и совпадение, то — весьма знаменательное.

Еще один пример, свидетельствующий о том, как плодотворно, целеустремленно и с дальним прицелом работал Владимир Ильич над литературой, взятой в Самарской публичной библиотеке: из упомянутых выше пяти выпусков-томов «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» четыре (1, 2, 3 и 6-й) он использует через несколько лет при написании своей книги «Развитие капитализма в России».

Этот перечень литературы может навести на мысль, что Владимир Ильич подбирал себе книги главным образом для своих теоретиче-

ских работ. Но возьмем, скажем, книгу «Городское самоуправление в России до 1870 года» И. И. Дитятина, вышедшую в свет несколькими изданиями в 70-х годах. Это, казалось бы, сугубо историческое исследование приобрело актуальность в связи с обнародованием 12 июля 1892 года нового «городового положения», которое значительно урезало прежнее самоуправление. Если, например, раньше лишь некоторые постановления городских собраний подлежали утверждению губернаторов, то отныне права последних резко расширились. Другим реакционным нововведением стало большое повышение имущественного ценза для участия в городских выборах, фактически лишившее избирательных прав даже средних домовладельцев и купцов. Либеральная печать выражала неудовольствие и обращалась за «добрыми» примерами к книге Дитятина. Так что Владимиру Ильичу знание этой книги было необходимо и для юридической деятельности, и в еще большей мере для своих пропагандистских выступлений на злобу дня.

Таковы некоторые наблюдения, сделанные на основании записей в абонементе Ульяновых только за неполный 1893 год. И совершенно невозможно представить, сколько и какие именно книги и журналы брали они на дом из Александровской библиотеки за предыдущие три с половиной года. Во всяком случае, высказывание Анны Ильиничны о том, что Владимир Ильич «городскую самарскую библиотеку — библиотеку для провинциального города хорошую — ...во всем для себя существенном уже использовал», надо понимать в буквальном смысле.

Неудивительно, что Ульяновы питали добрые чувства к самарской библиотеке и в знак признательности подарили ей многие книги Ильи Николаевича по педагогике, математике и физике. А в августовские дни 1893 года, когда они распродавали часть своего имущества, А. И. Ульяновой было пожертвовано еще 42 наименования (в 52 томах) иностранных книг, а М. Т. Елизаровым — один том на русском и три наименования (в 4-х томах) на иностранных языках. Об этом их последнем даре сказано в отчете Александровской публичной библиотеки, появившемся в «Самарских губернских ведомостях» 18 июня 1894 года. Теперь в бывшем доме Христензена функционирует библиотека политической книги, бережно хранящая уцелевшие фонды старой общественной библиотеки, а мемориальная доска на фасаде напоминает: «Во втором этаже этого здания находилась Самарская публичная библиотека, ее активным читателем в 1889—1893 гг. был В. И. Ульянов-Ленин».

В ПЕТЕРБУРГ!

В середине августа, когда стало ясно, что распродажа движимого и недвижимого имущества не состоялась, решили, что Марк Тимофеевич задержится на некоторое время в Самаре, а остальные члены семьи поедут в Москву, чтобы обосноваться там — все, кроме Владимира Ильича: он из Москвы отправится на жительство в Петербург.

Анна Ильинична объясняет это так: «Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать».

На первых порах, чтобы иметь легальное прикрытие и источник существования, он должен будет продолжать юридическую практику в адвокатской конторе. Андрей Николаевич Хардин, твердо уверовавший в большие способности своего помощника, одобрил это намерение и дал Владимиру Ильичу рекомендательное письмо к своему хорошему знакомому по Самаре, с твердой демократической закваской, весьма опытному и известному в Петербурге присяжному поверенному М. Ф. Волкенштейну.

16 августа Владимир Ильич подал на имя Анненкова прошение о выдаче удостоверения в том, что он состоял помощником присяжного поверенного при Самарском окружном суде и «получал в 1892 и 1893 годах свидетельство на право ведения чужих дел». Через два дня нужный документ уже был у него на руках. Наступило время окончательного решения, когда именно и как ехать.

С учетом еще не погасшей холерной эпидемии лучше было бы поехать на поезде — безопаснее и быстрее. Однако Ульяновы решили все-таки плыть по Волге, чтобы во время 5-часовой стоянки парохода в Симбирске побывать на могиле Ильи Николаевича, а в Казани — повидаться с родственниками.

У Владимира Ильича имелись и свои планы использования этого маршрута. Он хотел задержаться на пару дней в Нижнем Новгороде, чтобы встретиться там с П. Н. Скворцовым, которого знал как автора работ марксистского направления по экономике России, а после Нижнего наметил остановиться во Владимире — для встречи с Н. Е. Федосеевым, которого должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Во время пребывания в Нижнем и Владимире он надеялся обсудить с тамошними марксистами вопросы борьбы против либеральных народников, получить явки в столичных городах.

В пятницу 20 августа в два часа дня Владимир Ильич с матерью, сестрами Анной и Марией и братом Дмитрием покинули Самару. Как обычно, поплыли на товаро-пассажирском пароходе общества «Кавказ и Меркурий». Уехать постарались как можно незаметнее.

Полицейские и жандармы, осуществлявшие надзор за Ульяновыми, и на сей раз не «засекли» их отъезда из Самары. В какой-то мере это можно объяснить тем, что в июле убыл на новое место службы начальник губернского жандармского управления генерал-майор М. В. Сердюков, а его преемник полковник А. А. Попов прибыл из Петербурга в Самару только 16 августа. К тому же за последние годы в городе дважды сменялись полицмейстеры — непосредственные руководители слежки за двумя с лишним десятками политических поднадзорных. Решающее же значение в ослаблении бдительности «стражей порядка» сыграли сами Владимир Ильич и его родные — своим умением водить знакомства с людьми безупречной порядочности и соблюдать меры кон-

спирации: за все время жизни в самарском крае на них не поступило ни одного доноса от «благонамеренных» обывателей.

Так или иначе, а полицейско-жандармские донесения свидетельствуют, что они составлялись задним числом. И на этот раз пристав 3-й части в рапорте от 23 августа на имя полицмейстера сообщил, что В. И. Ульянов «20 сего августа выбыл в г. Москву», а полицмейстер А. А. Агатицкий известил об этом начальника ГЖУ, самарского губернатора и московского обер-полицейстера только 27-го числа. О конечном пункте следования Владимира Ильича ни Ульяновы, ни Марк Тимофеевич после их отъезда не говорили любопытствующим, так что его след для жандармов на какое-то время затеряется... Конечно, Владимир Ильич догадывался, что вдогонку за ним понесутся по проводам предупреждающие полицейско-жандармские депеши в губернские центры Поволжья, и поэтому внутренне, как всегда, был готов к возможной слежке за собой, но внешне выглядел спокойно и уверенно и на пароходе был в приподнятом настроении. Оно передавалось и Дмитрию Ильичу, который через многие годы с воодушевлением вспоминал:

«Поездка была превосходная, какая-то радостная и светлая. Вперед чувствовалось что-то большое, красивое, необъятное.

Я читал Добролюбова и беседовал с Владимиром Ильичем о Роберте Оуэне (английском социалисте-утописте. — Ж. Т.). Под шум колес уселись удобно... на палубе за шахматы. Рассматривали, между прочим, известную партию Андерсена (немецкого шахматиста, одного из сильнейших игроков XIX в. — Ж. Т.), названную за свою красоту и силу «бессмертной».

Родные волжские берега бежали назад, — продолжал Дмитрий Ильич свой рассказ, — оставались позади. Для Владимира Ильича оставались позади первые страницы его жизни, страницы учебы и подготовительной работы. Впереди рисовалось большое дело революционной работы, основные вехи которой были им уже намечены. ...Для Владимира Ильича было уже все ясно... До сих пор он вооружался, готовился к бою, теперь ему предстояло начать этот бой, начать ту войну против царизма и капитализма, которой он потом посвятил всю свою жизнь, все свои силы без остатка, весь гений своей души.

Вечером памятного 20 августа братья обсудили и предстоящую встречу с родным Симбирском, где пароход имел стоянку с 5 до 10 часов утра следующего дня. Дмитрий Ильич попросил родных разбудить его в 7 часов, чтобы успеть съездить к приятелю-гимназисту Алексею Яковлеву (сыну известного руководителя чувашской школы). Но взрослые уехали на извозчике в город значительно раньше намеченного времени, пожалев будить крепко спавшего Дмитрия, и тот проспал до 9 часов, когда ехать к Яковлевым было уже поздно.

Кратковременное пребывание Владимира Ильича в Симбирске, а потом в Казани, Нижнем Новгороде и Владимире осталось для жандармов незамеченным.

Проводив в Нижнем Новгороде родных на московский поезд, Владимир Ильич остановился на сутки в гостинице. Он познакомился не только с П. Н. Скворцовым, но и его товарищами М. Г. Григорьевым и приехавшим из Москвы студентом-медиком 5-го курса С. И. Мицкевичем.

лись многих вопросов: мы рассказывали ему о наших знакомых марксистах в Москве и Нижнем, о нашей начавшейся работе среди рабочих, говорили о перспективах этой работы. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочных организаций, установления связей между городами. Для поддержания постоянной связи между Петербургом и Москвой он дал мне адрес своей сестры в Москве, к которой он собирался время от времени приезжать и тогда видаться с москвичами. Говорили еще о рабочем движении на Западе, о борьбе с народниками, о перспективах развития капитализма в России... Было у всех нас какое-то приподнятое настроение: нас, марксистов, было тогда еще очень мало в России, но мы предчувствовали, что будущее принадлежит нам...»

Подытоживая свои впечатления от встречи с Владимиром Ильичем, С. Мицкевич далее писал: «...чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина его суждений. Интересно отметить, что уже тогда проявилась его черта будущего организатора нашей партии — собирательство всех наличных революционно-марксистских сил, установление связей между марксистами, разбросанными в разных городах».

Сворцов и Григорьев хорошо знали Н. Е. Федосеева, читали его последнюю рукопись о падении крепостного права в России и, узнав о том, что Владимир Ильич отправляется во Владимир, чтобы повидаться с Николаем Евграфовичем, рассказали ему еще немало интересного об этом замечательном революционере.

Во Владимире, как было условлено, Владимира Ильича встретил близкий товарищ Федосеева Н. Л. Сергиевский и провел на квартиру, куда должна была подойти Мария Германовна Гопфенгауз с освобожденным из тюрьмы другом. Но она пришла одна и рассказала, что жандармы снова нашли повод для отсрочки и не выпустили его на волю. Владимиру Ильичу пришлось отправиться в Москву, так и не повидав своего выдающегося единомышленника. Впоследствии он с огорчением писал: «Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась».

25-го числа Владимир Ильич прибывает поездом в Москву и уже со следующего дня работает в читальном зале библиотеки Румянцевского музея вплоть до своего отъезда в Петербург в конце августа.

Долгожданный Петербург... Сложные чувства испытывал Владимир Ильич при встрече с ним: и неизменный восторг перед его уникальной красотой, и щемящую печаль невозполнимых потерь, и триумф экзаменов в университете. Но теперь он уже с новым интересом всматривался и в его фешенебельные проспекты, и в фабричные окраины, уже с иным прицелом подыскивал себе жилье, с особыми мерками подходил к определению круга своих знакомств, потому что теперь он приехал с выношенными идеями и замыслами и, словно сжатая пружина, был полон энергии для осуществления единственной, четко поставленной, большой цели.

Едва устроившись с жильем, он зачисляется помощником присяжного поверенного к М. Ф. Волкенштейну, посещает Волково кладбище и пишет матери, что могила сестры Ольги находится в сохранны

ности, а затем, как бы успокаивая ее безопасным характером своего времяпрепровождения, сообщает, что квартирует всего лишь в 15 минутах ходьбы до публичной библиотеки. На самом же деле он уже в сентябре знакомится со студентом М. А. Сильвиным, к которому у него было рекомендательное письмо от нижегородских марксистов, а в октябре вступает в марксистский кружок студентов-технологов (С. И. Радченко, В. В. Старков, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Г. Б. Красин и другие).

Вспоминая о первых встречах с приезжим волжанином, Г. М. Кржижановский писал: «В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собою учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были лишь учениками и подмастерьями.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 году среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял доминирующее положение.

Мы, конечно, знали, что он родной брат Александра Ильича Ульянова, героически державшегося на последнем крупном народовольческом процессе и казненного в Шлиссельбурге. Но не это одно так сильно выделяло его среди нас. И внешность этого молодого человека на первый взгляд еще не являла чего-то такого, что прямо свидетельствовало бы о его грядущих необычных судьбах. Только всмотревшись, мы начинали чувствовать, что и во внешности в этом не крупном по росту, но хорошо сложенном юноше, от которого веяло какой-то особо опрятной подтянутостью, было нечто совсем незаурядное. Высокий обнаженный лоб с импозантно выступающей надбровной площадкой (она так бросается в глаза на лучших портретах Ленина), блестящие необычным потенциалом мысли и жизни яркие темно-карие глаза, юношеский свежий румянец щек, даже эта слегка груссирующая речь — все это при ближайшем знакомстве с интеллектом этого юноши становилось таким неповторимо дорогим и милым.

...Перед нами в лице юного Владимира Ульянова в знаменательный 1893 год был не просто первоклассный знаток нашей родной литературы и знаток творений Маркса и Энгельса, но уже и самостоятельный мыслитель, превосходно справлявшийся с «первозданным» материалом искомым им научных истин».

...Переворачивалась страница великой книги. Начинался новый этап в жизни Ленина. Все еще было впереди — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — прообраз партии нового типа, арест и ссылка, II съезд РСДРП, тяжкие годы эмиграции, невзгоды и радости, отступления и победы, триумф революции и трагедия гражданской войны... Но цель была поставлена, и Владимир Ильич ясно сознавал ее. Детство и юность закончились. Владимир Ильич решительно шагнул в набирающий силу поток рабочего движения, чтобы направить его в идейное русло революционной теории марксизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55-ти томах. В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970.
- Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981.
- Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти томах, т. 1. М., 1969.
- Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., 1984.
- Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича. М., 1981.
- Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания, очерки, письма, статьи. М., 1988.
- Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., 1989.
- Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1983.
- Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927.
- Первое марта 1887 года. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.—Л., 1927.
- В. И. Ленин и Татария. Сборник документов, материалов и воспоминаний. Сост. М. А. Сайдашева, Ю. В. Бурнашева. Казань, 1970.
- В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Сост. В. А. Белянов, И. И. Ерманов и др. Куйбышев, 1966.
- В. И. Ленин в Самаре. Сборник воспоминаний. Куйбышев, 1980.
- Семья Ульяновых в Татарии. Документы, материалы и воспоминания. Сост. М. А. Сайдашева. Казань. 1985.
- Веретенников Н. И. Володя Ульянов. Воспоминания о детских и школьных годах В. И. Ленина в Кокушкине. М., 1975.
- Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967.
- Лозгачев-Елизаров Г. Незабываемое. Саратов, 1959.
- Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М., 1958.
- Алексеев В., Шер А. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). Под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1925.
- Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1979.
- Беляков А. Юность вождя. Воспоминания современника В. И. Ленина. М., 1958.
- Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. Самара, 1925.
- Валеев А. М. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952.
- Волин Б. Ленин в Поволжье. М., 1955.
- Волин Б. Студент Владимир Ульянов. М., 1959.
- Ерманов И. Близкое, дорогое. Куйбышев, 1986.
- Зильберштейн И. Молодой Ленин.— «Москва», 1958, № 4.
- Иванский А. Молодой Ленин. М., 1964.
- Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966.
- Калинин А. Ф., Мандель С. З. В. И. Ленин и Петербургский университет. Л., 1960.
- Кондратьев И. Ленин в Казани. Казань, 1957.
- Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930.
- Нафигов Р. И. Первый шаг в революцию. В. И. Ульянов и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970.
- Нафигов Р. И. Тайны революционного подполья. Архивные поиски и находки. Казань, 1981.
- Рыжков Н. О. Симбирская гимназия в годы учения А. И. и В. И. Ульяновых (1874—1887). Ульяновск, 1931.
- Семенов М. И. (М. Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина. Куйбышев, 1937.
- Семенов М. И. (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940.
- Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916). М., 1922.
- Стерник И. Б. В. И. Ленин — юрист. Ташкент, 1969.
- Трофимов Ж. Дух революции витал в доме Ульяновых. М., 1985.
- Трофимов Ж. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1988.
- Чуев В. В. И. Ленин в Самаре (1889—1893). М., 1960.
- Шалагинов В. Защита поручена Ульянову. Новосибирск, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СИМБИРСК

Первый симбирянин семьи Ульяновых	11
Свой дом	27
Классическая гимназия	34
С первого класса — первый ученик	38
Памятный год	43
Домашняя лаборатория	48
Важный рубеж	57
В пятом классе	61
Чтение расширяло горизонт	66
Под покровом «благополучия»	71
Уроки отца	77
Настроен очень оппозиционно	82
Сокровенные беседы	90
Переполюх в Симбирске	93
В это трудное время	98
Испытания зрелости	104
«Мы пойдем не таким путем»	115

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАЗАНЬ

В Кокушкине	125
Казанский университет	129
Знакомство с Казанью	138
В начале студенческой поры	142
Землячества	146
Кружок «вредного направления»	155
Сходка	160
Арест	170
Ссылка	176
Неотправленное письмо	181

Свои университеты	186
Верность убеждениям	191
Снова в Казани	199
Изучая «Капитал» К. Маркса	204
В федосеевском кружке	209
Переезд в Алакаевку	213

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. САМАРА

Первые невзгоды	221
В память о Чернышевском	225
Запрос в Лейпциг	234
«Русский Чикаго»	237
В первую самарскую зиму	240
Брешь пробита	246
Зеленый кабинет	253
Удачная поездка	255
Весенняя сессия	260
Смерть Оли	265
Между экзаменационными сессиями	269
С дипломом первой степени	274
Голод. В спорах с оппонентами	279
Помощник присяжного поверенного	284
Укрощение купца-самодура	291
Холера. В ответ на нападки Михайловского	296
Защитник и обвинитель	301
«Палата № 6»	305
В марксистском кружке. Переписка с Н. Е. Федосеевым	308
«Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»	314
Дело Графова. «Мельница»	320
Дар общественной библиотеке	325
В Петербург!	328
Литература	333

Трофимов Ж. А.
Т 76 Великое начало. — М.: Мол. гвардия, 1990. —
333 [3] с., ил. — (Молодогвардейская Лениниана).

ISBN 5-235-01029-9

Книга включает в себя документальную трилогию: «Великое начало», «Казанская сходка», «Самарские университеты», выходящую ранее отдельными изданиями. Автор с документальной точностью рассказывает о детстве и юности В. И. Ленина, о его семье, круге его знакомств, о начале его революционной деятельности. События, о которых идет речь в книге, охватывают период с 1870 по 1893 год. Книга рассчитана на массового читателя.

Т 0103020000—136 — 003—90
078(02)—90

ББК 13.50

ИБ № 6605

Жорес Александрович Трофимов
ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

Заведующий редакцией **А. Житнухин**
Редакторы **М. Фырнин, И. Андреев, А. Карпов**
Художественный редактор **В. Штанько**
Технический редактор **Г. Романова**
Корректоры **Т. Контиевская, Е. Дмитриева, В. Назарова**

Сдано в набор 15.06.89. Подписано в печать 28.03.90. Формат 70×
×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Банниковская». Печать
офсетная. Условн. печ. л. 27,3. Условн. кр.-отт. 109,95. Учетно-изд.
л. 27,4. Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 90 к. Заказ 1672.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-поли-
графического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01029-9

МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Самара

Казань

Симбирск

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990